Валерий Шевченко

ЮНЫЕ БЕЗБОЖНИКИ ПРОТИВ ПИОНЕРОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Современные проблемы школьного образования в России можно сопоставить со сходными проблемами конца 1920-х – начала 1930-х гг., времени «великого перелома». Обращение к процессам, происходившим в советской школе того периода, позволяет глубже осмыслить проблемы современной российской школы.

- Валерий Шевченко
  -
  - Введение
  - Глава I. Дискуссия 1927–1928 гг. о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании в школе
    - Исторические условия и предпосылки дискуссии
    - Особенности проведения дискуссии
  - Глава II. Оргподготовка к антирелигиозному наступлению
  - Глава III. Школа в антирелигиозном наступлении 1929 года
  - Глава IV. Особенности проведения антирелигиозного воспитания в школе в 1930–1932 гг.
  - Глава V. Детское безбожное движение в СССР. 1929–1932 гг.
  - Глава VI. Изменение содержания учебных программ и учебников в 1929–1932 гг.
    - Изменение содержания учебных программ и учебников в 1929 г.
    - Изменение содержания учебных программ и учебников в 1930–1932 гг.
  - Заключение
  - Список использованных источников и литературы
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142

- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186

- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230

- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274

- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318

- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362

- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406

- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450

- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494

- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538

- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582

- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626

- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670

- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714

- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758

- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802

- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846

- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890

- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934

- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978

- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015
- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022

- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026
- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029
- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033
- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040
- ○ 1041
- ○ 1042
- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051
- ○ 1052
- ○ 1053
- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059
- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066

- ○ 1067
- ○ 1068
- ○ 1069
- ○ 1070
- ○ 1071
- ○ 1072
- ○ 1073
- ○ 1074
- ○ 1075
- ○ 1076
- ○ 1077
- ○ 1078
- ○ 1079
- ○ 1080
- ○ 1081
- ○ 1082
- ○ 1083
- ○ 1084
- ○ 1085
- ○ 1086
- ○ 1087
- ○ 1088
- ○ 1089
- ○ 1090
- ○ 1091
- ○ 1092
- ○ 1093
- ○ 1094
- ○ 1095
- ○ 1096
- ○ 1097
- ○ 1098
- ○ 1099
- ○ 1100
- ○ 1101
- ○ 1102
- ○ 1103
- ○ 1104
- ○ 1105
- ○ 1106
- ○ 1107
- ○ 1108
- ○ 1109
- ○ 1110

- ○ 1111
- ○ 1112
- ○ 1113
- ○ 1114
- ○ 1115
- ○ 1116
- ○ 1117
- ○ 1118
- ○ 1119
- ○ 1120
- ○ 1121
- ○ 1122
- ○ 1123
- ○ 1124
- ○ 1125
- ○ 1126
- ○ 1127
- ○ 1128
- ○ 1129
- ○ 1130
- ○ 1131
- ○ 1132
- ○ 1133
- ○ 1134
- ○ 1135
- ○ 1136
- ○ 1137
- ○ 1138
- ○ 1139
- ○ 1140
- ○ 1141
- ○ 1142
- ○ 1143
- ○ 1144
- ○ 1145
- ○ 1146
- ○ 1147
- ○ 1148
- ○ 1149
- ○ 1150
- ○ 1151
- ○ 1152
- ○ 1153
- ○ 1154

- ○ 1155
- ○ 1156
- ○ 1157
- ○ 1158
- ○ 1159
- ○ 1160
- ○ 1161
- ○ 1162
- ○ 1163
- ○ 1164
- ○ 1165
- ○ 1166
- ○ 1167
- ○ 1168
- ○ 1169
- ○ 1170
- ○ 1171
- ○ 1172
- ○ 1173
- ○ 1174
- ○ 1175
- ○ 1176
- ○ 1177
- ○ 1178
- ○ 1179
- ○ 1180
- ○ 1181
- ○ 1182
- ○ 1183
- ○ 1184
- ○ 1185
- ○ 1186
- ○ 1187
- ○ 1188
- ○ 1189
- ○ 1190
- ○ 1191
- ○ 1192
- ○ 1193
- ○ 1194
- ○ 1195
- ○ 1196
- ○ 1197
- ○ 1198

- ○ 1199
- ○ 1200
- ○ 1201
- ○ 1202
- ○ 1203
- ○ 1204
- ○ 1205
- ○ 1206
- ○ 1207
- ○ 1208
- ○ 1209
- ○ 1210
- ○ 1211
- ○ 1212
- ○ 1213
- ○ 1214
- ○ 1215
- ○ 1216
- ○ 1217
- ○ 1218
- ○ 1219
- ○ 1220
- ○ 1221
- ○ 1222
- ○ 1223
- ○ 1224
- ○ 1225
- ○ 1226
- ○ 1227
- ○ 1228
- ○ 1229

Валерий Шевченко
Юные безбожники против пионеров

© Шевченко В.А., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

Введение

Реформирование общественно-политического устройства современной России сопровождается глубокими изменениями в духовно-нравственной сфере жизни. На школе, важнейшем общественном институте, всегда остро отражаются социальные трансформации. Современные проблемы школьного образования, в том числе соотношение обучения и воспитания в образовательном процессе, можно сопоставить со сходными проблемами конца 1920-х – начала 1930-х гг. – времени «великого перелома». Обращение к процессам, происходившим в советской школе в этот период, позволяет глубже осмыслить проблемы современной российской школы. Для исторической науки исследования, посвященные событиям и явлениям переломного времени, представляют особую значимость. Тем более если исследования касаются формирования мировоззренческих позиций подрастающего поколения.

В современной России немалые сложности встречаются на пути модернизации системы образования, возрождения нравственной ответственности каждого человека за полученные знания. Возникает потребность в том, чтобы не просто дать школьнику определенный набор знаний о мире и обучить полезным жизненным навыкам, но и обеспечить духовно-нравственное его развитие. Но как соотнести свободу человека и необходимость его воспитания? Вот как отвечал на такое противоречие русский мыслитель И.А. Ильин: «Свобода не есть свобода духовного растления, – утверждал он. – Глазному врачу предоставляется свобода лечить глаза пациентов по своему крайнему разумению и искусству, но предоставляется ли ему свобода выкалывать глаза своим пациентам? Подобно этому, всякая соблазнительная и разлагающая пропаганда безбожия и противодуховности есть не что иное, как систематическая работа над выкалыванием духовных очей у людей наивных и доверчивых»[1].

В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 29 сентября 1997 г. говорится, что «каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими»[2]. Согласно закону, «по просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной

организации возможность обучать религии вне рамок образовательной программы»[3].

Продолжается дискуссия о преподавании в школе курса Основ православной культуры. Позитивная цель: укрепление гуманитарного блока содержания образования, изучение основ культуры, борьба с распространением суеверий и псевдорелигий, умножившихся в 90-е годы, сводится к попыткам возвратиться, хотя бы отчасти, к фрагментам «Закона Божия».

Со стороны религиозной общественности предпринимаются попытки пересмотра некоторых устоявшихся основ содержания школьного образования. 25 октября 2006 г. в Санкт-Петербурге открылся уникальный судебный процесс. Впервые в России подан судебный иск Министерству образования с требованием изменить подходы к преподаванию эволюционной теории в средней школе. Истец, школьница Мария Шрайбер, подчеркивала, что теория Ч. Дарвина о происхождении видов оскорбляет ее религиозные чувства и нарушает права человека[4].

Верующие люди требуют пересмотра некоторых аспектов содержания школьного образовательного процесса, в особенности тех, которые остались от десятилетий государственного атеизма.

Восемьдесят лет назад в советской общеобразовательной школе вводили антирелигиозное воспитание, учебные программы и учебники пропитывались атеистическими сюжетами, верующих учителей увольняли с педагогической работы, в школе организовывали группы юных воинствующих безбожников. В 1929–1932 гг. школа призывалась формировать атеистическое сознание не только путем преподавания естественно-научных знаний, но и вовлекая школьников в активную борьбу с религией и Церковью.

Хронологические рамки данного исследования ограничены началом в 1927 г. дискуссии о замене безрелигиозного воспитания в школе антирелигиозным, которая сыграла роль в принятии новой антирелигиозной политики ВКП(б), и произошедшим к 1932 г. концептуальным изменением содержания школьного образования, переходом к предметному обучению, отразившимся на формировании школой мировоззрения нового поколения.

Историография проблемы носит фрагментарный характер. Отечественных и зарубежных исследователей интересовали, прежде всего, религиозно-государственные отношения в СССР, становление советской системы народного образования, цели и задачи атеистического воспитания советского населения в целом.

Выделим исследования, в которых в той или иной степени и объеме затрагивается проблема участия советской школы в

антирелигиозном наступлении советской власти на рубеже 1920–1930-х гг. Выявляются два этапа, в рамках которых складывались основные линии анализа, их можно подразделить на советский этап (до 1990-х годов) и современный этап. По содержательным целям можно выделить два аспекта изучения, имеющие отношение к изучаемой теме:

1. Исследования становления и развития советской культуры в целом, ее важной части – общеобразовательной школы и педагогики;

2. Исследования церковно-государственных отношений в СССР и атеизации советского населения.

Прежде рассмотрим исследования становления и развития советской культуры, общеобразовательной школы и педагогики. Они находились под жестким воздействием генеральной линии партии, которая существовала в тот или иной период. Н.А. Константинов и Е.Н. Медынский издали в 1948 г. первую монографию, подводящую итоги развития советской школы за 30 лет. Авторы настолько находились под влиянием резкого поворота И.В. Сталина к Церкви в 1943 г., что осмелились отвести проблеме атеистического воспитания в школе лишь один абзац. Отметим, что в работе большое место отводилось содержанию школьного образования, анализировались школьные программы и учебники. Антирелигиозный материал, который, как покажет наше исследование, находился в них, однако, прошел мимо авторов.

Изданная в 1954 г. этими же авторами совместно с М.Ф. Шабаевой работа на сходную тему также следовала в фарватере сталинской политики 1943–1953 гг. по взаимодействию и условному примирению с Русской православной церковью. Характеризуя периоды 1926–1929 и 1930–1934 годов, авторы ни словом не обмолвились ни об антирелигиозном воспитании в школе, ни о существовавшем в СССР в 1929–1932 гг. массовом детском безбожном движении, ни, тем более, о резкой смене политического курса. Анализируя комплексно-проектные программы Наркомпроса РСФСР для начальной школы, выпущенные в 1929 г., они только отметили, что «советская школа, вооружая учащихся в процессе учебной и внеучебной работы материалистическим пониманием явлений природы, общественного развития, тем самым вырабатывала у подрастающего поколения основы коммунистического мировоззрения, постепенно освобождала сознание школьников от предрассудков и суеверий»[5].

«Смягчение» И. Сталиным отношений с РПЦ, восстановление патриаршества и др., вызванные тяжелейшими условиями

Великой Отечественной войны, уже не были актуальны в период развенчания Н. Хрущевым культа личности И. Сталина. Это позволило анализировать опыт атеистического воспитания 1920–1930-х годов в более близких к реалиям оценках, ввести в научный оборот некоторые конкретные факты. Вышеупомянутый Н.А. Константинов в соавторстве с Н.А. Зиневич в 1955 г. опубликовал статью о роли Н.К. Крупской в атеистическом воспитании учащихся[6]. В 1959 г. публикуется статья П.А. Кузнецова на эту же тему[7]. Авторы анализировали идеи Крупской, основываясь на содержании статей, опубликованных в 1920-х – 1930-х годах. Никаких попыток привлечь к анализу архивные источники не производилось.

В 1961 г. выходит фундаментальный труд Ф.Ф. Королева, Т.Д. Корнейчика и З.И. Равкина о развитии советской школы и педагогики[8]. В нем и хронологически, и структурно продолжено исследование академика АПН РСФСР Ф.Ф. Королева периода 1917–1920 гг.[9]

В работе указанных авторов, исследовавших интересующий нас период, свобода доступа к тем источникам, которые использовал Королев, уже существенно ограничена. Издание осуществлялось под грифом Института теории и истории педагогики АПН РСФСР. В нем имеется специальный параграф «Антирелигиозное воспитание», в котором даны общие оценки проводимой школой работы. Так, лишь эпизодически упомянут термин «безрелигиозное воспитание», сформулировано как вывод «пассивное отношение Наркомпроса к задачам антирелигиозного воспитания» в 1927–1928 гг. Критикуется его осторожная позиция по данным материалов центральной и местной печати. Отмечается влияние религиозных организаций на школьников, приводятся данные обследований религиозности учащихся школ, разбирается ряд программ, составленных отдельными школами на основе программ Наркомпроса, оценивается в целом степень их антирелигиозности. Более подробно авторы останавливаются на историко-педагогических аспектах проблемы: методах антирелигиозной работы со школьниками, формах работы (школьные антирелигиозные кружки, участие школьников в антирелигиозных кампаниях)[10].

Что касается конкретно-исторического аспекта этой коллективной монографии, то многое вовсе исключалось из анализа или не договаривалось. Во-первых, не упоминалась ни дискуссия о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании, ни ход ее, ни состав участников, ни ее побудительные факторы. Во-вторых, не рассмотрен ход и механизм принятия решения о проведении антирелигиозного воспитания в школе. Не выявлена

роль высших органов ЦК ВКП(б) в этом процессе. В-третьих, не анализировались ни организация работы, ни ход изменения содержания учебных программ и учебников, выпущенных Наркомпросом в 1929–1932 гг. для реализации новой политической линии. В-четвертых, несмотря на то, что разбирались методы антирелигиозной работы, опускалось из виду наличие детского безбожного движения как неотъемлемой части нового политического курса. В-пятых, упускалась из виду работа вне школ. В-шестых, умалчивались негативные факты, подавались лишь те из них, которые не позволяли оценить трагизм положения, создававшийся в школе в связи с изменением политического курса: увольнения верующих, но лояльных советской власти, учителей, конфликты учителей между собой, учащимися, родителями на этой почве. Авторы лишь обмолвились о наличии «иногда» отдельных «крайностей» и «перегибов», приведя в пример один случай 1928 г., т. е. до официального введения нового политического курса[11].

В 1964 г. защищена диссертация М.П. Чуковенковой о Н.К. Крупской как теоретике и практике атеистического воспитания подрастающего поколения. В ней впервые использованы документы из личного фонда Н.К. Крупской в ЦПА ИМЛ, а также опубликованные статьи и рукописи неопубликованных работ. Изучена роль Крупской в организации и развитии системы атеистического воспитания детей и подростков. Подробно рассматривались тезисы обращения к органам народного образования, составленные Н.К. Крупской. Рассмотрена ее роль в составлении и оценке школьных программ 1930 г., рекомендации к составлению школьных учебников, взгляды на то, как нужно проводить антирелигиозное воспитание в курсе учебных дисциплин. Анализировались и методы антирелигиозного воспитания, которые поддерживала Крупская. Автор вводил в научный оборот и ряд данных об обследовании религиозности детей, о кружках юных безбожников, их численности.

Диссертация М.П. Чуковенковой на сегодняшний день остается единственным крупным исследованием, специально посвященным роли Н.К. Крупской в атеистическом воспитании детей и подростков, кстати, до сих пор не опубликованным. Положительные оценки работы системы народного образования и Н.К. Крупской, как не подлежащего критике в советский период авторитета, не дали возможности автору показать, что Крупская до конца 1928 г. сопротивлялась навязыванию школе антирелигиозного воспитания в том виде, в котором оно представлялось воинствующим атеистам[12].

В 1960–1980-е годы вышло немало работ, посвященных

истории культурной революции и культурного строительства в СССР. Они подробно проанализированы в историографических работах Л.М. Зак[13]. Несмотря на формирование отдельного направления конкретно-исторических исследований – культурной деятельности, исследуемая проблема или рассматривалась бегло, или не рассматривалась вовсе.

Чтобы полнее воссоздать историографическую ситуацию, обратимся к работам, посвященным истории взаимоотношений Советского государства и Церкви и истории атеизации советских граждан.

Выход таких работ начинается в 1950-е годы. В них осмыслены в духе господствующей методологии теоретические и практические аспекты проблемы. И.Г. Давыдовская в диссертационном исследовании 1958 г. подробно анализировала деятельность Союза воинствующих безбожников, однако обошла вниманием его влияние на изменение ситуации с антирелигиозным воспитанием в школе и, тем более, роль детского безбожного движения[14]. Б.Н. Коновалов в аналогичном исследовании 1968 г. упоминает о наличии дискуссии о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании и приводит несколько фактов из нее, в частности о том, что сведения о дискуссии публиковались в периодической печати. Приводятся и ряд данных об обследовании религиозности учащихся и даже об антирелигиозной подготовке учителей[15].

В докторской диссертации Г.М. Воронцова 1970 г. специально оговорено, что «подробное изучение проблем атеистического воспитания в школе… не входит в задачу данного исследования». Далее следует отсылка к диссертации М.П. Чуковенковой[16].

В исследованиях, изучающих в общем плане проблему в 1970–1980-е годы, крайне мало фактического материала. Нет и глубокого анализа роли, которая отводилась антирелигиозному воспитанию в школе в конце 1920-х – начале 1930-х годов[17].

В 1988 г. вышла коллективная монография Института истории СССР АН СССР, охватывающая историю советской культуры в 1928–1941 гг. В разделе, посвященном анализу развития школы в эти годы, в одном абзаце констатируется (без приведения фактических данных), что «значительную роль в формировании духовного облика советского школьника играло антирелигиозное воспитание». Основную работу проводил Союз воинствующих безбожников. Признается, однако, что она носила «поверхностный характер,… не вооружала… стойким материалистическим пониманием окружающего мира»[18].

Анализируя в целом советскую историографию проблемы, необходимо отметить, что возможностей не только объективно

оценить эту деятельность, но даже ознакомиться с полным комплексом архивных документов (Антирелигиозной комиссии, Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б)), у исследователей не было. В большинстве своем и исследователи истории педагогики, и исследователи истории культурного строительства, и исследователи истории КПСС строили анализ на опубликованных материалах Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, партийных деятелей, возглавлявших Антирелигиозную комиссию ЦК и Союз воинствующих безбожников (Е.М. Ярославского и др.).

Современная историография истории советской культуры, школы и педагогики также крайне фрагментарно и поверхностно касается темы участия школы в антирелигиозном наступлении 1929–1932 гг. Положение не меняется, хотя уже появилась возможность анализировать проблему без оглядки на коммунистическую идеологию. Раскрыты и многие ранее недоступные источники. Но современные исследователи не углубляются в изучение причин, побудивших в конце 1920-х гг. поменять политический курс в отношении антирелигиозного воспитания. Потому поверхностность в этом вопросе (и фактическая, и аналитическая) характеризует и новые, выходящие уже в постсоветский период, исследования.

Главным научным продуктом последних лет стали монографии и диссертационные исследования. Но М.В. Богуславский в работе 1994 г., характеризуя содержание и цели школьных программ Наркомпроса 1927–1929 гг., лишь отмечает, но не конкретизирует имеющийся в них антирелигиозный материал, участие школьников в антирелигиозных кампаниях[19]. Малоинформативны в этом отношении и диссертации С.П. Клемантовича, Н.С. Майоровой, монография Ю.Г. Саловой и др. [20]

Многие авторы писали по данной проблематике еще в 1970–1980-е годы. Но и в 1992 г. Н.И. Музафарова в докторской диссертации ограничивается лишь приведением данных о религиозности детей в русских и национальных школах. Р.А. Набиев ограничивается констатацией, что «антирелигиозная работа среди школьников строилась сложно и запутанно». В.А. Алексеев уделяет больше внимания введению новых материалов о деятельности Союза безбожников[21]. О феномене «воинствующего безбожия» в контексте культурной революции написал работу американский исследователь Р. Стайтс[22].

Таким образом, большинство отечественных и зарубежных авторов по-прежнему акцентируют внимание на деятельности собственно Союза воинствующих безбожников, обходя его роль в изменении работы школы по атеистическому воспитанию[23].

Исключение составляют исследования Е.С. Ревякина и А.В. Проскуриной, сосредоточивших внимание на анализе локальных проблем (Ивановская область и северо-западная часть России). В их работах находим новые данные и их обобщения в региональных рамках исследования[24].

Несмотря на довольно обширную историографию, очевиден явный пробел в изученности темы: не выявлены важные содержательные аспекты, этапы, факторы, воздействующие на изменение политического курса, основные механизмы системы формирования антирелигиозных представлений в школе и др.

Целью данного исследования является анализ деятельности государственных и общественных структур по использованию общеобразовательной школы в наступлении на религию и для формирования у учащихся антирелигиозных представлений во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

– изучить причины, предпосылки, состав участников, ход и содержание дискуссии 1927–1928 гг. о переходе от безрелигиозного к антирелигиозному воспитанию в школе;

– выявить и проанализировать оргподготовку к введению антирелигиозного воспитания в школе;

– охарактеризовать механизм взаимодействия государственных и общественных структур в привлечении школы к антирелигиозному наступлению;

– осветить деятельность детского безбожного движения в 1929 – 1932 гг.;

– изучить изменения в содержании учебных программ и учебников как важнейшем средстве воздействия государственной идеологической машины на сознание учащихся;

– осветить реакцию населения на проведение антирелигиозного воспитания в школе.

Источниковая база исследования обеспечивается опубликованными и неопубликованными документами.

Опубликованные источники представляют обширный массив, который можно по ряду критериев разделить на следующие основные группы.

Во-первых, по их происхождению, уровню правомочий органов, которые их создавали:

– документы ВКП(б) и советского правительства;

– документы республиканских, областных, губернских, окружных и районных государственных органов управления народным образованием;

– документы общественных (профсоюзных, комсомольских,

пионерских) организаций разного уровня – центрального и местного, а также Союза безбожников (с 1929 г. – воинствующих) (СБ, СВБ);

– документы всероссийских и местных съездов, совещаний, конференций преподавателей различных учебных предметов: естествознания, обществоведения, литературы и др.

Во-вторых, по месту их публикации:

– в центральных партийных, государственных, комсомольских, пионерских, органах периодической печати; специальной периодике СБ (СВБ) в 1927–1932 гг. Были изучены следующие партийные издания, издаваемые в центре: газета «Правда», журналы «Коммунистическая революция», «Революция и культура». Из комсомольских и пионерских изданий изучены газета «Комсомольская правда» и «Пионерская правда», журналы «Юный коммунист», «Вожатый». Из профсоюзных газет, в первую очередь, наиболее важным источником стала «Учительская газета» (с 1930 г. «За коммунистическое просвещение»), а также журналы «Работник просвещения», «Народный учитель», «Просвещение национальностей». Ведомственные издания представлены журналами Наркомпроса РСФСР и его структур. Изучены журналы: «На путях к новой школе» (орган научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУС)), «Методический путеводитель» (с 1929 г. разделился на «Методический путеводитель для фабрично-заводской и городской школы» и на «Методический путеводитель для сельской школы»), «Обществоведение в трудовой школе» (с 1931 г. «Обществоведение в советской школе»), «Естествознание в трудовой школе», «Физика, химия, математика в трудовой школе» (с 1931 г. «Физика, химия, математика в советской школе»), «Русский язык в советской школе»;

– в ведомственных республиканских, областных, губернских, окружных и районных органах периодической печати. Из таких изданий изучены журналы: «Вестник просвещения», «За коммунистическое воспитание» (МОНО), «Просвещение» (Ленинградского облоно), «Ежемесячник Северо-Двинского губоно», «Просвещение Ивановской области» (Ивановского губоно), «Просвещение и жизнь» (Наркомпроса Татарской АССР), «Просвещение Среднего Поволжья», «Методический путеводитель для работников массовых школ» (Средневолжского крайоно), «Нижневолжский просвещенец» (Нижневолжского крайоно, с 1930 г. переименован в «На культурном фронте»), «Школа и жизнь», «Нижегородский просвещенец» (Нижегородского губоно и губпроса), «Вопросы просвещения на Северном Кавказе» (с 1930 г. «За социалистическую культуру» Северокавказского крайоно),

«Просвещение на Урале» и «Просвещение Сибири». Конечно, изучить все местные периодические издания не представляется возможным, но автор стремился к такой их локальной выборке, чтобы по ее данным представить ситуацию как в стране в целом, так и в тех регионах, в которых проживало большинство населения и находилось большинство учебных заведений. Таким образом, впервые предпринята попытка включения данных о деятельности местных органов управления народным образованием в регионах севера, северо-запада, центра, юга и востока страны, появилась возможность сравнительной их характеристики и оценки.

Из специальной периодики СБ (СВБ) СССР изучены газета «Безбожник», отдельное издание с 1931 г. по 1934 г. газеты «Безбожник» специально для школ, журналы «Антирелигиозник», «Безбожник», «Юные безбожники» (издаваемый совместно с ЦК ВЛКСМ и Наркомпросом РСФСР).

Опубликованные документы ВКП(б) и советского правительства составляют, в свою очередь, несколько видов источников. Это постановления ЦК ВКП(б), стенограммы партийных съездов, повестки дня заседаний Политбюро ЦК, доклады и отчеты высшего партийного руководства, декреты и постановления Совнаркома СССР и РСФСР. В них сосредоточена информация о содержании политики в отношении целей развития системы народного образования, религии и Церкви, взаимодействия государственных и общественных органов в реализации политики антирелигиозного воспитания.

Опубликованные документы республиканских, областных, губернских, окружных и районных органов государственного управления народным образованием также разнообразны по своему видовому составу. Это – постановления Наркомпроса РСФСР, наркомпросов других союзных и автономных республик и отделов народного образования (губернских, областных, окружных, районных), их коллегий; постановления и решения главных управлений Наркомпроса РСФСР – Главсоцвоса, научно-педагогической секции ГУСа; доклады, докладные записки, отчеты руководящих работников народным образованием разных уровней; директивные письма, инструкции, методические письма и другие информационные материалы вышестоящих органов управления нижестоящим, школьные программы, их варианты, школьные учебники, статьи руководителей разного уровня органами управления народным образованием. Основополагающими в данном случае являются постановления Коммунистической партии и нормативные документы Советского государства. Они отражают политический процесс «вскрытия

недостатков и упущений». Партийно-правительственные документы эпизодически воспроизводят те или иные детали негативного свойства, «мешающие» эффективному проведению партийной линии.

Опубликованные документы общественных (профсоюзных, комсомольских, пионерских) организаций разного уровня – центрального и местного – представлены следующими видами: постановлениями и решениями президиумов и исполнительных комитетов ЦК работников просвещения, Бюро ЦК ВЛКСМ, ЦБ детских коммунистических организаций юных пионеров, стенограммами и резолюциями, наказами всесоюзных и других уровней съездов, конференций, слетов, совещаний, докладами их исполнительных органов в партийные инстанции и органы государственного управления народным образованием, инструктивными письмами и методическими материалами, статьями руководителей и активистов. В этой группе особое место занимают документы Центрального совета СВБ СССР и его местных органов. Это – уставы и проекты уставов, стенограммы и резолюции съездов, инструкции местным органам, отчеты и доклады руководства Союза ЦК ВКП(б), методические письма, информационные материалы и даже художественные материалы агитационно-пропагандистского характера.

Из документов всероссийских и местных съездов, совещаний, конференций преподавателей различных учебных дисциплин: естествознания, обществоведения, литературы и др., важны стенограммы обсуждений содержания антирелигиозного материала, оценки его и методов введения в учебные дисциплины.

Особую ценность для исследования представили школьные программы и школьные учебники Наркомпроса РСФСР, сравнительный анализ содержания которых по годам позволяет воссоздать требования к ним относительно изменения содержания, помещение в них антирелигиозного материала и практику реализации этих требований, установить качество учебного материала. Не менее интересны местные (от республиканского до районного уровня) школьные программы и учебники. Сравнительный анализ их содержания дает возможность проследить ход их изменений по годам, практику введения в общеобразовательный процесс.

Важные данные содержатся в опубликованных выступлениях, статьях, брошюрах, сборниках статей, отдельных книгах партийных, государственных и общественных деятелей. В них излагаются политические мотивы и цели изучаемой проблемы, содержание их претензий друг к другу, или одной общественной

или государственной структуры к другой. В исследовании использованы работы И.В. Сталина; руководителей Наркомпроса РСФСР – А.В. Луначарского, А.С. Бубнова, Н.К. Крупской, М.С. Эпштейна; педагогов-теоретиков, работавших в разных структурах Наркомпроса, – П.П. Блонского, С.Т. Шацкого, А.П. Пинкевича, В.Н. Шульгина, М.В. Крупениной, М.М. Пистрака; руководителей профсоюза учителей – А.А. Коростелева, комсомола – А.В. Косарева, А.А. Северьяновой, СБ (СВБ) – Е.М. Ярославского, Ф.Н. Олещука, М.С. Кобецкого, И.А. Флерова, Н.К. Амосова и др.

Отдельно выделим статьи руководителей разного уровня, активистов введения антирелигиозного воспитания, рядовых учителей в центральной и местной печати. В них важны свидетельства как идеологической и политической направленности, так и оценки практической стороны процесса, позволяющие выявить, преимущественно в 1927–1928 гг., наличие альтернативных позиций. Опубликованные в изданиях местных органов управления народным образованием, они содержат ценные сведения, свидетельствующие о том, что практика на местах не являлась полным отражением тех процессов, которые планировались в центре.

В целом опубликованные документы позволяют воссоздать основные черты политики и практики замены безрелигиозного воспитания антирелигиозным. Вместе с тем периодическая советская и партийная печать, как центральная, так и местная, не дает достаточно объективной информации в силу пропагандистской направленности. Она используется преимущественно для иллюстрации доктринальных установок и практических шагов руководства образовательным процессом, а не ее результатов, которые, как правило, были куда более скромными.

Большая часть неопубликованных документов впервые вводится в научный оборот. Для выявления архивных документов изучены фонды Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Наиболее ценными и наименее введенными в научный оборот явились документы фонда ЦК КПСС, его Оргбюро, Секретариата, Агитационно-пропагандистского отдела, Антирелигиозной комиссии ЦК (ф. 17). Из ставших доступными наиболее важны следующие виды документов: постановления, стенограммы, протоколы заседаний Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), доклады, планы, отчеты, подготовленные к заседаниям, директивные письма ЦК, служебная переписка, письма граждан в ЦК. Помимо этих документов в фонде ЦК отложились

аналогичные виды документов Бюро и Секретариата ЦК ВЛКСМ, Наркомпроса РСФСР и ЦС СВБ СССР, направляемые в ЦК ВКП(б). Эти документы позволяют раскрыть механизм принятия партийных решений, установить взаимодействие общественных и государственных органов, реализацию решений и контроль над их исполнением. Отметим и то, что часть фонда остается на секретном хранении. Для получения необходимых сведений предпринято выявление документов в других архивах. Например, важнейшее циркулярное письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» выявлено в фонде Комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК в ГАРФ. Аналогичным образом уточнялся по документам фонда Совнаркома РСФСР процесс законодательного оформления постановлений ЦК, например, о включении работников по антирелигиозной пропаганде в штаты отделов народного образования.

Важнейшим источником стали документы фондов Наркомпроса РСФСР (ф. 2306), его Главного управления социального воспитания и политехнического образования (ф. 1575), особенно школьного отдела, различных комиссий Главсоцвоса: по книге, по учебникам, по нацменкниге, а также школьной и научно-педагогической секций Государственного ученого совета (ГУСа) (ф. 298), хранящиеся в ГАРФ. Из использованных видов документов назовем постановления коллегии Наркомпроса, протоколы заседаний коллегии Наркомпроса, совещаний инспекторов школьного отдела Главсоцвоса, тезисы докладов, доклады и отчеты инспекторов Главсоцвоса и организационно-планового управления (ОПУ) Наркомпроса. Отметим информативность отчетов инспекторов ОПУ, позволивших установить реальное положение с антирелигиозным воспитанием в школе. Важная информация, свидетельствующая о препятствиях в выработке общей позиции, содержится в проектах информационных и методических писем и в рецензиях на них сотрудников Главсоцвоса и его комиссий. Из содержания этих документов использовались данные об указаниях центрального аппарата, что позволило выявить как реакцию на них, так и ход их исполнения местными органами. Неопубликованные стенограммы всероссийских и местных съездов, конференций, совещаний преподавателей естествознания, обществоведения, других учебных дисциплин позволили дифференцировать отношение учителей и авторов программ и учебников к наполнению содержания учебного материала антирелигиозным материалом.

Важнейшим и крайне интересным видом документов для исследования является служебная переписка различных структур

центрального аппарата Наркомпроса между собой, так и с ЦК ВКП(б), различными общественными организациями, в том числе с ЦС СВБ, с органами народного образования разных уровней, с авторами учебных программ и учебников. Из нее автор черпал оценки как организационной стороны работы всей системы, взаимодействия ее составных частей, так и стороны содержательной: отношений и оценок инструктивных, методических писем, переработанных программ и учебников, т. е. учебных материалов, наполняемых антирелигиозным содержанием.

Исследован фонд Центрального совета СВБ СССР и редакции газеты «Безбожник» (ГАРФ, ф. 5407). В нем отражена деятельность этой общественной организации. Сохранились стенограммы съездов, пленумов, конференций СВБ, протоколы заседаний рабочего президиума и исполбюро ЦС СВБ и его местных органов, положения, инструкции, планы, доклады, отчеты, директивные и информационные письма, письма, статьи и заметки, присланные в редакцию газеты «Безбожник». Особо ценными стали письма граждан, в том числе и педагогов, поддерживающих курс на антирелигиозное воспитание.

Богатейший материал хранится в личных фондах Н.К. Крупской, А.В. Луначарского, Е.М. Ярославского в РГАСПИ.

В личном фонде Н.К. Крупской (ф. 12) сохранились документы научно-педагогической секции ГУСа (которую она возглавляла), отсутствующие в самом фонде ГУСа. В частности, в личном фонде Крупской хранится стенограмма пленума научно-педагогической секции 1931 г., на котором обсуждался проект программ для начальной школы. В фонде хранятся другие важные документы, отражающие роль и Крупской, и школьной секции ГУСа: стенограммы заседаний, отчеты, доклады инспекторов, в том числе и Главполитпросвета (который также возглавляла Крупская), наконец, директивные письма, ею подписанные, а также проекты школьных программ с ее замечаниями и пометками. Крайне важны переписка Крупской с партийно-государственными деятелями, известными педагогами-теоретиками (С.Т. Шацким, В.Н. Шульгиным и др.), рукописи ее статей и выступлений.

Не менее содержательным является личный фонд наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского (ф. 142 в РГАСПИ). В нем также сохранились документы, направленные наркому, но отсутствующие в фонде Наркомпроса и его структурных частей, такие как отчеты и доклады заместителя наркома В.Н. Яковлевой, председателя Главсоцвоса М.С. Эпштейна, председателя ЦК Рабпрос А.К. Аболина, других деятелей профсоюза учителей.

Важны тезисы доклада Луначарского к выступлению на XIV Всероссийском съезде советов, его доклады на конференции преподавателей естествознания и на II съезде СВБ СССР, переписка с партийно-государственными деятелями: В.Н. Яковлевой, К.А. Поповым, А.Я. Вышинским и др., рукописи статей наркома просвещения.

В личном фонде председателя Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б), председателя СВБ СССР Е.М. Ярославского (РГАСПИ, ф. 89) отложились документы, отражающие роль ЦК в продвижении нового курса в антирелигиозном воспитании. Здесь хранятся проекты постановлений Политбюро ЦК, выписки из протоколов его заседаний с оценкой хода и содержания работы как СВБ, так и Антирелигиозной комиссии, служебная переписка Ярославского с Политбюро, с И.В. Сталиным, А.В. Луначарским, его доклады на заседаниях Оргбюро ЦК. Весьма содержательны доклады Ярославского на учительских конференциях, съездах СВБ, рукописи статей с авторской правкой.

Особую группу документов в личных фондах составляют письма граждан наркому Луначарскому, Крупской, Ярославскому. Отметим, что письма к Крупской выделены в особый фонд (ГАРФ. ф. 7279). В них отражено отношение родителей и учителей к проведению антирелигиозного воспитания. Особо негативную реакцию на него содержат письма к Луначарскому в ответ на его статью «Антирелигиозная борьба в школе» («Известия», 26 марта 1929 г.).

Документы личных фондов дают возможность установить личную роль каждого в продвижении антирелигиозного воспитания в школе, позицию на разных этапах процесса, мотивы и аргументы.

Исследованный корпус документов в целом достаточно обширен и разнообразен, репрезентативен, представляет возможность воссоздать весь арсенал сил и средств, направленных на реализацию антирелигиозного воспитания в школе, выстроенную систему их взаимодействия, конкретных участников этого процесса.

Монография состоит из введения, шести глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Огромная благодарность за ценные рекомендации и предоставленные материалы доктору исторических наук, профессору Тамаре Юсуфовне Красовицкой.

Глава I. Дискуссия 1927–1928 гг. о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании в школе

Исторические условия и предпосылки дискуссии

> *…кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.*
>
> *Мф. 18:6*

Большевики изначально стремились использовать общеобразовательную школу как базу для пропаганды собственной идеологии[25]. В программе РКП(б), принятой на VIII съезде в марте 1919 г., декларировалась главная задача партии: превратить школу «в орудие коммунистического перерождения общества»[26]. В представлении большевиков к концу 1920-х годов было накоплено достаточно идеологических ресурсов для построения социалистического общества. Основная ставка делалась на подрастающее поколение.

Общеобразовательная школа должна была сыграть одну из основных ролей в воспитании молодых людей в духе строительства нового счастливого общества, что, вместе с тем, предполагало и воспитание в духе борьбы со всеми препятствующими этому строительству факторами.

Религия, говорившая о небесном, противоречила планам построения земного рая и являлась, с точки зрения коммунистической идеологии, одним из основных препятствий для развития социалистического общества. Именно поэтому Коммунистическая партия на рубеже 1920–1930-х годов встала на путь бескомпромиссной борьбы с религией. Эта борьба предполагала, помимо репрессивных действий, наступательную атеистическую пропаганду, объектом которой стали, прежде всего, дети и подростки. Переход общеобразовательной школы от безрелигиозного к антирелигиозному воспитанию был призван не только обеспечить формирование у школьников стойкого атеистического мировоззрения, но и способствовать вовлечению их в практическую борьбу с религией.

Что же подразумевалось под понятиями «безрелигиозное» и «антирелигиозное» воспитание в условиях советской действительности конца 1920-х годов применительно к общеобразовательной школе? Под безрелигиозным воспитанием в школе понималось, прежде всего, материалистическое

естественно-научное просвещение, одной из задач которого являлось формирование атеистического мировоззрения у школьников. Антирелигиозное воспитание предполагало вовлечение школы в активную борьбу с религией и Церковью и было призвано пробудить в учащихся резко негативное отношение к вере. По словам видного деятеля русской эмиграции профессора В.В. Зеньковского, если безрелигиозная позиция отрицает существование Бога, «тогда она неизбежно перейдет в борьбу с «предрассудком» религии»[27]. Большевики, временно допуская безрелигиозное состояние, не исключали при благоприятных обстоятельствах возможность направить школу на активную борьбу с религией.

Дискуссия 1927–1928 годов о необходимости замены в школе безрелигиозного воспитания антирелигиозным возникла не на пустом месте. Советская власть создала необходимые предпосылки и условия для ее проведения.

11 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров (СНК РСФСР) принял внесенное народным комиссаром просвещения А.В. Луначарским постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению». Согласно постановлению все церковно-приходские школы передавались в ведение государства[28]. По декрету СНК РСФСР от 20 января 1918 г., школа отделялась от церкви. Преподавание различных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы, запрещалось. Теперь граждане могли обучать и обучаться религии только частным образом[29].

Постановление Государственной комиссии по просвещению от 18 февраля 1918 г. «О светской школе», определяя «религию делом совести каждого отдельного человека», объявляло государство нейтральным, т. е. не становящимся на сторону того или иного вероисповедания. В этом же постановлении отмечалось, что «государство не может брать на себя религиозное воспитание детей»[30].

Запрет преподавания Закона Божия в школе вызвал протесты разных социальных слоев. «Многие из родителей продолжают настаивать на том, чтобы преподавание “Закона Божьего” было допущено в школе для желающих в качестве необязательного предмета», – писал в 1920 г. Е.А. Преображенский в статье, подготовленной для «Азбуки коммунизма»[31].

В 1919 г. в партийно-просвещенческих кругах появился проект, согласно которому разрешалось преподавание Закона Божия во внеурочное время. Эта мера должна была умиротворить

крестьянство, недовольное его отсутствием в школе. Против проекта активно выступила Н.К. Крупская, написавшая специальное письмо в ЦК РКП(б). «Разрешение доступа попам в школу дает попам известную государственную санкцию, что укрепит их влияние», – уверяла она[32]. Вместе с тем, Н.К. Крупская предлагала охладить пыл неистовых антирелигиозников, провоцировавших конфликты на местах. «Тон задает “Беднота”, “Коммунар”, Демьян Бедный, – отмечала она в том же письме, – а на местах усердствуют: запрещают детям ходить в церковь, срывают с них кресты, издеваются всячески над попами, вообще бесчинствуют. Вот это надо запретить, а не разрешать попам учить в школах»[33].

Закон Божий так и не допустили в школу, но агрессивная антирелигиозная пропаганда только усилилась. На фоне проводившегося Советским государством изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. комсомольцы предприняли попытки проводить т. н. «комсомольское рождество» и «комсомольскую пасху». Уличные антирелигиозные шествия и карнавалы комсомольцев могли только напугать и вызвать отвращение верующих, да и просто нравственных людей. Неоднозначную реакцию вызвали эти кампании комсомола в руководстве РКП(б), в том числе и у В.И. Ленина. «Я помню, как я пришла к Владимиру Ильичу, – вспоминала Н.К. Крупская, – и говорила, что мы отпустили столько-то тысяч на комсомольское рождество. Он говорит: “А какое вы имели право? Хотя антирелигиозная пропаганда – это хорошая мысль, но деньги-то советские и расходовать их нужно по-советски”»[34].

Но «допускаемые» для улицы и для клубов формы агитационной работы комсомольцев и пионеров скептически воспринимались органами руководства народным образованием. В статье «О коммунистическом образовании и воспитании в школе» (Бюллетень Отдела народного просвещения Москвы, 1921, № 4) говорилось о необходимости постановки в школе антирелигиозной пропаганды. Однако отмечалось, что «необходимо при этом быть очень чутким к психологии учащихся, дабы не допустить обратных результатов»[35].

Несмотря на осторожность органов просвещения в религиозном вопросе, первый вариант школьных программ, подготовленный Государственным ученым советом (ГУС) в 1924 г., помимо материалистического естественнонаучного просвещения заострял внимание на социальной роли религии и предполагал ведение школой антирелигиозной пропаганды. В программе помимо специальной комплексной темы «Небо и Земля», подчеркивающей противоречия между научным и

религиозным объяснением мира, содержались подтемы, преследующие цель показать социальную роль религии и Церкви с точки зрения классового сознания: «Освобождение от эксплуатации и религиозного рабства. Антирелигиозность рабочего класса. Обман народа через школу, печать, религию в буржуазных государствах. Роль духовенства (эксплуатация трудящихся, распространение предрассудков и суеверий)…»[36].

Вопрос об усилении в школе антирелигиозной пропаганды ставился в середине 1920-х годов некоторыми педагогами, но особого резонанса ни в учительской, ни, тем более, в широкой общественной среде не приобретал.

«Помню, на одной из учительских конференций в 1925 г., – вспоминал учитель из деревни Челдак Омской губернии, – я предложил внести в повестку дня вопрос о методах антирелигиозной пропаганды. Конференция большинством голосов отклонила это предложение как ненужное, а один из участников конференции даже сказал, что если мы это возьмем на себя, что же будет делать тов. Ярославский?»[37]. В том же 1925 г. на имя Е.М. Ярославского пришло письмо просвещенца из Ленинграда, который ставил вопрос о «системе антирелигиозного воспитания в школе». Этот вопрос, писал он, «становится непосредственной очередной задачей, которая требует своего разрешения или, по крайней мере, принципиального освещения и обоснования». Этот педагог указывал на отсутствие партийных директив по проведению антирелигиозной работы в школе, на неразрешенность этого вопроса Ленинградским губернским отделом народного образования (ЛОНО), на отсутствие кадров педагогов-антирелигиозников[38].

Несмотря на прямое указание первого варианта программ ГУСа вести антирелигиозную пропаганду в школе, большинство учителей игнорировало эту работу либо по той причине, что были верующими, либо не зная, как лучше подать этот материал. «Убежденных учителей-атеистов очень мало», – признавали педагоги-антирелигиозники[39]. Но там, где работал убежденный педагог-атеист или значительное влияние на школьников оказывала пионерская организация, антирелигиозная пропаганда велась и иногда приводила к конфликтам между школьниками и учителями. Ученик одной из железнодорожных школ, увидев в церкви преподавательницу, рассказал об этом в классе. Учащиеся этого класса, связанные с отрядом пионеров, выразили свое неудовольствие учительнице на уроке. Та, в свою очередь, назвала сообщившего об этом ученика «шпионом», вызвала его мать. В результате «мать избила сына до крови»[40].

Такие факты заставляли руководство Наркомпроса осторожно

подходить к антирелигиозной работе в школе и несколько смягчать акценты в своих рекомендациях. «Ко времени второй половины 1925 г. стали раздаваться усиленные жалобы на формы проведения антирелигиозной пропаганды в школе, – писала Н.К. Крупская в 1929 г. – Наркомпросу была дана определенная директива в этом направлении»[41]. Вместо антирелигиозного воспитания стали употреблять термин «безрелигиозное воспитание». «Помнится, под влиянием необходимости покончить со всякой религией, изъять из обращения всякие сравнения социализма с религией и был кем-то пущен в ход термин “безрелигиозное воспитание”», – вспоминала Н.К. Крупская в другой статье[42].

А.В. Луначарский, выступая 3 апреля 1929 г. в Академии коммунистического воспитания, свидетельствовал, что установка на «безрелигиозную» школу была дана еще В.И. Лениным. «Владимир Ильич, – вспоминал Луначарский, – предостерегал Наркомпрос против того, чтобы он преждевременно не ставил вопроса об активном проведении атеизма через школу, и указывал нам причины, по которым этого делать не следует»[43]. Одновременно с этим Ленин настаивал на удалении из школ религиозной символики: крестов, икон и т. д. И, как отмечал Луначарский, это удалось осуществить с большим трудом, уладив происходившие на этой почве конфликты с родителями и учителями[44].

Одной из главных причин осторожного подхода к антирелигиозной работе в школе, которую называл В.И. Ленин[45], являлась религиозность массового учительства. Выступая на I съезде Союза безбожников (СБ) в апреле 1925 г., А.В. Луначарский разъяснял позицию власти по отношению к верующим учителям: «Никакого гонения на религиозных учителей или устранения их от работы нельзя допускать, за исключением тех случаев, когда учитель в свою школьную работу вносит свои религиозные предрассудки. Если он это делает, то мы его немедленно устраняем. Но его личных религиозных воззрений мы касаться не можем, и те некоторые начатки борьбы с личными религиозными воззрениями учителей, которые были, мы пресекли, так как они привели к чрезвычайно неблагоприятным результатам. Мы имели ряд явлений, когда по устранению такого учителя, с приездом нового крестьяне забирали из школ своих детей»[46].

Осторожностью в религиозном вопросе можно объяснить выпуск научно-педагогической секцией ГУСа методического письма «О безрелигиозном воспитании в школе I ступени». Автор письма А.Л. Катанская писала, что «никакого особенного

внедрения антирелигиозности в душу ребенка совершенно не нужно»[47]. «Метод воинствующего безбожия должен быть совершенно устранен, – отмечала Катанская, – надо отказаться от насмешек и издевательств над верой своих отцов… где сами верующие являются жертвами темноты и эксплуатации, которым мы должны помочь убеждением, а не принуждением»[48]. И далее: «Воинствующее безбожие очень часто дает противоположные результаты, озлобляя искренно верующих, а у слабых и неустойчивых создавая раздвоение: показное безбожие и угодливость, с одной стороны, и внутреннюю, скрытую религиозность, с другой»[49]. А.Л. Катанская делала вывод, что чем «объективнее, спокойнее и научно обоснованнее будет антирелигиозная работа, тем глубже и прочнее будут ее результаты»[50].

Но она же, автор методического письма, рекомендовала методы, ничем не отличавшиеся от метода «воинствующего безбожия». Например, устройство под Пасху, во время заутрени, в школе суда над Библией и над праздниками, с приглашением на это мероприятие пожилых крестьян[51]. И отчасти права была Н.К. Крупская, писавшая в статье «Об антирелигиозном воспитании в школе» в 1928 г., что «тот, кто прочел не только заглавие письма Катанской, но и самое письмо, знает, что там идет речь не о нейтральном в отношении к религии воспитании, а о самой заправской антирелигиозной пропаганде, о внедрении в школу атеизма»[52].

Тем не менее второй вариант программы ГУСа, подготовленный в 1926–1927 гг., воспринимался частью просвещенческой общественности как следствие установки Наркомпроса РСФСР на «безрелигиозную школу». «Если в первом варианте сильно подчеркивалась борьба за мировоззрение и слабо борьба за навыки, – писал директор Института методов школьной работы В.Н. Шульгин, принимавший активное участие в разработке второго варианта[53], – то во втором чрезмерно подчеркивалась борьба за навыки и отодвигалась борьба за мировоззрение»[54]. Другой известный педагог М.В. Крупенина в статье «Программы ГУСа в свете воспитательных задач школы» отмечала: «В самом деле, если первый вариант был перегружен обществоведческим и природоведческим материалом, то второй вариант, “облегчая” школу и учителя, чрезвычайно затруднял ему антирелигиозную работу снятием, например, комплекса “Небо и Земля”»[55].

Программы ГУСа 1927 г. представляли так называемую комплексную систему. Во введении к программам комплексная система определялась следующим образом: «Когда в программе

говорится о комплексной системе преподавания, то имеется в виду отражение связей между основными жизненными явлениями (природа, труд, общество). Понимание этих связей является сутью образовательной работы»[56]. Программы, представлявшие явления в их взаимосвязи, ставили целью сформировать у школьников материалистическое миропонимание[57]. Большое значение отводилось естествознанию. В методической записке по природоведению приводились слова Н.К. Крупской: «В деле разрушения всяких предрассудков, суеверий и религиозности в том числе, ничто так радикально не действует, как привычка добираться до причин явлений. Если мы всерьез хотим вести антирелигиозную пропаганду, мы должны поставить на должную высоту преподавание естествознания»[58].

Для I ступени (1–4 группы) программы представляли сплошной комплекс, не выделяя отдельные предметы. В программе для третьего года обучения подтемы «Быт деревни и ее организация» (сельский вариант) и «Культурная жизнь города» (городской вариант) касались вопроса «борьбы со старым семейным укладом, с религиозными предрассудками, с суевериями»[59]. Акцентируя особенно «вредное влияние религии на здоровье»[60], программа призывала уделить внимание борьбе с «религиозными предрассудками» на материале подтемы «Охрана здоровья в семье в городе»[61]. При проработке подтемы «Земля как шар и понятие о климате» на четвертом году обучения рекомендовалось для большего эмоционального воздействия рассказать «о мучениках за науку» (Джордано Бруно, Галилей)[62].

В программе по обществоведению (1-й концентр городской школы II ступени) на пятом году обучения предлагалось при сравнении жизни деревни до революции и после отметить верность Церкви царю и помещикам[63]. Программа по литературе на пятом году обучения включала изучение басен Демьяна Бедного «Свеча», «В церкви», «Христос Воскресе»[64]. На проработку этих басен отводилось две недели[65].

Программа по естествознанию для второго концентра повышенной школы (8–9 группы) большое внимание уделяла эволюционной теории как научной основы проведения антирелигиозной пропаганды. В объяснительной записке к теме «Происхождение живых существ на земле», в частности, указывалось: «Два альтернативных объяснения противостоят здесь друг другу: религиозное и научное. Первое основано на вере, второе – на наблюдении (в широком смысле) конкретных фактов и явлений». Подчеркивалось при этом, что «здесь для учителя весьма удобный случай для проведения антирелигиозной пропаганды»[66].

Эволюционное учение Ч. Дарвина являлось научным базисом всей программы по естествознанию второго концентра. В заключении делался следующий концептуальный вывод: «Объяснив эволюцию строго механистически (материалистически), дарвинизм тем самым освобождает человека от цепей рабской веры в бога, являющейся тормозом не только для науки, но и для построения новой жизни вообще»[67].

Локальные программы и программы для национальных меньшинств ориентировались на программы ГУСа. В них также говорилось о формировании целостного материалистического мировоззрения у детей, содержалось указание бороться с «религиозными предрассудками», отмечалось «вредное влияние» религии на здоровье[68]. Таким образом, программы ГУСа 1927 г., делая акцент на материалистическом объяснении мира, крайне мало касались социальной роли религии и не ставили прямую задачу воспитывать активного борца с Церковью и религией в целом.

Представляет интерес отношение к вопросу атеистического воспитания активных атеистов. И.И. Скворцов-Степанов в статье 1923 года «Религия в школе» констатировал, что «в школе не приходится вести антирелигиозную агитацию». Но все же «антирелигиозная пропаганда должна занять в ней видное место»[69]. Под агитацией Скворцов-Степанов понимал «ряд действий, рассчитанных на то, чтобы вызвать более или менее широкое возбуждение, приковать внимание к тому или иному предмету, свернуть массы с наезженной колеи, произвести известную встряску, заронить “искру”, которая должна “разгореться в пламя”»[70]. И поэтому, по Скворцову-Степанову, «школа – не место для антирелигиозной агитации», но «волны антирелигиозной кампании, как и всяких агитационных кампаний, будут докатываться до нее»[71]. Под пропагандой, которую, в отличие от агитации, как он считал, нужно вести в школе, Скворцов-Степанов понимал «углубленное объяснение тех явлений, к которым привлечено внимание агитацией»[72]. Он писал: «Мы, коммунисты, ставим вопрос прямо: всякий, кто хочет закупорить школу от доступа антирелигиозной пропаганды, должен изгнать из нее все начатки современной физики, химии, астрономии, биологии или заменить их средневековой метафизикой»[73]. Другой антирелигиозный автор назвал такую позицию Скворцова-Степанова «невольной ошибкой», отметив, что «когда тов. Степанов предлагает ограничиться в школе одной антирелигиозной пропагандой и сомневается в целесообразности агитационных кампаний, он этим самым дает карты в руки… “старинным педагогам”»[74].

Атеистические авторы допускали противоречивые высказывания и часто путались в терминах. С одной стороны, например, Я.М. Глан и А.Т. Кононов как будто соглашались с А.Л. Катанской, что «ни о каком специальном “внедрении” безбожия в детское сознание говорить не приходится. Вдалбливать в детскую голову безбожный катехизис, навязывать детям неверие, объявить поход на Бога, церковь и обряды на первых ступенях школьного воспитания было бы нелепо педагогически и неразумно политически»[75]. Но немного ниже авторы настаивали: «В нашей конкретной обстановке безрелигиозное воспитание неминуемо должно превратиться в противорелигиозное»[76].

Активист Союза безбожников Ф.Н. Олещук в середине 1920-х годов писал, что «две причины: бездействие учительства и теория “арелигиозного” воспитания, тормозившие дело антирелигиозной пропаганды среди детей, – могут считаться в настоящее время если не сданными еще окончательно, то, во всяком случае, с минуты на минуту отходящими в архив истории»[77]. Но тут же завершал статью словами, не противопоставлявшими антирелигиозное безрелигиозному воспитанию: «Вот… то, что должно быть положено нами в основу антирелигиозной пропаганды среди детей и их безрелигиозного воспитания»[78].

Летом 1927 г. журнал «Народный учитель» поместил статью педагога А. Блинникова «О безрелигиозном воспитании». Лучшим методом антирелигиозной пропаганды, по Блинникову, является сокрытие того, что вы ее ведете: «Прежде всего, не нужно говорить ученикам, что вы ее ведете, что вы уничтожаете веру в Бога». Ученик сам в процессе обучения должен придти к неверию. И сделать это нужно незаметно, чтобы у школьников создалось впечатление, что он самостоятельно пришел к отрицанию существования Бога: «Школа с первых же дней появления детей в ней шаг за шагом должна объяснять ребенку весь мир, исправлять религиозные ответы на научные»[79]. «Неопытные “антирелигиозники”, – отмечал А. Блинников, – допускают, что стоит только сказать, что Бога нет, совершить какой-нибудь выпад против попа, против иконы, осмеять раввина, муллу – и религиозное миропонимание у человека рассеется… Кто так ведет антирелигиозную пропаганду, тот только еще глубже вбивает религию в ученика. А еще хуже делают те, кто при начале объяснения какого-нибудь явления в природе заявляют слушателям, что это делается для того, чтобы вытравить из них религию, веру в Бога». Ребенок приходит в школу «уже с имеющимися “взглядами”… и, чтобы это мировоззрение заменить научным, следует заменить каждый ответ в его памяти новым ответом, сотни ответов изменить», – заключал А. Блинников[80].

Безрелигиозники считали, что только скрытое «научно обоснованное» подрывание веры с годами может дать нужный им результат. И как это ни парадоксально, такая позиция всегда представляет большую угрозу для веры, чем открытое на нее гонение, которое, впрочем, может подготовить почву как для последующего укрепления религиозного сознания, так и для превращения общества в безрелигиозную, индифферентную к вере массу.

Осторожность приверженцев безрелигиозного воспитания в те годы была вызвана и тем, что значительное число населения верили в Бога. 32 % крестьян Донского округа в 1926 г. сожалели о том, что в школах не преподают Закон Божий. Среди ответов звучали доводы: «Закон Божий нужен для совести детей». «Считая религию основой нравственности, не могу сочувствовать отсутствию преподавания Закона Божьего»[81].

Родители школьников в большинстве отрицательно относились к перспективе введения антирелигиозного воспитания в школе. Преподаватель А. Комаров из Северодвинской губернии в 1928 г. провел обследование настроений крестьян к этому вопросу в своем селе. Результаты получились следующие: за нейтрализм школы в религиозном вопросе высказались 73 человека (60,3 %), из них от 14 до 18 % показали себя людьми, стойкими в вере, которые приветствовали бы возвращение в школу Закона Божия («Надо про Бога учить»); за антирелигиозное воспитание высказались 27 человек (22,3 %)[82].

Дети, особенно маленькие, находились под влиянием родителей, и поэтому в религиозные праздники (Рождество, Пасха) классы часто оставались пустыми. И это наблюдалось не только в деревне. В Ленинграде в одной из школ в дни Рождественских праздников класс тоже пустовал[83]. На это жаловался школьник Фрумкин на конференции учащихся Центрального городского района Ленинграда 3 марта 1928 г.: «У наших ребят еще имеются темные оттеночки старинного времени – если религиозный праздник, то нужно отдыхать, а не учиться»[84].

Данные анкет о религиозности школьников в 1927–1928 гг. противоречивы. Это связано как с особенностями местностей, где проводились обследования, так и с относительной искренностью ответов школьников. В октябре-ноябре 1927 г. ячейка СБ просвещенцев Сокольнического района Москвы провела анонимное анкетирование в седьмых группах восьми школ. Самый высокий процент верующих учащихся показала школа № 31 – 46,1 %, самый низкий процент школа № 52 – 26,8 %. Среднее число верующих составило 41,8 %. Причем процент

верующих девочек, как правило, был значительно выше процента верующих мальчиков (в школе № 7 оказалось 7 верующих мальчиков (16,6 %) и 37 верующих девочек (60,6 %))[85].

Осенью 1927 г. Институт методов школьной работы Наркомпроса подвел итоги своего обследования 1,5 млн. детей, некоторые из них отвечали и на вопрос о вере в Бога[86]. Положительно ответили 25 % детей, отрицательно 51 %. Соотношение верующих мальчиков и девочек оказалось 39,7 % к 59 % соответственно[87].

В 1928 г. группа партийных работников педфакультета второго МГУ по поручению Главного управления социального воспитания Наркомпроса (Главсоцвос) провела анкетирование школьников Марьиной Рощи (Москва) с целью выявления политических, религиозных и национальных представлений[88]. Из 394 школьников верующими себя назвали 119 (около 30 %), неверующими – 261 (около 66 %), не ответили и ответили «не знаю» – 14 (около 4 %)[89]. В четвертых группах картина несколько менялась: из 350 школьников верующими назвали себя 41 (12 %), неверующими – 282 (80 %), 27 человек (около 8 %) ответили «не знаю» или уклонились от ответа[90].

Условность данных подобных обследований становится очевидной при сравнении с данными по другим районам РСФСР. Например, обследование школ Сергиева Посада в 1928 г. выявило 51 % верующих (т. е. на 5-м году обучения – 55 %, на 6-м – 54 %, 7-м – 39 %, 8-м – 44 %, 9-м – 58 %)[91]. Вместе с тем анкетирование одной школы Златоустовского округа на Урале выявило, что в 7-й группе из 40 школьников оказался только один верующий мальчик[92].

Очевидно, что эти цифры отображали действительность конца 20-х годов несколько искаженно. Дети подвержены разным влияниям, им сложно еще самим осмыслить свою веру или неверие. Они часто отвечают на вопрос так, как надо взрослым в зависимости от обстоятельств. От этого иногда их ответы неточны.

Однако неверие в обществе распространялось, и уже многие дети приходили в школу из неверующих семей. Но атеистам во власти этого было недостаточно, их тревожили цифры религиозности еще значительной части подрастающего поколения.

Пионеры должны были вести антирелигиозную работу, независимо от того, есть ли в школе антирелигиозное воспитание, или нет. К Пасхе 1928 г. ЦК ВЛКСМ выпустил директиву, в которой пионерам рекомендовалось проводить общие сборы отрядов в часы, когда детей посылают святить пасхи

и куличи, а также в предпасхальные дни организовывать в школах антирелигиозные вечера[93].

Таким образом, пионеры втягивались в антирелигиозную пропаганду прежде остальных школьников и неизбежно входили в конфликт с родителями. Об этом говорят письма пионеров в газету «Пионерская правда». «Прихожу из отряда – вижу, мать сидит, и я начинаю петь безбожные частушки». «Мать всегда возмущается моим предложением снять иконы: “Тебя иконы не трогают, и ты их не трогай. Я тебя в отряд пускаю, а ты религию не тронь. У каждого свое”». «Когда меня мать посылает в церковь, я в нее не хожу, возьму и убегу в лес»[94]. Через некоторое время такое положение складывалось в семьях уже многих школьников. Детей отрывали от их верующих родителей, приучали к мысли, что можно пожертвовать добрыми отношениями с родителями ради «высших» общественных интересов.

Религиозность школьников во многом зависела от мировоззрения учителя. Он практически ежедневно оказывал влияние на ребенка. Мировоззрение учителя волновало партийных и просвещенческих деятелей. Ответственный редактор «Учительской газеты» С.Б. Ингулов в статье «Учитель советской школы или советский учитель?» писал: «Нельзя требовать, чтобы все без исключения воспитанники советской школы были законченными, образцовыми атеистами, но нельзя считать неуязвимым и безгрешным того учителя или тот коллектив учителей, у которого 90 % воспитанников говеют перед Пасхой…»[95].

Большинство учителей не было настроено вести антирелигиозную пропаганду. Об этом говорят многие свидетельства. Заведующий Уральским облоно И.А. Перель летом 1928 г. писал: «Нами установлено, что учителя избегали и избегают серьезных разговоров по вопросам антирелигиозного воспитания»[96]. Об этом же свидетельствовали обследования учительских настроений в Средневолжской области[97] и во Владимире[98]. Большинство учителей отказывалось от антирелигиозной работы, в том числе по причине возможного обострения отношения с населением[99]. Среди учителей немало было верующих. Весной 1928 г. некоторые московские учителя заявляли, что не только не будут участвовать в антирелигиозной кампании, но сами пойдут на Пасху в церковь[100]. Отчасти это объяснялось социальным составом педагогов. По данным облоно Центральной Черноземной области (ЦЧО) на 1 января 1929 г. в Воронежском округе 18 % школьных работников являлись выходцами из семей духовенства[101]. Такое положение провоцировало власть к проведению массовой чистки среди

учителей.

В.А. Зорин (Центральное бюро детских коммунистических организаций юных пионеров) в дни подготовки пионеров и школьников к антипасхальной кампании 1928 г. рассказывал, что «в ряде школ I ступени учителя вместо того, чтобы оказать содействие форпостам в смысле проведения антирелигиозной пропаганды, уклонились, сказав: “Это нейтральное дело, мы сами в стороне, вы делайте что хотите”»[102].

Активная коммунистически настроенная часть учительства призывалась к работе по перевоспитанию религиозных и нейтрально настроенных педагогов. В постановлении президиума коллегии Наркомпроса РСФСР от 22 февраля 1927 г., принятом по докладу Союза безбожников СССР, предлагалось, помимо многих действий «использовать по возможности летние переподготовки учительства в целях антирелигиозной пропаганды среди школьных работников[103].

Со времени своего первого съезда в апреле 1925 г. Союз безбожников постоянно заострял внимание на необходимости привлечения к антирелигиозной работе учителей и выражал неудовольствие присутствием в школе «религиозного» педагога. «Необходима борьба с проявлением “нейтральности” (являющейся замаскированной религиозностью некоторой части педагогического персонала). Религиозному учителю нет места в советской школе», – говорилось в его резолюции, принятой 19–26 апреля[104]. Председатель Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви при ЦК ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии), возглавивший и Союз безбожников СССР, Е.М. Ярославский, выступая на этом же съезде, был более сдержан: «Я уже отметил, что сразу нельзя этот вопрос разрешить в смысле изгнания всех религиозных учителей из школ. Нам нужен подбор учителей, переподготовка их; нам нужно, конечно, постепенно заменять их, чтобы у нас не было людей, которые как бы из-под палки проводят те или другие программы. Было бы неправильно, если бы мы религиозных учителей изгнали из профсоюза»[105]. Но уже через три года Ярославский, выступая на III Всесоюзном совещании корреспондентов «Учительской газеты» 11 сентября 1928 г., отмечал, что с теми учителями, у которых вера в Бога уживается с учением Дарвина, трудно будет «переживать тяжелые полосы»[106].

В решениях губернских конференций Союза безбожников, прошедших в первой половине 1927 г., содержались требования к новым губернским советам Союза повести антирелигиозную работу в школах и привлечь к работе с Союзом учительство[107].

Союзника в продвижении антирелигиозной работы в школу «безбожники» нашли в лице председателя ЦК союза работников просвещения (ЦКпроса) А.А. Коростелева. «Основным условием более успешного использования сил учительства, – писал он в журнале, издаваемом Союзом безбожников, – является задача установления тесной связи (сверху донизу) организаций Союза безбожников как с органами народного образования, так и с профессиональным союзом»[108].

В конце 1926 г. работниками просвещения Замоскворецкого района Москвы была создана инициативная группа по организации просвещенческой ячейки СБ[109]. В мае 1927 г. третий пленум Московского комитета ВКП(б) принял резолюцию «О необходимости усилить антирелигиозную работу в школах». Резолюция принята по настоянию СБ[110]. Во исполнение этого постановления ячейка ВКП(б) работников просвещения Замоскворецкого района создала при районном доме просвещения ячейку СБ[111]. К октябрю 1927 г. ячейка СБ уже насчитывала около 150 членов[112]. При ячейке была создана комиссия по антирелигиозной работе в школе, выделившая две секции: секцию по работе в школе I ступени школы-семилетки и секцию по работе в школе II ступени[113]. Эта ячейка первая не только поставила вопрос об отказе от принципа «безрелигиозной школы», но создала организационную основу для перехода к активной антирелигиозной работе в школе. Активисты ячейки разработали антирелигиозные темы для первых четырех годов обучения в школе. Затем эти темы предложены для обсуждения и проработки в базовую школу Замоскворечья[114].

26 октября 1927 г. в доме работников просвещения Замоскворецкого района состоялась первая районная конференция просвещенцев-безбожников, на которой присутствовало свыше 200 школьных работников[115]. Е.М. Ярославский в письменном приветствии участникам конференции отмечал: «Замоскворецкие просвещенцы одни из первых поставили перед собой задачу массовой антирелигиозной пропаганды в школе и задачу изучения методов и форм этой работы в школьных условиях»[116]. С докладом на конференции выступил А.А. Коростелев. Он рекомендовал перенести опыт замоскворецкой ячейки просвещенцев СБ на другие районы Москвы, создать при Центральном доме работников просвещения группу безбожников, которая будет напрямую взаимодействовать с культотделом ЦК рабпроса и «связывать свою работу с деревней»[117]. Участники конференции высказались за антирелигиозное воспитание в школе, отвергнув принцип безрелигиозного воспитания[118]. По словам замоскворецкого

активиста из Союза безбожников СССР Н.К. Амосова, «особенно тяжелым временем для антирелигиозной работы был 1926/1927 учебный год», когда «в школьных советах господствовала идея “безрелигиозного” воспитания»[119].

Антирелигиозники рассчитывали взять реванш, но без прямой партийной поддержки у них бы мало что получилось. Е. М. Ярославский и его Союз безбожников получили разрешение поставить в просвещенческих кругах вопрос об антирелигиозном воспитании в школе.

Осенью 1927 г. партячейка Псковского окружного отдела народного образования провела собрание педагогов, на котором помимо доклада «Об антирелигиозной работе в школе» состоялась дискуссия на эту тему[120].

Объединение усилий Союза безбожников с ЦК работников просвещения и поддержка партийного руководства создали необходимую базу для начала публичной дискуссии о необходимости замены безрелигиозного воспитания антирелигиозным.

Особенности проведения дискуссии

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу хода и содержания дискуссии о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании, необходимо определить состав ее участников, формы проведения и территории, на которых она наиболее активно разворачивалась.

Дискуссия имела всесоюзное звучание. Наиболее активно в ней участвовали представители Москвы, Ленинграда, Поволжья, Урала, Сибири, Крыма, Украины. Повсеместно этот вопрос, так или иначе, обсуждался.

Участников дискуссии условно можно разделить на пять основных групп:

– сотрудников Наркомпроса РСФСР;

– педагогов-теоретиков;

– рядовых педагогов;

– профсоюзных, комсомольских и пионерских работников;

– активистов Союза безбожников СССР.

Необходимо оговорить, что некоторые участники дискуссии, являясь педагогами-теоретиками, были сотрудниками Наркомпроса РСФСР (С.Т. Шацкий, В.Н. Шульгин). Естественно, что комсомольские, профсоюзные и пионерские работники могли быть педагогами или членами Союза безбожников. Так же, как некоторые рядовые педагоги одновременно являлись активистами Союза безбожников (И.А. Флеров, Н.К. Амосов).

В ходе дискуссии выявлено несколько ее форм, таких как:

– письма в газеты и журналы (главным образом, в «Учительскую газету» (орган ЦК рабпроса), в газету «Безбожник» (орган Центрального Совета (ЦС) СБ));

– статьи в центральной и местной печати: партийной (газета «Правда», журналы «Коммунистическая революция», «Революция и культура»), комсомольской (газета «Комсомольская правда», журнал «Юный коммунист»), ведомственной и профсоюзной («Учительская газета», журналы «На путях к новой школе», «Просвещение», «Просвещение на транспорте», «Просвещение на Урале», «Просвещение Сибири» и др.), печати общественных организаций (газета «Безбожник», журнал «Антирелигиозник»);

– общественные диспуты;

– обсуждения на заседаниях центральных и местных органов управления народным просвещением, съездов работников просвещения, школьных советов.

В самой дискуссии можно выделить два аспекта: собственно дискуссию о замене безрелигиозного воспитания в школе

антирелигиозным и дискуссию о том, как проводить антирелигиозное воспитание в школе. В последнем аспекте выделялись следующие проблемы: с какого возраста начинать антирелигиозное воспитание школьников, нужны ли специальные «уроки безбожия» в школе, позволяют ли программы ГУСа 1927 г. проводить антирелигиозное воспитание в полном объеме, на преподавателей каких дисциплин, прежде всего, ляжет груз антирелигиозной пропаганды, нужно ли организовывать антирелигиозные кружки в школе, как относиться к религиозной семье.

Автор считает обоснованным придерживаться следующей последовательности в анализе: во-первых, необходимо осветить содержание дискуссии по принципиальному вопросу: следует ли заменить безрелигиозное воспитание антирелигиозным, в котором постоянно затрагивалась проблема, как вести антирелигиозное воспитание. Во-вторых, следует рассмотреть вопросы, вытекающие из результатов дискуссии: как проводить антирелигиозное воспитание. В-третьих, следует выявить отношение к перспективе введения антирелигиозного воспитания в школе руководства Наркомпросом РСФСР и педагогов-теоретиков.

Вопрос об антирелигиозном воспитании в школе, возможно, так бы и остался заботой московских и еще немногих просвещенцев, если бы он не получил широкого освещения в общесоюзном масштабе в центральном органе ЦК работников просвещения «Учительской газете». «Прежде всего, необходимо рассеять настроение пассивности, “нейтралитета”, которое создалось во многих местах по отношению к задачам антирелигиозной работы, – писал летом 1927 г. А.А. Коростелев. – Создавшийся какой-то обет молчания в общей прессе по столь “деликатному” вопросу, едва ли полезен, ибо этим бездействием ловко пользуются наши враги»[121]. Изначально, как видим, руководством профсоюза работников просвещения в адрес учителей высказывалось обвинение в «пассивности» и «нейтральности». Подчеркнуто и то, что ими «ловко пользуются наши враги». Подобная оценка резко сужала границы искренности в обсуждаемом вопросе, ибо многие учителя еще помнили ужасы гражданской войны, их перевыборы, невыплату зарплаты и многое другое.

Однако обратим внимание и на то, что председатель ЦК рабпроса подобные установки опубликовал в органе ЦС СБ. Инициаторов дискуссии все же беспокоил вопрос: как воспримет массовое учительство идею перехода школы от безрелигиозного к антирелигиозному воспитанию? Удобным средством для

выявления реакции просвещенцев могла стать «Учительская газета», а лучшей формой такого выявления – организация дискуссии на страницах газеты. «Мы через “Учительскую газету” поставили вопрос перед учителями об антирелигиозном воспитании в школе», – докладывал Е.М. Ярославский 10 декабря 1928 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б)[122].

Первая большая подборка статей – заметок на тему антирелигиозного воспитания в школе, появилась в «Учительской газете» 7 октября 1927 г. «Для громадного большинства рядового учительства вопрос этот решен давно в положительном смысле, – писал педагог из Луганского округа. – Просвещенцы и остатки средневекового варварства несовместимы. Не борясь с религиозностью в школе, мы отдаем детей в руки “милых родителей”»[123]. Другой просвещенец предлагал целую программу действий: объединить атеистов своего района при школе, заострить антирелигиозный вопрос в школьной газете, завести специальный антирелигиозный журнал, изменить дни отдыха и отменить празднование школой религиозных праздников[124].

3 февраля 1928 г. «Учительская газета» поместила статью члена ЦС СБ Н.К. Амосова «За воинствующий атеизм». Статья была помещена под рубрикой «Без религии или против нее?». И название статьи, и название рубрики отчетливо свидетельствуют о позиции организаторов дискуссии. Предваряли статью слова от редакции: «Должно ли воспитание в школе быть безрелигиозным или антирелигиозным? Этот вопрос волнует педагогов. Мы даем первую статью на эту тему и предлагаем высказаться»[125].

Н.К. Амосов начинает с критики письма ГУСа 1925 г., которое было понято школами в качестве директивы «о полном невмешательстве педагогов в вопросы антирелигиозной борьбы». Отмечая, что «среда» ведет усиленное религиозное наступление на учащихся (под «средой» понималось, прежде всего, религиозное влияние семьи, а также Церкви и сектантов), Амосов приводит данные газеты «Псковский набат» от 30 сентября 1927 г. о том, что «большинство учащихся настроено религиозно». Приводились и данные обследования московских школ, показывающие, что из оканчивающих школы-семилетки всего 35 % неверующих[126]. Н.К. Амосов ссылается на то, что не только московских педагогов-безбожников волнует такое положение. «В Москве проведен целый ряд собраний учительства, которое в своем подавляющем большинстве заявляет, что в нашей школе нужно вести антирелигиозное воспитание, – пишет он. – Этого требуют и в Башкирии, и в Воронеже, и в Архангельске (отчеты губсоветов СБ), и в Смоленске (“Рабочий путь”, 10 ноября), и в

Калуге (“Коммуна”, 11 октября), и в Пскове (“Псковский набат”) и т. д.». Называя безрелигиозное воспитание позицией «непротивления злу», Н.К. Амосов объявляет верующих детей больными «религиозными предрассудками» и настаивает на их «лечении»: «Мы должны лечить его [ребенка. – В.Ш.], т. е. помочь ему безболезненно и осторожно изжить эти предрассудки». «Мы не отрицаем трудности и сложности проведения в жизнь антирелигиозного воспитания, – заканчивает статью Амосов. – Опыта в этой работе у нас очень мало. Но эту работу нужно вести»[127].

Воинствующие безбожники, вполне признавая отсутствие серьезного положительного опыта в вопросах воспитания, тем не менее утверждали за собой право «просвещать» детей и настраивать их против веры в Бога и Церкви.

За две недели в ответ на первую статью в редакцию газеты поступило 67 откликов, из них только 9 были за безрелигиозное воспитание[128].

Собственно, никакой дискуссии на страницах «Учительской газеты» не состоялось. 11 мая 1928 г. газета опубликовала под шапкой «Не пассивный нейтрализм, а активный атеизм» несколько заметок, авторы которых выступали за антирелигиозное воспитание в школе. Некоторое исключение представляла статья Эрри «А подготовлен ли учитель?». Позиция безрелигиозников прослеживается в заключающей «дискуссию» статье того же Амосова «Правы ли “безрелигиозники”?»[129].

Всего в редакцию «Учительской газеты» пришло более 170 писем на эту тему, из которых 3 письма были религиозного характера, 20 писем в поддержку безрелигиозного воспитания и свыше 150 писем за антирелигиозное воспитание[130]. По результатам дискуссии в 1929 г. вышла книга Г. Ножницкого «Безрелигиозное или антирелигиозное воспитание в советской школе», по которой можно проследить позиции не только сторонников антирелигиозного воспитания.

Г. Ножницкий делит авторов писем на следующие группы: 1) сторонников религии (явных и «замаскированных»), 2) нейтралистов, 3) безрелигиозников, 4) осторожных атеистов, 5) воинствующих атеистов.

Прежде всего, необходимо разобрать письма явно религиозных авторов. «Я знаю, – писал автор анонимного письма из Новочеркасска, – что многие из нас, учителей, равнодушны к религии, но не думаю, чтобы многие согласились или, по крайней мере, нашли целесообразным и нужным вести антирелигиозную пропаганду среди населения и в школе, т. к. это способствует разнуздыванию в людях дурных инстинктов и пороков при

современной низкой культуре масс». «Бог – это высшая правда, – продолжал автор письма, – красота, доброта, милосердие, справедливость; это идеал, к которому люди должны стремиться. Зачем же у миллионов людей неграмотных, невежественных отнимают этот идеал? Зачем же отнимать и чем его заменить? Скажут: воспитанием и гуманными навыками, но десятки миллионов людей растут без всякого воспитания и, отняв у них Бога, нравственный идеал, опустошив их душу, мы толкнем их на путь пороков, что, надо сказать, уже замечается в настоящее время». Заканчивается письмо так: «Смею думать, что очень многие из учителей против антирелигиозной пропаганды, и если будут ее проводить, то лишь в силу приказания»[131].

Другой педагог, Муромцев из села Бормы Симбирской губернии, утверждал: «Есть вещи, которые не могут усваиваться логикой, а всем нутром, какой-то интуицией, не укладывающейся в рамки обыденной мысли… Для атеистов это – неведомая область, вторгаться в которую они едва ли имеют право. Все их суждения о делах религии будут похожи на суждения слепца о живописи. Они потому не в состоянии судить (и рядить) и поэтому не вправе этого делать, что не имеют прочной основы для такого суждения, именно – религиозного опыта»[132]. Итак, резюмировал Муромцев, «безрелигиозным или антирелигиозным должно быть воспитание детей в школе? Держаться ли доброй, умеренной середины или же активно выступить на борьбу с религией… очертя голову и не спросясь броду? Вот вопрос. Народ разрешает его просто и буквально так: “уж если нельзя учить Закону Божьему, то пусть лучше вовсе не трогают Бога и ничего святого”. Другими словами, из двух зол он выбирает меньшее. Этот голос здорового народного смысла и должен быть учтен нами»[133].

Автор третьего письма не относит себя к верующим в церковном смысле. Вера для него – это «убеждение в чем-нибудь без достаточного доказательства», «вера в какую-то справедливость», «в какое-то разумное существо» и т. д. Нужно ли бороться с такой верой, задается вопросом автор и отвечает так: «Обязанность школы бороться с невежеством и суеверием. С суеверием религиозным эта борьба должна быть особенно серьезной. Но “воинствующий атеизм” не удовлетворяется борьбой с суевериями или разъяснением исторической несостоятельности церкви. Воинствующий атеизм восстает против веры вообще, издеваясь над всеми ее проявлениями. Но тут он делает большую ошибку»[134].

Деление Г. Ножницким сторонников безрелигиозного воспитания на «нейтралистов» и «безрелигиозников», так же, как

и сторонников антирелигиозного воспитания на «осторожных» атеистов и на «воинствующих» представляется весьма условным. Имеет смысл выделить две четкие позиции в этой дискуссии: безрелигиозников и антирелигиозников.

«Безрелигиозное воспитание, – писал педагог Зоранко из города Балашова Саратовской губернии, – как оно у нас сейчас ведется, в сущности, является антирелигиозным воспитанием. Разве воспитание ребят на основе изучения природы, труда и общества оставляет какое-либо место для религии?»[135].

«Ведя безрелигиозное воспитание детей, мы не будем иметь обострения с населением, с которым нам ежедневно приходится сталкиваться…»[136]. «Время само сделает свое дело, не так быстро, но верно», – считала учительница Л. Гайская (Красный Кут)[137].

Но как же быть с влиянием среды? «Естественная наука, – писал учитель Курятников из деревни Вети Курской губернии, – справится с этим влиянием, во-первых, вернее, а во-вторых, мягче и педагогичнее». И добавлял: «Бить религию ее же приемами? Двинем против религиозного мещанства антирелигиозное мещанство, рассчитывая, в свою очередь, только на подсознание? В этом случае даже и победа нерадостна, т. к. в результате все-таки убийство интеллекта и торжество мещанства, т. е. не основа для прогресса, а задержка его»[138]. Ему вторит педагог А. Карпов из Владимирской губернии: «Мы отнюдь не должны превращать свои воспитательные приемы в налетную, шумную и такую же безумную волну, которая может разбиться вдребезги о неподвижный гранит традиций»[139].

Некоторые безрелигиозники указывали на нравственный аспект вопроса. «Надо всегда помнить, – отмечал учитель Сперанский, – что дети очень чутки, и некоторая неосторожность в беседе по антирелигиозному вопросу может оскорбить их детское религиозное чувство, заложенное с первых годов жизни их родителями. При безрелигиозном направлении в педагогической работе дети постепенно незаметным образом будут проникаться материалистическим миропониманием»[140].

Среди сторонников антирелигиозного воспитания нашлись педагоги, которые в принципе высказывались за него, но некоторые опасения все же имелись и у них. Один автор письма опасался, что, подобно «религии Магомета», антирелигиозное воспитание будет «утверждаться “огнем и мечом”», несмотря на то, что, по его мнению, «сознательное мировоззрение самое устойчивое»[141]. Другой писал: «Родители ребенка будут говорить ему, что Бог “вездесущ и невидим”, а мы ему [ребенку] будем преподносить научно-философские трактаты о

“несуществовании невидимого Бога”. Ведь это же голословие!»[142].

Учитель Ванслов из Вятки считал, что принципы «безрелигиозного» и «антирелигиозного» воспитания не противостоят, а дополняют друг друга. «Если под безрелигиозным воспитанием, – писал он, – подразумевать весь педагогический процесс, построенный и пропитанный данными диалектического материализма… а под термином “антирелигиозное воспитание” подразумевать лишь антирелигиозную воспитательную работу… то станет совершенно ясным, что противопоставление одного другому совершенно неправильно»[143].

Эрри в статье «А подготовлен ли учитель?» вспоминал Дунечку из произведения Михаила Пришвина: «… Дунечка их [ребят] и крамоле, и безбожию учила, а какие отличные люди вышли: попы да урядники». И тут же приводил пример из современности: «Учительница – воинствующая атеистка – с жаром говорит классу против попа и церкви, а класс после урока поет вполголоса: “Завтра в церковь пойдем, завтра в церковь пойдем”». «Дунечка, – отмечал Эрри, – при всей своей неквалифицированности имела хоть революционный пыл. У наших – пыл административный. Они азартятся, не представляя отчетливо смысла пропаганды». Вот почему, заключал автор, «когда спросят: должен ли всякий из наших учителей немедленно и активно проводить антирелигиозное воспитание – возьмет тебя раздумье, не знаешь, что и сказать»[144].

Воинствующие атеисты нетерпимо относились к создавшемуся «безрелигиозному» положению в школе и склонны были обвинять в этом всех. Учитель А. Чефранов жаловался на «новые программы ГУСа», в которых «почти не уделено места вопросам борьбы с религией». Кроме этого, «в школах-семилетках и девятилетках антирелигиозные кружки встречаются как исключение, а антирелигиозная пропаганда в пионерских отрядах сведена до минимума, если не сказать, что совсем замерла»[145].

«В насаждении религиозного настроения, – писал С. Волошин, – повинна прежде всего семья. Тут главный корень»[146]. С ним соглашался некий П.А. из Перми: «…В результате разнообразной работы матерей, тетушек и бабушек некоторые ребята имеют уже не только пассивную, но и активную веру, готовую вступить в борьбу за свое существование»[147].

В письмах просвещенцев, ратующих за антирелигиозное воспитание, содержались и практические предложения. Например, Лащенов (Куберле Северокавказской железной дороги) предлагал ввести в школе особый антирелигиозный час один раз в неделю[148]. В другом письме описывался опыт сельской школы,

в которой в пасхальные дни раздавали детям новые книги и тетради и, тем самым, добились 90 % посещаемости в эти дни[149].

Н.К. Амосов завершает дискуссию на страницах «Учительской газеты» следующими словами: «”Довольно спорить! – заявляет большинство откликнувшихся на нашу статью учителей. – Давайте указания, как вести работу”. Вот настоящий голос учительства, который должен быть услышан органами Наркомпроса, а не тот крикливый голос “безрелигиозников”, который призывает учительство молчать, а не бороться с религиозными предрассудками»[150].

Дискуссию в «Учительской газете» только условно можно назвать дискуссией. Обратим внимание на то, что позиция «безрелигиозников» выражена в личных письмах, выражающих личную позицию их автора. Позиция же «антирелигиозников» выражалась в статьях, публикуемых под броскими, агрессивными, направленными на подавление иной позиции заголовками: «Довольно играть в прятки», «Непротивление злу», «В наступление!» и т. п. Материал, поданный в нужном для воинствующих атеистов ракурсе, призван был доказать массовость позиции просвещенцев, ратующих за антирелигиозное воспитание. Слова сторонникам безрелигиозного воспитания практически не дали. Книга Г. Ножницкого, в которой публиковались выдержки из их писем, вышла только в 1929 г., когда дискуссия была завершена, и лишь из нее можно выявить аргументы «безрелигиозников». Тем не менее заказчикам «дискуссии» удалось выявить враждебные им мнения и посмотреть, какой будет реакция учительства на идею введения в школе антирелигиозного воспитания.

К дискуссии, по замыслу ее инициаторов, нужно было привлечь широкую педагогическую общественность. Это удалось сделать на ряде диспутов, в ходе которых учителя высказывались откровеннее. ЦС СБ совместно с ГУСом 25 ноября 1927 г. провел в Центральном доме работников просвещения диспут на тему «Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание в школе». Статья об этом диспуте вскоре была помещена в «Учительской газете»[151].

Школьный работник Замоскворецкого района И.А. Флеров, открывший диспут, обратил внимание собравшихся на то, что практическая часть методического письма А.Л. Катанской «О безрелигиозном воспитании в школе I ступени» входит в противоречие с теоретической частью. Антирелигиозное содержание письма не увязывается с его концептуальной формой. И поэтому «лозунг, который заключен в заглавии, воспринят был

так, как он был напечатан… Учителя понимали этот лозунг как отказ от всякого вмешательства в вопрос о Боге, в вопрос о религии»[152].

Заместитель начальника Главсоцвоса М.М. Пистрак высказался в принципе за безрелигиозное воспитание, но, учитывая современное состояние общества, признал необходимость проведения в школе антирелигиозного воспитания (примерно начиная с четвертой группы), которое будет предваряться арелигиозным воспитанием. Свою позицию Пистрак обосновал следующим образом. Школа должна быть безрелигиозной, т. е., нужно «идти от создания противовеса не аналогичного религии, а совершенно другой ценности, другого качества, который отрицает не только религию, но и всякий тип авторитарного мышления, авторитарного подхода к тем или иным жизненным явлениям»[153]. Но в условиях, когда религия остается политическим фактором, организующим враждебные советской власти силы, в школе необходимо вести антирелигиозное воспитание[154]. Однако «пока религия не будет осознана учащимися как социальный фактор, как фактор общественного порядка, против которого нужно бороться, до этого момента нет нужды ставить антирелигиозное воспитание. С другой стороны, для того, чтобы учащийся осознал религию как явление, которое является враждебным… политическим фактором, нужно подготовить его к этому арелигиозным воспитанием»[155].

Пистрак обвинил сторонников непродуманной антирелигиозной пропаганды в намерении противопоставить вере другую веру[156]. «Вредное сходство по существу, а не внешне, будет заключаться в том, что мы будем догматически долбить антирелигиозное верование, как и религиозное верование»[157]. Другое опасение М.М. Пистрака заключалось в том, что «ежели ребята двенадцати лет стремятся доказать взрослым, что Бога нет, то они не только не убеждают, но и сами в этом недостаточно убеждены»[158]. Наконец, смущало заместителя начальника Главсоцвоса наличие среди учителей верующих. «Мы хотим поручить антирелигиозное воспитание ряду лиц, которым это можно поручить с опаской. Встает вопрос о том, что лучше – поручить антирелигиозное воспитание таким лицам или быть довольным тем, что они вообще об этом говорить не будут»[159].

Выступивший на диспуте заместитель председателя СБ А.Т. Лукачевский отметил, что ребенок приходит в школу не как некая tabula rasa, на которой учитель будет писать любые письмена. «Совершенно не так дело обстоит. Ребенок большей частью приходит с определенными религиозными настроениями,

религиозными взглядами»[160]. И поэтому представители СБ настаивали на антирелигиозном воспитании с первого года обучения[161].

Диспуты по вопросу антирелигиозного воспитания в школе проводились не только в Москве. В Балашове Саратовской губернии местное отделение союза работников просвещения лишь со второй попытки собрало просвещенцев на дискуссию «Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание». Практически все выступившие на диспуте говорили «о необходимости контрнаступления на религию как классового врага»[162]. Меньшинство же, не возражая против антирелигиозного воспитания, предлагало ограничиться ведением его в школе повышенного типа (5–9 группы) и только в городе. «В отношении же деревни они требовали сугубой осторожности, не останавливаясь даже перед замалчиванием»[163]. Другой источник утверждает, что на диспутах в Балашове и Балашовском округе сторонники безрелигиозного воспитания выступали. «Бог нам не мешает, и мы ему мешать не будем», – говорили такие учителя[164].

В Самаре диспут о воспитании молодежи был вызван статьей в местной газете «Коммуна». На нем прозвучало заявление, что «в школе все насыщено антирелигиозной пропагандой, и проводить ее особо – лишнее, тем более что такая пропаганда вносит разлад в семьи детей…»[165].

Сообщения о диспутах публиковались в советской просвещенческой печати, материал подавался ангажированно, и, скорее всего, искажал действительность. К тому же многие присутствовавшие на диспутах сторонники «безрелигиозного» воспитания, не говоря уже о сторонниках религиозного воспитания, просто боялись высказаться, опасаясь нежелательных последствий в будущем. Часто диспут мог послужить ловушкой для верующих педагогов. Например, в городе Ельце на диспуте выступил педагог Константин Васильевич Дракин, прослуживший более двадцати лет на преподавательской работе. Как глубоко верующий человек он говорил на этом диспуте о бытии Бога. Вскоре Дракин был вызван в местком, где его спросили, сознательно ли он выступил на диспуте, будет ли выступать в будущем и будет ли он вести пропаганду о небытии Бога среди школьников. На первые два вопроса Константин Васильевич ответил утвердительно, на третий – отрицательно. После чего местком доложил об этом в Воронежский отдел народного образования. ОНО санкционировал увольнение К.В. Дракина[166].

Диспуты «Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание в школе» местными домами работников просвещения

организовывались во многих городах СССР. Такие диспуты прошли в Вязьме, Ставрополе, Уфе, Северодвинске, Ростове, Смоленске, в Крыму[167].

Диспуты 1927–1928 годов на тему «безрелигиозное или антирелигиозное воспитание в школе» стали одними из последних публичных общественных диспутов в СССР (во всяком случае, до середины 1950-х годов). На них еще можно было открыто высказаться по злободневному вопросу. В 1929 г. ни о каких общественных диспутах речи идти уже не могло.

Очевидно, что и в 1927–1928 гг. сторонники безрелигиозного воспитания, не говоря уже о глубоко верующих воцерковленных учителях, боялись публично высказываться на эту тему. Однако на диспутах докладчики получали иногда анонимные записки от несогласных педагогов: «Разве безбожие при наличии бескультурности не является базисом разложения семьи, нравственных устоев?..» «Скажите, как вы мыслите свободу религиозной мысли при условии, если она не затрагивает государственных законов нашей страны? А если таковой не существует, то какая религия может рассчитывать на свободу вероисповедания согласно декрету советской власти?». «У нас свобода вероисповедания, а верить нельзя – разве это не насилие! Как это объяснить ребяткам? Верить нельзя – это преследуется»[168].

В Москве отношение педагогов могло быть более лояльным. Школьный работник Замоскворецкого района И.А. Флеров утверждал, что большинство на школьных советах высказывалось в основном за антирелигиозное воспитание и требовало конкретных указаний[169]. Только в одной школе I ступени Замоскворечья заведующая оказалась не в рядах Союза безбожников. Она представила информацию не так, как хотелось бы «безбожникам». Была принята оригинальная резолюция: «Вести борьбу с религиозным дурманом незаметно в процессе обучения, так как дети I ступени малы еще для другой формы внедрения здорового понимания жизни»[170].

Но, как писал И.А. Флеров, «в отдельных школах были отдельные голоса» за безрелигиозное воспитание. Приводились следующие аргументы: «если в школе говорить о религии, о Боге, то этим внесется разлад между семьей и школой». Высказывались опасения возможного повторения грубостей первых лет советской власти; говорили о том, что религия в Москве изжита; что «проводя антирелигиозную работу, не сделаем ли мы злой работы: ребята ничего не знают о Боге, а вдруг узнают!»[171].

Дискуссия постепенно перетекала в обсуждение вопроса о том, как лучше проводить антирелигиозное воспитание и

насколько это позволяет современное состояние школы.

Среди тех, кто высказывался за антирелигиозное воспитание, как это уже было видно из публикуемых на страницах «Учительской газеты» писем и статей, были и сторонники его проведения, не прибегая к крайним методам (прежде всего, к кампаниям с вовлечением школы в непосредственную борьбу с религией и к радикальному пересмотру программ 1927 г.), и сторонники превращения школы в опорные базы воинствующего атеизма. Последние писали письма и заметки в газету Союза безбожников СССР «Безбожник». В них даже не обсуждался вопрос о необходимости перехода к антирелигиозному воспитанию, а содержались конкретные предложения, как проводить это воспитание.

А. Савушкин из Иваново-Вознесенска, обосновывая необходимость «ввести в число дисциплин преподавание в школе антирелигиозных предметов», писал: «Слова одного учителя: “Никогда не говорить о религии – лучшее воспитание”. Мне кажется эта мысль довольно верная, но только она не может быть применима в настоящее время, в настоящих условиях. Это – мысль будущего, когда действительно не будет никакой нужды в антирелигиозной пропаганде и слово “религия” совершенно утратит смысл и значение и будет вычеркнуто из числа бытовых слов»[172].

Б.М. Троепольский из Дубровской школы Елецкого округа объяснял необходимость начинать антирелигиозное воспитание с младших групп: «Дети еще в дошкольном возрасте впитывают в себя религиозные настроения окружающей их среды»[173].

Определяющее влияние на детей оказывала религиозная семья, и поэтому главная угроза в представлении многих атеистов исходила из семьи. Школа в их понимании должна превратиться в убедительную альтернативу религиозной семье. Они настаивали на том, чтобы школа вела бескомпромиссную борьбу с семьей за влияние на мировоззрение ребенка, вплоть до привлечения религиозных родителей к судебной ответственности. Автор статьи «В защиту детей» (Безбожник. 1928. № 40) требовал издать закон об ответственности родителей, «заставляющих насильно детей ходить в церковь»[174]. В ответ на эту статью в редакцию газеты «Безбожник» поступили многочисленные отклики читателей[175]. К.П. Кузьмин из села Яковлевка Владивостокского округа задавался вопросом: «… Будут ли они [дети] здоровой сменой тогда, когда они находятся под властью калек, инвалидов и нравственно больных родителей, зачастую глубоких фанатиков?». И продолжал: «Вполне согласен… с тем, что нужно ввести соответствующую статью закона, карающего за

калечение религиозным дурманом несовершеннолетних. Но этого мало, нужно найти еще статью закона по отношению к родителям, которые, проявляя свою власть, калечат детей тем, что в маломальские праздники не пускают детей в школу…»[176]. Педагог Репнинской школы I ступени Болховского района Орловского округа писал от имени школы: «…школа в целом высказывается за то, чтобы был издан закон, защищающий детей от религиозных родителей, которые занятия в школе сменяют на церковную службу»[177].

Безбожники допускали самые радикальные меры воздействия на верующих, вплоть до репрессивных.

В процессе обсуждения форм и методов антирелигиозного воспитания в школе возникали новые дискуссии. Воинствующая атеистка М.М. Костеловская в статье «Как подойти к вопросу антирелигиозного воспитания в школе» высказалась против организации в школе антирелигиозных кружков, усмотрев в них «особые уроки антирелигиозной пропаганды»[178]. «Нельзя ничего возразить против организации кружков безбожников, когда они возникают по линии комсомола и пионердвижения, – писала она. – Причем назначение этих кружков заключается не в изучении каких-либо дополнительных антирелигиозных предметов, а в практической активной реализации среди окружающих тех знаний, которые ребята получают по этому вопросу из школьных занятий»[179].

Статья М.М. Костеловской вызвала много откликов не только в виде писем в редакцию «Вестника просвещения»[180], она стала и поводом для проведения публичного диспута 5 апреля 1928 г. Он состоялся в Москве в помещении 52-й школы и был организован ячейкой СБ Сокольнического отдела народного образования, журналом «Вестник просвещения» и Домом работников просвещения Сокольнического района. С докладом выступила М.М. Костеловская. Выступившие в прениях не поддержали ее отношения к антирелигиозным кружкам. А. Дикарев, в частности, обратил внимание на то, что «кружки в школах нужны, т. к. они по сути своей являются не замкнутыми кружками учебы, а общественными организациями. Во время проработки антирелигиозного материала возникает целый ряд вопросов, никак не вмещающихся в программу школы, и разрешение их необходимо будет перенести в школьные кружки»[181].

Антирелигиозными кружками в школах руководили ячейки Союза безбожников, чьи методы работы вызывали отторжение многих просвещенцев. Обществовед А.И. Стражев на проходившей 13–14 июня 1928 г. конференции преподавателей

обществоведения школ II ступени РСФСР затронул вопрос об участии школьников в ячейках безбожников. «Я слабо знаком с этой организацией, – пояснял он, – но мне приходилось слышать от достаточно авторитетных людей, что самые формы борьбы ячеек “безбожников” не всегда носят педагогический характер. Если в это дело входит сам обществовед, если можно гарантировать, что эта работа ребят будет действительно проходить под правильным педагогическим руководством и под правильным общественным руководством, тогда можно будет говорить об участии ребят в ячейках “безбожника”». А.И. Стражев отметил, что атеистическая литература не на высоте в качественном отношении. «Журнал “Безбожник” не производит впечатления талантливого журнала, – подчеркивал он, – между тем, наши ребята привыкли к более художественным произведениям, у них тоньше вкус, острее чутье, и нужно подходить к ним с доброкачественным и авторитетным материалом». Стражев также заметил, что не все ребята попадут в атеистический кружок. Поэтому «нужно вести кампанию, которая бы непременно захватывала всю школу, и кампанию длительную»[182]. Как видим, автор не столько возражал против замены безрелигиозного воспитания антирелигиозным, сколько опасался примитивной работы, которая свойственна ячейкам Союза безбожников.

Вполне объяснимо, что против усиления влияния ячеек Союза безбожников в школе выступили некоторые работники центральных и местных органов управления народным образованием. Свой ведомственный интерес они защищали, аргументируя тем, что безрелигиозная школа, само собой, предполагает ведение в ней антирелигиозной пропаганды и что программы ГУСа 1927 г. позволяют проводить антирелигиозное воспитание. «Как ни парадоксально прозвучит это для тех, кто само название безрелигиозной школы принял как конец “антирелигиозной пропаганды”, как бессильный отказ от борьбы с религией, – писал А. Терентьев, – нужно раз навсегда подчеркнуть: безрелигиозная школа не может не быть школой антирелигиозной»[183]. В этом непонимании кроется, по мнению А. Терентьева, «недоразумение, которое как будто бы должно стать ясным каждому, кто читал программы ГУСа. Для этого достаточно раскрыть программу любого года обучения и взять любую тему… Можно ли представить себе педагога, который будет обосновывать вредное влияние церкви, соблюдая “нейтралитет” по отношению к церкви и религии? Можно ли говорить о религиозных предрассудках, не будучи ни за религию, ни против нее?.. Речь может идти только о методах, о подходе, о

приемах антирелигиозной работы. И Наркомпрос, и ГУС в своих программах правильно делали, когда указывали на необходимость известной осторожности, известного такта в подходе к вопросам религии»[184].

Такой же позиции придерживался консультант «Методического путеводителя» Ф. Варченков, который отвечал на страницах этого приложения к «Учительской газете» на вопрос, присланный одним из учителей: «Если правильно организовать работу по программам ГУСа, – подчеркивал Ф. Варченков, – которая от начала до конца материалистична, а следовательно, антирелигиозна, то успех в вашей работе на этом фронте обеспечен. Посмотрите на любую тему из любого года обучения, и вы увидите, что во всей вашей работе изо дня в день вы имеете материал для стройного и последовательного и безрелигиозного воспитания»[185].

Методист из Сибири Л. Ушатский писал, что сибирский вариант программы ГУСа также «дает большой простор инициативе педагога, не связывая его строго определенными темами. А раз это так, то в деле антирелигиозной пропаганды представляется возможным расширить в соответствующем духе более подходящую тему или подтему»[186]. В другой статье он уточнял свою мысль: «Часто приходится слышать от учителей, что при существующих программах очень трудно, почти невозможно ввести антирелигиозный материал. С этим никак нельзя согласиться. Наоборот, комплексная система преподавания в высшей степени облегчает введение в программу антирелигиозного элемента»[187]. В том же номере журнала некий И.Щ. предлагал, как лучше это сделать: «Не вводя новых тем, не перегружая программы ГУСа, в те же три основные колонки: природа, труд, общество и в те же темы, что имеются сейчас, надо включить антирелигиозный материал. Этот материал всегда и везде есть, надо только изучить окружающую среду в части ее религиозного состояния, особенно пристально присмотреться к семье и улице»[188].

О том, насколько программы ГУСа позволяют вести антирелигиозное воспитание в школе, дискутировали на конференции преподавателей обществоведения школ II ступени РСФСР 13–14 июня 1928 г. А.И. Стражев, делая доклад «Программа обществоведения и культурная революция», предложил выделить в программе по обществоведению антирелигиозные вопросы, представив Церковь в негативном плане как с бытовой, так и с общественно-исторической точки зрения. «Я не думаю, что для этого нужно создавать особый курс, – говорил А.И. Стражев. – Нет, но в пределах того

исторического курса, который мы ведем, мы должны выделить эти моменты»[189]. «К сожалению, программа наша составлена таким образом, что она совершенно не подсказывает этих вопросов, но они должны быть подсказаны»[190].

Выступавшие в прениях Марков из Тамбова и А. Дикарев из Москвы поддержали докладчика в том, что в программах ГУСа по обществоведению 1927 г. антирелигиозные темы «нужно искать днем с огнем»[191], что это «гоголевская пропавшая грамота»[192]. А. Дикарев, правда, отметил, что нельзя перегружать программу всеми темами, которые хотелось бы внести в нее антирелигиознику. Он предложил ограничиться самыми главными, отдельными антирелигиозными темами. Нужно конкретизировать программу, с тем чтобы преподаватель мог «придать своим занятиям новое содержание»[193]. Он же обратил внимание на учебники: «Просматривая наши учебники 5-х, 6-х и 7-х групп (и только потому, что программы не навели составителя на этот путь), мы видим… что в этих учебниках тоже разные антирелигиозные моменты приходится искать в строчках, иногда в десятках строчек…»[194]

Степанов, в свою очередь, не согласился с тем, что программы ГУСа сложно использовать в антирелигиозном воспитании. «Нельзя в нашей программе, – полемизировал он, – давать полный комплекс лекций по антирелигиозному воспитанию. На то ты и педагог, чтобы из той программы, которая у нас есть, приспособить некоторые моменты, некоторые темы к работе по антирелигиозному воспитанию»[195].

В заключительном слове А.И. Стражев уточнил свою позицию по программам. Он высказался против введения в программы специальных вопросов по истории и происхождению религии. «Я указал на то, что эти вопросы в достаточной мере могут вытекать из того программного материала, который имеется». В связи с этим Стражев отметил, что религиозный вопрос не сводится к аксиоме, а к целому ряду общественных отношений[196].

Для участников дискуссии был важен и вопрос о том, на кого, прежде всего, ляжет обязанность антирелигиозного воспитания в школе: на преподавателя обществоведения или на преподавателя естествознания? Обществовед Степанов считал, что эту работу должны проводить и те и другие, но задавался вопросом: «Подготовлены ли у нас естественники к антирелигиозной пропаганде?» И отвечал: «К сожалению, наши естественники не имеют основательного базиса для проведения антирелигиозной пропаганды. Кроме того, наши естественники в большинстве случаев люди верующие»[197].

Сами преподаватели естествознания придерживались

различных позиций по вопросу атеистического воспитания в школе. Ф.Ф. Дучинский на совещании преподавателей естествознания 2 марта 1928 г. заявил, что они не должны вести словесную антирелигиозную пропаганду. «Всякая же словесная пропаганда, – настаивал он, – со стороны естественника не будет достигать цели. Если для обществоведа является допустимой словесная антирелигиозная пропаганда, то у него нет такого сильного орудия, как исследовательская проработка биологических явлений»[198].

К.П. Ягодовский, выступая на том же совещании с докладом «Эволюционное учение и программа трудовой школы», отметил, что вопрос веры и неверия заостряется в трех случаях: «Когда начинается речь о происхождении мира… о происхождении окружающей природы и… когда начинается речь о происхождении человека. Подростка эти вопросы мучают, волнуют… Когда эти вопросы возникают – для подростка начинается трагедия»[199]. И.И. Полянский, являясь сторонником подробного изучения в школе эволюционной теории (так же, как и К.П. Ягодовский), высказал мысль о том, что «если …хотим привить марксистское мировоззрение… должны пропитать весь уклад нашей школьной жизни соответствующими тенденциями, в том числе и эволюционной теорией»[200].

С.И. Фрейдин, делая доклад «Задачи антирелигиозной работы в школе преподавателя-естественника» на первом Северокавказском краевом съезде преподавателей естествознания, химии и физики (проходил 12–18 апреля 1928 г. в Ростове-на-Дону) констатировал, что «преподаватель часто ограничивается “безрелигиозным” сообщением фактов, не останавливаясь на “антирелигиозных”, вытекающих из его науки, практических выводах». «Антирелигиозная работа естественника в школе должна идти по линии учебной и воспитательной», – считал Фрейдин. При этом антирелигиозная пропаганда не должна составлять особого “учебного предмета” с выделением специальных часов на нее. Вместе с тем, «антирелигиозная работа в школе должна иметь систематически-плановый характер, без излишней крикливости и шумихи…»[201]. В резолюции съезд указал на необходимость включения в воспитательную работу школы антирелигиозного воспитания[202].

Дискуссия об антирелигиозном воспитании в школе совпала по времени с выяснением отношений московских и ленинградских естественников. Москвичи (Б.В. Всесвятский, Ф.Ф. Дучинский и др.) настаивали на производственном принципе в естествознании, т. е. направленном на актуальные задачи социалистического строительства, на современность.

Ленинградцы, представлявшие Общество распространения естественно-исторического образования (ОРЕО), в которое входили Б.Е. Райков, К.П. Ягодовский и др., отстаивали эволюционный принцип в естествознании, т. е. более глубокое изучение эволюционной теории в школе.

21 декабря 1928 г. «Учительская газета» опубликовала открытое письмо московских естествоведов правлению ОРЕО. В этом письме Б.Е. Райкова и других ленинградцев обвиняли в отсутствии четкой классовой линии и требовали их отношения к платформе редакции журнала «Естествознание в трудовой школе», опубликованной рядом с обращением – открытым письмом. «Школьное естествознание, – говорилось в платформе, – должно превратиться из предмета, воспитывающего пассивного созерцателя, в кусок доподлинного действия школы на фронте классовой борьбы и строительства. Одной из важнейших очередных задач в этой борьбе, в частности, является активное антирелигиозное воспитание, не достигаемое одним только преподаванием положительных знаний»[203].

16 января 1929 г. был опубликован ответ Б.Е. Райкова, в котором содержалась поддержка москвичей в мировоззренческом аспекте. «Сильной стороной платформы, – писал Б.Е. Райков, – является ее упор в сторону мировоззренческую, которую мы, ленинградцы, всегда выдвигали на первый план. В первом же пункте программы говорится, что школьное естествознание должно воспитывать материалистов, притом материалистов “воинствующих”, т. е. активных. Этот взгляд я вполне разделяю. И, конечно, грош цена тому материализму, который не переходит в поступки, не “претворяется в миродействие”, как удачно сказано в платформе»[204].

В Наркомпросе РСФСР, практически руководившем учебно-воспитательной работой школы, все еще не было однозначного отношения к антирелигиозному воспитанию в школе. Многие высококвалифицированные профессионалы Наркомпроса, отдавшие много сил на разработку и внедрение в практику первых стабильных учебных программ 1927 г., считали, что современная школа, начавшая работать по этим программам, вполне способствует формированию у детей и подростков атеистического мировоззрения. Никакой специальной антирелигиозной кампании в ней не требуется. Однако в самой педагогике еще не было единства по обсуждаемому вопросу.

Первая опытная станция Наркомпроса, возглавлявшаяся С.Т. Шацким, известным своими теоретическими работами еще с дореволюционных времен, в начале 1928 г. подготовила методическую разработку «Организация детей в сельской школе I

ступени». В ней в качестве примера того, что «словесность всегда является спутницей неясности», приводилась история антирелигиозного вопроса, «уже прошедшая стадию словесного антирелигиозного потока и вошедшая в русло деловитого и научного подкопа, проникающего во все стороны школьного быта»[205]. В документе подчеркивалось безрелигиозное состояние школы.

В предисловии к задуманному работниками опытной станции Наркомпроса сборнику по вопросам антирелигиозного воспитания учащихся С.Т. Шацкий писал: «Программа ГУСа не говорит о религии – она говорит о жизни. В жизни же в зависимости от среды религия занимает то или другое место: в рабочей – меньшее, в крестьянской – большее. Следовательно, объем, содержание и метод борьбы с нею определяются именно характером среды: в примитивной деревне – один подход, в сравнительно культурной – другой, а в рабочей, почти безрелигиозной среде, пожалуй, никакого подхода не нужно»[206]. Таким образом, С.Т. Шацкий считал программы ГУСа 1927 г. вполне приспособленными к ведению антирелигиозной работы в школе.

Другой педагог-теоретик, А.П. Пинкевич (из меньшевиков, участвовавший в работе Временного правительства по реформе школы), в рабочей книге для педагогических техникумов «Основы советской педагогики» предварял главу «Антирелигиозное просвещение» следующими словами: «На место прежней, относительно пассивной политики арелигиозного просвещения должна быть поставлена политика антирелигиозного просвещения»[207]. В тексте главы Пинкевич уточнил свою мысль. За первым периодом арелигиозного воспитания, когда «школа чрезвычайно осторожно подходит к вопросу о Божестве и религии… должен последовать период второй, когда на первый план выдвигается антирелигиозное (т. е. противорелигиозное) просвещение. В огромном большинстве районов СССР (конечно, не во всех) почва настолько подготовлена, что от арелигиозного просвещения можно перейти уже к боевому, антирелигиозному». Однако, по Пинкевичу, это не означает, что арелигиозное просвещение отпадает, оно дополняется антирелигиозным просвещением. «Нам необходимо проводить все то, что делалось в области арелигиозного просвещения, и дополнить это тем, что создает у наших учащихся боевую направленность против церкви и религии»[208]. Учитель должен на базе материалистического образования, которое дают программы ГУСа, «вовлекать учащихся в активную борьбу с церковностью и религией». При этом А.П. Пинкевич впадает в явное противоречие. С одной стороны, он

пишет, что не нужно «допускать какие-нибудь бестактные или грубые выходки против местного священника или вообще верующих». С другой стороны, Пинкевич настаивает на том, чтобы учитель пользовался всяким конкретным случаем с целью «вызвать резко отрицательное отношение учащихся к церкви и ее деятелям…». «Важно создать определенный тон в школе, тон не боязливого умалчивания всего того, что касается Бога и церкви, но прямого и решительного обличения церкви и ее служителей»[209]. Пинкевич все же делает скидку на особенности той или иной местности: «Памятуя о необходимости большой осторожности в этом деле, необходимо тщательно обсудить на районных конференциях и в местных органах народного образования те формы антирелигиозного просвещения, которые допустимы в данной местности»[210].

Директор Института методов школьной работы В.Н. Шульгин, начавший карьеру уже при советской власти, более резко отозвался о позиции безрелигиозного воспитания. «Одна болтовня о безрелигиозности – преступление», – писал он в 1928 г. в статье «Идеологическая установка школы I ступени»[211]. «Надо добиться, – настаивал Шульгин, – того, чтобы вся программа сверху донизу была пропитана антирелигиозными моментами, чтобы ребята вели борьбу не только за повышение урожайности, но и против религии среди своих близких, среди взрослых»[212]. Шульгин также настаивал на активизации общественной работы школы в этом направлении. «Надо и общественную работу школы использовать для этого. А пока этого нет, пока серьезно за дело не взялись. И ползут слухи о том, что ударили, и опять забудут: настряпали, мол, антирелигиозных кружков, а через неделю вновь все развалятся», – писал он в книге «О воспитании коммунистической морали»[213].

Председатель научно-педагогической секции ГУСа Н.К. Крупская, непосредственно руководившая составлением школьных программ ГУСа, в начале дискуссии отстаивала ту позицию, что программы ГУСа 1927 г. позволяют вести в школе антирелигиозную работу и особого усиления в школе антирелигиозной пропаганды не требуется. В статье 1927 г. «О безрелигиозном воспитании в школе» Н.К. Крупская утверждала, что, несмотря на то, что «в программах школ, в учебниках нет прямой антирелигиозной пропаганды… советская школа является могучим средством борьбы с религией»[214].

Но уже на агитпропсовещании при ЦК ВКП(б), состоявшемся 30 мая – 3 июня 1928 г., Н.К. Крупская, отвечая на критику заведующего АППО ЦК ВКП(б) А.И. Криницкого о неудовлетворительном состоянии антирелигиозной работы, в

целом ее признала, отметив, вместе с тем: «Я думаю, что перед нами сейчас стоит некоторая опасность, чтобы мы не впали в те приемы антирелигиозной пропаганды, которые у нас процветали в 1919/20 годах… Одним напором, одним комсомольским рождеством мало, что сделаешь. Тут должен быть целевой подход, разработанный довольно детально»[215].

В майском номере 1928 г. журнала «Революция и культура» появилась статья ответственного секретаря ЦС СБ Ф.Н. Олещука «За антирелигиозное воспитание в школе». Опираясь на поддержку АППО ЦК, автор обвинил Наркомпрос РСФСР в том, что тот по-прежнему придерживается принципа безрелигиозного воспитания. В доказательство приводились слова заместителя председателя Главсоцвоса М.М. Пистрака, сказанные еще на диспуте в ноябре 1927 г.: «У нас есть довольно большой процент старых учителей, которые если в Бога и не верят, то прикидываются, что веруют, потому что им очень важно мнение своих ближайших соседей и родителей ребят, иногда более важно, чем мнение Союза. И вот, имея такого рода прослойки, нужно ли нам форсировать антирелигиозную пропаганду… Нужно бы подсчитать, какой процент неприятностей мы могли бы здесь иметь»[216]. Ф.Н. Олещук несколько переставил слова М.М. Пистрака, а после слова «форсировать» убрал слова «ярко выраженную», чем исказил смысл фразы[217]. Ответственный секретарь СБ указывал Наркомпросу на то, что «следует пересмотреть свою точку зрения в этом вопросе и немедленно переработать соответствующим образом программы, дать указания на места…»[218]. «Не надо, конечно, вводить ничего похожего на прежний Закон Божий. Но все школьное воспитание, по возможности, все программы и предметы должны быть пронизаны антирелигиозными моментами»[219].

Н.К. Крупская ответила статьей «Об антирелигиозном воспитании в школе»[220], опубликованной дважды. Она использовала и партийную печать – журнал «Революция и культура» и ведомственный орган Наркомпроса РСФСР – журнал «На путях к новой школе», будучи его главным редактором. В статье принцип «безрелигиозного» воспитания назван «легендой»[221]. Крупская обратилась к авторитету Ленина, с иронией подчеркнув, что «Ленин расценивал работу среди учительства в деле антирелигиозной пропаганды несколько иначе, чем Ф. Олещук»[222]. Но, вместе с тем, признала, что «антирелигиозная борьба в школе несколько ослабела за последние три года». «Нельзя отрицать этого факта. Скажу только, что тут вина не одного Наркомпроса, – указывала Крупская. – Это надо исправить». О термине «безрелигиозное

воспитание» она сказала особо: «Я не стану теперь защищать этот термин. Поскольку его стали толковать как пассивность в деле борьбы с религиозным мировоззрением, постольку его надо изъять из обращения»[223]. Однако Крупская радикально что-то менять в сторону антирелигиозного воспитания (в том числе относительно школьных программ), видимо, не собиралась. Об этом говорят заключительные слова статьи: «Надо все более и более пропитывать материалистическим духом все преподавание, усиленно работать над организацией ребят, над воспитанием в них духа товарищества, надо глубже подкапывать самые корни религии – последнее не только руками Наркомпроса, конечно, но всем строительством социализма в целом»[224]. Ни о какой атаке посредством школы на религию Н.К. Крупская летом 1928 г. не говорила.

А.В. Луначарский предпочитал раньше времени не оглашать свою позицию по антирелигиозному воспитанию в школе. Такое замалчивание народным комиссаром просвещения вопроса не могло не волновать воинствующих атеистов, требующих более четкой позиции руководителей Наркомпроса РСФСР по этому вопросу[225].

Выступая на VI съезде заведующих ОНО, состоявшемся 20–26 апреля 1928 г., с докладом «Пятнадцатый съезд компартии и задачи народного просвещения», А.В. Луначарский заявил, что «нужно усилить… борьбу с врагом… который имеется… по линии контрреволюционных взглядов всякого типа… по линии религиозных предрассудков и всякого мистицизма»[226]. Как видим, Луначарский не сказал ничего конкретного об антирелигиозном воспитании в школе. В то же время на этом съезде от делегатов, например, от Глаголева из Тулы, звучало требование более четкой линии «со стороны Наркомпроса в вопросе постановки антирелигиозного воспитания»[227].

Несколько позже, когда антирелигиозное воспитание уже было «узаконено» в школе, 3 апреля 1929 г., нарком просвещения, рассказывая на лекции в Академии коммунистического воспитания (АКВ) о том, чем в его представлении была «безрелигиозная школа», проговорился: «…Даже у мало-мальски убежденного учителя-атеиста была полная возможность в рамках этой школы бороться с религиозностью детей»[228].

Вопрос о замене в школе безрелигиозного воспитания антирелигиозным так, как его видели атеисты СБ, был решен в основном без участия А.В. Луначарского и Н.К. Крупской (которую привлекли к обсуждению на последнем этапе)[229]. Благодаря партийному указанию вопрос удалось форсировать, поставив Наркомпрос перед фактом.

Дискуссию о безрелигиозном или антирелигиозном воспитании в школе условно можно назвать содержательной дискуссией на объявленную тему. Возможность высказаться получили в основном сторонники антирелигиозного воспитания. Но даже их высказывания, статьи и письма содержали достаточное количество фактов негативного отношения к этой замене значительной части населения. Однако изначально инициаторы дискуссии заботились не об обсуждении вопроса по существу. Об этом свидетельствует и состав участников, и формы ведения дискуссии, и то, как подавались ее материалы обществу. Инициаторы дискуссии настраивали общество на неизбежность введения в школе антирелигиозного воспитания. По сути, эта подготовка общества и являлась главной целью дискуссии, определила состав ее участников, формы и методы проведения. Дискуссия стала возможной только при инициативе партийных структур (АППО ЦК ВКП(б), Антирелигиозной комиссии при ЦК), опоре на руководство ЦК работников просвещения. Необходимо было прощупать настроения массового учительства, преодолевая некоторую осторожность и медлительность руководства Наркомпроса РСФСР.

Глава II. Оргподготовка к антирелигиозному наступлению

Введение антирелигиозного воспитания в школе в 1928/29 учебном году являлось составной частью нового политического курса. Он известен как «великий перелом» в строительстве социалистического общественного строя в СССР. «Великий перелом» стал знаковым явлением и свидетельствовал о решительном намерении ЦК ВКП(б) создать новое общество, согласно марксистско-ленинскому учению, не совместимое с религиозным мировоззрением. Совершавшаяся в те годы индустриализация, коллективизация и культурная революция сопровождались идеологической обработкой общественного сознания. Одним из способов являлось антирелигиозное воспитание школьников, посредством которого власть рассчитывала изменить сознание не только детей, но и взрослого населения.

Реализацией нового политического курса занимались партийно-государственные и общественные структуры, которые вовлекались в эту работу, готовили и проводили в жизнь антирелигиозное воспитание в школе.

Возглавлял работу ЦК ВКП(б) и его аппарат. Непосредственно или в составе других проблем вопросы обсуждались на заседаниях его Оргбюро, Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б). На заседаниях обсуждались и утверждались постановления и решения, формулирующие содержание политического курса. Их реализация становилась обязательной для нижестоящих партийных органов: крайкомов, обкомов, окружкомов, партийных ячеек в структурах государственного управления, в первую очередь, конечно, системы народного образования, школ, других педагогических учреждений. Рабочим аппаратом являлись Отдел агитации, пропаганды и печати (АППО ЦК ВКП(б)). Так назывался отдел в 1928–1929 гг. Кроме него была Комиссия по проведению декрета об отделении Церкви от государства (переименованная в Антирелигиозную комиссию ЦК). В местных (краевых, областных, окружных) партийных комитетах вопросы прорабатывались, соответственно, в агитационно-пропагандистских отделах и местных антирелигиозных комиссиях.

В системе Наркомпроса РСФСР (до его реорганизации в 1930 г.) антирелигиозным воспитанием в школе, прежде всего, занималась коллегия наркомата. На ее заседаниях обсуждались и принимались решения о практической реализации политических

решений. За научно-педагогическую, идеологическую сторону содержания школьных программ отвечала научно-педагогическая секция ГУСа. Одно из главных управлений Наркомпроса РСФСР – Главсоцвос и его школьный отдел – отвечало за реализацию содержания образования и его уровень в целом (утверждение и подготовка к печати школьных программ). Заведующий Главсоцвосом М.С. Эпштейн, председатель ГУСа (М.Н. Покровский) и председатель научно-педагогической секции его (Н.К. Крупская) были членами коллегии Наркомпроса.

В главных управлениях наркомата создавалось несколько комиссий, решавших конкретные вопросы. Они работали как на постоянной, так и временной основе. Так, в 1929 г. работала комиссия по борьбе с религией Наркомпроса РСФСР. В Главсоцвосе имелась постоянно действующая Комиссия по книге. В ее структуре имелась подкомиссия по нацменкниге. Эта комиссия организовывала рецензирование, редактирование и утверждение к печати учебников. Антирелигиозным воспитанием занимались и другие главные управления Наркомпроса – Главпрофобр и Главполитпросвет, в их структуре также находились учебные заведения. В 1928–1929 гг. в Наркомпросе создавались на определенное время специальные комиссии для частных вопросов, например, для составления методических писем по антирелигиозному воспитанию. В ГУСе в этот же период работала национально-антирелигиозная комиссия. Специальная комиссия в Наркомпросе создана для подготовки доклада А.В. Луначарского «О борьбе с религией» на сессии ГУСа. В комиссию входило все руководство наркомата – А.В. Луначарский, его заместитель В.Н. Яковлева, председатель Главполитпросвета и научно-педагогической секции ГУСа Н.К. Крупская, заместитель председателя Главсоцвоса М.М. Пистрак. Такой же государственный аппарат функционировал в союзных и автономных республиканских наркомпросах, местных край-, обл-, окружных отделах народного образования.

После реорганизации Наркомпроса в 1930 г. Главсоцвос преобразован в школьный отдел. Создан учебно-методический сектор (УМС), к которому перешли функции научно-педагогической секции ГУСа. Соответствующим образом реорганизована и структура местных органов.

Важную роль играли общественные организации, в первую очередь, профсоюзные – ЦК работников просвещения, специальный Союз безбожников СССР, комсомольские и пионерские организации. Профсоюз регулярно проводил всесоюзные, республиканские, местные съезды и конференции учителей. На заседания президиума ЦКпроса выносились и

получали решение вопросы антирелигиозного воспитания, роли учителей в нем. В ЦК ВЛКСМ на заседаниях его бюро и секретариата, пленумах ЦК также ставились эти вопросы, касающиеся активизации молодежи в антирелигиозном воспитании. Не обошло вниманием эту проблему и Центральное бюро детских коммунистических организаций юных пионеров (ЦБ ДКО ЮП). И, конечно, активнейшую роль играл Союз безбожников СССР (с 1929 г. переименованный в Союз воинствующих безбожников СССР), его рабочий аппарат – исполбюро Центрального совета. На заседаниях исполбюро ЦС, всесоюзных и местных съездах, пленумах как центрального, так и местного (краевых, областных и т. д.) уровней регулярно обсуждался ход работы. Как в структуре государственных органов управления народным образованием, так и в структуре СВБ на всех его уровнях также создавались свои антирелигиозные комиссии. Они работали в тесном контакте с антирелигиозными комиссиями при местных партийных организациях.

Таким образом, в реализацию политического курса включен весь партийно-государственный механизм, общественные организации всех уровней. Он располагал мощными мобилизационными средствами, среди которых важная роль отводилась многочисленной периодической печати (как партийно-профсоюзной, так и ведомственной). Она систематически освещала ход работы, контролировала и информировала вышестоящие органы.

Подготовка к началу наступления на религиозность учащихся, о которой свидетельствовали регулярно проводимые опросы, совпала со временем подготовки к XV съезду ВКП(б). Е.М. Ярославский опубликовал в своем журнале предложения к предстоящему съезду. Он предлагал «решительно бороться с ликвидаторскими настроениями по отношению к антирелигиозной пропаганде». В частности, систематически вводить «темы антирелигиозной пропаганды во всякого рода курсы по переподготовке учителей»[230]. Тогда же в письме И.В. Сталину Е.М. Ярославский просил включить в отчет ЦК ВКП(б) XV съезду вопросы антирелигиозной пропаганды[231]. И.В. Сталин, выступая с докладом на XV съезде ВКП(б), проходившем 3–7 декабря 1927 г., отметил «ослабление антирелигиозной борьбы», относя его к недостаткам, которые необходимо ликвидировать[232]. Однако на съезде этот недостаток не обсуждался. Съезд был полностью погружен в борьбу с новой оппозицией. Ярославский, как член Центральной контрольной комиссии, избирался в президиум съезда и выступал от ЦКК с большим докладом. Любопытно, что даже в специальной

резолюции съезда «О работе в деревне» проблеме антирелигиозной пропаганды не нашлось места.

Но 13 апреля 1928 г. И.В. Сталин докладывал на активе Московской парторганизации о работе Апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Напомнив реакцию населения на кампанию изъятия церковных ценностей в 1921–1922 гг., он подчеркнул, что теперь важнее «связать широкую массовую антирелигиозную кампанию с кровными интересами масс и повести ее таким образом, чтобы она, эта кампания, была понятна для масс, чтобы она, эта кампания, была поддержана массами»[233].

Власть, как ей представлялось, накопила достаточно ресурсов, чтобы начать массовую атаку на Церковь и религиозное сознание миллионов советских граждан. И, прежде всего, непосредственному воздействию антирелигиозной пропаганды должны были подвергнуться школьники, которые могли оказать психологическое воздействие на своих верующих родителей.

30 мая – 3 июня 1928 г. при АППО ЦК ВКП(б) состоялось совещание по вопросам культурного строительства. С докладом «Основные задачи агитации, пропаганды и культурного строительства» выступил заведующий отделом А.И. Криницкий. Касаясь вопроса о школе, он отметил: «Антирелигиозная работа в школе недостаточно активна. До последнего времени действовали устаревшие и ошибочные в ряде моментов методические указания о «безрелигиозном воспитании в школе I ступени». «Нельзя, конечно, возвращаться к практике административного уклона в антирелигиозной работе в школе, – подчеркнул он, – но категорически необходимо взять гораздо более активную линию систематической борьбы против религиозных предрассудков»[234]. В тезисах совещания, принятых по докладу А.И. Криницкого, содержались конкретные указания, касающиеся системы народного образования: «Необходимо с привлечением наиболее квалифицированных марксистских сил партии в течение 1–2 лет провести проверку программы и, особенно, учебников массовой школы Наркомпроса под углом зрения социалистического воспитания и идейной закалки детей и связи школы с задачами хозяйственного и культурного строительства. В частности, необходимо обеспечить в работе школы гораздо более энергичную борьбу против тенденций аполитичности и более активное наступление в области антирелигиозного и интернационального воспитания»[235].

Но в Наркомпросе РСФСР до партийных указаний вовсе не бездействовали. В начале 1928 г. в Главсоцвосе приступили к составлению нового методического письма об антирелигиозном

воспитании, которое дало бы более четкие указания учителям. «Пред Главсоцвосом стоит задача дать соответствующие инструкции трудовым школам по линии антирелигиозной пропаганды. Было бы очень важно увязать эту работу с программой школы, а также выяснить вопрос о тех формах, которые можно использовать в школьной работе», – писала инспектор Главсоцвоса Е. Кушнир в Замоскворецкий совет СБ И.А. Флерову. Так И.А. Флерова приглашали участвовать в разработке методических материалов по антирелигиозному воспитанию в школе[236].

18 мая 1928 г. в «Учительской газете» появилось сообщение о том, что Главсоцвос составляет письмо об «антирелигиозной пропаганде в школах I и II ступеней» и к началу 1928/29 учебного года оно будет разослано в местные отделы народного образования[237].

6 июня 1928 г. (через три дня после завершения работы агитпросовещания при ЦК) заведующий Главсоцвосом М.С. Эпштейн написал письмо в президиум научно-педагогической секции ГУСа. В нем он негативно оценил прежнее методическое письмо ГУСа «О безрелигиозном воспитании». «За последнее время я читал много заявлений от учительства и от отдельных представителей партии и комсомола, резко критикующих письмо ГУСа о безрелигиозном воспитании, – писал он. – Мне лично представляется, что в значительной степени эти критические замечания верны. В письме ГУСа недостаточно подчеркнута политическая оценка религии… а раз эта оценка недостаточно отчетливо дана, то и выводы страдают некоторой “нейтральностью”: все сводится к изживанию невежества путем внедрения правильных представлений о явлениях в природе и обществе. Отсюда – и безрелигиозное воспитание – термин тоже достаточно нейтральный, я бы сказал, пацифистский. Мне представляется, что мы в нашей школьной действительности накопили уже достаточно сильный учительский советский актив, имея много общественно-чутких детских самоорганизаций, комсомол и пионердвижение, и в состоянии сейчас поставить вопрос о серьезном наступлении на религию в школе»[238]. М.С. Эпштейн предлагал «новым документом наметить целую систему антирелигиозного воспитания»[239].

14 июня 1928 г. в выступлении на конференции преподавателей обществоведения школ II ступени М.С. Эпштейн подчеркнул, что обществовед не может просто преподавать свой предмет без классовой оценки, не включаясь в классовую борьбу. «Я уверен, – говорил он, – что, когда можно будет говорить о прекращении классовой борьбы, аксиома, что Бога нет, будет

настолько очевидной, что мы будем говорить [об] арелигиозном воспитании»[240]. Эпштейн так конкретизировал свою мысль: «В тот переходный период, когда религия является одним из элементов и орудием классовой борьбы, мы не можем ставить вопроса: или антирелигиозное, или безрелигиозное воспитание в школе, а нужно говорить об антирелигиозном воспитании и вопрос о существовании Бога ставить одним из вопросов классового наступления и классовой борьбы»[241]. Таким образом, антирелигиозное наступление в школе предполагалось напрямую связать с классовой борьбой.

23 июля 1928 г. постановлением «О школе II ступени» коллегия Наркомпроса РСФСР потребовала от Главсоцвоса разработать к 1 ноября методические письма по вопросам антирелигиозного и интернационального воспитания[242]. М.С. Эпштейн, выступая 21 сентября 1928 г. на пленуме ЦКпроса, заявил о переходе к наступлению в вопросе антирелигиозного воспитания в школе[243]. «Главсоцвосу Наркомпроса предстоит разработать… ряд методик», – пояснил он[244].

Однако выход методических писем из-за их недоработки откладывался на неопределенное время. С мест в ожидании писем в Главсоцвос направлялись запросы. Пермская учительская конференция требовала «создать необходимые условия для получения систематической помощи в деле антирелигиозного воспитания в школе»[245]. В начале августа 1928 г. Главсоцвос получил письмо от Нижегородского губоно с просьбой «срочно сообщить, когда выходит инструкт[ивное] методическое письмо по антирелигиозному воспитанию в школе и будет ли Нижгубоно иметь возможность получить его около половины августа, чтобы направить на места к осенним конференциям». Главсоцвосу пришлось ответить, что письмо выйдет только в сентябре[246]. То же самое Главсоцвос обещал и Тульскому губоно[247].

Представленный И.А. Флеровым проект методического письма об антирелигиозном воспитании в школе повышенного типа (5–9 группы) представлял собой скорее монографию. В первой части письма доказывалось, почему религия является «опиумом народа». Затем шел обширный анализ состояния религиозности школьников по результатам обследований. В заключении второй части текста религиозность объявлялась «болезнью». «Нужно найти причины этой болезни, чтобы принять ряд мер, противодействующих проникновению религиозного яда в сознание школьника» – писал Флеров[248]. Третья часть письма представляла историю безрелигиозного воспитания в школе и содержание дискуссии о необходимости перехода к антирелигиозному воспитанию. Рассказав о возможных методах

антирелигиозного воспитания, автор перешел к увязке программ ГУСа с антирелигиозным материалом. «Нет необходимости выдвигать какие-либо специальные антирелигиозные темы и усложнять этим программы… достаточно остановить внимание учащихся на известном антирелигиозном моменте, вытекающем органически из данной темы», – подчеркивал Флеров[249]. Преподавателям естествознания предлагалось обращаться к тексту Библии, противопоставлять его содержание научным данным[250]. Обществоведам рекомендовалось выявлять классовую роль религии, привлекать примеры мировой и отечественной истории[251]. Литературные произведения Флеров разделил на те, которые имеют антирелигиозный характер, и на те, которые содержат религиозные мотивы. Причем «Легенда о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского попала в разряд первых, а сказки А.С. Пушкина – в разряд вторых[252].

В заключительных частях письма рассматривались вопросы организации антирелигиозных кружков в школе и взаимодействия школы с населением. «Помимо той воспитательной работы, которую систематически должен проводить учитель, в исключительных случаях придется применять и более крутые меры против семьи, насилующей ребенка, – указывалось в проекте письма. – Здесь нечего стесняться разрыва с семьей, ибо дело зачастую идет и о физическом насилии над ребенком на границе с уголовщиной». И.А. Флеров предлагал и средства борьбы: «В этих случаях школа, опираясь на пионеротряд, на ячейку ВЛКСМ, на партийную ячейку, на другие общественные организации, должна вступиться за ребенка; он должен найти в советской власти защиту против религиозного угнетения, такую же, какую он имеет против всякого другого угнетения»[253]. Этот текст позднее вошел в методическое письмо № 15 Главсоцвоса «Антирелигиозное воспитание в школах повышенного типа»[254]. Безбожники, ожидая возможных конфликтов школы и семьи, готовились к борьбе с последней при поддержке общественных организаций.

Сотрудники Главсоцвоса основательно раскритиковали рукопись Флерова. В своих замечаниях они высказывали довольно оригинальные мысли. Инспектор школьного отдела Ф.Ф. Советкин в рецензии отметил, что «задача методического письма, прежде всего… должна заключаться в том, чтобы дать учителю ясно понять, что антирелигиозное воспитание – это процесс глубоко активный, определенно наступательный. Но наступательный не только на те предрассудки, которые уже сидят в головах детей и их родителей… но, главное, на всю психику ребенка в целом»[255]. Любопытно, что примерным Ф.Ф. Советкин

считал дореволюционное воспитание детей: «…Закон Божий в общем воспитательном процессе занимал сравнительно ничтожную долю. Молитвы перед и после учения, перед завтраком и после завтрака, бесконечное множество духовно-нравственных статей на уроках объяснительного чтения, весь стиль детской библиотеки и книжек для классного чтения – все с начала до конца было пропитано религией, все кричало о Боге»[256].

Однако Советкину не нравились отсылки Флерова к Ветхому Завету: «Зачем вколачивать в голову ребят такой вздор, как сила и волосы Самсона, переход через море и т. п., который давно испарился даже из взрослых умов?»[257] Рецензент считал нецелесообразным использовать текст Флерова для методического письма Главсоцвоса[258].

Разработка письма для школ I ступени (1–4 группы) велась еще с мая 1928 г.[259] Текст письма в теоретической части повторял письмо для школ II ступени, что отмечалось рецензентами[260]. Это отчасти объяснялось тем, что в основу и того и другого положен текст И.А. Флерова. Подготовлено и альтернативное письмо «Антирелигиозная работа в деревенской школе I ступени», представленное в 1928 г. Третьей опытной станцией Наркомпроса РСФСР, однако и оно не было принято в качестве инструктивного письма Главсоцвоса[261].

Таким образом, несмотря на критические замечания рецензентов на проекты писем, в Главсоцвосе не имелось четкого представления, каким должно быть методическое письмо. И пока выпуск его задерживался, на местах разрабатывали и выпускали свои методические материалы, не согласованные с центром.

В 1928 г. Московский отдел народного образования издал сборник по вопросам общественно-политического воспитания в школе, в нем давались разработки и по антирелигиозной работе[262]. Отдел соцвоса МОНО после выпуска сборника продолжил разработку антирелигиозных материалов[263]. Опыт московских просвещенцев поддержали в других губерниях. «Мы можем последовать этому примеру: начать работать без программно-методических указаний со стороны, – предлагал И. Бойков на Новосибирском общегородском собрании в ноябре 1928 г., – а в наших объединениях (семинариях, кружках, конференциях) мы опыт свой будем собирать, обсуждать и совершенствовать. И таким путем найдем (издадим) сами и программу, и методику»[264].

Нижегородский губоно, вопрошая Главсоцвос, когда выйдет методическое письмо, сообщал, что ему это нужно знать, чтобы решить, следует ли направлять на места свое письмо?[265] В

Архангельске 6 ноябре 1928 г. при утверждении своего письма, отмечали, что оно «дублирует работу Наркомпроса, вследствие того, что до сей поры обещанного Наркомпросом письма об антирелигиозном воспитании не получено»[266]. Письмо об антирелигиозном воспитании в школе в 1928 г. составили также на Северном Кавказе[267], в Кадникове (где дали указание проработать письмо на педагогических совещаниях и конференциях)[268], в Орле, в Брянске и некоторых других местах. В Орле, помимо выпуска инструктивного письма, давался и антирелигиозный материал к предстоящему Рождеству 1928/1929 г.[269] Там увязали содержание школьных программ (по школам соцвоса) и программ техникумов с антирелигиозным материалом[270].

Брянский губоно за настойчивость и инициативу заслужил несправедливую критику. 12 октября 1928 г. губоно направил Главсоцвосу письмо. В нем убедительно «просил поспешить с выпуском инструктивного письма, т. к. брянское учительство требует указаний». Губоно же «пока воздерживается дать на места исчерпывающие указания, ожидая таковых от Наркомпроса»[271]. Главсоцвос 22 октября 1928 г. пообещал и ему опубликовать методическое письмо «в ближайшее время»[272]. Не дождавшись, Брянский губоно в ноябре 1928 г. издал свое методическое письмо «Об антирелигиозном воспитании учащихся». Письмо предлагалось «зачитать для сведения и руководства на всех школьных коллективах, а также и на родительских собраниях»[273].

4 января 1929 г. в «Учительской газете» появилась статья Ф.Н. Олещука «О верующем учителе». В ней автор в качестве примера неправильной антирелигиозной методразработки назвал письмо Брянского губоно. «В нем составители ничтоже сумняшеся заявляют: “человек произошел от одноклеточного животного”», – писал Ф.Н. Олещук[274]. На самом деле, этого текста методическое письмо не содержало. В нем говорилось об увязке антирелигиозных вопросов с темами программ ГУСа. Присутствовал следующий текст: «телеология [так в тексте – В.Ш.] в объяснении устройства органов у животного мира, и что говорит на этот счет дарвинизм»[275]. Заведующий Брянским губоно Завьялов отправил в редакцию «Учительской газеты» и в Главсоцвос ответную заметку с просьбой опубликовать ее как опровержение[276]. Завьялов отмечал, что текста, цитируемого Олещуком, письмо не содержит. Он делал вывод, что автор его не читал и «перепутал его, очевидно, с другим, каким-либо»[277].

Научно-методический совет Ленинградского облоно, разработав проект своего письма, в конце декабря 1929 г.

разослал его по школам для обсуждения на школьных советах[278].

«Медлительность» Главсоцвоса в подготовке методического письма по антирелигиозному воспитанию в школе, которое содержало бы официальную санкцию всей системе народного образования, вызывала нарекания со стороны профсоюзных, комсомольско-пионерских органов и, конечно, ячеек безбожников.

Активную позицию занимало руководство Союза работников просвещения. В докладе «Общественно-политическое воспитание просвещенцев» будущий редактор «Учительской газеты» А.Я. Вигалок, выступая 13 марта 1928 г. на пленуме Союза работников просвещения, поставил задачу учителям: «Выявление классовой сущности религии… внедрение в программы школы элементов антирелигиозной пропаганды, организация и вовлечение просвещенцев в Союз безбожников»[279].

Резолюции по антирелигиозному воспитанию принимались на учительских конференциях и учительских курсах 1928 года. Северодвинские губернские учительские курсы приняли специальную резолюцию. В ней требовалось «окончательно порвать с равнодушным отношением» учительства «к вопросам религии» и «окончательно» изжить «теорию безрелигиозного воспитания как не соответствующую духу советской педагогики и программам ГУСа», «четко взять» твердый курс «на антирелигиозное воспитание»[280]. По словам Журавлевой, приславшей письмо в газету «Безбожник», на Нижегородской учительской конференции летом 1928 г. этот вопрос не принимал дискуссионного характера, всюду преподаватели ставили его практически: как организовать безбожный кружок, ячейку, как увязать программу того или иного предмета с антирелигиозной пропагандой и какие имеются для этого пособия[281].

13 ноября 1928 г. президиум ЦКпроса утвердил план антирелигиозной работы. Он предложил обсудить его на коллегии Наркомпроса[282]. Основные положения плана сводились к следующему: по линии ЦКпроса – борьба с религиозными настроениями в просвещенческих кругах; по линии Наркомпроса – объявление четкой установки в антирелигиозном вопросе, повышение квалификации просвещенцев в соответствующем направлении, создание руководящего методического центра при Наркомпросе по антирелигиозной пропаганде[283]. Тогда же президиум ЦКпроса обратился в Наркомпрос с требованием о скорейшей замене письма о безрелигиозном воспитании письмом об антирелигиозном воспитании[284]. Присутствовавший на заседании инспектор

Главсоцвоса И.И. Векслер, докладывая М.С. Эпштейну о решениях президиума ЦКпроса, обращал внимание на настоятельные просьбы учительского профсоюза ускорить выпуск писем[285].

Столь же активную позицию занимали деятели ВЛКСМ. В подготовленном к XV Московскому губернскому съезду ВЛКСМ (февраль 1928 г.) проекте постановления «Об антирелигиозной работе» отмечалась необходимость «решительно бороться с взглядами на то, что школа должна быть нейтральна в вопросах антирелигиозной работы»[286]. В резолюции Бюро ЦК ВЛКСМ «О повышенной школе в городе», принятой в апреле 1928 г., подчеркивалась опасность наличия среди учащихся таких, как подчеркивалось, «болезненных явлений»[287].

На VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ (5–16 мая 1928 г.) делегат из Сибири Босых, выступая 15 мая в прениях по докладу Н.К. Крупской, особо подчеркнул, что «комсомольские организации сталкиваются с косностью» отделов народного образования. Он указал, что «Наркомпрос и органы ОНО на местах до сих пор не ведут в школах антирелигиозного воспитания, отделываясь рассуждениями о безрелигиозном воспитании»[288]. В резолюции съезда «О работе ВЛКСМ среди детей» говорилось: «Съезд обращает внимание Наркомпроса на необходимость введения в программу элементов антирелигиозного воспитания»[289].

На пленуме ЦБ ЮП в сентябре 1928 г. Е. Глатман, обратив внимание на то, что в школе все еще ощущается религиозное влияние, объяснила, что «есть еще ряд организаций, школ, которые ставят вопрос о безрелигиозном воспитании». «Наш пленум, – говорила она, – должен подчеркнуть необходимость перехода от безрелигиозного воспитания к широкому развертыванию антирелигиозной работы через создание различного рода кружков, через беседы, лекции, пронизывание всей учебной работы антирелигиозным содержанием»[290]. На том же настаивал Жигулин из Центральной Черноземной области: «Нужно резче ставить вопрос об антирелигиозной работе в школе. Проводившееся нами обследование показало, что 60 % школьников ходят в церковь и верят в Бога. Это безобразие для советской школы. Сами рабочие поднимают вопрос, чтобы в советской школе усилить антирелигиозное воспитание»[291]. В итоговой резолюции пленум ЦБ решительно высказался за необходимость перехода школы к более активной антирелигиозной работе[292].

24 сентября 1928 г. в редакции «Пионерской правды» состоялось совещание пионер-педагогов по антирелигиозной работе в школе. Докладчик Н.К. Амосов от ЦС СБ, призвав их «бороться с последователями принципа безрелигиозного

воспитания», особо отметил, что «нужно повести борьбу с той частью учительства, которая не только не разделяет принципа антирелигиозной работы в школе, но зачастую активно участвует в религиозной работе»[293]. Выступавшие требовали больше внимания обратить на то, чтобы педколлектив был вовлечен в дело антирелигиозного воспитания, чтобы работа велась по линии Наркомпроса, потому что возлагать ее целиком на вожатого невозможно[294].

ЦС СБ, активно участвуя в дискуссии, выработал свои предложения органам просвещения и ВЛКСМ. В докладной записке в АППО ЦК ВКП(б) (тот готовил Всесоюзное партийное совещание по народному образованию, которое планировалось на начало 1929 г.) ЦС СБ предлагал: антирелигиозное воспитание вести по двум основным линиям: школы и внешкольной клубно-кружковой работы с детьми. В школе, помимо включения антирелигиозных моментов в школьные программы, должна быть увязка со всем содержанием воспитательной работы и образования. Подчеркивалась необходимость развернуть органами народного образования, профсоюзом работников просвещения и ВЛКСМ работу по подготовке и переподготовке учительства и пионерработников. В педтехникумах и педвузах ЦС СБ считал необходимым ввести специальный курс по методике антирелигиозного воспитания в школе и включить соответствующие темы в программы некоторых дисциплин; не допускать к работе в школе активно верующих, считать невозможным пребывание в школе верующих обществоведов, словесников и естественников; «привлечь на свою сторону верующих учителей, при этом, разоблачая лицемерное поведение верующих просвещенцев»; проводить с детьми клубно-кружковую работу (антирелигиозные кружки, уголки, беседы и т. д.)[295].

ЦС СБ настаивал на том, что антирелигиозное воспитание следует вести с самого раннего возраста, а антирелигиозную пропаганду «развернуть среди учащихся старшего возраста»[296]. Правда, остается не ясным, как в ЦС СБ собирались отделить антирелигиозную пропаганду от антирелигиозного воспитания? В этой же докладной записке ЦС СБ объявлял Наркомпрос «большим тормозом в деле развертывания антирелигиозной работы». «Больше того, – говорилось в записке, – руководящие работники Наркомпроса, как, например, Крупская, все еще не признали своей ошибки с выпуском письма о безрелигиозном воспитании… Громадный вред делу… принесло и выступление тов. Луначарского на юбилейном вечере в Яснополянской школе имени Толстого»[297].

2 декабря 1928 г. при обсуждении докладной записки на

заседании рабочего президиума исполбюро ЦС СБ развернулась дискуссия. Заведующий подотделом национальностей ЦС СБ М.С. Кобецкий предложил «исключить пункт, направленный против Крупской», заменить его общим пунктом о существовании среди работников Наркомпроса течения, защищающего принципы «безрелигиозного воспитания»[298]. С ним не согласился Ф.Н. Олещук, высказавшийся за его сохранение, «так как она упорно продолжает отстаивать свою точку зрения»[299]. Его поддержали составитель записки Н.К. Амосов, заместитель председателя ЦС СБ И. Стуков, другие участники заседания. «Докладная записка должна точно обрисовывать положение, поэтому упоминание фамилий т.т. Крупской и Луначарского необходимо. Нужно внести ясность… точно выяснить позицию руководящих лиц в Наркомпросе», – настаивал Стуков[300]. Не случайно Ф.Н. Олещук заявлял в «Правде» 7 декабря 1928 г.: «Для того, чтобы развернуть антирелигиозную работу до необходимого размаха и должных размеров, необходимо ударить [выделено в тексте. – В.Ш.] кого следует, чтобы делу не мешали»[301]. Там же он писал: «…в соцвосе четвертый месяц уже лежат на подпись письма об антирелигиозном воспитании в школах – и ни с места. На местах сплошной вой, требуют указаний, а от Наркомпроса ни слуху, ни духу!»[302].

Давление на наркома А.В. Луначарского и Н.К. Крупскую оказывалось не только общественными организациями. В конце сентября 1928 г. начальник Главсоцвоса М.С. Эпштейн направил А.В. Луначарскому служебную записку, в которой обосновал необходимость существенной реорганизации ГУСа (Н.К. Крупская возглавляла его научно-педагогическую секцию.) «Я лично, – писал Эпштейн, – настолько ощущаю потребность в решительном, революционном повороте, если хотите, в «новом курсе», что не вижу для себя никак возможностей продолжать работу в Наркомпросе, если совместными усилиями мы не обеспечим новых условий работы»[303]. Эпштейну не нравилось, что ГУС состоит из людей, «которые импонируют старым кадрам педагогов и авторитетны среди них»[304]. И в связи с этим, по его мнению, ГУС «молчит», не проявляя никакой инициативы: «Внешкольная работа с детьми, воспитательная работа в средней школе – за все это ГУС принимался лишь после того, как об этом долго твердила советская печать, комсомол и др»[305]. И такое давление возымело действие.

Наконец, 9 декабря 1928 г. на закрытом заседании, заслушав сообщение заместителя наркома В.Н. Яковлевой «О пересмотре вопроса об антирелигиозной работе в школе», коллегия Наркомпроса РСФСР постановила: «Считать необходимым в конце

декабря поставить на рассмотрение… разработанный Главсоцвосом проект нового методического письма по вопросу об антирелигиозном воспитании и проект разъяснения по письму о безрелигиозном воспитании, которое поручить составить Крупской. На том же заседании рассмотреть все вопросы, затронутые в письме ЦКпроса»[306]. В комиссию по редактированию методического письма «Антирелигиозное воспитание в школах повышенного типа» впоследствии вошли А.В. Луначарский, В.Н. Яковлева, Н.К. Крупская, М.М. Пистрак[307].

В начале декабря 1928 г. в Главсоцвосе И.И. Векслер представил доклад «Об очередных мероприятиях по антирелигиозной работе в школе». Но и в нем, несмотря на идущую со всех сторон критику и требования методических указаний, осторожно указывалось, что «инструктивно-методическое письмо Главсоцвоса об антирелигиозной работе в школе необходимо рассматривать как первичный документ, как первое мероприятие Главсоцвоса в области антирелигиозной школьной работы». Среди других же Главсоцвосом намечалось: создать специальную подкомиссию при комиссии учебников и детской книги при научно-педагогической секции ГУСа; при пересмотре программ и учебников по обществоведению, естествознанию, рабочих книг для I ступени обратить внимание на наличие в них антирелигиозных моментов; вести антирелигиозную переподготовку учительства; инспектуре ОНО выявлять отношение педагогов к антирелигиозной работе[308]. Как видим, Наркомпрос больше волновал педагогический (профессиональный) аспект проблемы.

М.С. Эпштейн раскритиковал доклад Векслера. 10 декабря 1928 г. он писал своему заместителю М.М. Пистраку: «Можно было бы не возражать против этого документа, если бы в заключении было сказано, кем, когда и что… должно быть сделано. Главное, по-моему, что сейчас надо сделать (письмо задерживается до января), это: дать библиографию… для учителя и учащегося (художественная литература), дать указания по… дисциплинам и темам, как… могут быть использованы для антирелигиозной работы»[309].

20 декабря 1928 г. состоялось совещание инспекторов школьного отдела Главсоцвоса. Был заслушан доклад И.И. Векслера «Очередные мероприятия Главсоцвоса по антирелигиозной работе в школе». Развернувшиеся прения выявили то, о чем писал Эпштейн Пистраку: отсутствие четкого плана работы, представления о том, кто и как ее будет проводить. «У нас методики по антирелигиозной работе нет, но этой

методики ни у кого нет. Нужно ее выработать, кому – это вопрос», – оправдывался М.М. Пистрак[310]. Но А. Дикарев видел проблему в другом: «В работе по антирелигиозному воспитанию нет единства, полный разброд. Каждый работает по-своему: Наркомпрос, МОНО, Союз безбожников, Институт и т. д.». Б.В. Всесвятский (от биостанции) высказал опасение, не пойдет ли антирелигиозная работа формально и казенно? М.С. Эпштейн предостерегал: «Если мы пойдем по пути кампании, то подвергаем школу опасным экспериментам… Школа вообще должна быть интернациональная, антирелигиозная и т. д. Все содержание школы должно быть подчинено этому, и потому все внимание должно быть сосредоточено в программах»[311].

Точку в решении вопроса поставило прямое партийное указание, которое не оставляло места сомнениям и нерешительности. 20 марта 1928 г. Е.М. Ярославский в записке А.И. Криницкому просил поставить доклад СБ на предстоящем совещании при АППО ЦК, а также – на Оргбюро ЦК. «Пусть хоть раз в год ЦК заинтересуется, что и как делается в этой области», – писал Е.М. Ярославский[312]. 8 мая 1928 г. коллегия АППО ЦК, заслушав доклад СБ, выделила комиссию для разработки проекта предложений по докладу[313].

17 мая 1928 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) И.В. Сталин сделал сообщение о баптистах и о мусульманской семинарии[314]. На заседании Политбюро 24 мая 1928 г. рассматривались «вопросы Ярославского»: о евангелистах, школах мусульманского духовенства, о работе Антирелигиозной комиссии[315]. Постановили на одном из заседаний Политбюро заслушать доклад Антирелигиозной комиссии[316]. (Доклад этой комиссии на Политбюро заслушали 6 июня 1929 г.)[317]

13 июня 1928 г. на заседании Антирелигиозной комиссии Е.М. Ярославский, ссылаясь на поручение ЦК ВКП(б), создал комиссию по подготовке доклада АРК о мерах усиления антирелигиозной работы[318].

В июле 1928 г. на заседании АППО ЦК Е.М. Ярославский докладывал о деятельности СБ и о состоянии религиозного движения в СССР. В материалах к докладу подчеркивалась необходимость партийной поддержки в изменении линии воспитания в школе. «Школа представляет собой наиболее притягательную область для всех религиозных течений и наиболее слабый участок… антирелигиозного… фронта», – подчеркивалось в них[319]. «Особое внимание АППО ЦК обращает на развертывание планомерной борьбы в школах и пионеротрядах», – указывала резолюция, принятая АППО по докладу СБ[320].

Доклад Е.М. Ярославского в июле 1928 г. по поручению В.М. Молотова передали на рассмотрение Оргбюро ЦК[321]. В выработке проекта резолюции «О мерах по усилению антирелигиозной работы» к заседанию Оргбюро участвовал заместитель заведующего АППО ЦК Б.С. Ольховый[322]. Представление доклада, однако, в течение нескольких месяцев откладывалось[323].

Некоторые сомнения о необходимости подготавливаемой атаки на религию оставались даже у Е.М. Ярославского. «Здесь… есть у нас много робости, как будто бы законной робости, – признавался Е.М. Ярославский, выступая на III Всесоюзном совещании корреспондентов «Учительской газеты» 11 сентября 1928 г. – Нам придется считаться и с многомиллионным крестьянством». Сомневаясь, все же считал: «мне кажется, что… надо взять более твердую установку»[324].

Вопрос об усилении антирелигиозной работы Оргбюро ЦК рассмотрело 10 декабря 1928 г. Е.М. Ярославский особое место в докладе уделил школам. Он подчеркнул участие школьников в религиозных обрядах и наличие мусульманских школ[325]. Он считал, что сторонники антирелигиозного воспитания в школе «натолкнулись на пацифистское или нейтралистское отношение» Наркомпроса. «Наркомпрос должен поставить перед собой задачу перейти к антирелигиозному воспитанию в школе», – настаивал Ярославский[326].

Выступление Е.М. Ярославского вызвало полемику участников заседания. Глава Секретариата по делам культов при Председателе ЦИК СССР и член АРК П.Г. Смидович заявил, что в отношении школ нужна осторожность. «Мы знаем, – говорил он, – как молодежь воспринимает это, мы знаем, что каждый урок, как правило, есть развертывание материализма, естественно-исторического материализма. Но если поставить специальное преподавание антирелигиозности в этой среде, если это преподавание будет поставлено не так, как нужно, то в этой среде это может привести к неблагоприятным последствиям»[327]. Смидович предлагал «не делать ударной кампании»: «к этому нет повода». «Если говорить о специальной постановке антирелигиозного воспитания в школе… то следует разработать, подготовиться, а потом уже рекламировать», – заключил он[328].

Н.К. Крупская не согласилась с тем, что школа не ведет антирелигиозную пропаганду, обратив внимание на то, что даже в представленном проекте резолюции отмечалось нежелание населения национальных областей отдавать детей в религиозные школы, и это является опровержением критики в адрес школы. Крупская напомнила и о старых комсомольских методах

антирелигиозной работы, оскорблявших чувства верующих. «Было выпущено письмо, которое называлось “Без религиозной пропаганды”, и под этим заглавием там проповедовался самый настоящий атеизм, но заглавие неудачное, – объясняла Н.К. Крупская. – Это десять раз признано…». «Так что мне кажется, – заключала она, – что пункт четвертый, который говорит, что с этого года надо иначе [выделено в тексте. – В.Ш.] вести антирелигиозную пропаганду в школе, неверен… Нельзя говорить, что в новом году нужно переходить на другие методы. В тезисах должны быть указания, как эту работу вести, потому что сейчас мы встречаемся с поверхностной пропагандой, с той пропагандой, против которой и в Москве, и в Ленинграде были споры, мы встречаемся на каждом шагу»[329].

Заведующий национальным сектором АППО ЦК С.М. Диманштейн, в целом согласившись с Е.М. Ярославским, отметил, что «Наркомпрос не один, а целый ряд наркомпросов, и нужно будет пересмотреть методы работы не только Наркомпроса РСФСР, но и других республик»[330].

Выступившие на заседании А.И. Криницкий, В.М. Молотов и Л.М. Каганович, который вел заседание, в основном поддержали тезисы Е.М. Ярославского. Криницкий, в частности, сказал: «Основное, чего тут нужно добиться, это то, что работу с плеч Союза безбожников, куда думают ее свалить, надо снять, надо эту антирелигиозную работу связать с работой всех наших массовых организаций, комсомола, профсоюзов, Красной армии, школы и печати. Все они должны готовить кадры безбожников»[331]. Л.М. Каганович считал, что П.Г. Смидович недооценивает политическое значение религиозного движения и той опасности, которую оно представляет[332], и призвал «активизировать всю партийную и комсомольскую массу в деле борьбы с Богом и религией»[333].

В заключительном слове Е.М. Ярославский ответил на критику Н.К. Крупской: «…Мы же проделали колоссальнейшую работу по выработке методов ведения этой работы. В этом направлении Союз безбожников работает в течение года. Так что Вы не можете упрекать нас в том, что мы только говорим, а дело не делаем»[334]. На заседании Оргбюро ЦК резолюцию «в основном» утвердили[335], редактирование ее поручили специально созданной комиссии. При этом состоялась следующая сцена:

Крупская: Из Наркомпроса никто в комиссию не входит.

Каганович: Включить туда Надежду Константиновну.

Крупская: Я не за себя, а за Наркомпрос.

Каганович: Нет возражений включить в комиссию т.

Крупскую? (Принято)[336].

На заседании Антирелигиозной комиссии 14 декабря 1928 г. Е.М. Ярославский, представляя резолюцию, продолжил отвечать своим оппонентам: «Спорным и даже вредным пунктом резолюции Смидович считает пункт резолюции об усилении антирелигиозного воспитания в школе. Этот пункт Смидович, очевидно, понял неправильно. В резолюции говорится не о введении специального курса (предмета) по антирелигиозной пропаганде, как понял Смидович, а о пропитывании естественно-научного и общественного курсов элементами антирелигиозной пропаганды, что не одно и то же»[337].

Пафос резолюции Е.М. Ярославского усилила центральная партийная печать, уточнив и фокус борьбы. 25 декабря 1928 г. «Правда» вышла с передовицей «Антирелигиозная пропаганда – классовая борьба». В ней отмечалось: «Школа должна пропитать все воспитание детей элементами антирелигиозности, помогая ребенку освобождать себя от влияния церкви, которое проводится через семью, и теми многочисленными средствами, которые находятся в распоряжении религиозных организаций. Необходимо помочь учительству подготовиться соответствующим образом к этой работе»[338].

2 января 1929 г. Антирелигиозная комиссия поддержала проект постановления Оргбюро ЦК «О мерах усиления борьбы с религией» с поправками и дополнениями Н.К. Крупской и других членов комиссии ЦК[339]. 7 января 1929 г. Оргбюро утвердило проект резолюции. Окончательная редакция поручена Е.М. Ярославскому и Л.М. Кагановичу. Резолюцию направили на утверждение Политбюро ЦК[340].

Уже на следующий день, 8 января 1929 г. Н.К. Крупская, выступая перед бывшими слушателями Академии комвоспитания, информировала их: «Вчера этот вопрос окончательно разрешен у нас в особой комиссии по партлинии». Она отметила, что были «горячие споры», но «победило мнение, что наша пропаганда должна ставиться в связи с жизнью»[341]. Получается, что Крупскую поставили перед фактом, принудив принять резолюцию Оргбюро ЦК в том варианте, на котором настаивал Ярославский. Последний в феврале 1929 г. на XVII Московской партийной конференции произнес речь по поводу шестидесятилетия Крупской, в которой отметил ее роль в постановке антирелигиозного воспитания. Ярославский подчеркнул, что Крупская проявляет настойчивость, «связанную с глубочайшим вниманием к жизни народных масс, с пониманием того, что в этой области нельзя просто обухом бить, рубить с плеча, что здесь приходится находить очень вдумчивые подходы»[342].

24 января 1929 г. Политбюро ЦК утвердило резолюцию «О мерах по усилению антирелигиозной работы»[343]. 14 февраля она разослана в виде циркулярного письма ЦК ВКП(б) местным партийным организациям. С грифом «секретно» письмо подписал Л.М. Каганович[344]. В письме констатировалось, что «в СССР происходит процесс изживания религиозности, который характеризуется» среди прочего «непрерывным ростом доверия к советской школе, уменьшением количества и падением авторитета конфессиональных школ на Востоке, активной поддержкой учительством антирелигиозного воспитания в школе…»[345]. Но ЦК обращал внимание и на то, что «успехи антирелигиозной пропаганды тормозятся тем, что в рядах партийцев, комсомольцев, членов профсоюзов… наблюдается недооценка таких явлений… как работа религиозных организаций среди женщин и детей…»[346]. Для преодоления недостатков в борьбе с религией ЦК предлагал партийным и комсомольским организациям «немедленно организовать систематическое руководство антирелигиозной пропагандой, обращая внимание, прежде всего, на практическое осуществление принятых ранее решений как в центре, так и на местах, особенно по вопросам антирелигиозного воспитания партийной, комсомольской и пионерской массы…»[347].

Наркомпросу предписывалось «взять более решительный курс по преодолению элементов нейтрализма школы к религии, выражающегося в т. н. безрелигиозном воспитании, поручив ему поставить серьезнейшим образом антирелигиозную подготовку и переподготовку учителей, особенно школ повышенного типа, ввести соответствующий антирелигиозный цикл в техникумы и в педвузы, ввести таковой в свои заочные курсы, разработав методы антирелигиозной пропаганды в школе, внести соответствующие поправки к программам школы, обратив особое внимание на школы II ступени, ассигнуя специальные средства по линии Главполитпросвета, Главпрофобра и Главсоцвоса…»[348].

В ряде местных партийных организаций вопрос обсуждался задолго до рассылки 14 февраля 1929 г. циркулярного письма ЦК ВКП(б). Так, ЦК КП(б) Узбекистана и Андижанский окружком рассматривали этот вопрос в первой половине 1928 г.[349].

Еще весной 1928 г. Наркомпрос Украинской ССР постановил мобилизовать учреждения соцвоса на борьбу с религией. Предписывалось выявить просвещенцев для агитпропработы, в педагогической печати опубликовать указания об организации антирелигиозного воспитания в школе, включить эти темы в курсы переподготовки учителей[350]. Летом 1928 г. ЦК КП(б) Украины, обсуждая вопрос о состоянии и перспективах всеобщего

обучения на Украине, указал на слабую постановку обществоведения и антирелигиозной пропаганды в школе[351]. Киевский окрместком 7 декабря 1928 г. создал специальную секцию разработки методики, детализации школьных программ для антирелигиозного воспитания[352].

В Оршанском округе Белорусской ССР с 1928/29 учебного года антирелигиозное воспитание в школе проводилось в обязательном порядке, школьные программы увязывались с соответствующим материалом[353].

В постановлении секретариата Казахстанского крайкома ВКП(б) от 13 августа 1928 г. «Об очередных задачах по антирелигиозной пропаганде» предписывалось: «поручить Наркомпросу [Казахстана] в месячный срок проработать вопрос о формах использования учительства для антирелигиозной пропаганды.… Поставить перед Наркомпросом задачу разработать методы преподавания антирелигиозной пропаганды в казахской школе. В части же постановки пропаганды в русской школе считать возможным использование материалов ЦС СБ СССР и Наркомпроса РСФСР»[354].

Во Владимирской губернии летом 1928 г. дано указание партийным, комсомольским, просвещенческим и профсоюзным органам об обязательном прохождении учащимися всех школ губернии не только антирелигиозных моментов в программах, но и обобщающих тем по журналу «Антирелигиозник»[355].

Таким образом, во многих местах СССР антирелигиозное воспитание в школе введено фактически уже с 1928/29 учебного года.

Местные партийные организации во исполнение циркуляра ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. поручали антирелигиозным комиссиям или АППО проработать его и наметить конкретные мероприятия[356]. В решении Карачаевского обкома ВКП(б) по докладу областной антирелигиозной комиссии считали необходимым включить в учебные планы учебных заведений антирелигиозную пропаганду. АППО обкома поручалось проследить выполнение решения, двум специально выделенным сотрудникам обкома подготовить предложения по плановой работе отдела народного образования[357].

Но решения бюро обкомов, особенно в национальных республиках и областях, выполнялись не в полной мере, что заставляло принимать новые постановления. Например, бюро обкома Адыгейской АО на заседании в 1929 г. констатировало недостаточно активное исполнение решения бюро от 23 февраля 1929 г. В частности, отмечалось «совершенно недостаточное отражение задач антирелигиозной работы в учебно-

воспитательной работе школ». Бюро постановило включить антирелигиозное воспитание в учебные планы всех учебно-воспитательных учреждений и школ, принять участие в его проведении парторганизации Союза безбожников[358].

Постановление ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. можно считать официальным объявлением перехода к антирелигиозному воспитанию в школе. Теперь даже самые осторожные просвещенцы принуждались проводить его, причем так, как это намечалось не Наркомпросом, а Союзом безбожников СССР, Антирелигиозной комиссией ЦК ВКП(б). На практике это привело к невиданному до этого в русской истории антирелигиозному наступлению, в котором школе отводилась одна из ведущих ролей. Этот эксперимент вскоре резко отрицательно сказался на моральном климате в школе и в семьях учащихся.

Глава III. Школа в антирелигиозном наступлении 1929 года

Давление партийного руководства заставило Наркомпрос РСФСР форсировать введение антирелигиозного воспитания в школе. В марте 1929 г. в серии инструктивных и методических писем Главсоцвоса для школ повышенного типа (5–9 группы) вышло, наконец, письмо пятнадцатое «Антирелигиозное воспитание в школах повышенного типа», составленное на основе материалов, предоставленных И.А. Флеровым[359].

«Школа должна решительно стать на точку зрения проведения активного антирелигиозного воспитания и всемерного содействия антирелигиозной борьбе не только внутри школы, но и среди окружающего школу населения», – утверждалось в нем[360]. В письме осуждалось восприятие антирелигиозного воспитания только как части образовательной учебной работы, несмотря на то, что «антирелигиозная работа должна гораздо глубже проникать во всю жизнь школы и захватывать гораздо большее число областей этой жизни, чем это уже наметилось на практике»[361]. В письме отмечалось, что «педагогическим коллективам придется в процессе работы вступить в конфликт с отдельными семьями учащихся». Тем не менее «ни в каком случае школе не следует во имя добрососедских отношений с родителями учащихся замазывать свою антирелигиозную работу»[362].

В целом письмо Главсоцвоса повторяло проект И.А. Флерова. Приводились данные обследований религиозности учащихся, предлагались методы антирелигиозной работы, давались рекомендации, как увязать содержание школьных программ по различным дисциплинам с ними. Говорилось в нем и о внешкольной работе: создании антирелигиозных кружков, примерной программе их работы, устройстве «уголков безбожника», пропаганде среди взрослого населения[363].

В завершающей письмо части «Об учителе» подчеркивалась недопустимость пребывания в школе активно верующих педагогов и необходимость «завоевать» колеблющихся[364].

Главсоцвос готовил еще несколько писем, в которых так или иначе затрагивались эти вопросы. 5 марта 1929 г. М.М. Пистрак отчитывался комиссии по подготовке доклада А.В. Луначарского «О борьбе с религией» на сессии ГУСа о деятельности Главсоцвоса в проведении антирелигиозного воспитания. М.М. Пистрак рассказал, что помимо выпущенного письма для школ

повышенного типа разрабатываются: методическое письмо об антирелигиозном воспитании для школы I ступени, письма об организации школьных праздников и об общественно полезной работе[365].

М.М. Пистрак объявил, что письмо для школ I ступени будет утверждено «не позднее ближайших десяти дней»[366]. Однако в мае 1929 г. Иваново-Вознесенский губоно просил сообщить, будет ли Наркомпросом или ГУСом к началу нового 1929/30 учебного года выпущено обещанное письмо? В случае задержки с его выходом губоно планировал выпустить свое письмо. Главсоцвос ответил, что письмо «будет напечатано»[367].

М.С. Эпштейн, выступая 25 мая 1929 г. на Всероссийской конференции школьных работников с глухонемыми детьми, пояснял, чем вызвана задержка методических писем: «Если бывают иногда в нашей практической работе случаи, когда запаздывает то или иное методическое письмо (это имело место, скажем, в отношении методических писем по антирелигиозному и интернациональному воспитанию), то это меньше всего зависит от “злой воли” нашего аппарата. В значительно большей степени это зависит от того, что целый ряд вопросов еще в значительной степени не проработан и, пожалуй, эти вопросы должны войти в планы наших научно-исследовательских педагогических институтов»[368]. Как видим, Главсоцвос не решался выпускать методические письма без их проработки в научно-педагогических кругах. Объяснение с задержкой письма для школ I ступени легко объяснить. Эпштейн недаром говорит о том, что «целый ряд вопросов еще в значительной степени не проработан» и он должен «войти в планы наших научно-исследовательских педагогических институтов». Дело в том, что ввести антирелигиозный материал в содержание учебных дисциплин II ступени не представляло особого труда. Многие темы по физике, биологии и пр. и без того, по сути, его содержали. В школе же I ступени, в которой обучение велось навыкам и умениям, а не конкретным знаниям, введение такого материала представляло сложности с педагогической точки зрения.

Потому методическое письмо для школ I ступени и не было выпущено. 22 марта 1930 г. И.А. Флеров на II Всесоюзном пленуме ЦС Союза воинствующих безбожников, иронизируя, что методическое письмо, подготовленное два года назад, так и не выпущено, привел слова М.С. Эпштейна на одном из собраний учительства. Когда Эпштейна там спросили: «Что же вы маринуете методические письма?», тот ответил: «Пусть они полежат под сукном, от этого они лучше выдержатся»[369]. Ирония Флерова лишь доказывает непонимание СВБ СССР таких

тонкостей.

М.С. Эпштейн прекрасно понимал необходимость методических указаний для учителей. В марте 1929 г. в письменном отчете коллегии Наркомпроса о поездке по городам РСФСР (Ростов, Воронеж) Эпштейн высказывал опасение шаблонного подхода. Он говорил о необходимости распространять в отдельных брошюрах опыт антирелигиозного воспитания лучших школ, фиксируя его изо дня в день по всей линии учебно-воспитательной работы школы[370].

Эти тонкости понимали и многие учителя. В Воронеже на общегородском собрании учителей М.С. Эпштейну советовали: «Не бойтесь давать рецептурки. Они нам нужны не для того, чтобы работать по шаблону, а чтобы иметь образцы практической работы»[371]. Часто учительство «перекладывало» на плечи Наркомпроса ответственность. Общегородское собрание учителей Калуги, заслушав доклад Эпштейна, просило Наркомпрос и губоно усилить руководство, «организуя свою методическую работу таким образом, чтобы просвещенец знал не только то, что делать, но как делать»[372]. Но именно в этом и заключалась проблема. В проектах подготавливаемых писем отсутствовали примеры практического применения методических указаний.

Вместо методического письма Главсоцвос совместно с Институтом повышения квалификации педагогов в 1929 г. издал брошюру С.П. Егорова «Антирелигиозное воспитание в начальной школе»[373]. Второе, переработанное издание этой брошюры вышло в 1930 г.[374].

Постановка антирелигиозного воспитания в школах с преобладанием национальных меньшинств требовала особого внимания. Но методические разработки по атеистическому воспитанию в таких школах откладывались из-за задержки выхода основных методических писем. «Конечно, замедление страшно неприятно, – писал инспектор Главсоцвоса А.С. Пчелко заместителю председателя Комитета национальных меньшинств (Комнацмена) Наркомпроса Г.В. Гасилову, – но до выхода основного письма вряд ли мы ускорим проработку этого вопроса по нацмен»[375].

1 марта 1929 г. Национально-антирелигиозная комиссия ГУСа в основном утвердила составленное Гали Ибрагимовым (Комнацмен) инструктивное письмо по антирелигиозному воспитанию в советской национальной школе. Было решено разослать письмо на отзыв специалистам[376]. 27 марта 1929 г. Гали Ибрагимов докладывал на заседании Комиссии по борьбе с религией Наркомпроса РСФСР о том, что инструктивное письмо, на основе которого можно составить аналогичные письма для

отдельных национальностей, разработано. Имеется и пособие для татарских школ, разрабатывается методическое письмо для еврейских школ. Он обратил внимание и на то, что в национальных школах антирелигиозное воспитание отсутствовало и учительство в них в большинстве религиозное. Комиссия постановила охватить «антирелигиозной пропагандой… школы всех национальностей»[377].

Несмотря на постановление комиссии, рукопись методического письма Г. Ибрагимова пролежала в Главсоцвосе несколько месяцев. Только 13 декабря 1929 г. ее утвердила Комиссия по учебникам Главсоцвоса[378]. «Задержку издания рукописи более чем на десять месяцев, и после того, как [она] обсуждалась в комиссии с участием т.т. Крупской и Попова, – возмущался рецензент М.С. Кобецкий, – надо отнести к формальному отношению к делу лиц, коим надлежит ведать этой отраслью работы»[379]. Инструктивное письмо Г. Ибрагимова «Как вести антирелигиозное воспитание в советской национальной школе» вышло лишь в 1930 г. Правда, вне официальной серии писем Наркомпроса, и никакой особенной национальной специфики в антирелигиозной работе его содержание не представляло[380].

Г. Ибрагимов активно работал в подкомиссии по национальной книге Главсоцвоса. 14 сентября 1929 г. подкомиссия заслушала его оценки методических писем об антирелигиозном воспитании в школах I ступени на башкирском и татарском языках[381]. Эти письма были подготовлены Наркомпросом Башкирской АССР и Средневолжским крайоно. В своей брошюре Г. Ибрагимов отметил, что в них уделялось больше внимания содержанию антирелигиозного воспитания, но недостаточно прорабатывались его методы[382]. Но и в его брошюре давались лишь рекомендации общего характера применительно к тому или иному вероисповеданию или национальности. Например, Г. Ибрагимов советовал в школах, где обучаются дети мусульман, «остановиться» на намазах, уразе, Курбан-байраме, шахсее-вахсее, на происхождении ислама[383]. Однако как нужно «остановиться» на этих вопросах в брошюре не разъяснялось. Предлагалось учитывать религиозно-бытовые особенности различных национальностей, исповедующих ислам. Например, в татарских школах предлагалось «остановиться на тех религиозных предрассудках, которые остались от шаманизма, остановиться на суеверии татар, на религиозных способах лечения болезней» и т. д. А в тюркских, узбекских, туркменских, черкесских школах «остановиться на фанатизме, на адате, на святых, на дервишах, на затворничестве женщин, на чадре,

парандже и т. д.»[384] Остается непонятным, почему предлагалось ограничиться подчеркиванием только «суеверий» у татар и не останавливаться на их «фанатизме»? Не рассказывать об их святых, что предлагалось делать в отношении узбеков, черкесов и других?

Подкомиссия по нацменкниге в проекте информационного письма рецензентам и авторам требовала при оценке программ, методических писем, учебников и учебных пособий отмечать наличие или отсутствие в рукописях антирелигиозного воспитания. Авторам же учебных и методических материалов рекомендовалось обращаться по вопросам антирелигиозного воспитания в национальный отдел ЦС СБ[385].

Рецензенты старались выполнить эти предписания. Так, в рецензии на методическое письмо «Художественное воспитание в латышской школе I ступени» давалось указание отразить борьбу школы с религией в условиях латышских колоний[386].

Все методические письма и записки предназначались для советских национальных школ. Но в Средней Азии, на Северном Кавказе, других территориях СССР вне государственной системы образования работали и религиозные школы; они открывались и в 1928 г.[387] Партийное совещание по антирелигиозной работе на советском Востоке в декабре 1928 г. высказалось за их закрытие[388] и проведение антирелигиозного воспитания в школах[389]. Наркомпрос Узбекской ССР признал необходимость введения антирелигиозного воспитания в узбекских школах[390]. Хотя в мусульманских районах религиозные школы еще продолжали конкурировать с советскими школами, «великий перелом» положил начало их активному вытеснению и закрытию в начале 1930-х годов. Что касается регионов с преобладанием русского населения, то в них православных религиозных школ (во всяком случае, легально) не существовало.

Отсутствие религиозных школ способствовало более активной разработке местных методических документов. Научно-методический совет Ленинградского облоно выпустил инструктивное письмо «Антирелигиозное воспитание в школе». Оно содержало программный материал с 1-го по 9-й годы обучения, который был увязан с антирелигиозным[391]. Методику антирелигиозной работы в школах I и II ступеней содержало письмо методического совета Нижегородского губоно[392]. Вологодское губернское методическое бюро привлекло к разработке письма «О постановке антирелигиозного воспитания в школах соцвоса» работников школ I и II ступеней, а также Вологодский педтехникум[393]. Письма «Антирелигиозное воспитание в школе I ступени» издали Уральский облоно[394],

Россошанский окроно, Ульяновский окроно и другие. Средневолжский крайоно (Самара) совместно с СВБ в 1929 г. выпустил письмо «Антирелигиозная работа в школе I ступени», а в 1930 г. – письмо «Антирелигиозная работа в школах колхозной молодежи». Автором этих писем являлся педагог, член СВБ М.П. Сунгуров[395]. Различные варианты писем издавали окружные отделы народного образования, и даже педагогические техникумы[396].

Несмотря на выпуск и Наркомпросом РСФСР, и отделами народного образования методических писем, эти усилия еще не означали налаживания механизма проведения систематической работы.

А.В. Луначарский, выступая 5 марта 1929 г. на VII съезде Союза работников просвещения, назвал антирелигиозное воспитание одним из центральных вопросов для Наркомпроса[397]. Но централизованной систематической работы всех учреждений Наркомпроса РСФСР по антирелигиозному воспитанию не получалось.

Созданная в начале 1929 г. при Наркомпросе РСФСР Комиссия по борьбе с религией должна была координировать деятельность подведомственных учреждений. В состав Комиссии входили К.А. Попов, Н.К. Крупская, Г. Круль (ВЛКСМ), М.С. Кобецкий (СБ) и другие[398]. Одно из последних заседаний Комиссии назначено на 5 июня 1929 г. Планировалось обсудить письмо-обращение Н.К. Крупской по антирелигиозному воспитанию[399], а также заслушать доклад Главпрофобра. Но заседание не состоялось.

15 июня заведующий Главпрофобром А.Я. Вышинский писал А.В. Луначарскому как председателю этой комиссии: «По предложению Комиссии по борьбе с религией… Главпрофобр составил план мероприятий для постановки антирелигиозной пропаганды в учебных заведениях профобра. План… своевременно представлен в комиссию, два раза было назначено заседание с докладом Главпрофобра,… и оба раза заседание не состоялось. Поскольку мероприятия по развертыванию работы по борьбе с религией должны [быть] утверждены Комиссией, задержка утверждения плана Главпрофобра приостанавливает работу Главпрофобра по борьбе с религией»[400]. 20 июня 1929 г. А.В. Луначарский ответил: «… относительно Комиссии по борьбе с религией… не очень надеюсь на возможность созыва этой Комиссии в скором времени и предпочитал бы ознакомиться с планом Главпрофобра в письменном виде. Плана я у себя не имею и просил бы Вас прислать его мне»[401]. Деятельность комиссии постепенно сошла на нет.

На пленуме первой сессии ГУСа, которая планировалась на 15 апреля 1929 г., намечался доклад А.В. Луначарского «Борьба с религией и работа Наркомпроса»[402]. Доклад перенесли на вторую сессию ГУСа. Н.К. Крупская отозвалась о программе второй сессии в том смысле, что программа «включает в себя много уже подработанных вопросов (религия, детдвижение и т. д.)» и предложила тему «Классовая борьба и школа»[403].

А.В. Луначарский вовремя не представил тезисы доклада ко второй сессии ГУСа в его президиум[404]. Вторая сессия летом 1929 г. не состоялась. Осенью этого года А.В. Луначарский смещен с поста наркома просвещения РСФСР, и его доклад по борьбе с религией не сделан. Сессия открылась 10 марта 1930 г.

Очевидна несогласованность просвещенческих организаций в вопросе антирелигиозного воспитания. На заседании 4 апреля 1929 г. коллегия Наркомпроса отвергла предложение Цкпроса: «Считать нецелесообразным создание при Наркомпросе методического центра по антирелигиозной пропаганде», – говорилось в постановлении[405]. М.С. Эпштейн на заседании коллегии Наркомпроса РСФСР 27 июня 1929 г. просил отменить и постановление Комиссии по борьбе с религией Наркомпроса о порядке издания методических писем по антирелигиозной пропаганде. Коллегия постановила «предложить Комиссии по борьбе с религией пересмотреть указанное постановление»[406].

Несогласованность действий и отсутствие у руководства Наркомпроса РСФСР четкого плана проведения антирелигиозного воспитания показывала и история с проектом обращения Наркомпроса ко всем отделам народного образования. В начале 1929 г. коллегия Наркомпроса поручила Н.К. Крупской возглавить комиссию для составления плана антирелигиозной работы Наркомпроса по всей системе просвещения[407]. Весной 1929 г. Н.К. Крупская завершила работу над проектом плана. Текст его в форме тезисов содержал общие политико-идеологические соображения, отсутствовал педагогический аспект работы. Отмечалось, например, что не только школа виновата в религиозности учащихся, так как воспитывает семья и вся окружающая жизнь. «Но, несомненно, – писала Крупская, – школа должна играть гораздо более активную роль в борьбе с религиозной мистикой и религиозной моралью». В том, что относилось к собственно педагогике, Крупская ограничилась предостережением «требовать от ребят безбожия наподобие того, как старая школа требовала от ребят официальной принадлежности к господствующей церкви или другой какой допущенной государством религиозной организации». «Тут нужно убеждение, а не принуждение», – заключала она[408].

Коллегия Наркомпроса 4 апреля 1929 г. в основном одобрила составленный Крупской проект обращения к отделам народного образования «Об антирелигиозном воспитании». Для его редактирования создана комиссия в составе Н.К. Крупской, К.А. Попова и М.С. Эпштейна[409]. Однако редактирование затянулось. Заместитель Эпштейна М.М. Пистрак отмечал серьезные, с его точки зрения, недостатки: «В тезисах отсутствуют указания более конкретного порядка на наше отношение к розни детей религиозных и нерелигиозных, которая может возникнуть и уже возникает в школе, как и указания на отношение школы и учителя к конфликтам в детской среде на религиозной почве». Пистрак также указывал на необходимость указаний о работе школы с семьей: «Борьба с религией неизбежно приводит к педагогической консультации и педагогической пропаганде школы, с одной стороны, и к охране ребенка от религиозного принуждения в семье – с другой»[410].

Но если позиция Главсоцвоса определилась достаточно скоро, то замечания заместителя председателя ГУСа, члена коллегии Наркомпроса (в 1927 г. заместителя заведующего АПО ЦК) К.А. Попова удалось получить не без труда. «Напоминаю Вам, – писал К.А. Попову М.С. Эпштейн 3 мая 1929 г., – что на Вашей совести лежит окончательное редактирование документа об антирелигиозном воспитании, предоставленного Надеждой Константиновной»[411]. Об этом же напоминала и замнаркома просвещения В.Н. Яковлева 5 июня 1929 г.[412]

Сама Н.К. Крупская писала К.А. Попову: «Константин Андреевич, при просмотре своих тезисов по антирелигиозной пропаганде я увидела, что они никуда не годятся. Перечла еще раз статью Владимира Ильича “Об отношении рабочей партии к религии” и переделала тезисы с начала до конца». Крупская жаловалась Попову на то, что замечания Главпрофобра об устройстве уголков безбожника и умолчании об углубленной проработке вопроса о религии ее, Крупскую, озлили[413].

Может сложиться впечатление, что руководство Наркомпроса РСФСР или недооценивало задачу антирелигиозного воспитания, или, скорее, не знало, как организовать эту работу. Второе ближе к истине, тем более что заявления руководителей Наркомпроса в 1929 г. говорят об их решимости продвигать антирелигиозное наступление.

Но внимательный анализ содержания приводимых документов приводит к выводу о том, что руководство Наркомпроса, во-первых, ревностно относилось к давлению на него СВБ, использовавшего аппарат ЦК ВКП(б).

Во-вторых, то, что СВБ больше интересовала

пропагандистская, чем педагогическая сторона дела, соответствующие методы работы, заставляло Наркомпрос РСФСР постоянно находить поводы к откладыванию публикации методических писем, ибо он считал, что главный упор следует делать не на методические письма, а на учебные программы и учебники.

В-третьих, Наркомпрос и находившиеся в его ведении научные институты, созданные для анализа результатов реформы советской системы образования (трудовая школа, производительный труд как ее основа и пр.), стремились увязать проблему с общим ходом реформирования системы.

Те факты, что местные органы просвещения «обходили» по времени наркомат и выпускали свои методические письма, свидетельствуют лишь о том, что на местах эти органы находились под большим давлением со стороны местных партийных органов и местных СБ, да и решали гораздо более узкие, локальные проблемы.

Над А.В. Луначарским сгущались тучи, уступала свою позицию и Н.К. Крупская. Она основательно переработала текст вышеупомянутого обращения, главным образом внеся цитаты из работ В.И. Ленина. Крупская учла замечания М.М. Пистрака и дописала о социальных корнях религии. Добавился пункт о необходимости дополнить программы антирелигиозным материалом. Однако она отметила, что «было бы ошибкой думать, что все дело в программе» и предложила всей общественной работой школы заинтересовать школьников и тем самым воспитывать атеистов.

Примечательно и то, что Н.К. Крупская выбросила из текста фрагмент, в котором говорилось о недопустимости принуждения школьников к безбожию[414]. Впервые этот документ опубликован в 1964 г. в сборнике статей и выступлений Н.К Крупской «Вопросы атеистического воспитания». Но составители сборника Л.С. Фрид и Э.М. Цимхес допустили неточность, ошибочно датировав его 1927 годом[415].

Однако на официальных собраниях и в печати руководители Наркомпроса делали весьма резкие наступательные заявления, поднимая антирелигиозную волну.

А.В. Луначарский в выступлении в Академии коммунистического воспитания 3 апреля 1929 г., назвав причины отказа школы от антирелигиозного воспитания в 1920-е годы, заявил: «У нас есть все основания перейти сейчас в наступление против религии, что гораздо легче, чем до сих пор проводить теперь в нашей школе прямую проповедь атеизма и прямую борьбу с религией»[416].

Выступая на XIV Всероссийском съезде советов (10–18 мая 1929 г.), А.В. Луначарский отметил, что Наркомпрос слишком долго хранил осторожность в религиозном вопросе. Но теперь, по его словам, сложилось достаточно благоприятное положение для наступления на религиозном фронте. В заключение части речи, касающейся школы и религии, содержался следующий пассаж: «Я с удовольствием прочел в эмигрантских газетах фразу, что “известный культурный садист Луначарский теперь занялся тем, чтобы отнять у советских детей их веру”. С удовольствием подписываюсь, что я хочу самым садическим образом это самое зелье как-нибудь вытравить и выполоть с наших полей и огородов»[417].

В речи 10 июня 1929 г. на Втором всесоюзном съезде воинствующих безбожников (СБ переименован в СВБ на этом съезде) Луначарский не сбавлял пафоса: «Сейчас больше, чем пора (может быть, Наркомпрос виноват, что он упустил срок), – говорил Луначарский, – сейчас нужно перейти в самое мощное антирелигиозное наступление в области школы. Это сейчас мы и делаем, делаем спешно, пользуясь теми директивами и указаниями, которые дает партия, сигнализируя вовремя и необходимость обострения борьбы с религией, и те границы, в которых должна эта борьба вестись»[418].

Но систематической работы не получалось ни в центральном аппарате Наркомпроса, ни, тем более, на местах. Для улучшения дела ЦК ВКП(б) поднял вопрос о специально выделенном оплачиваемом работнике в отделах народного образования. Этот вопрос рассматривался на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 7 января 1929 г.[419]. В объяснительной записке АППО ходатайствовал об этом перед Секретариатом ЦК. Подчеркивалось, что «включение в штаты… ОНО работников по антирелигиозной пропаганде должно являться выводом из решений об усилении антирелигиозной работы, принятых Оргбюро ЦК»[420]. 18 января 1929 г. Секретариат передал вопрос на решение его «в советском порядке»[421].

4 марта 1929 г. Главполитпросвет поддержал предложение АППО своим постановлением «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды в городе и деревне». Признано необходимым ввести специальные штатные должности в отделах народного образования краевого и областного уровня, а также в окружных отделах тех районов, где сильно развито религиозное движение[422].

Совнарком РСФСР 12 апреля 1929 г. постановил: «Предложить Наркомпросу при составлении сметы на 1929/30 учебный год, совнаркомам АССР, краевым, областным и

окружным исполнительным комитетам при составлении своих бюджетов… предусмотреть должности инспекторов по антирелигиозной пропаганде»[423]. «Наркомпрос предлагает немедленно войти в исполкомы с соответствующими заявками», – говорилось в директивном письме Организационно-планового управления Наркомпроса РСФСР 26 апреля 1929 г. отделам народного образования всех уровней[424].

Однако выделение штатных должностей всецело зависело от местных бюджетов. На это обращал внимание А.В. Луначарский, выступая на Втором Всесоюзном съезде СВБ 12 июня 1929 г.: «Я должен довести до вашего сведения, что СНК принял постановление, по которому по РСФСР устанавливается 240 штатных единиц специально для борьбы с религией. Это постановление хорошее, но эти штатные единицы должны идти за счет местного бюджета. А этот местный бюджет штука тугая. Давайте заключим с вами союз в том, что мы будем драться до последней капли крови, чтобы в каждом крае, каждой губернии, в которых проходят штаты, эти единицы действительно были бы проведены. А если финотделы и исполкомы попробуют мешать этому делу, то давайте упрекать их в правом уклоне»[425].

Местные отделы не торопились вводить в штат инспектора по антирелигиозной работе. Наркомпрос отправил на места еще одно директивное письмо «Об обязательном введении в штаты ОНО инспекторов по антирелигиозной пропаганде». «Наркомпрос предлагает всем край-, обл- и окроно, в штаты которых на 1929/30 г. не введены должности по антирелигиозной пропаганде, – указывалось в нем, – немедленно поставить перед соответствующими исполкомами вопрос о включении этой единицы сверх утвержденных штатов… В тех же случаях, когда должности инспекторов по антирелигиозной пропаганде… предусмотрены, но вакантны, принять срочные меры к их заполнению»[426].

В Ивановской промышленной области к концу 1929 г. лишь три окроно из семи ввели должности антирелигиозных инспекторов[427]. Их зачастую занимали представители местных советов СВБ, в том числе их председатели. Например, в Уральской области и в Северном крае[428]. Но Томский окроно все суммы на антирелигиозную работу вычеркнул из сметы[429]. На вопрос брянских безбожников, введена ли такая должность, окроно ответил: «Мы получили указание… но денег у нас нет»[430].

Инспектор по антирелигиозной пропаганде Главполитпросвета И. Пронин отчитался на втором всесоюзном пленуме ЦС СВБ в марте 1930 г. о наличии лишь 42 инспекторов

в штатах отделов народного образования. Из них 20 работали по совместительству, одновременно являясь, например, секретарями краевых, областных, окружных советов СВБ. Ставилась под сомнение и их квалифицированность: из 42 инспекторов 8 имели начальное образование, 19 – не известно какое[431]. Инспектора работали главным образом по политико-просветительной линии, уделяя школе меньшее внимание.

Положительный, как признавалось, опыт систематической работы отделов народного образования по антирелигиозному воспитанию в школе отмечался в Ленинградской области. В начале 1930 г. при Ленинградском облоно действовала антирелигиозная комиссия под руководством специального инспектора. В январе облоно обязал все окроно и районо города создать антирелигиозные комиссии, если они еще не созданы. Разработано положение об антирелигиозных комиссиях при окроно и районо (в городе) на базе опыта работы комиссии облоно. Положение определяло организационные и практические установки комиссиям: действовать на постоянной основе под непосредственным руководством инспектора по антирелигиозной пропаганде; в состав комиссии включать представителей парторганизации, комсомола, пионерии, союза Рабпрос, СВБ, аппарата соцвоса и других секций отдела народного образования. Задачами комиссии являлось, помимо составления инструктивных и методических указаний, изучение, учет, проверка работы на местах, а также инструктирование педагогов, повышение их квалификации. Комиссии окроно и районо должны два раза в год отчитываться перед антирелигиозной комиссией облоно, пересылая туда все материалы[432].

Иногда антирелигиозные комиссии отделов народного образования дублировались комиссиями СВБ по антирелигиозной работе в образовательных учреждениях. Например, осенью 1929 г. в Краснопресненском районе Москвы действовало параллельно две комиссии: при районо и при райсовете СВБ[433].

Дополнительные трудности вносило то, что параллельно в Наркомпросе создавался проект нового устава единой трудовой школы. В 1928 г. в нем содержалось требование «вести активную борьбу с религиозными влияниями и настроениями, в какой бы форме они ни проявлялись»[434]. Но ни требования нового устава, ни разного рода комиссии не смогли бы ничего сделать без поддержки нового политического курса массовым учителем.

Об отношении к этому курсу учителей говорят следующие данные: в 1928 г. антирелигиозные кружки работали в 20 ДРП из 133 и охватывали 448 просвещенцев из 47 332; из 4512 месткомов, объединявших 399 940 просвещенцев, только 18

имели антирелигиозные кружки[435].

В марте 1929 г. в решениях VII Всесоюзного съезда профессионального союза работников просвещения СССР отмечалось «наличие религиозных настроений среди разных групп просвещенцев и недостаточное участие их в антирелигиозной пропаганде»[436]. Съезд поставил перед наркомпросами задачу проводить «твердый курс на антирелигиозное воспитание в школе», обеспечить «соответствующими знаниями просвещенцев, которые должны были делить борьбу против религиозных предрассудков со своей повседневной работой»[437]. Эту установку подтвердил II пленум ЦК работников просвещения в июне 1929 г. Он обязал «все союзные организации приступить к действительно систематической работе по борьбе с религией»[438]. Съезды, конференции, пленумы союза работников просвещения на местах присоединялись к решениям, принятым на общесоюзном уровне[439].

Институт повышения квалификации педагогов в начале 1929 г. разработал программу курса «Очередные задачи коммунистического воспитания». Значительное место в нем уделялось антирелигиозному воспитанию[440]. II пленум ЦК работников просвещения обязал профсоюзные организации «подготовить систему мероприятий по подготовке просвещенца – воинствующего безбожника»[441]. Директивой Наркомпроса РСФСР в курсы переподготовки учителей включены антирелигиозные материалы[442].

Союзы работников просвещения при участии СВБ в крупных городах открывали антирелигиозные курсы[443]. При местных союзах создавались антирелигиозные кружки. Массированный нажим профсоюзных организаций сыграл свою роль. На начало 1930 г., по данным члена ЦКпроса О.А. Волжиной, один антирелигиозный кружок приходился почти на три месткома, т. е. 1230 (вместо 18!) кружков на 4000 месткомов[444]. В сравнении с данными 1928 г. это был колоссальный рост.

VII Всесоюзный съезд работников просвещения высказался за введение антирелигиозных дисциплин в учебные планы педвузов[445]. В конце марта 1929 г. Главпрофобр разослал отделам народного образования и педагогическим техникумам инструктивное письмо «О постановке антирелигиозной работы в педагогических техникумах». В нем указывалось, что «вся сеть профессионально-технического образования, в том числе и педагогические техникумы, должны стать в первых рядах антирелигиозного фронта». Следовательно, «программа каждого предмета должна быть построена в соответствии с этой

принципиальной установкой». Рекомендовалось особое внимание обратить на курсы педологии, естествознания, обществоведения[446].

Помимо создания в каждом педтехникуме ячейки СВБ предписывалось организовать консультационное бюро по проведению антирелигиозной работы для учителей района[447]. В письме предлагалось «сделать исчерпывающий анализ программ ГУСа применительно к этой очередной задаче»[448]. Приложение к письму содержало пример увязки по четырем годам обучения в начальной школе[449].

Молодые педагоги готовились на смену «старым», и поэтому их «правильному» образованию и воспитанию советская власть уделяла особое внимание. Но на практике приходилось иметь дело в основном еще со «старыми» педагогами. Многие из них не горели желанием заниматься антирелигиозной пропагандой.

А.К. Аболин, сменив А.А. Коростелева в 1929 г. на посту председателя ЦКпроса, делил педагогов на четыре категории по степени лояльности к проводимым советской властью мероприятиям. Первая категория – явные и тайные «реакционеры» и «вредители». Вторая – «нейтральное» крыло, уклоняющееся от участия в социалистическом строительстве, но вместе с тем и от борьбы с советской властью в данный момент. Третья – самая массовая – «группа центра», лояльно относящиеся к советской власти и выполняющие отдельные политические задания педагоги. Четвертая – передовая группа педагогов, ведущая общественную работу «на боевых участках классовой борьбы». А.К. Аболин выражал надежду, что вся «группа центра» «при умелом руководстве, внимательном отношении к ней и целесообразном политическом использовании может сыграть роль серьезного орудия»[450].

Среди учительства выделяли активно религиозных и пассивно религиозных, скрывающих свою веру и не ведущих религиозной пропаганды. Последних было не мало. Ставка делалась на их «перевоспитание». А.А. Коростелев говорил на VII съезде рабпроса: «Мы должны всю силу нашего авторитета, все наше умение, всю нашу энергию употребить на то, чтобы товарищей, которые еще заражены религиозными предрассудками, перевоспитать»[451]. В резолюции съезда указывалось, что «работники просвещения… должны помочь группам членов союза, не изжившим религиозные настроения, освободиться от них»[452].

Воспитательные меры не относились к учителям, открыто исполняющим обряды. «Профсоюз не будет защищать учителей-мракобесов, – заявил А.А. Коростелев на Московской губернской

конференции просвещенцев в декабре 1928 г. – ОНО должны принять против них соответствующие меры»[453]. Он же в статье для сборника «Просвещенец на антирелигиозном фронте» писал: «Задача Союза рабпроса в данное время – сосредоточить больше внимания и поднять больше свою активность в области антирелигиозной борьбы, прежде всего в своих собственных рядах (врачу, исцелися сам). Терпимое иногда отношение со стороны просвещенцев: выполнение ими обрядов, замалчивание и замазывание вопросов борьбы с религией, недооценка того зла, которое приносит такая пассивность и попустительство, – не может допускаться больше»[454].

В этой связи предполагалось скорректировать устав Союза рабпроса. На заседании президиума ЦКпроса 25 июля 1929 г. развернулась небольшая дискуссия: нужно ли изменять устав союза? «Устав необходимо уточнить: нет места тем, кто за активную религиозную работу (в сектах, в церковных советах)», – предлагал Ахрамович. Мехоношина отметила, что и действующий устав позволяет «удалить из союза злостный элемент». Президиум ЦКпроса решил провести широкую разъяснительную работу «для выявления политического смысла устава Союза»[455].

Руководство Наркомпроса РСФСР опасалось огульной зачистки учителей и поддерживало увольнение только явно религиозных педагогов. Предложение, высказанное на совещании инспекторов школьного отдела Главсоцвоса 20 декабря 1928 г., «убрать» религиозных учителей, так как «теперь есть, кем их заменить», вызвало возражения М.М. Пистрака и М.С. Эпштейна[456]. «Перебороть административным путем религиозность учительства невозможно, – возражал Пистрак, – некем их заменить, другие, новые будут не лучше. Явно и активно религиозных учителей, конечно, надо сменить, да они уже смещены и смещаются»[457]. Пистрака поддерживал Эпштейн: «… что касается лозунга “выкидывать религиозного учителя из школы”, то это создаст катастрофу. На религиозных учителей не административно надо действовать, а через общественные организации. Конечно, активно религиозных следует устранить. Необходимо так повести дело, чтобы сама учительская общественность не терпела в своей среде религиозных учителей»[458].

Этот вопрос М.С. Эпштейн затронул и на совещании заведующих крайоно, состоявшемся 15–20 февраля 1929 г. «Бросьте только лозунг: гоните религиозного учителя из школы, – иронизировал он, – и погонят и религиозного, и безрелигиозного, и антирелигиозного, так погонят, что мое почтение. На этот счет мы в достаточной степени подготовлены. В этом деле на местах

наши работники руку набили в достаточной степени»[459]. Заместитель наркома просвещения РСФСР В.Н. Яковлева также призывала «повести самую решительную борьбу с таким примитивным подходом к учительству»[460].

Против массовой чистки выступил и А.В. Луначарский. На VII съезде рабпроса в марте 1929 г. он заявил: «Мы не имеем возможности произвести массовую замену нынешнего учителя другим»[461]. «Соцвос дал суммарные сведения, что приблизительно 40 % наших учителей вряд ли способны проводить воспитание в антирелигиозном смысле… И мы пришли к выводу, что те, довольно категорические и строгие требования, которые поставил Наркомпрос перед нашими педагогами-общественниками I и II ступени… очень скоро выяснят физиономию каждого отдельного учителя и каждой отдельной группы»[462]. «Но что нужно паршивых овец из вашего стада выбросить – это ясно»[463]. В статье «Антирелигиозная борьба в школе», опубликованной в «Известиях» 26 марта 1929 г., А.В. Луначарский уточнял свою позицию: «Наркомпрос отнюдь не провозглашает систематической чистки учительства в смысле немедленного устранения всех верующих учителей, но он твердо заявляет, что верующие учителя в советской школе есть некоторое нелепое противоречие и что отделы народного образования обязаны пользоваться всякой возможностью замены таких учителей новыми, настроенными антирелигиозно»[464].

У А.В. Луначарского чувствуется примирительное отношение и к некоторым проявлениям религиозного сознания: «… толстовца можно потерпеть скорее, чем… явный православный элемент». Луначарский считал, что «по-толстовски» верующего учителя можно использовать в школе, поставив его под контроль общественности[465]. Такая позиция наркома вызывала удивление ревностных атеистов. Например, башкирские культурники даже написали открытое письмо Луначарскому, возмущаясь школой в Ясной Поляне, где могли проводиться толстовские идеи[466].

С одной стороны, атеистически настроенные просвещенцы говорили о перевоспитании «пассивно» верующего учителя, с другой стороны, создавалось общественное мнение, что в школе не должно быть верующих педагогов, особенно тех, кто отвечал за формирование мировоззренческих позиций ребенка. В резолюции III конференции просвещенцев-безбожников Замоскворецкого района Москвы 14 октября 1928 г. прямо говорилось: «от верующих “обществоведов” и биологов требовать безоговорочного активного безбожия»[467]. «Если и политически нецелесообразно было бы снимать с работы поголовно всех религиозных учителей, то, однако, необходимо ввести кое-какие коррективы в

отношении тех учителей, в руках которых находятся предметы мировоззренческого порядка», – предлагалось и в докладе Наркомпроса РСФСР «О состоянии школ II ступени», представленном в декабре 1928 г. в СНК РСФСР[468]. Речь шла в первую очередь, о преподавателях естествознания, обществоведения и литературы[469].

Полную картину «чистки» воссоздать затруднительно из-за скудности правдивой информации в советской печати. Этому важному аспекту может быть посвящено отдельное исследование. Данные открытых источников свидетельствуют: в Нижневолжском крае еще в 1928 г. 2 педагога уволены за венчание[470]. В октябре 1928 г. «Учительская газета» поместила статью об увольнении в сентябре Сергиевским отделом народного образования Московской губернии учительницы Володкинской школы А.К. Соколовой за «религиозность и посещение церкви». Дело Соколовой носило явно показательный характер, было призвано предупредить религиозных учителей об их дальнейшей участи в том случае, если они не захотят перестраиваться. Соколовой поставили в вину и то, что она не проводила антирелигиозную пропаганду среди учащихся, несмотря на хорошую посещаемость школы в большие церковные праздники[471].

Однако, несмотря на контроль над публикуемыми данными в открытой печати, в архивах имеются и другие данные. Они свидетельствуют о том, что учителя находились под страхом быть «вычищенными», причем под надуманным предлогом. 60 учителей Северокавказского края писали А.В. Луначарскому: «Ответьте в “Учительской газете”, потому что мы так запуганы, что боимся дать свой адрес»[472]. Люди сводили друг с другом личные счеты. В газетах появлялись анонимные заметки с компрометирующей учителей непроверенной информацией. Например, газета «Трудовая правда» (Пенза) 17 марта 1929 г. опубликовала заметку «Поповны и поповичи в школах» за подписью «Группа». В заметке 9 школьных учителей обвинялись в родстве с духовенством. Назывались их имена и фамилии[473]. Секретарь Пензенского окружного союза рабпроса писал 26 марта 1929 г. А.В. Луначарскому о создавшемся нездоровом отношении местной печати к просвещенцам[474].

Многие местные жители (особенно сельские) сочувствовали учителям, уволенным по религиозным мотивам. Житель села Крестовые городища Ульяновского округа писал 18 июня 1929 г. в Наркомпрос РСФСР: «уволена учительница Гуськова (их тысячи) за религиозные убеждения, которых в школе не высказывала, а ходила только в церковь. Это была чудная учительница. Одна из тысячи, она могла овладевать вниманием ребенка, никаких мер

принуждения не нужно было»[475].

25 июля 1929 г. президиум ЦКпроса заслушал доклады Московского губпроса, Белорусского профсоюза и орготдела ЦКпроса «о самоочищении рядов союза от “чуждых”». Мосгубпрос отчитался, что за 1928/29 учебный год исключил 19 педагогов. Трое из них исключены по политическим мотивам (не указано, каким конкретно). В Белоруссии за 1928/29 учебный год исключили 44 человека, в том числе и за «религиозную пропаганду»[476]. По этим докладам президиум ЦКпроса 31 июля 1929 г. принял постановление «Об исключении из союза по политическим мотивам». В нем указывалось обратить «особое внимание на необходимость заострения борьбы против враждебных рабочему классу элементов… активно поддерживающих религиозные движения и т. п.»[477]. На ноябрь 1929 г. в Ленинградской организации, по данным печати, зарегистрировано 2 случая исключения лиц, участвовавших в церковном хоре. В Москве за то же время – также 2 случая исключения за участие в религиозных обрядах[478].

Но отражают ли эти цифры подлинное положение вещей? Лучшей гарантией безопасности просвещенцев могло служить их активное участие в антирелигиозной работе и вступление в члены СБ. (Хотя и это не всегда спасало.)

В марте 1929 г. создана ассоциация просвещенцев-антирелигиозников при Московском губернском ДРП. Она планировала координировать действия по антирелигиозному воспитанию с МОНО, просвещенческими ячейками безбожников и Московским советом СБ[479]. Совещание заведующих ДРП Средневолжской области, состоявшееся 27–30 августа 1929 г., предложило «усилить работу по вовлечению наиболее активной части просвещенцев в организации СБ»[480]. На конференции учителей Знаменского района Орловского округа около 70 педагогов (все участники конференции) приняли решение вступить в СБ[481].

Помогать просвещенцам в проведении антирелигиозного воспитания в школе были призваны партийные, комсомольские и другие общественные организации. В начале июня 1929 г., накануне II съезда СВБ, состоялось совещание при АППО ЦК ВКП(б) по вопросам антирелигиозной пропаганды. С основным докладом на совещании выступил Е.М. Ярославский. «Мы считаем одной из заслуг Союза безбожников, – отмечал Е.М. Ярославский, – то, что ему удалось не только поставить вопрос о некоторых изменениях в системе воспитания в школе, но и подвинуть этот вопрос в значительной степени вперед в смысле замены системы безрелигиозного воспитания системой

антирелигиозного. Это дело, конечно, нельзя представить себе так, что сегодня решили провести антирелигиозное воспитание, а завтра повсюду будет антирелигиозное воспитание. Тут трудности колоссальные и перед Наркомпросом, и перед школой»[482]. Е.М. Ярославский подчеркнул, что «нужен очень вдумчивый методический подход, чтобы антирелигиозное воспитание в школе не превратилось в мучение для некоторых категорий школьников – к ребенку надо будет как следует подойти»[483]. Насколько «вдумчивым» оказалось антирелигиозное воспитание в школе и сколько страданий принесло детской душе, покажет практика.

II Всесоюзный съезд воинствующих безбожников (10–15 июня 1929 г.) уделил внимание школе в нескольких резолюциях. Резолюция «Об очередных задачах антирелигиозной работы» указывала: «считать особенно важным антирелигиозное воспитание детей. СВБ должен в своей работе добиваться дальнейшего развертывания антирелигиозного воспитания в школах, пропитывания антирелигиозным содержанием всего школьного воспитания»[484].

Резолюция «По работе среди молодежи» в разделе четвертом «Практические мероприятия по антирелигиозной пропаганде среди молодежи восточных национальностей» предписывала «осуществить антирелигиозное воспитание в школе I и II ступени, в семилетках и техникумах, согласно имеющимся методическим указаниям СВБ и Наркомпроса»[485].

В резолюции «По школьной и детской работе» особо говорилось об учительских кадрах: признавалось нецелесообразным предпринимать генеральную чистку учительства, сосредоточив усилия на воспитательной работе. Вместе с тем подчеркивалось, что «активному религиозному просвещенцу не место в работе учреждений народного образования, и в частности учреждений социального воспитания». Снятым с работы религиозным просвещенцам предлагалось не давать возможности устроиться на аналогичную работу в другом месте[486]. В обращении съезда «Ко всем трудящимся» выделялся пункт «Внимание детям и молодежи». «Мы обращаем внимание, прежде всего, на детей – говорилось в нем, – на необходимость вырвать их из-под влияния религиозных организаций… Мы обращаемся к школьным работникам и к самим школьникам, чтобы они дали отпор всякой религиозной пропаганде, откуда бы она ни шла»[487].

После II Всесоюзного съезда СВБ местные съезды безбожников принимали аналогичные решения об отношении к верующим учителям. В резолюции I Ивановского областного съезда СВБ в

октябре 1929 г. содержалось требование не привлекать религиозных учителей к работе в школе, а всем организациям СВБ усилить антирелигиозную работу учителей[488]. Совещание при облоно, состоявшееся после съезда, предложило организовать ячейки СВБ в каждой школе, прикрепить к ним активных учителей. При опорных школах планировалось создать методические комиссии по разработке антирелигиозных вопросов, а также большее количество учителей пропустить через антирелигиозные курсы[489]. В резолюции I Ленинградского областного съезда, проходившего 1–3 декабря 1929 г., «О школьной работе» предлагалось «всех работников Наркомпроса, активно участвующих в жизни религиозных организаций (состояние в церковной двадцатке – случай в 76-й школе), а также проводящих программу религиозных идей в учреждениях соцвоса, немедленно же удалить из школ и детдомов»[490].

Неудовлетворенность с состоянием дела на местах побуждала председателя СВБ СССР и Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) Е.М. Ярославского добиваться принятия нового партийного постановления, в котором бы содержались требования к партийно-государственным и общественным структурам усилить антирелигиозную деятельность.

Уже несколько месяцев спустя после принятия циркулярного письма ЦК, 6 июня 1929 г., Политбюро заслушало доклад Антирелигиозной комиссии. Его представил Ярославский[491]. Текст этого доклада не обнаружен. Но из других документов можно воссоздать суть претензий. Судя по частоте заседаний Политбюро, на которых обсуждался вопрос, они заслуживали внимания. Так, на заседании Политбюро 25 июля Ярославский уже представлял проект резолюции о работе АРК[492]. 8 августа Политбюро поручило специальной комиссии выработать проект резолюции по его докладу[493]. 13 августа проект резолюции принят комиссией, за исключением П.Г. Смидовича, входящего в состав комиссии. Он высказал ряд серьезных замечаний[494].

В проекте резолюции, составленной комиссией на основе данных Ярославского, читаем: «Отмечая, что Наркомпрос до настоящего времени совершенно недостаточно продвинул дело антирелигиозного воспитания в школе, дело подготовки учительства к антирелигиозной пропаганде, ЦК ВКП(б) предлагает наркомпросам союзных республик с начала следующего учебного года широко развернуть работу в этом направлении, имея в виду, что до сих пор еще сильно влияние религиозных организаций на некоторые слои школьников»[495].

П.Г. Смидович в объяснительной записке в Политбюро 18 августа высказал мнение, что, во-первых, проект не должен

появиться за подписью ЦК. Во-вторых, проект не вносит ничего нового: «январская резолюция ЦК конкретнее и лучше»[496]. В-третьих, Смидович высказал опасение, что слова резолюции «терпимое отношение к религиозным пережиткам и религии, к деятельности религиозных организаций и пассивное отношение к антирелигиозной пропаганде является одним из проявлений правого оппортунизма»[497] дадут основание заключить, что курс партии меняется, что начинается период открытого гонения на религиозные убеждения[498]. А главное, он сомневался в том, что СВБ, на который резолюция возлагала миссию «превратить антирелигиозную работу в широкое массовое движение», качественно справится с этой задачей. «И теперь уже движение воинствующих безбожников выливается в формы стихийные и не считается с рамками революционной законности», – писал Смидович[499]. Проект резолюции еще несколько раз обсуждался на заседаниях Политбюро[500], но так и не вышел как официальный партийный документ.

Но на местном уровне попытки интенсифицировать работу облекались в решения местных партийных органов. Серия совещаний местных партийных АППО состоялась осенью – зимой 1929 г. Средневолжское краевое агитпропсовещание по народному образованию констатировало «наличие случаев» религиозности учащихся и культурничество в антирелигиозной работе просветительных учреждений края[501]. В резолюции по докладу «О состоянии и задачах антирелигиозной работы», принятой на совещании при АППО МК ВКП(б) в октябре 1929 г., предлагалось: «Добиться последовательного проведения в жизнь антирелигиозного воспитания в школе, борясь за то, чтобы не было ни одной советской трудовой школы без антирелигиозного воспитания, ни одного учителя, не ведущего активно антирелигиозной пропаганды среди детей. Под этим углом можно МОНО и Губпросу проверить кадры учительства. В программы педвузов и педтехникумов включить антирелигиозные предметы, широко развернуть в школах организацию ячеек СВБ и групп безбожников»[502].

ВЛКСМ в решениях конференций, совещаний, бюро и секретариата ЦК затрагивал вопрос усиления антирелигиозной работы школы. В проекте тезисов ЦК ВЛКСМ к VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ «О коммунистическом воспитании детей» указывалась необходимость «добиться полного перелома всей воспитательной работы школы, развертывая антирелигиозное и интернациональное воспитание»[503]. В резолюции этой конференции, состоявшейся 17–24 июня 1929 г., по докладу А.А. Северьяновой отмечалось, что «…религиозно настроенная часть

учительства [использует] всевозможные средства для того, чтобы вызвать в детской среде неверие в социалистическое строительство, религиозные… настроения»[504]. М.С. Эпштейн, выступая на конференции, обратил внимание на то, что без пионерской организации педагог в школе не справится с антирелигиозной работой. «Мы стоим перед опасностью в школе, – говорил он, – что вся наша работа по интернациональному и антирелигиозному воспитанию примет казенный, формальный, показной характер, если через пионердвижение школа не будет связана с партией, с комсомолом»[505].

11 июля 1929 г. Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление об усилении антирелигиозной работы комсомольских организаций. Весной 1930 г. Секретариат ЦК ВЛКСМ проверил выполнение местными организациями данного решения[506]. 25 марта 1930 г. Секретариат заслушал доклады Западного обкома и ЦК ЛКСМ Белоруссии[507]. В резолюции по докладам говорилось, что «в школах соцвоса антирелигиозная работы должна перестать быть случайной, она должна войти составной частью во всю образовательную и воспитательную работу школы». Резолюция также требовала «добиться от ОНО лучшего методического руководства антирелигиозным воспитанием в школах»[508].

Всесоюзный слет пионеров 20–22 августа 1929 г., обсуждая перспективы развития детского коммунистического движения, не обошел вниманием проведение в школе антирелигиозного воспитания. Проходившие в преддверии Всесоюзного слета краевые, областные, районные слеты пионеров поднимали этот вопрос. I Всекарельский слет юных пионеров 3–4 августа дал наказ Наркомпросу «усилить путем устройства специальных бесед антирелигиозное воспитание среди детей»[509]. Усиления этой работы в школе потребовал от отделов народного образования I краевой Сибирский слет юных пионеров 7–11 августа 1929 г.[510]

В обращении Всесоюзного пионерского слета к детям СССР, принятом на проходившей в его рамках Всесоюзной конференции, содержался призыв бороться за школу, «которая бы воспитывала… активных безбожников»[511]. 20 августа 1929 г. состоялось совещание делегатов слета в Наркомпросе[512]. А 22 августа прошло антирелигиозное совещание пионеров, на котором они делились опытом работы, в том числе в школе[513]. Совещание предложило «обратить внимание Наркомпроса на подбор учителей»[514].

Наркомпрос, пионерские организации, ученические комитеты (учкомы) школ по итогам пионерского слета проводили конференции. 22 января 1930 г. состоялась II детская

конференция пионеров и учащихся школ Александро-Невского района Московской области, которая призвала усилить антирелигиозное воспитание[515]. Немало внимания уделялось ему на I Всероссийской конференции работников учкомов городских школ в январе 1930 г. Конференцию организовали Наркомпрос и Центральное бюро детских коммунистических организаций юных пионеров. С докладом выступил представитель ЦС СВБ Н.К. Амосов[516].

Взаимодействие партийных, комсомольско-пионерских и других общественных организаций по проведению антирелигиозного воспитания в школе было призвано превратить школы в главные центры, оказывающие влияние не только на учащихся, но и на не охваченных школой детей, а также на взрослое население. Считалось, что поддержка населением других мероприятий советской власти во многом зависела от того, насколько успешно школам удастся поставить антирелигиозную работу.

Организационно-плановое управление (ОПУ) Наркомпроса РСФСР с ноября 1928 г. по январь 1929 г. провело обследование школ в 8 краях и областях РСФСР, в том числе и с целью выяснить, ведет ли школа антирелигиозное воспитание.

«В обследованных школах I ступени антирелигиозности в воспитании еще нет», – считал инспектор ОПУ, ревизуя школы Центрально-Черноземной области. Тот же вывод делал инспектор, обследовавший школы на Урале[517]. Инспектор А.С. Розин считал, что в Ростове-на-Дону и в области антирелигиозное воспитание «… начинается даже в наиболее отсталых и консервативных станицах, но идет неорганизованно и неудачно»[518]. В сводном докладе по 8 регионам делался следующий вывод: «…Антирелигиозное движение затрагивает пока меньшинство школ, встречая местами резкое противодействие, особенно в зажиточных станицах на Дону. Большинство учительства в I ступени все еще на перепутье и продолжает держаться безрелигиозного воспитания не только в местах крайней отсталости масс (Кабарда), но также в городах и в классово хорошо расслоенной деревне»[519].

О «некоторых реставрационных попытках отдельных школ по линии безрелигиозного воспитания» говорилось в резолюции совещания заведующих отделами народного образования в Нижнем Новгороде 14–18 января 1929 г.[520] Учителя некоторых школ Одессы, опасаясь неприятностей с родителями, боялись первое время прямо говорить об антирелигиозном воспитании[521]. О том, что антирелигиозная работа в школах является «совершенно излишней», высказались некоторые

педагоги железнодорожной школы станции Сухиничи[522]. Находились педагоги, которые открыто противостояли такому нововведению. Например, одна учительница сказала: «Я не буду вести антирелигиозную работу в школе, я верю в Бога, я знаю – не советская я учительница, можете уволить меня». Вскоре после такого заявления уездный отдел народного образования ее уволил[523].

В школах для национальных меньшинств реакция могла быть более негативной. Заведующий Уралоно И.А. Перель в феврале 1929 г. рассказывал на совещании завкрайоно об одной «нацменовской» школе, где антирелигиозное воспитание «встретили в штыки»[524]. Преподаватель в немецком поселке № 2 Аркадакского района Балашовского округа Никкель на вопрос: «Как у вас обстоит дело с антирелигиозным воспитанием?» – сказал: Да боюсь, как бы слишком круто не повернуть, я пробовал вести антирелигиозную работу, ничего не выходит – как начнешь учащимся говорить про Бога, они краснеют и глаза опускают вниз»[525]. Преподаватели немецких школ на учительской конференции Симферопольского района открыто заявили: «Мы отказываемся от антирелигиозного воспитания». Мотивировали они отказ тем, что даже работники сельских советов немецких колоний посещают церковь[526].

Но даже там, где учительство готово было приступить к антирелигиозной работе, оставалось неясно, как к ней приступить. «Учительство не знает, как за нее взяться», – констатировал инспектор Наркомпроса, обследовавший Урал[527].

Не имея методических указаний и переработанных программ, учительство придумывало собственные формы работы. Некоторые школы ввели специальные часы антирелигиозного воспитания. Но часто особые «уроки безбожия» срывались из-за методической и содержательной неподготовленности. Например, в одной школе II ступени, где в 1929 г. ввели «уроки антирелигиозного воспитания», занятия проводились нерегулярно: преподаватели приходили на эти уроки раз в месяц[528]. Такие уроки не приветствовались ни Наркомпросом, ни СВБ. Последний считал, что вся школьная жизнь (прежде всего, учебные предметы) должна быть пропитана воинствующим атеизмом. «Еще до сих пор – и не где-нибудь, а в Москве – имеют место особые часы «антирелигиозного воспитания» в школах», – писал Ф.Н. Олещук осенью 1929 г.[529]

Недостаток систематической работы приводил к кампанейщине. Школа наиболее активно занималась антирелигиозной работой в преддверии Рождества и Пасхи. В Рождество 1928/29 г. помимо традиционных мероприятий

(вечера, концерты, карнавалы) ставился вопрос о работе школ в «новое» 25 декабря и в «старое» 7 января Рождество. Школьный совет в селе Брасово Брянской губернии постановил вести занятия и 25 декабря, и 7 января[530].

Газета «Пионерская правда» призвала бойкотировать религиозные праздники. Собрание пионерского актива Ленинграда поддержало призыв и предложило перенести Рождественские каникулы на январь, приурочив их к Ленинским дням[531]. «Инициативу» ленинградских пионеров поддержали в Наркомпросе, в ЦКпросе, в ЦБ ДКО ЮП[532]. Наркомпрос через «Учительскую газету» информировал, что в некоторых областях и округах РСФСР (ЦЧО, отдельные округа Сибири) каникулы перенесены[533]. МОНО объявил зимние каникулы с 21 января по 2 февраля 1929 г.[534]. 25 и 26 декабря в московских школах проходили занятия[535], а 6 января проводился клубный день[536].

Но и на каникулах школьники обязывались проводить антирелигиозную работу. Уже в 1980-е годы стало известно о находке историком Е. Семеновой ученических тетрадей с сочинениями на тему «Как я провел каникулы». Речь шла о зиме 1929 года. Например, один из учащихся писал о своем неудачном опыте безбожной пропаганды так: «Еще у меня происходили стычки с мужиками насчет Бога. Я с товарищами разобъяснял, что Бога нет, что человек произошел от маленькой клеточки, а они все это объясняли, что человека создал Бог»[537].

Весной 1929 г. Наркомпрос РСФСР собирался ходатайствовать в СНК об отмене «празднования в школах Рождества, Пасхи и Вознесения». В Наркомпросе наметили проект нового распределения учебного года. (Зимние каникулы планировались с 21 по 31 января)[538]. В конце мая 1929 г. Наркомпрос разослал всем край-, обл- и губоно директивное письмо «О проведении занятий в школах соцвоса и профобра в дни Рождества, Пасхи и Вознесения». Отмечая работу большинства школ в рождественские и пасхальные дни 1928/29 учебного года, Наркомпрос и ЦКпрос по согласованию с Наркомтрудом предлагали всем школам впредь проводить занятия в дни Рождества, Пасхи и Вознесения, компенсируя их соответствующими днями невыхода[539].

1 мая 1929 г. совпало с православной Пасхой. Школы и общественные организации должны были противопоставить эти праздники, провести антипасхальную кампанию. «Школе нужно переключить настроение учащихся с церковной идеологией – к пролетарскому празднику», – указывалось в директиве Ленинградского облоно «О проведении дня 1 мая и антипасхальной кампании в школах г. Ленинграда и

области»[540].

Подготовка к антипасхальной кампании началась во время великого поста, кульминация пришлась на 4–6 мая, завершилась кампания к 15 мая[541].

Школы ориентировали на проведение занятий в Пасху. Наркомпрос РСФСР разъяснял в специальном письме, что «работа учебных заведений в пасхальные дни может компенсироваться по соглашению с органами Союза рабпрос соответствующим удлинением летних каникул»[542]. На собрании педагогов и учащихся Отрожской железнодорожной школы приняли решение работать в пасхальные дни, а весенние каникулы увеличить на 4 дня[543]. В Орле первомайские и пасхальные дни объявили «неделей культуры». Школы должны были проводить занятия в обычном режиме[544]. Конференция просвещенцев Самары единогласно постановила считать рабочими днями 4, 5, 6 мая и провести в эти дни массовую антирелигиозную работу среди учащихся[545].

В преддверии Пасхи и в пасхальные дни и городские, и сельские школьники привлекались к участию в антирелигиозных беседах, вечерах, уличных шествиях, митингах и карнавалах. 26 апреля 1929 г. в Сокольническом районе Москвы состоялась демонстрация школьников с антирелигиозными лозунгами. В акции приняли участи до 30 000 школьников. Демонстранты, разделившись на группы, отправились к прикрепленным предприятиям, где провели митинги. Затем учащиеся вместе с рабочими отправились на сборные пункты в подрайонах, где также состоялись митинги с участием представителей райкома ВКП(б)[546].

4 мая практически во всех школах Москвы прошли антирелигиозные вечера с привлечением учащихся и их родителей. 5 мая в школах проводился клубный день. В некоторых районах Москвы (Бауманском, Хамовническом) школьники приняли участие в карнавалах[547]. Антипасхальные карнавалы прошли также в Ленинграде, Твери, Омске, Томске, Орле, Уфе, Александровске на Сахалине, Петрозаводске и других городах[548].

Если в городах между педагогами и школьниками в большинстве случаев достигалось согласие, то в условиях села добиться его оказалось не так просто. Сельский учитель Н.Я. Скоморохов поделился с читателями «Учительской газеты» опытом проведения антипасхального карнавала: «… Карнавал прошел хорошо… Собрал около 400 человек, а для села это очень много. И тут я наблюдал внутреннюю борьбу у многих детей. Когда нужно было сменять уставших нести факелы, и я предлагал

это свободно шедшим ребятам, многие пугливо шарахались от меня»[549].

Школе приходилось договариваться с родителями учащихся, чтобы избежать срыва кампании. В 174-й школе Ленинграда представители педагогов, ученических и общественных организаций, в том числе Совета содействия (Совсод), в предпасхальные дни сумели договориться о единстве действий. В школе прошло общее родительское собрание. Выступавшие, представители учкома и школьно-ученического совета (ШУС), а также педагоги, обращались к родителям: «Не препятствуйте ребятам посещать школу 3, 4 и 6 мая, не мешайте работе школы»[550].

Осенью 1929 г. ЦК ВЛКСМ, ЦБ ДКО ЮП и «Комсомольская правда» выступили с инициативой всесоюзного антирелигиозного наступления[551]. Предложение внесло ЦБ ДКО ЮП[552]. 2 ноября 1929 г. Бюро ЦК ВЛКСМ постановило «объявить совместно с ЦС СВБ всесоюзное антирелигиозное наступление»[553]. ЦС СВБ поддержал эту идею, а Е.М. Ярославский возглавил штаб[554]. В штаб, помимо представителей других ведомств, должен был войти и представитель Наркомпроса РСФСР[555].

Началом антирелигиозного наступления должна была стать антирождественская кампания. С 15 декабря 1929 г. по 15 января 1930 г. планировалось проведение антирождественской стачки пионеров и школьников. Пионерам-активистам ставилась задача руководить стачкой и вести за собой «основную массу пионеров и школьников»[556].

Однако Секретариат ЦК ВКП(б) 6 декабря 1929 г. отклонил идею стачки, поручив АППО ЦК, ЦК ВЛКСМ, ЦС СВБ и другим организациям «провести серьезную подготовительную работу к проведению антирелигиозной пропаганды в связи с рождественскими праздниками»[557].

Антирелигиозной стачки не получилось. Но антирождественская кампания 1929/30 г. прошла достаточно шумно. Например, в Орехово-Зуевском округе в ночь на 25 декабря и на 8 января запланированы карнавалы и демонстрации с факелами, в процессе которых намечалось проведение «летучих митингов на автомобилях»[558]. 6 января 1930 г. в Москве на территории Парка культуры и отдыха сожжены макеты церквей, синагог, мечетей. Аналогичное действо происходило в тот же день и на катке «Красные Хамовники»[559]. В ходе антирождественской кампании происходило массовое сжигание икон. В Бауманском районе Москвы на январском антирелигиозном карнавале сожгли 50–60 икон[560]. По райсоветам СВБ и в школах происходил сбор икон от населения и

школьников. В одной из школ Тульского округа учащимся предложили собрать иконы и в случае невыполнения школьникам угрожали «неудовлетворительной» оценкой[561], в результате в Тульском округе было собрано и сожжено более 1500 икон[562].

Антирождественские и антипасхальные кампании сопровождались или переходили в кампанию по закрытию церкви. Учащиеся 51-й школы Сокольнического района Москвы на антирождественском вечере приняли решение требовать закрытия Сретенской церкви. Они выделили бригаду, которая ходила по домам, собирая подписи за закрытие церкви[563]. 8 июня 1929 г. сообщалось о закрытии по настоянию школ собора в Урюпинске Нижневолжского края (передан под школу) и церкви Ушаковского района Ярославской губернии (отдана под клуб) [564]. «Учительская газета» публиковала списки церквей, закрытых по инициативе школ.

Для более интенсивного проведения кампаний практиковалось заключение договоров социалистического соревнования между школами, классами, школами и предприятиями. В Пасху 1929 г. восемь школ города Армавира соревновались за 100 % явку учащихся в школу[565]. Такую рекомендацию давал и Ленинградский облоно в директиве об антипасхальной кампании весной 1930 г.[566] Свердловская школа № 25 заключила договор с рабочими, по которому педколлектив обязался: на 100 % вступить в Союз воинствующих безбожников, вовлечь в ячейки и кружки безбожников не менее 25 % учащихся первой ступени и 50 % учащихся второй ступени, провести кампанию за снятие икон в квартирах родителей школьников, «организовать бойкот елки, куличей, крашеных яиц и т. д.»[567].

Антирелигиозные кампании вызывали протест многих родителей и учителей. Последние не могли открыто высказывать мнение, опасаясь увольнения. Преподаватель Мореновской школы крестьянской (колхозной) молодежи Нижегородского уезда сетовал, что в антирождественскую кампанию 1928/29 г. учителя соседних школ в большинстве случаев не приняли участия в кампании. Там же, где выступали антирелигиозные докладчики, «просвещенцы аккуратно… не присутствовали»[568]. Сельский учитель Н.Я. Скоморохов писал, что его коллеги по школе считали непедагогичным проведение карнавала в условиях села[569]. Когда по инициативе рабочих станции Конотоп была поднята кампания за закрытие церкви, половина учителей железнодорожной школы станции Сухиничи отказались поддержать эту акцию[570]. Многие учителя смотрели на антирелигиозное воспитание, как на неприятную обязанность[571].

Некоторые учителя первое время еще осмеливались открыто, но уже чаще анонимно, заявлять: «Мы богословских книг не читали, а потому не имеем возможности спорить с верующими учащимися»[572]; «Мы, массовые учителя, понимаем антирелигиозную пропаганду как вытравление всего святого и лучшего в душе ребенка»[573]; «Учительство эту работу проводит под страхом, чтобы не быть уволенными»[574]. Молодой преподаватель обществоведения школы № 12 города Воронежа открыто исповедовал свою веру: «Веровал, верую и буду верить, невзирая ни на что, – заявил он»[575].

Неоднозначно воспринимали безбожные кампании и сами учащиеся, которых зачастую принуждали принять в них участие. И если школьников младших классов еще можно было принудить к этому, психологически воздействуя на них, то к ребятам старших возрастов не всегда удавалось найти подход. На общешкольном собрании в школе II ступени Павловска Воронежского округа заведующий предложил не праздновать Рождество, а дни отдыха перенести на каникулярное время. Но большинство учащихся не поддержало свое руководство и решило праздновать Рождество[576]. В школе № 34 Бауманского района города Москвы фактически сорвалась антипасхальная кампания 1929 года. 4 мая отпустили домой всех учащихся, за исключением школьников восьмых и девятых групп. Причем в двух девятых группах осталось 10 человек, в одной восьмой – 13, в другой – 4. На антирелигиозный вечер пришли около 80 учащихся из 1600. На следующий день на карнавале присутствовал только пионеротряд школы и около 30 учащихся. 6 мая на занятия не явились 363 человека из 745 учащихся второй ступени[577]. «Не мы строили церковь, не мы и закрывать ее будем», – заявили ученики старших групп железнодорожной школы станции Сухиничи[578].

Против антирелигиозного воспитания в школе выступила значительная часть родителей школьников. Они заявляли, например: «Без молитв и без Бога ваша школа похожа на балаган»; «В школу пошлю без креста, а придет домой – опять крест надену»; «Не рано ли школа начинает вести довольно опасную игру с ребенком… Будет побольше – сам поймет и узнает»[579]. «Школа не должна заниматься антирелигиозным воспитанием», – говорили родители школьников на одном многолюдном собрании в Орле[580].

Недовольство родителей иногда переходило в открытое противостояние со школой. В школе станицы Заплавской Ростовской области первая попытка заведующего в 1928/29 учебном году вести антирелигиозную работу встретила отпор

населения. После нескольких бесед учителя со школьниками к нему пришла вся масса станичников с ультиматумом: «Зачем вы обижаете нашего Бога; что хотите, с нас берите – обложение, налог, только не трогайте нашего Бога – заберем детей»[581]. В одной из московских школ группа родителей пыталась сорвать антирелигиозный вечер, заявляя педагогам: «Не суйтесь не в свое дело. Не отрывайте от нас детей»[582]. В пасхальную ночь 1929 г. в Малом Пуховичине Минского округа антирелигиозный карнавал забросали камнями. Участникам карнавала пришлось скрыться в здании школы[583].

Нередко противоречия между детьми и родителями приводили к серьезным конфликтам. «Родители нас по своей темноте принуждают ходить в церковь, нам же это не нравится», – писали Н.К. Крупской в начале 1929 г. сельские пионеры Спасского уезда Рязанской губернии[584]. В школе I ступени имени А.В. Луначарского ученик заявил матери, что отказывается от ношения креста. «Мать энергично прижала сына, накричала на учителей» и сказала сыну: «Откажешься от креста – ночуй со свиньями, а в дом не пущу»[585]. Иногда конфликты в семье заканчивались трагически. Например, пионерка, ученица 5-й группы, в пасхальные дни 1929 г. из-за конфликта с родителями попыталась покончить жизнь самоубийством: отравиться сулемой[586].

Некоторые родители писали возмущенные письма А.В. Луначарскому в ответ на антирелигиозное наступление в школе и на статью наркома «Антирелигиозная борьба в школе», опубликованную в «Известиях» 26 марта 1929 г. «Воспрещение детям посещать храмы Божьи [с угрозой исключения] из школы – разве это не насилие?» – восклицал один из писавших Луначарскому. Далее он писал: «Школа должна детей просвещать, а не развращать. Пожалейте же наших детей. Не воспитывайте их в духе безбожия, безверия, неуважения, безнравственности и хулиганства – ибо это позорно и весьма опасно»[587]. Другой родитель писал наркому: «Вы преступник перед родителями учащихся у вас учеников. Вы разрешаете учителям и учительницам и на родительских собраниях внушать ученикам, чтобы они не слушались родителей и не уважали, даже читали бы нотации, как веровать, не ходить в церковь, а ходить в электрический театр»[588].

Не все верующие родители боролись со своими «безбожными» детьми принудительными мерами. В семье устанавливался своеобразный «статус-кво». Писатель В.А. Солоухин, старший брат которого Николай в 1929 г. оканчивал ШКМ в селе Черкутино Владимирской области и записался там в кружок воинствующих

безбожников, размышлял об этом «статус-кво» в их семье между братом и верующими родителями: «Родители ничего не позволили бы совершить Николаю в доме, но они не только не препятствовали школьному воспитанию молодого безбожника, но и ни малейшим образом духовно, воспитательно, назидательно не противостояли ему. (То же самое произойдет со мной через 2–3 года, когда и я пойду в школу)… Родители, отчетливо понимая, что жить мне всю жизнь предстоит при новой власти, руководствуясь, очевидно, инстинктом самосохранения, полностью самоустранились от моего так сказать социального воспитания, передоверив меня советской школе»[589]. В качестве дополнения нужно привести размышление Солоухина из его очерка «Черные доски»: «Не будучи яростным иконоборцем, – писал он, – я не был, разумеется, и защитником икон. С какой бы стати мне, пионеру, их защищать? Просто для меня этого вопроса не существовало. Участок сознания, – мозга или души, – который должен был бы так или эдак реагировать на иконы, руководить моим отношением к иконам, был у меня, по-видимому, отключен, заморожен, анестезирован»[590].

Религиозность семьи и антирелигиозность школы вызывали раздвоение в сознании ребенка. Он не знал, кому верить. О том, что ребенок «запутывается в противоречиях», оказываясь между двух мощных воздействий, и что все это может поставить его в положение «мучительного раздвоения», – писал А.В. Луначарский в статье 1929 г. «Антирелигиозная борьба в школе»[591]. Сельский учитель Н.Я. Скоморохов размышлял на эту тему: «Какой противоречивый, быть может, болезненный процесс, какая ломка должна происходить в душе ребенка… “Педагогичен” ли этот процесс? Многим учителям он кажется кощунственным нарушением покоя детской душевной жизни, ломкой детей, ненормальной дисгармонией, являющейся следствием того, что учитель втягивает детей в борьбу со взрослыми и родными»[592]. И нарком просвещения, и сельский учитель отвечали на этот вопрос однозначно: нужно ломать, нужно противостоять религиозной семье, которая является, по их мнению, подлинной причиной душевной драмы ребенка, нужно формировать нового человека, каких бы жертв это ни стоило.

До 1929 г., т. е. до начала наступления на религию, в том числе через школу, безусловно, на формирование материалистического мировоззрения преимущественное влияло знакомство детей с естественно-научными знаниями. Об этом свидетельствуют сами дети: «Я раньше была религиозная, но когда поступила в школу, то меня сразу отшатнуло: я научилась читать и стала читать книги и разные картины стала

смотреть»[593]. «Я была религиозная, и меня отшатнуло – это когда мы стали изучать (Земля – шар)»[594]. «Не верю в Бога, так как в школе узнал, что наука открыла тайну происхождения Земли и человека»[595]. «Перестала верить, убедившись в школе, что гром и молния происходят не от катания Ильи-пророка, а по другим причинам, и многое другое узнала»[596]. Однако такие естественно-научные знания не всегда убеждали учащихся. Вот что писал школьник Иосиф Морозов в редакцию газеты «Безбожник»: «У нас в школе был диспут на тему, совместима ли наука и религия. И выяснилось, что несовместима. Но я сомневаюсь. Несмотря на то что за границей религия еще существует, а промышленность там лучше развита, чем наша. Потом там есть ученые, и они люди религиозные»[597].

С 1929 г. приходится учитывать помимо образовательной информации и сильный эмоционально-психологический фактор антирелигиозного воспитания. Но насколько основательно он воздействовал на сознание детей, можно судить по их ответам об отношении к антирелигиозной пропаганде в школе: «Разъясняют наивно, по-детски, шутя, почти всегда с насмешкой. Только стараются насмехаться над религией, что еще крепче заставляет верить»[598]. «Объясняют слабовато, поверхностно, вообще болтают без всяких доказательств»[599]. «Я религиозен, потому что все Божественные предписания почти что исполняются, а беседы антирелигиозников основываются на безалаберном хулиганстве»[600]. «Когда мне говорят против Бога, я все больше верю, что Он есть»[601]. «Когда говорят против Бога, я не слушаю и не верю – это все чепуха, зря только болтают»[602]. Показательны результаты обследования настроений учащихся третьих групп нескольких московских и провинциальных школ, проведенного в мае 1929 г. Как интересные антирелигиозные темы назвали в анкетах только 2,4 % опрошенных школьников. Неинтересными их назвали 1,5 % опрошенных[603]. Проведенное в Ленинфельдской школе Армавирского округа анкетирование учащихся выявило, что 19 % из них отрицательно относятся к антирелигиозному воспитанию в школе[604].

Антирелигиозное воспитание, если под ним понимать воспитание в детях негативного и даже агрессивного отношения к религии и к Церкви, оказывало определенное эмоциональное влияние на детей, прежде всего на младших школьников, но оно являлось поверхностным и вульгарным и не могло выдержать проверку временем.

Когда затрагивается вопрос о переделке школой религиозного ребенка в атеиста, не следует забывать о нравственном аспекте. Именно на этом акцентировали внимание

верующие дети, объясняя, почему они все-таки верят в Бога: «Раньше было лучше – было больше порядка, а теперь хуже, потому что в Бога не верят, от Бога отступились, скоро Бог накажет»[605]. «Сейчас люди совесть потеряли, потому что не верят в Бога»[606]. «Возьмите раньше: разве было, чтобы на улицах ругались по-матерному, а теперь в нашей культурной стране ругаются чуть ли не с 4 лет. Это лучше, по-вашему, чем религия?»[607].

Характерно, что большинство детей-атеистов, не говоря уже о верующих, благосклонно относились к религиозному учителю и с настороженностью к учителю-антирелигиознику. С.М. Ривес из Института методов школьной работы, исследовавший религиозность и антирелигиозность детей методом коллизий (когда ребенку предлагалось выбрать из нескольких позиций по определенному вопросу ту, которая ему наиболее близка), писал: «Верующий учитель вызвал симпатию у значительной части опрошенных нами детей. Даже не согласные с ним безрелигиозники не решаются с ним расстаться»[608].

Тем учителям, которые пытались навязать неверие и антирелигиозность, многие школьники не доверяли. «Я знаю, что учителя должны притворяться безбожниками и не верю им. Думаю, что они сами не знают хорошо того, о чем говорят»[609]. Характерно и содержание отрывка из письма (нет даты) А.В. Луначарскому, сохранившееся в его личном фонде: «Вот учительница неверующая в классе. Дети поминают Бога. Учительница сообщает: “Нет никакого Бога”. – “Как нет? Нам родители говорят, учат Богу молиться”. – “Дураки они”, – наставляет учительница. “Сама ты дура”, – отвечают дети учительнице»[610]. То, что нарком просвещения счел важным сохранить этот отрывок свидетельствует как об атмосфере, в которой реализовывалась новая политическая линия по проведению антирелигиозного воспитания в школе, так и об успешности этой работы.

Школа, призванная воспитывать воинствующих атеистов, сталкивалась с интересами в основном еще религиозной семьи. Возникала потребность ослабить влияние семьи на ребенка, втянуть его в общественную жизнь вопреки семье. «Задача борьбы с семьей в этом отношении, конечно, задача трудная, но избегнуть ее невозможно», – писал А.В. Луначарский в 1929 г.[611] «Ослабление семейного влияния – одно из условий выварки всего молодого поколения в котле коммунистической общественности», – писала Н.К. Крупская[612]. «Мы разрушим фетиш семьи», – говорила А.А. Северьянова на IX съезде ВЛКСМ в 1931 г.[613]

Противостояние школы и семьи не исключало применительно к последней репрессивных мер. М.М. Пистрак весной 1929 г. в замечаниях к тезисам Н.К. Крупской «Об антирелигиозном воспитании» писал: «Мы не используем существующего закона о недопустимости принуждения ребят старше 14 лет к исполнению религиозных обрядов. Надо, чтобы школа привлекла к ответственности родителей, насилующих антирелигиозные убеждения ребят в возрасте выше 14 лет»[614].

10 октября 1929 г. Главсоцвос разослал на места директиву «О мерах, которые должны быть приняты в отношении родителей, не пускающих своих детей в школу». Речь шла о родителях, дающих детям религиозное воспитание на дому и отказывающихся пускать их в школу. В качестве мер воздействия предлагалось к малоимущим родителям применять воспитательные средства, обеспеченным родителям назначать штрафы, а в «злостных случаях», согласно Кодексу законов о браке, семье и опеке, отбирать ребенка у родителей по решению суда. Однако последнюю меру рекомендовалось применять в исключительных случаях, когда «никакие другие меры воздействия не помогают»[615].

Верующие дети испытывали в школе насилие. Сотрудница Главсоцвоса Е. Кушнир, отвечая в июне 1928 г. на письмо учителя с просьбой разъяснить, может ли школьник исполнять религиозные обряды и посещать церковь, писала: «Ученик советской школы, по нашему мнению, не должен говеть, поститься, посещать церковь. Это не значит, что школа может запретить ученику исполнять обряды суеверия, но если ребенок говеет или пропускает занятия в религиозные праздники, это ему будет зачтено как пропуск по неуважительным причинам. Дети из религиозных семей могут быть причислены к т. н. запущенным детям…»[616].

Для того чтобы выяснить подлинную причину отсутствия ребенка в школе, прибегали к слежке и доносительству. «Ученики мне в этом помогают (они наблюдают друг за другом)», – хвалился один из педагогов на страницах «Учительской газеты»[617]. Ученица школы № 60 Сокольнического района Москвы записала в дневнике: «Осматривая молящихся, я увидела ученицу седьмой группы нашей школы. Она, заметив меня, начала прятаться за колонну – наверное, стыдно стало»[618]. Составлялись специальные сводки посещаемости школьниками и дошкольниками церкви: «24-го, воскресенье. В церкви было 19 детей. 24-го вечером. В церкви было 17 детей. 31-го утром было 35 ребят»[619].

Нужно было не допустить школьников в церковь в

воскресный день, и органы образования пошли на реформирование учебной недели. С конца 1928 г. потребовали разрешения вопросы не только о работе школ в большие церковные праздники и о перенесении зимних и весенних каникул на другое время, но и о замене воскресного выходного дня другим выходным днем на неделе. Отдельные школы и даже районы переносили выходной день с воскресенья на другой день недели. Товаревская школа Рязанской губернии сделала выходным днем пятницу, так как это был базарный день и посещаемость школы составляла 30–40 %[620]. «Учительская газета» помещала перечни таких школ и районов. 8 июня 1929 г. газета сообщила о переносе выходного дня во всех школах Томско-Колоровского района (Сибкрай), во всех школах Углича (Ярославская губерния)[621]. 15 августа появилось сообщение о перенесении дней отдыха во всех школах Калуги[622].

Со второй половины 1929 г. в связи с переходом промышленности и государственных учреждений на непрерывное производство учреждения народного просвещения, в том числе школы, также постепенно переводились на «непрерывку». Она признавалась хорошим подспорьем в антирелигиозном воспитании, ею хотели «нанести сокрушительный удар традиционному празднованию воскресенья»[623].

30 ноября 1929 г. Наркомпрос РСФСР разослал на места директиву о переводе на непрерывное производство учреждений народного образования. Школы соцвоса I и II ступени переводились на «непрерывку» во вторую очередь, после культпросветучреждений, обслуживающих рабочих предприятий, а также школ взрослых, школ рабочих подростков, рабфаков, дошкольных учреждений[624].

Некоторые школы самостоятельно переходили на «непрерывку» еще до официального распоряжения Наркомпроса. «Учительская газета» сообщала в сентябре 1929 г. о переходе 42 московских школ на непрерывную неделю[625].

Однако многие школы не торопились переходить на «непрерывку» по ряду причин (местных, технических и пр.). К концу 1929 г. в Богородском районе Московской губернии на «непрерывку» перешли 3 сельские школы, еще 2 сельские школы изменили день отдыха (с воскресенья перешли на четверг). Городские школы I ступени еще только обсуждали этот вопрос на школьном совете, совете содействия (совсод) и родительских собраниях[626].

Посещаемость в школах, перешедших на «непрерывку», в воскресенье, во всяком случае в первое время, была меньше обычной. Об этом говорил опыт 57-й школы-девятилетки

Сокольнического района Москвы[627]. Но «непрерывка» способствовала проведению школой антирелигиозных кампаний. Однако невозможно было постоянно держать общество в напряжении, проводить бесконечные шумные и агрессивные кампании, многих тем самым настраивая против советской власти. Власти приходилось искать другие, более сдержанные методы проведения антирелигиозного наступления в школе.

Глава IV. Особенности проведения антирелигиозного воспитания в школе в 1930–1932 гг.

Антирелигиозное наступление на школу проходило на фоне коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания. Эти мероприятия советской власти связывались с кампанией по закрытию церквей. На местах такая политика приводила к «перегибам» и не могла не вызвать волнений среди верующего населения, особенно крестьянства.

В первом полугодии 1929 г. во многих районах произошли массовые волнения верующих на почве отобрания церквей. В отдельных случаях дело доходило до вооруженных столкновений[628]. Например, в Нижневолжском крае в одном из округов приняли решение снять колокол. Собрались люди в количестве около 1500 человек, продежурили около церкви 4 дня. Прошла информация, что раздавили беременную женщину. Для пресечения «беспорядков» вызвали 20 милиционеров[629].

Учитывая создавшееся положение, ЦК ВКП(б) вынужден разослать на места под грифом «совершенно секретно» циркуляр о порядке закрытия церквей от 5 июня 1929 г. Циркуляр подписал секретарь ЦК В.М. Молотов. В документе констатировалось, что на местах «участились случаи совершенно нетерпимого искажения партийной линии в области борьбы с религией». Отмечалось, что местные организации совершенно не учитывают настроений подавляющего большинства верующих против закрытия церквей, ограничиваясь решением небольшого собрания, состоящего в большей части из коммунистов, комсомольцев и советского актива. Партия предписала сосредоточиться на идеологической борьбе с религией, не подменяя ее административными мероприятиями и не допуская ни малейших нарушений существующих советских законов. Закрытию церкви непременно должна была предшествовать широкая, серьезно поставленная массовая работа партийных и комсомольских организаций и СБ. Закрытие церкви, как указывалось, возможно проводить только после учета настроений всех слоев населения, когда созданы все гарантии того, что решение о закрытии не поведет к эксцессам[630].

Но «перегибы» на фронте борьбы с религией продолжались. В Чусовском районе Пермского округа Уральской области перед закрытием церкви людям, состоящим на службе и на

производстве, пригрозили, что, если они не будут голосовать за закрытие церкви, то все будут исключены из профсоюза и лишены работы[631].

Для того чтобы понять весь трагизм обстановки, необходимо привести выдержку из директивного письма АППО Сибирского краевого комитета ВКП(б) от 16 января 1930 г., в котором в качестве примера грубого администрирования приводился следующий эпизод. В селе Усть-Чарыш Бийского округа Сибкрая вечером 14 ноября 1929 г. набатом колокола было собрано общее собрание граждан. На этом собрании решалось два вопроса: о заготовках картофеля и о передаче церкви под школу. Для поддержания порядка в дверях помещения, где собрались сельчане, поставлены вооруженные винтовками сельисполнители. Далее цитирую: «При обсуждении вопроса о передаче церкви, со стороны женщин стали поступать возражения: “Вы эту церковь не строили и от нас ее не отберете”. За эти возражения секретарь ячейки ВКП(б) Фирсов отдал распоряжение одному сельисполнителю об аресте одной женщины и заявил: “ Если вы будете идти против, то несмотря на то, что вы женщина и что у вас имеются дети, это для нас ничего не значит; арестуем 10, 20, 100, 500 человек и даже все село и отправим в ИТД, а церковь все же возьмем под школу”. После такого заявления секретаря ячейки, присутствующие перепугались и при постановке этого вопроса на голосование, голосовать ни за [н]и против никто не стал. Тогда Фирсов объявил: “ [кто] за Соввласть и против передачи церкви под школу, те должны [перейти] влево, а кто против Соввласти и против передачи церкви, те должны перейти направо”. Запуганные таким обращением все граждане перешли влево, т. к. за передачу церкви под школу, но гражданин… села Самусенко перешел вправо и заявил: “…За советскую власть перехожу влево, а за передачу церкви перехожу вправо”. После чего Фирсов приказал Самусенко арестовать». Через несколько дней после собрания Фирсов с комиссией пришли в церковь и приказали вынести из нее все имущество[632].

После подобного рода инцидентов требовалось принять меры на высшем партийном уровне. Поэтому вместо продвигаемого Ярославским нового постановления Политбюро об усилении антирелигиозной работы ЦК ВКП(б) 14 марта 1930 г. принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». В нем пришлось снова потребовать «прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения». Постановление предписывало «за издевательские выходки в отношении религиозных чувств

крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности»[633].

О том, насколько четко система государственных и общественных органов ориентировалась на решения центра, свидетельствует тот факт, что это постановление многие партработники восприняли как сигнал к свертыванию антирелигиозной пропаганды. Редактор областной партийной газеты ЦЧО заявил председателю облсовета СВБ, предлагавшему опубликовать статью на атеистическую тему: «После постановления ЦК партии я не могу поместить этой статьи, так как это будет нарушением постановления ЦК. Не время теперь этим заниматься. В печати нужно прекратить разговоры о безбожной работе»[634]. По сообщению деятеля СВБ М. Сунгурова, в некоторых местах Средневолжского края ячейки СВБ стали объявлять себя ячейками натуралистов. Более того, в Мордовской АО, по его данным, инспектор-антирелигиозник высказался в том смысле, что антирелигиозное воспитание «воспрещено»[635].

Московский комитет ВКП(б) решил в Пасху 1930 г. воздержаться от антирелигиозных карнавалов и демонстраций. Причем, как сообщалось на заседании фракции ВКП(б) Президиума Московского областного совета СВБ, которое состоялось 7 апреля 1930 г., «Московский Комитет не против закрытия церквей, но не надо это афишировать, и нужно быть особенно осторожным по отношению к деревне, необходимо считаться также с международным положением»[636].

Верующие, видя некоторое замедление антирелигиозного наступления, начали требовать возвращения им церквей. Движение за открытие церквей достигло апогея перед Пасхой 1930 г. Например, в Западной области произошло ряд выступлений верующих с требованием вернуть церкви: по Ярцевскому округу в период антипасхальной кампании было 26 выступлений, по Рославльскому – 2, по Брянскому – 2, по Сухиническому – 2. В среднем в каждом таком выступлении участвовало до 300 человек, главным образом женщин[637]. В Сибири, там, где еще не закрыли церкви, но не стало священников (в Сибири около 50 % священников к 1930 г. привлечено к судебной ответственности, многие из них высланы), верующие требовали прислать священников «сергиевцев». Поступали предложения привезти в Сибирь священников из других областей СССР, чтобы успокоить верующих[638].

Но принятое ЦК ВКП(б) 14 марта 1930 г. постановление играло ту же роль, что и известная статья И.В. Сталина от 5 марта того же года «Головокружение от успехов», нимало не ставившая целью снизить ход коллективизации. Они совпадают и по

времени.

Уже 8 апреля 1930 г. вышла директива Наркомпроса РСФСР «Об антипасхальной кампании», подписанная Н.К. Крупской. В ней говорилось о неправильном истолковании партийного постановления от 14 марта 1930 г.: «Указания ЦК ВКП(б) о недопустимости искривления линии в области антирелигиозной работы многими просвещенцами и политпросветучреждениями были поняты как указания о свертывании и даже полном прекращении антирелигиозной работы. Такое понимание указаний ЦК ВКП(б) совершенно неправильно»[639]. Местные партийные организации за период 1929–1930 гг., получая двусмысленные указания из Москвы, успели наломать много дров. 11 мая 1930 г. ЦК ВКП(б) принял резолюцию по докладу Татарского обкома, в которой констатировались перегибы этой крупной партийной организации «в деле закрытия церквей и мечетей» и предлагалось «принять более решительные меры к исправлению этих перегибов в соответствии с указаниями ЦК на этот счет». Татобком умудрился за короткое время закрыть 63 % церквей и мечетей[640].

Между тем драматический ход коллективизации, выполнение пятилетнего плана и другие государственные и образовательные мероприятия поначалу несколько отодвинули в 1930 г. антирелигиозное воспитание в школе на второй план.

Это дало возможность всем участникам процесса с новой силой сосредоточиться на выяснении отношений между собой. Остроту этим выяснениям придала и смена руководства Наркомпросом РСФСР. На должность наркома просвещения был назначен А.С. Бубнов. Воинствующие атеисты предъявили претензии к Наркомпросу РСФСР за отсутствие систематической работы. По мнению сотрудника ЦС СВБ И.А. Флерова, Наркомпрос не выполнил резолюцию II пленума ЦС СВБ (на нем 22 марта 1930 г. с докладом от Наркомпроса выступил В.Н. Шульгин)[641] в большей части пунктов. Список претензий был внушительный. Учебники продолжали переиздаваться без антирелигиозного материала, не изданы наглядные антирелигиозные пособия для школ, не поставлена задача местным отделам народного образования о чистке школы от религиозных педагогов[642].

Местные советы СВБ и приехавшие на конференцию педагогов-безбожников (15–21 августа 1930 г.) добавляли и уточняли свои претензии. Учителя жаловались, что «Наркомпрос совершенно не руководит антирелигиозной работой наркомпросов автономных республик и областными ОНО, благодаря чему местные наркомпросы и ОНО не занимаются

вопросами антирелигиозной работы»[643]. Более того, Наркомпрос даже не предоставил на эту конференцию, организованную ЦКпросом и СВБ, компетентного докладчика по теме «Антирелигиозное воспитание в новых программах». На конференцию прислан с докладом лаборант МОНО[644].

Заслушав сообщение И.А. Флерова «Об отношении к Наркомпросу», рабочий президиум ЦС СВБ 4 сентября 1930 г. постановил: добиться от Наркомпроса выпуска все-таки методических писем для начальной школы, а также для фабрично-заводских семилеток (ФЗС) и школ колхозной молодежи (ШКМ). Требовалось обследовать учебники с точки зрения насыщения их антирелигиозным материалом; ввести в штат Наркомпроса специального методиста по антирелигиозному воспитанию. ЦС СВБ поручил своим сотрудникам составить письмо к наркомпросам автономных республик и к областным отделам народного образования с указанием на необходимость усиления антирелигиозной работы, согласовав письмо с Наркомпросом РСФСР. ЦС СВБ обратился к новому наркому просвещения А.С. Бубнову с просьбой обсудить вопрос антирелигиозного воспитания в школе на коллегии наркомата[645].

И вскоре Наркомпрос РСФСР действительно отреагировал. 8 февраля 1931 г. коллегия приняла постановление «Об усилении работы по антирелигиозному воспитанию». В нем говорилось: «Ввиду того, что на местах наблюдается некоторая тенденция к ослаблению дела антирелигиозного воспитания детей и подростков, коллегия Наркомпроса РСФСР считает необходимым принять следующие меры:

– Выпустить в ближайшее время методическое письмо об антирелигиозном воспитании в начальной школе, поручив это задание Учебно-методическому сектору.

– Поручить Массовому сектору выпустить вместе с ЦС СВБ СССР сборник местного опыта по антирелигиозному воспитанию детей дошкольного и школьного возрастов.

– Поручить Учебно-методическому сектору составить и выпустить программы по антирелигиозной подготовке и переподготовке, дифференцируя их по различным группам просвещенцев.

– Предложить крайоно и облоно немедленно на ближайших педагогических собраниях и конференциях поставить доклады об очередных задачах антирелигиозного воспитания.

– Мобилизовать внимание просвещенцев вокруг борьбы с оппортунизмом на антирелигиозном фронте как с главной опасностью; осветить этот вопрос в местной педагогической и

общей печати; включить в план работы педстанций и опорных школ проработку ряда вопросов о методах антирелигиозного воспитания.

– Привлечь к работе широкие массы членов СВБ, особенно педагогов-безбожников.

– В планах и программах учреждений и курсов по подготовке и переподготовке учительства уделить место вопросам, связанным с постановкой антирелигиозного воспитания в учреждениях народного образования.

– Край- и облоно установить тесную связь со школьно-пионерскими секторами местных советов СВБ.

– Предложить Массовому сектору вместе с союзами безбожников разработать вопрос об усилении антирелигиозной работы среди школьников-националов и внести на утверждение коллегии Наркомпроса[646].

Нарком просвещения А.С. Бубнов в докладе на XV Всероссийском съезде советов подчеркнул необходимость усиления антирелигиозного воспитания[647].

Партийные организации на местах повторно начали принимать постановления об усилении антирелигиозной работы. Речь в них шла и об усилении ее в школе. 21 апреля 1931 г. бюро обкома Адыгейской АО, констатировав, что «в школах и учебных заведениях области антирелигиозному воспитанию учащихся не уделено полного внимания, особенно по аульским школам», постановило «предложить фракции Совнарпроса, ОК КСМ и РК ВКП(б) в апреле месяце проверить состояние антирелигиозного воспитания в школах I и II ступени и принять практические меры к развертыванию»[648]. Партийное совещание по антирелигиозной работе при обкоме ВКП(б) Западной области 5 сентября 1931 г., подчеркнув «особую важность антирелигиозного воспитания детей-учащихся», постановило «обязать облоно под руководством культпропа обкома» разработать план работы в школах на 1931/32 учебный год, увязав его с учебной программой школы[649].

Край- и облоно в развитие постановления коллегии Наркомпроса и местных партийных органов конкретизировали их, выпуская свои директивные письма. Средневолжский краевой отдел (Самара) опубликовал в июле 1931 г. директивное письмо «Об усилении антирелигиозного воспитания». В письме предлагалось провести следующие мероприятия: 1. В каждом районе и городе выделить показательную школу по антирелигиозному воспитанию. 2. В договорах по соцсоревнованию отводить место вопросам антирелигиозного воспитания: количественному охвату школьников ячейками СВБ и

группами юных воинствующих безбожников (ЮВБ), количеству выписанных безбожных газет, количеству и качеству общественно полезной работы по антирелигиозной линии и т. д. 3. В производственных планах школ на весенне-летний период шире отражать антирелигиозные моменты. 4. На всех курсах-конференциях по линии переподготовки просвещенцев всех специальностей выделять часы по методике антирелигиозного воспитания… 5. Всем педагогическим и сельскохозяйственным техникумам при планировании работы на новый учебный год предусмотреть выделение специальных антирелигиозных часов[650].

Но отделам народного образования не удавалось даже наладить работу инспекторов-антирелигиозников. Предприняли попытку усилить роль инспектуры, которую не удалось развить в предыдущий период. 10 апреля 1931 г. Наркомпрос за подписью заместителя наркома М.С. Эпштейна направил на места директивное письмо «Об инспектуре по антирелигиозной работе». В нем говорилось: «Наркомпрос РСФСР имеет сведения, что в ряде областей и краев упразднены штатные должности антирелигиозных работников. Об этом сигнализирует ЦС СВБ. Считая подобное явление в корне недопустимым и противоречащим неоднократным указаниям директивных органов и Наркомпроса, предлагаю немедленно восстановить эту должность во всех край- и облоно; там же, где она все еще не введена, ввести. Об исполнении не позднее 1 мая сообщить в Наркомпрос»[651].

Директива Наркомпроса возымела некоторое действие. Например, с весны 1931 г. в аппарате Средневолжского крайоно была введена антирелигиозная инспектура. Помимо этого в 1932 г. всем гороно и районо края предложено возложить на одного из имеющихся инспекторов или инструкторов обязанность руководить антирелигиозным воспитанием в школе соответственно города или района. Наметили несколько показательных школ по антирелигиозному воспитанию. В Самаре создали и общественную инспектуру из учителей-антирелигиозников[652].

Но ввести должность инспектора-антирелигиозника в штат облоно не означало обеспечить все условия его работы. К тому же, не везде существовали штатные возможности. Помимо имевшегося инспектора-антирелигиозника по политпросветработе, требовался еще и инспектор-антирелигиозник по соцвосу, как в Средневолжском крае. В облоно ЦЧО инспектора-антирелигиозника загрузили другими обязанностями настолько, что у него не оставалось времени на

выполнение прямых обязанностей[653]. В информационной сводке ЦС СВБ 1931 г. указано: инспектор районо Устюга Гусев заметил, что антирелигиозным воспитанием в школе заниматься некогда – «не успеваем производственные планы составлять»[654]. Инспектор Мордовской области ссылался на то, что нет директив, руководящих указаний[655]. В Бурято-Монгольской ССР инспектор не смог сообщить делегату на конференцию педагогов-безбожников, проходившую 15–21 августа 1930 г. в Москве, сведений о состоянии антирелигиозной работы по национальным школам, так как он, инспектор, «еще не приступал к этой работе, потому что использовался на другой работе»[656].

За выполнением директивы Наркомпроса зорко следил СВБ, выражая неудовлетворенность состоянием дела. Об этом можно судить по резолюции исполнительного бюро ЦС СВБ от 8 декабря 1931 г. В ней говорилось: «Отмечая факты ликвидации должности инспекторов-антирелигиозников в ряде органов народного образования, Исполбюро считает эти факты недопустимыми и предлагает ЦС обратиться в Наркомпрос с протестом против нарушения известного постановления СНК [имеется в виду постановление СНК РСФСР от 12 апреля 1929 г. – В.Ш.] и с предложением реализовать это постановление полностью»[657]. Однако, несмотря на протесты СВБ и директивы Наркомпроса, отделы народного образования продолжали снимать с атеистической работы инспекторов. В Ленинграде в 1932 г. в отделах народного образования из восьми инспекторов осталось трое[658]. Инспекторов «перебрасывали» на более важные с точки зрения руководства участки работы, тем более что средств на антирелигиозную работу им, как правило, не выделялось.

Загруженные разнообразной учебно-общественной нагрузкой, большинство школ вспоминало об антирелигиозной работе в период проведения антирождественской и антипасхальной кампаний. «Вообще-то школы остаются только безрелигиозными: особой работы как с учениками, так и с родителями в них не ведется» (Ярки Индерского района Новосибирского округа)[659]. Аналогичное положение складывалось в школах Хакасии: «В школах антирелигиозная работа ведется почти исключительно кампанейским путем. Систематической работы по антирелигиозному воспитанию нет. В истекшем году [1929 г. – В.Ш.] проводились только антирождественская и антипасхальная кампании, в редких школах проводилась антирелигиозная работа и в более мелкие праздники (Никола в Усть-Еси и Усть-Таштыны)»[660]. Такое положение сохранялось и в 1930–1932 гг.

Поэтому в 1930–1931 годах органами народного образования издан ряд методических писем, посвященных проведению

антирелигиозных кампаний. В 1930 г. методические письма по подготовке и проведению антирождественской кампании издали МОНО и Нижневолжский краевой отдел народного образования (Саратов)[661]. Школьный сектор Наркомпроса в 1931 г. выпустил методическое письмо «Художественное оформление антирождественской кампании»[662]. Средневолжским краевым отделом народного образования в 1931 г. ко всем антирелигиозным кампаниям (антиуразинской, антирождественской, антикурбанской, антипасхальной) даны инструктивно-методические письма[663]. Но часто такие письма застревали в аппаратах гороно и роно и не доводились до школ[664].

2 февраля 1930 г. Папа Римский Пий XI выпустил послание, в котором призвал всех христиан объединиться «в крестном походе молитв» за Россию. Этот «крестный поход молитв» был воспринят в СССР как прямая угроза Запада начать «крестовый поход» против социалистического государства. Была поднята очередная кампания, на этот раз против «угроз Папы Римского» начать чуть ли не военный поход против СССР. По стране организованы массовые митинги, в них активное участие приняли юные безбожники[665], которым школа уже не могла разъяснить отличие крестного хода от «похода крестового». Характерна выдержка из ученического сочинения на заданную тему о «крестовом походе»: «Читать, я не читала ничего о римском папе, – писала школьница, – а слыхать слыхала, что папа римский идет на нас крестовым походом. Он хотел собрать всех жителей молиться за СССР, но это ему не удалось, потому что народу собралось очень мало, меньше того, что собиралось раньше на какие-нибудь праздники»[666].

Участники же акций протеста требовали усилить антирелигиозную борьбу, собирали подписи за закрытие церквей и молитвенных зданий. Истерия вокруг послания Папы Римского продолжалась больше года. На страницах партийной, педагогической, атеистической печати появлялись карикатуры, изображающие Папу Римского в качестве главной военной угрозы для СССР[667].

Успех антирелигиозного воспитания в школе зависел от многих факторов. Прежде всего, он зависел от активности и желания педагогов проводить эту работу. Педагогические коллективы некоторых школ Москвы выделили уполномоченных по антирелигиозной работе. Им в помощь привлекались обычно обществовед и биолог[668]. В школе № 3 Дзержинского района Москвы антирелигиозную работу направляла бригада из трех педагогов. Один работал с первой ступенью, другой – со второй

ступенью, третий связывался с колхозами «Победа» и «Сознательность» в Подмосковье[669].

Непросто было учителям вести антирелигиозную работу в исламских районах. Например, в Псекупском районе Адыгейской АО праздник Курбан-байрама срывал занятия в школах[670]. Некоторые школьники отказывались заниматься по учебникам с антирелигиозным материалом[671]. Многим учителям, которые пытались говорить об атеизме в национальных школах, из-за враждебного к ним отношения учащихся и родителей приходилось уходить из школы[672].

Среди педагогов по-прежнему сохранялось убеждение, что «безрелигиозному» ребенку говорить о религии ничего не надо. Учитель Тифлисской опытно-показательной школы (Грузия) записал в рабочей программе: «Об антирелигиозном воспитании я ничего не пишу, потому что не знаю, придется мне говорить в группе по этому вопросу или нет. Насколько я знаю, как будто насчет религии мои ребята ничего не знают, поэтому думаю, что в этой плоскости работать не придется»[673]. Многие преподаватели не считали возможным «унизить свою чистую науку примесью антирелигиозного материала»[674]. Другие говорили, что «учительство ведет антирелигиозную работу по принуждению, а не по убеждению»[675].

И даже в начале 1930-х гг. в школе работало немало верующих учителей. В июне 1930 г. на курсах политехнизации провели анкетирование педагогов Ленинграда. Учтены ответы 1429 человек. Оказалось, что действия советской власти по борьбе с религией (закрытие церквей, снятие колоколов, антирелигиозное воспитание в школе) осуждают 17 % опрошенных (246 человек)[676]. Серафима Петровна Кислякова, будучи в 1931/35 гг. завучем в школах № 23 и № 54 Дзержинского района, приезжала исповедоваться и причащаться в другой район Москвы в церковь Св. Власия, так как в те годы этот храм был мало посещаем[677].

Учителя постоянно находились под угрозой увольнения. У некоторых сдавали нервы. Тем более что в Москве в 1930–1931 гг. произошло несколько громких увольнений учителей по политическим мотивам. После обследования Сокольническим райкомом ВКП(б) совместно с РОНО в ноябре 1930 школы № 50 уволены два преподавателя и заместитель заведующего. Один из уволенных – преподаватель математики Голубков как-то имел неосторожность сказать: «Я родился не в 1917 г., и сопляки меня не перевоспитают». Но в этой школе учащиеся не смирились с увольнением педагогов: начались волнения. Некоторые ученики потребовали вернуть учителей. Заведующий безуспешно пытался

успокоить школьников. И только срочно вызванному секретарю райкома ВЛКСМ удалось нормализовать положение[678]. Пролетарский районо снял с работы преподавательницу школы № 4 Янченко за то, что «она на занятиях призывала детей прийти на [антипасхальный. – В.Ш.] вечер, а после занятий ходила к родителям и уговаривала не пускать детей», так как «в настоящий период кроме разврата ребенок ничего получить в школе не может»[679].

Тем не менее интенсивно готовились новые кадры учительства, подготовка которых не оставляла места сомнениям и колебаниям. Главпрофобр уделял особое внимание антирелигиозной подготовке будущих педагогов. В директиве «Об антирелигиозной работе педвузов и педтехникумов» от 16 сентября 1930 г. указывалась необходимость «насыщения антирелигиозным содержанием всех без исключения дисциплин, прорабатываемых в педвузах и в педтехникумах»[680]. Директива предписывала прохождение студентами педвузов и педтехникумов антирелигиозной практики с первого курса школьной и внешкольной работы с детьми и подростками[681].

Однако состояние атеистической подготовки студентов педвузов и педтехникумов вызывало нарекания со стороны СВБ. В резолюции исполбюро ЦС СВБ «О работе среди детей» от 8 декабря 1931 г. констатировалось отсутствие должной подготовки новых педагогов. СВБ обращался к наркомпросам «с указанием на необходимость ликвидации этого ненормального положения и введения в педтехникумы и педвузы соответствующих антирелигиозных курсов»[682].

Более организованно антирелигиозное воспитание проводилось в образцово-показательных школах. Например, в течение 1931/32 учебного года в 25-й образцовой школе ФЗС Октябрьского района города Москвы проводились открытые уроки, на которых присутствовали педагоги и представители РОНО. 28 марта 1932 г. на уроке биологии, в частности, разбирали значение получения учеными новых сортов плодов и растений для противодействия религиозному взгляду на многообразие форм как результату Божьего творения. В качестве доказательства одна из учениц, делавшая доклад, сослалась на выведенную «сладкую грушу с ароматом лимона»[683]. 14 апреля 1932 г. на уроке литературы в седьмой группе ученики сообщали доклады по роману Л.Н. Толстого «Воскресение». После докладов состоялись прения. Один из выводов учащихся сводился к тому, что Толстой, отвергая «официальную церковь», проводит свою религию, по словам В.И. Ленина, новый очищенный яд для угнетенных масс[684].

В 1930–1932 гг., пусть не так наступательно, как это происходило в 1929 г., школьников продолжали выводить на антирелигиозные акции. Необходимо привести выдержку из воспоминаний заслуженного артиста России и Литовской ССР Анатолия Борисовича Свенцицкого (1921–2007), проживавшего в те годы в Москве: «Помню вынос плащаницы в Великую пятницу в моей любимой церкви Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах. Плащаницу обносили вокруг храма, шли по мостовой, так как у храма ограды не было. 1932 год – год закрытия храма (12 июля 1932 г.), «последняя Пасха». Настоятель – очень почитаемый тогда в Москве протоиерей отец Георгий Николаевич Чиннов (1870–1935), внешностью похожий на философа Сократа и на св. Николая, мужественно несет на своем челе плащаницу. Великолепный хор, созданный регентом Локтевым, поет «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас!» С улюлюканьем, дикими криками школьники, которых привели сюда советские «педагоги», бросают в крестный ход комки талого снега и грязи, выкрикивают богохульные слова. Остановить их нельзя: они олицетворяют «советскую власть», пролетариев, которые соединяются, и атеизм…»[685].

Но увлекшись различными общественными кампаниями и связью с производственным трудом, школа не обеспечивала учащихся необходимыми теоретическими знаниями. Вот как писала об этом в 1930 г. учительница городской школы: «Начался год [1929/30 учебный год], да как посыпались на нас всякие кампании, только держись!.. На заем подписывать – одна кампания. Бутылки собирать – другая. Тару раздобывать и починять – третья. Посевная кампания – четвертая. Дальневосточной армии подарок – пятая. А тут Рождество, антирелигиозная кампания – шестое. А затем культпоход, а потом колхозы и еще, и еще, и еще. И ведь все надо с «проработкой». Как запрыгали, заскакали кампании – ухнули и наши темочки и делишки»[686].

ЦК ВКП(б) в 1931 г. озаботился качественным состоянием знаний в общеобразовательной школе. В постановлении ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г. констатировалось, что «обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний»[687]. Вместе с тем в постановлении подчеркивалось «исключительно важное значение» «выдержанного коммунистического воспитания в советской школе» и усиления «борьбы против всяких попыток привить детям советской школы элементы антипролетарской идеологии»[688].

В обращении заместителя наркома просвещения К. Мальцева

к просвещенцам, посвященном партийному постановлению, отмечалось, что «антирелигиозное… воспитание должно стать одной из существенных составных частей общей задачи коммунистического воспитания подрастающего поколения»[689]. Таким образом, антирелигиозное воспитание в школе не теряло свою значимость.

Об усилении этой работы говорили на VIII Всесоюзном съезде работников просвещения в апреле 1932 г. нарком просвещения УССР Н.А. Скрыпник и нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов. «Школы усилили работу по коммунистическому воспитанию детства, направляя ее… на усиление антирелигиозного воспитания», – докладывал Н.А. Скрыпник. «Особое значение приобретает сейчас в области коммунистического воспитания интернациональное и антирелигиозное воспитание», – говорил и А.С. Бубнов[690]. Однако, несмотря на громкие заявления руководителей наркомпросов, антирелигиозное воспитание в школе постепенно теряло свой накал.

С 1932 г. учреждения народного образования стали постепенно переходить на шестидневную прерывную неделю с единым выходным днем (но, как правило, еще не по воскресеньям)[691]. Зимние каникулы 1932/33 учебного года назначались на период с 1 января по 15 января[692]. Школьники не обязаны были приходить теперь на занятия 7 января. Правда, на места разослали директиву ЦК ВЛКСМ, Наркомпроса и других организаций в зимние каникулы 1933 г. «охватить всех детей, как в городе, так и в деревне культурно-массовыми и оздоровительными мероприятиями, организованными в живых и красочных формах, противопоставляя их религиозным влияниям»[693].

Вместе с тем именно с 1932 г. обозначилась тенденция к ослаблению антирелигиозного воспитания в школе. Появились более актуальные образовательные задачи, решение которых потребовало концентрации всех государственно-общественных сил.

Антирелигиозное воспитание в школе было призвано сформировать у школьников стойкое атеистическое мировоззрение. Но насколько школе удавалось справиться с этой задачей – вопрос непростой. Обследования религиозности учащихся проводились в разных местностях разрозненно и не были подчинены какой-то единой программе обследования. Они могут искажать подлинную картину, но, тем не менее, показательны и своей фрагментарностью.

Например, анкетирование 580 учащихся школ II ступени Нижнего Новгорода выявило 184 верующих, т. е. 31,7 %. По

отдельным школам их процент распределялся так: в школе имени В.И. Ленина – 28 %, в школе имени Декабристов – 32 %, в школе имени А.И. Герцена – 34 %[694]. Сопоставляя эти данные с данными из других (неуказанных) источников, авторы публикации пришли к заключению, что процент верующих в городских школах II ступени составлял в среднем от 30 до 40 %[695]. Не ясна выборка школ для обследования, не указана и численность ни школ II ступени в городе, ни численность учащихся в них.

Обследование 7 школ I ступени Каменского района Средневолжского края выявило следующую тенденцию: в первых группах верующих – 60,5 %, во вторых – 28,6 %, в третьих группах – 25 % учащихся; атеистов в первых группах – 21,8 %, во вторых – 59,5 %, в третьих группах – 68 %[696].

Публиковались и другие цифры. В школе-семилетке города Галича в результате анкетирования верующих оказалось 6 человек (3,7 %), сомневающихся также 6 человек (3,7 %), неверующих – 149 человек (92,6 %)[697]. Как видим, разброс данных достаточно велик, что заставляет воспринимать их с осторожностью, скорее, как желание местных властей лучше отчитаться о проделанной работе.

Из результатов большинства такого рода обследований все же видна тенденция к уменьшению числа верующих от младших классов к старшим. В 86-й школе Ленинграда на вопрос «есть ли Бог?» во вторых группах ответили утвердительно 117 человек, отрицательно – 80 человек. В третьих группах утвердительно ответили 90 человек, отрицательно 146 человек[698]. Причем уменьшение религиозности происходило до 5 класса, в 6-м классе религиозность увеличивалась на несколько процентов (с 22 % до 33 %), к 9-му классу незначительно понижалась[699].

Но, когда же происходил перелом в воззрениях школьников, если, конечно, их ответы считать искренними? Данные анкет показывают, что перемена в сознании происходила на втором и третьем годах обучения. Школа, конечно, вносила существенные коррективы в сознание ребенка. Но другой вопрос: что этому способствовало – воспитание ненависти к религии, т. е. антирелигиозное воспитание, или естественнонаучное образование?

Но, анализируя социологические исследования о религиозности школьников, не следует забывать, что многие дети до конца не осознавали свою позицию. Часто писали так, как требовали от них учителя. По словам преподавателя Ковалева из ЦЧО, «ученик недостаточно хорошо понимает, что от него хотят, и отвечает формально»[700]. Многие ученики находились в

состоянии раздвоенности и неопределенности. Характерны слова из одной такой ученической анкеты с ответом на вопрос, нужно ли бороться с религией: «Бороться нужно (зачеркнуто). Не нужно (зачеркнуто). Не знаю, может быть, нужно, а может быть, нет»[701].

Среди школьников значительный процент составляли те, кто не мог определенно и уверенно ответить на вопрос: есть ли Бог? Обследование 154-й школы Ленинграда дало следующие результаты. На вопрос «Существует ли Бог?» утвердительно ответили в 5-х классах 23 %, в 6-х – 9 %, в 7-х – 12 %, в 8-х – 11 %, в 9-х – 2 %, в 10-х – 13 % учащихся. «Не знаю» сказали в 5-х классах – 63 %, в 6-х – 52 %, в 7-х – 56 %, в 8-х – 63 %, в 9-х – 41 %, в 10-х – 56 % учащихся. Отрицательно на этот вопрос ответили в 5-х классах – 14 %, в 6-х – 39 %, в 7-х – 32 %, в 8-х – 26 %, в 9-х – 55 %, в 10-х – 31,5 % учащихся[702]. Обследование школ города Казани, проведенное весной 1929 г., показало, что на 64,9 % школьники безрелигиозны. Религиозно же настроенные (если судить по ответам в анкетах) и антирелигиозники находились в равном соотношении – 17,4 % и 17,7 %.

К религиозным детям могли применяться довольно жесткие формы воздействия. Иногда им запрещали носить нательные крестики, поститься, принуждали «к уничтожению дома икон»[703]. Они подвергались насмешкам со стороны школьных товарищей[704]. Во Фроловской семилетке Калужской области состоялся товарищеский суд над верующим учеником, пропустившим занятия 19 декабря в праздник святого Николая Чудотворца[705]. В Борисове (Белоруссия) в осенние еврейские праздники на собрании одной из школьных групп постановили: всем 100 % явиться в школу. Но все-таки один мальчик не пришел. Тогда ученики группы нарисовали карикатуру, изобразив этого мальчика идущим исполнять религиозные обряды. Под карикатурой написали лозунг: «Позор прогульщику». Карикатура была вывешена в виде плаката на доме, в котором жил ученик[706]. Газета «Пионерская правда» на «старое» Рождество 7 января 1930 г. под заголовком «Кто сегодня не пришел в школу?» поместила сообщения деткоров из разных городов с рассказами об ударной работе школ в рождественские дни[707].

Средневолжский краевой отдел народного образования рекомендовал заведующим школой I ступени вести журнал посещаемости школьников, в котором отмечать пропуски и их причины. Специальная графа была отведена для учета пропусков по причине религиозных праздников[708].

Первый удар наносился по детям лишенцев. Несмотря на то, что в 1929 г. опубликована статья Н.К. Крупской «Классовая

борьба в просветительных учреждениях»[709], в которой критиковалось огульное преследование детей лишенцев в учебных заведениях, такое преследование только усилилось. Ученицу семилетки Новомиргорода Зиновьевского округа отчислили за то, что она дочь священника. Девочка написала письмо районному инспектору: «Начальник мой, пустите меня в школу. Моя мать 11 лет проработала в ней, моя мать сотни за это время научила чужих детей. Пусть же я одна за всех тех получу право учиться в ней. Если же отец убивает мое существование, я его брошу, дайте мне только хлеба кусок и наставление в моей юной жизни». На это бывшая ученица получила ответ: «Элемент вы такой, что будете заражать детей»[710]. Таким образом, детей лишенцев принуждали отказываться от родителей, так как родители «своим чуждым классовым происхождением» мешали им жить в новом обществе.

Одной из задач антирелигиозного воспитания в школе и на этом этапе сохранялось воздействие уже неверующих детей на еще верующих родителей. О том, что школьники должны оказывать непосредственное воздействие «на внешнюю по отношению к школе общественную среду», говорили многие просвещенческие работники, например инспектор Главсоцвоса А. Пчелко[711].

Неминуемо проводники антирелигиозного воспитания в школе натравливали детей на родителей. Возникала крайне нездоровая атмосфера в семьях учащихся. В селе Темпельгоф Минводского района на школьном собрании постановили заниматься в праздник. Об этом узнали родители и заявили, что не пустят ребят в школу. Дети «перехитрили» родителей: встали пораньше и побежали в школу. Но родители все-таки пришли и потащили детей в церковь[712]. Для многих школьников родители становились чем-то чуждым, даже враждебным, иногда жалким: «…Если я ее не слушаю, она плачет, дрожит даже вся. Говорит: “Я болею из-за тебя”»[713]. Пойти до конца против своей матери – значит проявить «сильный» характер. В этой связи интересны воспоминания писателя В.А. Солоухина. «Нужно сказать, что я никогда, – писал он в очерке «Черные доски», – даже в пору яростного пионерского возраста, примерно так с 1930 по 1937 год, не был воинствующим иконоборцем, подобно некоторым моим сверстникам, бросавшим в печку иконы из переднего угла, как только отец с матерью уйдут из дому. В этом был, конечно, свой героизм, потому что за выбрасывание икон иногда били. Но зато в школе пострадавшего пионера ставили в пример»[714]. Пионерка Валя Дыко из поселка Кунцево Московской области «даже в последние минуты жизни отказалась принять от матери

церковный крест». Э. Багрицкий рассказал об этом в поэме «Смерть пионерки»[715]. Детей, отделяя от их родителей, принуждали нарушать одну из главных христианских заповедей о почитании отца и матери.

Дети часто находились меж двух огней. С одной стороны верующие родители, с другой – антирелигиозная школа. Такое положение отрицательно сказывалось на их психике. В одном приморском поселке школьников вывели на демонстрацию с лозунгом: «Отец, выйди в море, мы пойдем в школу». Заведующий школой начал говорить перед родителями учащихся речь: «Ваши дети требуют от вас, чтобы вы вышли в море». Но дети закричали: «Неправда, неправда, мы этого не требовали![716]»

Недовольство родителей по этому поводу оставалось массовым явлением в те годы: «Что вы со школой делаете? Ребята совершенно выходят из подчинения»[717]. «Рознь между детьми и родителями надо прекратить. А то из этого выходит непослушание родителей не только по этому вопросу, но и по жизненным вопросам, и родители как бы теряют авторитет среди своих детей. Дети себя считают умнее нас»[718]. «Теперь в семье сын и дочь сплошь и рядом говорят родителям: отстань от меня, что ты ко мне пристала, ты ничего не понимаешь – а раньше это считалось позором»[719]. «Школа последнее время уж на то пошла, что меж родителями и детьми сеет рознь. Детям велят в самые праздники всякие антирелигиозные картинки поразвешивать и из родителей безбожников хотят делать. Натравливание детей на родителей школе нужно прекратить»[720]. «Дети рано втягиваются в политическую жизнь и борются с Богом недостаточно сознательно. В результате такой антирелигиозной пропаганды получаются люди с односторонним развитием, однобокие, без необходимого в жизни морального устоя. Отсутствие последнего в детях особенно замечается родителями, но устранить нет мер, потому что школа борется с нами»[721]. «Мои дети 6 лет учатся, рыщут и ищут в молодых мозгах ненужного места, чтоб зарыть Бога, а писать правильно до сих пор еще не научились»[722].

Естественно, что родители пытались уберечь детей от антирелигиозного влияния школы. Родители наставляли детей: «Если учитель что касаемо Бога начнет, то вы его не слушайте»[723]; «Если учитель что будет говорить насчет Бога, то ты ему не верь»[724]. Часто, когда учитель говорил на антирелигиозные темы, он ощущал отчужденность и враждебный настрой части учащихся, в основном девочек. Иногда они затыкали демонстративно уши[725]. В Яндыковской школе никто из учащихся не захотел подписываться на газету «Безбожник»; оказалось, что им запретили родители[726]. Имелись случаи,

когда в антирелигиозных постановках школьники отказывались играть роль священника, мотивируя отказ тем, что запретили выступать им родители[727]. В школе № 44 Сокольнического района Москвы в ученической тетради оказались надписи «Господи помилуй», рисунки церквей и икон[728].

Некоторых безбожников такое поведение родителей приводило в негодование. Они предлагали: «Таких родителей необходимо взять на учет, и, может быть, придется принять другие меры»[729]. Воинствующие атеисты потребовали принять закон применительно к «охране» детей младше 14 лет от религиозного принуждения родителей. (Соответствующий закон, «ограждающий» детей старше 14 лет, уже был). «Соответствующие организации должны принять меры к изданию закона об охране детей от религиозного насилия со стороны родителей и воспитателей», – отмечалось в резолюции I Всесоюзной конференции юных безбожников 5 мая 1930 г.[730]

Несмотря на то, что в проведении антирелигиозного воспитания в школе задействован мощный государственный и общественный аппарат, систематической работы соответствующих структур в этом направлении не получилось. Антирелигиозное воспитание в школе не приобрело характер постоянной работы. Школа активизировалась только в дни специальных кампаний. Для постоянной антирелигиозной работы требовалось создание специального детского актива при школе. Его формирование поручили СВБ СССР. Организовалось массовое детское безбожное движение, не имеющее аналогов в мире. Этому движению посвящена следующая глава.

Глава V. Детское безбожное движение в СССР. 1929–1932 гг.

Ибо Бог заповедовал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет

Мф. 15:4

Помимо антирелигиозного воспитания на уроках возникла необходимость организации школьников в специальные группы по борьбе с религией. Эта задача возлагалась на Союз безбожников (СБ), который был переименован на его II Всесоюзном съезде (10–15 июня 1929 г.) в Союз воинствующих безбожников (СВБ). После съезда получило развитие движение детей-безбожников.

Школьные ячейки Союза безбожников и антирелигиозные кружки существовали и до июня 1929 г. В декабре 1922 г. начинает выходить газета «Безбожник», редакция которой в октябре 1923 г. предложила объединить антирелигиозные кружки, выписывавшие газету. 27 августа 1924 г. в редакции газеты состоялось учредительное собрание общества друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ). Собрание приняло устав общества и избрало временный Центральный совет и его Исполнительное бюро под председательством Е.М. Ярославского[731]. В сентябре 1924 г. возникает первый областной совет ОДГБ – Ленинградский областной совет[732]. В том же году появились и первые безбожные ячейки в ленинградских школах. Например, в Петроградском районе Ленинграда организовались две школьные ячейки друзей газеты «Безбожник». Но эти ячейки были малочисленны (10–15 учащихся, 1–2 педагога) и вели, как правило, «замкнутый образ жизни»[733]. Учащиеся школы имени Ворошилова (б. Достоевского) в городе Ташкенте еще в антипасхальную кампанию 1924 г. организовали свой кружок безбожников[734].

ОДГБ создавалось в годы массового изъятия церковных ценностей и подготовки судебного процесса по делу Патриарха Тихона. Для пропагандистского обеспечения антирелигиозной политики большевиков потребовалось создание единого централизованного общества атеистов. На первом съезде ОДГБ 19–24 апреля 1925 г. организационно оформился Союз безбожников СССР[735]. 24 апреля 1925 г. на вечернем заседании

съезда обсуждался вопрос о членстве в ОДГБ с 16 лет. Однако решили оставить возраст 18 лет. Предложение о создании ячеек юных безбожников, в которые можно принимать подростков с 14 лет, также было отклонено. Согласились с тем, что молодые люди, не достигшие 18 лет, принимаются в кружки общества с правом совещательного голоса. «Создавать параллельные юношеские организации, – как заметил один из выступавших на съезде, – нет необходимости»[736].

Антирелигиозные кружки создавались преимущественно для учащихся II ступени (5–9 группы). Коллегия Наркомпроса РСФСР постановлением от 22 февраля 1927 г. предписывала Главсоцвосу оказать содействие организации таких кружков в школах II ступени[737].

Однако существовал разнобой в формах организации антирелигиозной работы с учащимися. В Брянской области в 1928 г., если доверять информационной сводке СБ, почти во всех школах работали ячейки безбожников[738]. На Украине в том же году начали создавать группы молодых безбожников[739].

Осенью 1928 г. руководители СБ предприняли попытку создать единые формы для школьной атеистической работы. 2 октября на заседании рабочего президиума Центрального совета СБ Н.К. Амосов предложил создать во всех организациях СБ группы молодых безбожников. Сошлись на термине «юные безбожники»[740]. 13 ноября при ЦС создана секция по работе среди детей[741]. 27 ноября на заседании рабочего президиума Амосов сообщил о том, что ЦБ ЮП приняло представленный ЦС СБ проект постановления «об антирелигиозной работе среди детей и юных пионеров» и выделило в секцию по работе среди детей т. Смирнова[742].

Но и после решения ЦС СБ на местах не было единого порядка в организационном плане. 21 октября 1928 г. Московский совет СБ разослал районным и уездным советам СБ директиву[743] об организации в школах I ступени (1–4 группы) и детских учреждениях групп юных безбожников. Гомельский окружной совет Белорусской республиканской организации СБ 26 февраля 1929 г. постановил организовать группы юных безбожников при школах для учащихся от 12 до 18 лет под руководством ячеек безбожников[744]. К лету 1929 г. в Ленинграде уже насчитывалось 4 тысячи юных друзей безбожников[745]. В школе № 49 Сокольнического отдела народного образования города Москвы антирелигиозная секция пионерфорпоста решила организовать несколько безбожных кружков для учащихся и родителей[746]. Положение несколько изменилось после II съезда СВБ.

15 июня 1929 г. этот съезд принял решение о членстве в союзе не с 18 лет, как это было по уставу СБ 1925 г.[747], а с 14 лет. В группы юных безбожников решили принимать с 8 лет[748]. Причем при голосовании за 14 лет отдали голоса 313 делегатов съезда, за 16 лет – 258 делегатов[749]. Сомневающиеся говорили, в частности, о том, что если принимать в СБ граждан с 14 лет, то это будет способствовать снижению авторитета организации, особенно на селе[750]. Но решение принято большинством голосов. Согласились, чтобы для школьников с 14-летнего возраста создавались школьные ячейки СВБ, а для школьников от 8 до 14 лет – группы юных воинствующих безбожников (ЮВБ). Если в школе были старшие классы и ячейка СВБ, последняя руководила работой юных безбожников через специальную комиссию по работе с малышами. В школе I ступени руководство группой осуществлялось учителем совместно с деревенской или городской ячейкой СВБ[751].

7 октября 1929 г. при ЦС СВБ создали школьно-пионерскую секцию (впоследствии сектор)[752], а 12 сентября 1930 г. сектор преобразован в отдел[753]. При советах СВБ разного уровня на местах также создавались школьно-пионерские секции или сектора[754]. Но такие секции организовали лишь в некоторых областных и районных советах, что отражалось на работе школьных ячеек СВБ и групп ЮВБ, которые часто не имели должного руководства. Одним из исключений была ленинградская организация СВБ, в Петроградском районе которой еще весной 1929 г. организовано межшкольное районное бюро СБ. Осенью 1929 г. оно реорганизовано в школьно-пионерскую секцию райсовета. Такие же секции созданы в 1929/30 учебном году при других райсоветах и при облсовете СВБ[755].

Школьные ячейки СВБ и группы ЮВБ создавались при участии комсомола и пионерских организаций. Журнал для комсомольско-пионерского актива «Вожатый» в конце 1929 г. поместил статью одного из руководителей детского безбожного движения И.А. Флерова, в которой разъяснялось, что «начало организации ячейки СВБ или группы ЮВБ берет на себя пионерфорпост». Форпост назначает инициативную группу пионеров, «желающих работать по антирелигиозной линии». Инициативная группа, в свою очередь, проводит запись учащихся, «желающих работать как безбожники», созывает организационное собрание, на котором избирается бюро минимум из трех человек: председателя, секретаря и казначея[756]. Координатор детского безбожного движения, сотрудник ЦС СВБ Н.К. Амосов указывал на то, что «основное ядро группы юных безбожников всегда должно

состоять из пионеров и комсомольцев»[757].

Руководители детского безбожного движения требовали, чтобы, с одной стороны, пионеротряды не подменяли работу групп юных безбожников, а политически обеспечивали ее, но, с другой стороны, чтобы они не перекладывали полностью на школу заботу об антирелигиозном воспитании пионеров. Флеров в статье «Как работать пионеротряду» отмечал, что «надо дело поставить так, чтобы не было параллелизма в работе школы и в работе пионеротряда»[758]. Во время антирелигиозных кампаний пионеротряд должен был выступать вместе со школой, а не проводить собственные акции[759].

Такие опасения вызваны тем, что иногда на местах ячейки СВБ и группы юных безбожников создавались при пионеротрядах, а не в школах[760]. Чтобы развести антирелигиозную работу форпоста, ячеек СВБ и групп ЮВБ в школе от аналогичной работы в пионеротрядах, которые создавались при предприятиях и учреждениях, Флеров предложил новую организационную форму работы – безбожную дружину. Предполагалось, что дружина будет состоять из представителей отдельных звеньев отряда (по одному из звена) и «всех желающих из остальной пионерской массы»[761]. Вскоре такие дружины появились в Московской области[762]. Но широкого распространения они, видимо, не получили. Иногда в пионеротрядах организовывали специальное безбожное звено, которое могло взаимодействовать с бюро школьной ячейки СВБ[763].

Пионеры составляли большинство на всесоюзных, областных, районных конференциях юных безбожников. На состоявшейся в 1929 г. в Москве I Замоскворецкой районной конференции юных безбожников из 400 делегатов пионеры составляли 75 %[764]. Н.К. Амосов на I Всесоюзной конференции юных безбожников 5 мая 1930 г. заявил: «То обстоятельство, что делегаты конференции в большинстве своем являлись пионерами и пионерами-комсомольцами, показывает нам, что в первых шеренгах безбожной армии, как и надо ожидать, находятся пионеры, что детское безбожное движение будет развиваться при надлежащем руководстве»[765].

Но основная масса рядовых пионеров не горела желанием участвовать в ячейках СВБ и группах ЮВБ. Один из делегатов I Всесоюзной конференции юных безбожников Теплицев из Нижегородского края обратил внимание участников конференции на тот факт, что «если совпадает какой-нибудь кружок, например кружок физкультуры и кружок безбожника, то пионер и говорит, что пойдет скорее в кружок физкультуры, чем в кружок безбожника»[766]. В школе-семилетке № 1 Фрунзенского отдела

народного образования города Москвы на январь 1931 г. из 600 пионеров только 187 являлись членами ЮВБ[767]. Надо отметить, что в то время Фрунзенский район оценивался сотрудниками школьно-пионерского отдела ЦС СВБ как единственный район Москвы, где проводилась планомерная антирелигиозная работа в школах[768].

Проведенное в 1931 г. обследование школ Замоскворецкого района Москвы выявило нежелание многих пионеров заниматься антирелигиозной работой. На пионерском собрании в школе № 12 ЗОНО на вопрос представителя СВБ: «Как у вас ведется безбожная работа? – пионервожатая Кузьмина ответила: «Про эту работу мы забыли, и я работаю здесь недавно». Этот вопрос вызвал смех у пионерского актива; представителю СВБ указали на одного пионера: «Вот этот парень прошлый год работал, мы его выделили». Пионер покраснел и продолжил молчание[769].

ЦК ВЛКСМ, Центральное бюро Детских коммунистических организаций юных пионеров и ЦС СВБ постоянно обменивались обвинениями в срыве детской антирелигиозной работы. СВБ указывал, что «бюро ДКО многих республик, областей и районов не принимают участия в руководстве антирелигиозным воспитанием подрастающего поколения»[770]. Комсомол и пионерская организация полагали, что ответственность лежит в основном на СВБ и что безбожники не всегда справляются со своими прямыми обязанностями. В преддверии II съезда СВБ «Пионерская правда» 6 июня 1929 г. поместила статью под броскими заглавиями: «Мы требуем помощи у Всесоюзного съезда безбожников» и «Наш ультиматум»[771]. Во время проведения съезда 11 июня газета писала о том, что «Союз безбожников не ведет никакой работы среди пионеров и детей»[772].

Такое утверждение, опубликованное в массовом печатном органе ЦЮ ДКО ЮП, не могло не вызвать возмущения у деятелей СВБ. Н.К. Амосов писал по этому поводу: «Спрашивается, кто помогал школе проводить эту работу, руководил ею? Любой школьник ответит на этот вопрос словами московского пионера, приветствовавшего Всесоюзный съезд безбожников: “Тому, что в школе стало проводиться антирелигиозное воспитание, мы обязаны не Наркомпросу, а вам, товарищи-безбожники”. Пионер совершенно правильно умолчал о роли в этом деле комсомола и руководящих пионерских организаций, которые, как мы раньше указывали, ничего в этой области не делали»[773]. Часто представители ЦБ ДКО ЮП и редакции газеты «Пионерская правда» игнорировали конференции, слеты, собрания юных безбожников[774].

Иногда непонимание между комсомолом и СВБ парализовало

антирелигиозную работу на местах. И.А. Флеров в докладе на II Всесоюзной конференции педагогов-безбожников 23 августа 1931 г. отметил, что поступает «ряд сведений с мест о том, что областные, краевые, республиканские бюро детских коммунистических организаций зачастую отнекиваются от этой работы, не желают установить контакт с безбожными организациями для того, чтобы правильно руководить их работой»[775]. На конференции юных безбожников пионеры «крыли» ЦБ ЮП Белоруссии за то, что оно не проводило антирелигиозную работу[776]. В 1931 г. в Сокольническом районе Москвы не работал школьно-пионерский сектор райсовета СВБ, райбюро ДКО и райдом ДКО ЮП также не вели антирелигиозной работы. Когда обратились за разъяснениями в райбюро ДКО ЮП, то оно сослалось на райсовет СВБ, а когда обратились в райсовет СВБ, там обругали райбюро ДКО ЮП[777].

Но был и положительный опыт сотрудничества организаций СВБ и местных бюро ДКО ЮП. В 1931 г. антирелигиозная секция при Фрунзенском райдоме детского коммунистического движения объединила свои усилия со школьно-пионерским сектором райсовета СВБ. Райбюро ДКО выделило специального сотрудника, поручив ему наладить антирелигиозную работу в пионеротрядах и школах. В президиум школьно-пионерского сектора райсовета СВБ вошли представитель от политпедстанции, двое вожатых, педагоги. Члены президиума распределили между собой обязанности: политпедстанция проводила методическую работу среди педагогов и родителей путем организации семинаров, инструктивных докладов и распространения методических писем; райбюро и райдом ДКО проводили работу с детским активом. На созванной 19 октября 1931 г. конференции выбрано районное детское бюро, в которое вошли школьники-активисты 6–7 групп. Школьники из детбюро создали «легкую кавалерию» и помогали отстающим в антирелигиозной работе школам и пионеротрядам[778]. Как уже отмечалось, Фрунзенский район был одним из лучших по развитию детского безбожного движения, и судить по нему о состоянии антирелигиозной работы с пионерами и школьниками в целом нельзя. Во многих районах СССР детского безбожного движения не существовало[779].

Однако и сам ЦС СВБ долго не мог определиться с организационными формами детского безбожного движения, с составом участников, их функциями. В практике школ наблюдалось смешение понятий ячейка, группа, кружок. Группы ЮВБ, как правило, не отделялись от ячеек СВБ, кружковую работу не отделяли от ячейковой[780]. И.А. Флеров в августе 1931 г. в заключительном слове на II Всесоюзной конференции

педагогов-безбожников в очередной раз разъяснял, что организационной единицей движения является не кружок юных безбожников, а школьная ячейка СВБ для ребят с 14 лет и группа ЮВБ для ребят с 8 лет. Кружок же в этой ячейке составляет только «известную долю всей работы юных безбожников», т. е. включает небольшую их часть и занимается подготовкой антирелигиозного актива[781].

В школе могли организовать несколько антирелигиозных кружков, а также разделить кружок на группы. Например, в ленинградских школах-семилетках обычно создавали два кружка: один для учащихся III–IV групп, второй для учащихся V–VII групп[782]. Преподаватели ленинградской школы-девятилетки № 22 разделили кружок на две группы. В одну (слабую) вошли учащиеся 6–8 классов, в другую (сильную) – учащиеся двух параллельных 9-х классов. В бюро кружка включили по 3 представителя от каждой группы, назначив общего председателя, который входил в бюро школьной ячейки СВБ. Собирались группы для проведения занятий в разное время, чтобы посетители слабого кружка могли посещать занятия сильного кружка. Раз в две недели собиралось общее собрание кружков[783].

Школьные антирелигиозные кружки работали на основе программ, публикуемых в журнале ЦС СВБ «Антирелигиозник» и перепечатываемых некоторыми другими изданиями[784].

Кроме антирелигиозных кружков предлагалось организовать «кружок безбожных затейников» или «безбожный драмкружок»[785]. В некоторых школах Ленинграда в 1929/30 учебном году организовали антирелигиозные кружки для родителей учащихся[786].

Одной из функций школьной ячейки СВБ являлась организация в школе уголка безбожника. В идеале уголок должен был стать не просто выставкой антирелигиозных материалов или частью школьной стены с развешанными на ней плакатами, а центром повседневной внеклассной атеистической работы. В крупных и опорных школах уголок предлагалось постепенно реорганизовать в кабинет «безбожника», сделав его опытно-показательным для целой группы школ[787]. Такой кабинет, например, существовал в ленинградской школе № 181[788].

Поскольку поступали предложения слить школьную ячейку СВБ с заводской, руководителям детского безбожного движения приходилось объяснять, что школьная ячейка существует на правах цеховой при колхозе, совхозе, заводе и т. д. и не является частью ячейки взрослых[789]. В школах I ступени (начальная школа), где в принципе не могла возникнуть ячейка СВБ (для ребят от 14 лет), организация групп ЮВБ и дальнейшее

руководство ими поручались школьной ячейки СВБ, состоящей из взрослых – работников данной школы, или, если таковой не было, ячейке того производства (завода, фабрики, колхоза и т. д.), с которым связана школа. После проведения записи в группу ЮВБ на общем собрании избиралось бюро, состоящее из ответственного секретаря, технического секретаря, казначея, и ревизионная комиссия из трех членов. Записавшиеся в группу разбивались на звенья или десятки и выбирали старост. Бюро вместе со старостами составляло совет группы ЮВБ[790]. Конечно, такая схема предполагалась в идеале и не часто реализовывалась на практике.

В связи с тем, что иногда на местах юные безбожники, опасаясь негативной реакции верующих, назывались юными натуралистами, сотрудники школьно-пионерского отдела ЦС СВБ предостерегали от подобного смешения юннатов и юных безбожников и обвиняли непослушных в «правом оппортунизме»[791].

Помимо путаницы с пониманием роли антирелигиозных кружков и статуса школьных ячеек СВБ спорным вопросом вплоть до декабря 1931 г. оставалось нахождение педагога в одной ячейке со школьниками. Поначалу руководство СВБ считало, что педагог не должен состоять в одной ячейке с учащимися. «При вхождении педагогов в детскую ячейку нам грозит снижение инициативы самих ребят, нам грозит то, что взрослый человек, который входит в детскую организацию как член этой организации, своим авторитетом, своим правом голоса может подавить детскую инициативу», – разъяснял И.А. Флеров на II Всесоюзной конференции педагогов-безбожников 23 августа 1931 г.[792]

Но на местах единого порядка в этом отношении не существовало. Часть учителей объединялась при Доме работников просвещения, другая организовывала ячейки при месткомах и групкомах. Третьи создавали ячейки при школах автономно от учащихся. Четвертые объединялись со школьниками и даже с родителями в единую ячейку при школе[793].

Принцип единой школьной ячейки отстаивала ленинградская организация СВБ. Была найдена структура такой ячейки: единая ячейка для всей школы с тремя секциями: педагогической, ученической и родительской. Выбиралось бюро, в состав которого входили представители всех трех секций. Ведущая роль принадлежала педагогической части бюро (председатель бюро общешкольной ячейки – педагог). Активную роль в ячейке выполняла родительская секция, которая вела работу по

подготовке антирелигиозного родительского актива[794].

Активисты СВБ, на практике занимавшиеся организацией детского безбожного движения, обвиняли сотрудников ЦС СВБ в непонимании важности пребывания педагога в одной ячейке с учениками. В адрес руководства звучали предельно жесткие заявления: «Отделить педагогов от ребят в высшей степени вредная теория. Мы сейчас стараемся создать цельное ядро в школе из педагогов и школьников, а вы хотите нас разделить. Так было в старой школе, а у нас это не должно быть»[795].

Наконец, критика возымела действие. 8 декабря 1931 г. исполбюро ЦС СВБ резолюцией «О работе среди детей» постановило считать правильным «постановление рабочего президиума о вхождении педагогов со школьниками от 14 лет в одну общую ячейку СВБ». Школьно-пионерские сектора на местах переименовали в школьно-педагогические[796]. В изданных в 1932 г. новых инструкциях от педагога требовалось совместно работать со школьниками в одной ячейке СВБ и участвовать в руководстве группой ЮВБ[797].

Для координации действий юных безбожников проводились всесоюзные и местные конференции, совещания, слеты. В октябре 1929 г. состоялась первая конференция юных безбожников Пролетарского района Москвы[798]. С 29 апреля по 6 мая 1930 г. в Москве проходила Всесоюзная конференция-экскурсия юных безбожников и юных друзей Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Конференция созвана посредством экскурс-базы Наркомпроса РСФСР на 120 делегатов. Приглашения рассылались в отдельные округа и районы по выборочному признаку[799]. Через год, 23–27 мая 1931 г., в Москве состоялась II Всесоюзная конференция юных воинствующих безбожников и юных друзей МОПР. На открытии конференции, происходившем 23 мая в Парке культуры и отдыха, с докладом «О задачах коммунистического воспитания детей» выступил председатель СВБ Е.М. Ярославский[800].

Вслед за Всесоюзными конференциями на местах собирались слеты и совещания юных безбожников. Например, в июле 1930 г. в городе Житомире состоялся первый городской слет ЮВБ, на котором присутствовало около 200 делегатов[801].

СВБ организовывались и национальные совещания. «В целях налаживания антирелигиозной работы среди евреев учащихся» 3 апреля 1931 г. Московский совет СВБ созывал «слет школьников-евреев всех школ города Москвы». В повестке дня слета намечалось: 1.Сообщение 39-й еврейской школы о ходе антипасхальной кампании в школе. 2. Сообщение Малаховской школы о ходе антипасхальной кампании в школе. 3. Рапорты с

мест. 4. Доклад ЦС СВБ «Об итогах еврейского совещания»[802].

Иногда на такие совещания попадали случайные делегаты. 12 октября 1931 г. на созванном редакцией газеты «Безбожник» совещании «московских ребят-безбожкоров» учащийся школы № 19 Дзержинского отдела народного образования деткор Смирнов заявил: «Когда в нашей школе получили повестку на совещание, долго бегали по этажам, не знали, кого надо послать, напали на меня, вот и послали»[803].

На практике детское безбожное движение оказалось менее устойчивым. После завершения очередного учебного года из школы-семилетки выпускались окончившие семь классов учащиеся, которые составляли ядро детского безбожного актива школы. Поэтому летом бюро бездействовало, а осенью некому было возобновлять его работу[804]. И только к зиме, когда начиналась подготовка к антирождественской кампании, удавалось восстановить деятельность ячейки. Организованные в период крупных антирелигиозных кампаний ячейки СВБ и группы ЮВБ оказывались «маложизнеспособными». Их работа останавливалась до следующей кампании, когда снова проводились организационные мероприятия по укреплению групп[805]. Например, когда в школе ФЗС № 20 СОНО города Москвы в 1931/32 учебном году провели перерегистрацию членов СВБ и групп ЮВБ, то и тех и других оказалось всего 10 человек. Пришлось воссоздавать ячейку практически с нуля[806]. В школе № 23 Бауманского района Москвы группу ЮВБ удалось организовать только в антирождественскую кампанию 1931/32 года[807].

Но многие ячейки СВБ и группы ЮВБ «спали», «оживляясь» в дни кампаний, и не пользовались авторитетом в школе[808]. Деткоры газеты «Безбожник» Тюрин и Шувалов сообщали в 1931 г. в редакцию, что в московской школе № 11 числятся 700 юных безбожников при количестве 2640 учащихся. Но все они «мертвые души», так как работа практически не ведется[809]. Иногда школьниками просто некому было руководить. Например, из обследованных в 1931 г. 8 райсоветов СВБ Западной области только 2–3 оказались жизнеспособными[810].

Созданные ячейки СВБ и группы ЮВБ часто бездействовали по той причине, что их участники не знали, как правильно вести работу. В первую очередь это касалось провинциальных школ. В Шлеинской и Заболотинской школах Западной области организовали ячейки «юных безбожников». Но ячейки просуществовали только 2 дня, до тех пор, пока не ушли организовавшие их студенты сельскохозяйственного техникума. Через некоторое время одна из ячеек восстановилась, но по-

прежнему ее участники ждали руководящих указаний от «исчезнувших» студентов[811]. «Я их работу почти и не вижу», – сообщала в письме к Н.К. Крупской о ячейке СВБ школьница из Йошкар-Олы[812]. «У нас в школе есть ячейка СВБ, но методы работы мы не знаем, и нет никакой литературы», – жаловались в письме к Крупской учительницы из села Ташла Ставропольского района Средневолжского края[813].

Дело осложнялось и тем, что в связи с переходом школы на непрерывную неделю, а также в связи с тем, что не все группы работали в одну смену (прежде всего в больших школах), возникали трудности с организацией общего собрания членов ячейки СВБ[814].

Но в этот период возникли и образцово-показательные школы по проведению антирелигиозного воспитания. Они объявляли себя ударными школами «воинствующего безбожия».

Средний процент охвата школьников «безбожными» общественными организациями по Петроградскому району Ленинграда доходил в 1932 г. до 68 %[815], особенно отличалась в этом отношении 181-ая школа. Ее педагоги помещали статьи в просвещенческой и атеистической печати о своих успехах[816]. Там же в 1929/30 учебном году организовали пять постоянных групп: 1) агитпроп (классные уполномоченные); 2) докладчики; 3) безбожкоры; 4) бибгруппа; 5) уголковцы. Последнюю разделили на 8 подгрупп: 1) дежурные; 2) технические работники; 3) хроникеры; 4) альбомные работники; 5) плакатчики; 6) связисты с библиотекой; 7) организаторы массовой работы; 8) музейные работники. Помимо постоянных рабочих групп в 181-й школе создавались временные бригады для поездки в подшефный колхоз, проведения кампании в жакте, организации агитвыступления в обеденный перерыв на заводе и т. д.[817]

В Москве во Фрунзенском районе была аналогичная 12-я «безбожная ударная школа» имени Е.М. Ярославского. Она считалась одной из лучших «безбожных школ» СССР. Во второй половине 1932 г. в ней учились 2 тыс. организованных безбожников[818]. В других городах, например в Краснодаре, 8-я школа I ступени в 1931 г. «превратилась в школу сплошного безбожия». Ее педагогический персонал на 100 % состоял из членов СВБ, 96 % учащихся (600 человек) являлись юными безбожниками[819].

В 1930–1932 гг. возникла новая форма: детские антирелигиозные университеты (ДАУ), в которые направляли «лучших» для «повышения квалификации». В ноябре 1930 г. ДАУ открылся в Ленинграде. Он имел отделения в нескольких районах города[820]. 20 мая 1931 г. после двух месяцев занятий ДАУ,

организованный во Фрунзенском районе Москвы, выпустил 45 учащихся с удостоверениями об его окончании и 10 учащихся как прослушавших лекции[821]. В декабре 1931 г. начал проводить занятия детский вечерний антирелигиозный университет в Кронштадте[822]. К середине 1932 г. по стране насчитывалось уже 19 ДАУ[823].

Юные безбожники, объединенные в разных группах, ячейках, университетах и т. п., виделись авангардом проведения школой антирелигиозных кампаний. Члены школьных ячеек СВБ групп ЮВБ особенно мобилизовывались в дни проведения антирождественской и антипасхальной кампаний. Рождественские дни 1929/30 г. СВБ встретил с размахом, приняв участие в антирождественских акциях во многих районах СССР. В Парке культуры и отдыха города Москвы состоялся детский антирелигиозный карнавал-демонстрация[824]. Активных юных безбожников собирали на конференции. Например, в Тульском округе была проведена конференция юных безбожников. Докладчикам предложили представить свои дневники с заметками о ходе проведения кампании[825].

Негативная реакция на такие антирелигиозные выходки поступала уже из-за рубежа. 2 февраля 1930 г. Папа Римский Пий XI выпустил послание, в котором ссылался на сообщения иностранцев, ставших свидетелями антирелигиозных карнавалов в Москве с массовым участием в них «ряженых мальчишек». Он обвинил организаторов в том, что они «желают больше всего развратить юношество, злоупотребить его наивностью и неведением и вместо преподавания ему воспитания, науки и культуры, которые, впрочем, как честь, справедливость и благочестие, сами не могут процветать и благоденствовать без религии, организуют в Союз воинствующих безбожников, таящий в себе упадок моральный, культурный, а также экономический, с агитацией столь же бесплодной, сколько и бесчеловечной, которой дети будут подстрекаться доносить на родителей, разрушать и осквернять религиозные здания и эмблемы, прежде всего, осквернять души всеми пороками и наиболее постыдными материалистическими заблуждениями»[826].

Но антирелигиозные кампании не могли продолжаться все время. Юным безбожникам нужно было заниматься повседневной деятельностью. Для того, чтобы их работа была систематической и разнонаправленной, предлагались так называемые маршруты. Маршрут за политехнизацию предполагал участие юных безбожников в технических кружках, овладение техникой, как указывалось, «для борьбы с религиозными обычаями». Маршрут за кадры готовил кадры пропагандистов-антирелигиозников. По

маршруту за интернациональное воспитание юные друзья СВБ должны были координировать свои действия с юными друзьями МОПР. По маршруту «за оборону страны» юные безбожники собирали деньги, в том числе на постройку танка «Безбожник»[827]. Школьно-пионерский отдел ЦС СВБ в 1931 году взял на себя обязательство собрать через школьные ячейки СВБ и группы ЮВБ не менее 900 тысяч рублей на постройку подводной лодки «Воинствующий безбожник»[828]. Давались и другие общественно значимые маршруты: пропагандистская и производственно-хозяйственная работа на заводе, в колхозе, в жактах[829].

Иногда, чтобы активизировать их деятельность, прибегали к новым формам работы. Например, в школе № 12 ФОНО 31 марта 1931 г. организовали антирелигиозный день. В объявленный день по группам проводились беседы и конференции, бригады проверяли состояние антирелигиозной работы в школе[830].

Школьники-антирелигиозники выпускали газеты. Антирелигиозный кружок ленинградской школы № 22 выпускал стенгазету, а также газету-листовку[831]. В ташкентской школе им. Ворошилова выходила газета «Фотоглаз ЮВБ», сделанная из газетных и журнальных вырезок, иллюстраций школьников и заметок на местные темы[832]. К антирождественским и антипасхальным кампаниям выпускали специальные номера газет. В антипасхальную кампанию 1932 г. школьниками Петроградского района Ленинграда сделано 39 антирелигиозных бюллетеней и 24 стенгазеты[833].

Школьно-педагогический сектор райсовета СВБ Фрунзенского района Москвы и райбюро ДКО ЮП в 1932 г. организовали к итоговой антирождественской конференции выставку-конкурс школьных стенгазет. На выставке были представлены не только специальные безбожные газеты и бюллетени, но и общешкольные газеты, вышедшие во время антирождественской кампании 1931/32 гг.[834] На каждое издание давались рецензии: указывались идеологические и технические ошибки редакторов газет. Один из таких редакторов, осознав свои ошибки, прислал организаторам выставки записку: «Ошибки своей газеты признаю. Но произошло это, потому что при выпуске очень спешили. Так вышло»[835].

Для обмена опытом юные безбожники вели переписку с пионерами других стран. Например, велась переписка московских школьников с Лейпцигской организацией красных безбожников-пионеров[836].

Будни юных безбожников были заполнены борьбой с «классовым врагом». «Закрытие церкви, елка, пасхальная еда,

проявление религиозности учителя или ученика, молебны», лишение избирательных прав детей священнослужителей – вот круг вопросов, которыми занимались юные безбожники[837]. «Юные безбожники участвуют в кампаниях по закрытию церквей, собирают подписи и порой являются инициаторами этого дела», – отмечалось на антирелигиозном совещании пионеров в Москве 22 августа 1929 г.[838] В плане работ групп ЮВБ предусматривались следующие моменты: заключение договора на соцсоревнование с группой ЮВБ другой школы; борьба против ношения крестиков и других религиозных символов; борьба против вырубки елок на Рождество и березок на Троицын день; агитация за снятие икон в семьях школьников, за отказ от принятия в дом священнослужителей; помощь ячейке СВБ в ее агитации за закрытие церквей и других молитвенных зданий, за снятие колоколов; выявление религиозных ребят «в целях взятия их на буксир»[839].

«Мы требуем от каждого ребенка, чтобы он был борцом против религии везде – в школе, в семье», – заявил председатель СВБ Е.М. Ярославский в речи на II Всесоюзной конференции юных воинствующих безбожников и юных друзей МОПР 23 мая 1931 г.[840] «Ребята прочистят такие ходы сознания матерей и отцов, до которых рука взрослого пропагандиста не достанет», – рапортовал на II съезде СВБ 10 июня 1929 г. пионер Удалов[841].

Несмотря на то, что руководители детского безбожного движения заявляли о том, что юные безбожники не хулиганы, не разбойники, как их выставляет Папа Римский, а являются «настоящими участниками социалистического строительства»[842], участники школьных ячеек СВБ и групп ЮВБ зачастую проявляли себя именно как хулиганы. Однако сами же организаторы юных безбожников признавали, что иногда происходит подмена углубленной антирелигиозной работы «выходками хулиганского характера»[843]. Например, И.А Флеров приводил примеры, когда школьники хулиганили около церквей[844]. Неслучайно один из делегатов I Всесоюзной конференции педагогов-безбожников, состоявшейся 15–21 августа 1930 г., правда, имея в виду несколько другие аспекты организаторской работы безбожников, признал, что все методы они брали у сектантов[845]. Учащийся школы № 4 Дзержинского отдела народного образования города Москвы член группы ЮВБ Женя Гольдберг поделился с читателями журнала «Юные безбожники» опытом работы: «Первая наша работа, – писал он, – заключалась в том, что мы ходили на дом к ребятам, которых в праздники не пускали в церковь. Их родители гнали нас из квартир, но мы своего добились. Половина ребят пришла в школу

в рождественские дни»[846].

Такая деятельность вызывала крайне негативную реакцию у значительной части взрослого населения. Инвалид войны и труда П.А. Визнюк 26 октября 1929 г. направил письма К.Е. Ворошилову и Н.К. Крупской. Он просил содействовать прекращению деятельности СВБ, который, по его мнению, сеет «ужасное богохульство и кощунство в кругах молодежи»[847].

Нередко противоречия между детьми и родителями приводили к серьезным конфликтам. Родители грозились выгнать детей из дома, сжигали антирелигиозные костюмы, применяли физические наказания[848]. Некоторые школьники не вступали в безбожные организации, так как им не разрешали родители[849]. Например, в селе Сергеевке Аркадакского района Нижневолжского края, когда родители выгоняли из дома своих детей-безбожников, последние были вынуждены ночевать в поле, в омете, а утром, придя в школу, просили вычеркнуть себя из списка безбожников: «Папенька не велит»[850]. Юные безбожники, в свою очередь, устраивали колючие проволоки и вывешивали на иконах антирелигиозные лозунги[851]. Иногда конфликты в семье заканчивались трагически.

Напряженные отношения складывались и между верующими и неверующими школьниками. Верующие дети испытывали насилие в школе со стороны участников безбожных организаций. Например, когда члены антирелигиозного кружка I ступени под руководством старших товарищей показывали инсценировку «Суд над верующим учеником»[852]. В седьмой группе Первомайской школы Донбасса учащиеся приняли решение о вступлении в ячейку СВБ. Верующий ученик Петров от вступления отказался. Группа постановила исключить его[853].

Особенно страдали дети лишенцев. В связи с политикой «ликвидации кулачества как класса» во многих школах детей лишенцев решили изгнать не только из СВБ и ЮВБ, но и исключить из школы[854]. Выступая на I Всесоюзной конференции юных безбожников, Н.К. Амосов возмущался тем, что в одной из школ Кимрского округа Московской области секретарем ячейки СВБ был сын лишенца[855].

В местах, где безбожники оказывались в меньшинстве, могла возникнуть обратная ситуация. Пионер Голубев из Коломны на выездном заседании рабочего президиума ЦС СВБ, состоявшегося 16 января 1931 г. в Доме пионеров Фрунзенского района города Москвы, рассказал следующее: «У нас в школе 19 пионеров, и все они безбожники, но родители не пускают на собрание, они не такие антирелигиозники, как здесь. Кулацкие дети не дают работать, бьют нас и подговаривают других ребят, чтобы нас

лупили»[856].

Но случались и срывы у самих юных безбожников: некоторые из них, даже члены бюро школьной ячейки СВБ, пробовали кулич и творожную пасху в праздник Христова Воскресения. После чего получали нагоняй от старших товарищей.

Воинствующие атеисты вроде И.А. Флерова считали, что в том, что дети не слушаются родителей, виноваты сами родители: «Виновата в этом мать» (например, в том, что ребенок со скандалом вместо церкви убегал на антирелигиозный вечер в школу)[857]. В антирелигиозной периодике давались советы юным безбожникам, как вести себя с родителями. Например, на страницах журнала «Юные безбожники» содержался следующий призыв: «Юный безбожник, будь смелым в отстаивании своих безбожных взглядов! Не бойся преследований – они закалят тебя, сделают тебя настоящим борцом. Веди упорную работу среди родителей, терпеливо убеждая их, настойчиво доказывая свою правоту»[858]. Предлагалось в первое время сделать так, чтобы родители не знали о «безбожии» детей[859]. После чего школьники должны были переубеждать своих верующих родителей. Во Фрунзенском районе Москвы одна активная безбожница равнодушно отнеслась к тому, что дома висят иконы: «Мама не хочет снимать, я ее оставила в покое, пусть как хочет». Это заявление возмутило инструктора школьно-пионерского отдела ЦС СВБ А. Вакурову, которая написала в школьном издании газеты «Безбожник», что поведение этой школьницы «недостойно звания активного воинствующего безбожника»[860].

Для того чтобы юным безбожникам было с кого брать пример, спешно издавалась литература, больше напоминающая агитационную, вроде рассказа Ю. Рубинштейна «Санька-победитель» (М., 1930), в котором велась речь о том, «как мальчик, ставший под влиянием школы безбожником, путем упорной борьбы сломил религиозность своих родителей»[861]. Аналогичной по духу являлась пьеса Н. Мурашова «Надо бороться», в которой также рассказывалось о борьбе мальчика, перешедшей в конфликт, со своей верующей матерью[862].

СВБ испытывал значительные трудности с привлечением авторов для создания антирелигиозных художественных «произведений». Е.М. Ярославский обращался с этой просьбой даже к А.М. Горькому. Вот что он писал Горькому 24 января 1930 г.: «Дорогой Алексей Максимович, тов. Сталин показал мне Ваше письмо к нему от 29.XI.29, в котором Вы касаетесь плохой постановки антирелигиозной пропаганды в СССР… Помните, Вы говорили во время съезда безбожников, что следовало бы эмоционально воздействовать хорошей художественной

литературой на религиозных людей, особенно колеблющихся. Я тогда сказал Вам, что будем рады, если что-нибудь напишете. Может быть, напишете?»[863]

Выступая на II Всесоюзной конференции педагогов-безбожников 23 августа 1931 г. И.А. Флеров заявил следующее: «Нам с большим трудом удалось привлечь авторов для того, чтобы иметь возможность выпустить с десяток книжек художественного характера, рассказов и повестей. При этом нужно отметить, что крупные детские писатели до сих пор не переключились на наш фронт»[864]. А.М. Горький ничего не написал по заказу СВБ, а из более-менее известных детских писателей им удалось привлечь к сотрудничеству с журналом «Юные безбожники» лишь Л.А. Кассиля. В первом номере журнала, который начал издаваться в марте 1931 г., опубликован рассказ Кассиля «Человечешное ли это дело», а в № 3–4 за тот же год отрывок из повести «Кондуит и Швамбрания» «Небесная Швамбрания»[865].

В первое время в 1929 г. на антирелигиозных детских утренниках ставилась сказка «Красная шапочка»[866]. СВБ совместно с Главсоцвосом объявили конкурс на лучшую антирелигиозную пьесу для детского школьного театра. Председателем жюри назначили Н.К. Крупскую. Объявили денежные премии[867]. Однако непросто было найти нужный антирелигиозный сюжет, к тому же отвечающий задачам современности. Чаще ограничивались традиционными темами. Например, в 1932 г. ЦТЮЗ показывал антирелигиозный спектакль «Джордано Бруно»[868].

Но в основном на антирелигиозные сюжеты выходила пропагандистская халтура, написанная, по признанию самих деятелей СВБ, молодыми авторами «небольшого художественного дарования»[869]. Среди прочего в 1931 г. издана книга А. Коробова «Осада собора» о пионерах, у которых нет клуба и которые отвоевывают «пустующий собор» на площади у «религиозных старушек-работниц фабрики» и почему-то пришедших к ним на помощь сектантов[870]. В том же году вышел сборник Д'Актиля (Френкель Анатолий Адольфович) «Песней по богу», где содержалась, например, следующая частушка:

Не хочу сынка Ефима,
А хочу младенца Кима,
Не хочу крещеного,
Хочу октябренного[871].

Впрочем, иногда изданию такой «литературы»

препятствовали рецензенты Наркомпроса РСФСР. В 1930 г. рецензенты дали отрицательные характеристики рассказу Е. Ткачевой «Волосатый братик», где, в частности, содержалось следующее «научное» описание: «В углублении, которое находится внутри черепа, лежит мозг»[872].

Доставалось от рецензентов и талантливым авторам, но только по другим причинам. Например, В.В. Бианки критиковали за неправильное изложение в его произведениях законов и явлений природы[873]. О стихотворениях С.Я. Маршака рецензент писал следующее: «Какие-то мрачные бессмыслицы, с высмеиванием физических недостатков, с Господом Богом, с королями, вроде:

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.
Вся королевская конница
И вся королевская рать
Не могут Шалтая,
Не могут Болтая,
Шалтая-Болтая собрать!»[874]

Л. Пантелеева (настоящее имя Алексей Иванович Еремеев) критиковали за вульгарные уличные слова в его рассказах[875]. 28 февраля 1929 г. в адрес комиссии по детской книге ГУСа пришло возмущенное письмо от Л. Пантелеева. Он писал следующее: «Комиссия по детской книге при ГУСе запретила печатать мой рассказ «Карлушкин нос»…Я дорожу указаниями моих старших товарищей по работе, опытных писателей, вдумчивых редакторов и критиков. Когда в Леногизе редактировалась моя первая книга «Республика ШКИД», я с охотой переделывал по указанию своего редактора С.Я. Маршака целые главы. Но это всегда делалось с моего искреннего и полного согласия, а не под влиянием административного воздействия. Я счастлив, что моя «Республика ШКИД» вышла за год до учреждения комиссии ГУСа. Иначе – я в этом твердо уверен – книга, которая теперь переиздается у нас и за границей, была бы запрещена, как и мой «Карлушкин нос», а в лучшем случае была бы изнасилована, искажена и изгажена как мои «Часы»…Комиссия борется со всякими попытками оживить детскую литературу и в то же время безнаказанно пропускает на книжный рынок явную бездарь. Известно ли ГУСу… что детская литература в плену у бесталанных ремесленников и фальшивомонетчиков советской идеологии. Всей этой «нищей

братии» в литературе нечего терять. Она легко приспособится к любым требованиям любой комиссии…»[876]. А.И. Еремеев до конца жизни оставался верующим человеком. (См. Пантелеев Л. «Верую… Последние повести». Л., 1991).

Однако и сотрудники ЦС СВБ часто не находили понимания в наркомпросовских структурах. И.А. Флеров в выступлении 22 марта 1930 г. на II Всесоюзном пленуме ЦС СВБ сообщил следующее о взаимодействии СВБ с комиссиями по книге: «Была выпущена книжка Гурьян «Чудо св. Ларисия». Комиссия по детской книжке пропустила ее, а есть, оказывается, комиссия тоже по детской книге, которая работает по библиотечной линии. И эта комиссия вдруг заявляет: эта книжка никуда не годится. Таким образом, в самом НКПросе нет единой линии, нет единого мнения. Мы – безбожники прилагали все меры к тому, чтобы создать, наконец, детскую художественную книжку, чтобы заставить писать больших художников. А это можно только сделать, прорвавши их фронт, давши хотя бы несколько книг, может быть не очень первого качества даже. И вот эта комиссия по детской книге вставляет палки в колеса и заявляет: у вас очень грубый подход, или нечто в таком духе. Между тем, весь этот грубый подход состоит в двух-трех фразах, которые легко вычеркнуть красными чернилами, и рассказ был бы приемлем»[877]. Через месяц после такого выступления отношения СВБ с комиссией по детской книге настолько осложнились, что 25 апреля 1930 г. на заседании фракции ВКП(б) рабочего президиума ЦС СВБ заслушали сообщение Флерова «О ненормальном отношении членов комиссии по детской книге Главсоцвоса к представителям ЦС», после чего постановили «написать письмо в партколлектив Главсоцвоса»[878].

Для редактирования детской книги 8 июня 1930 г. при ЦС СВБ создана коллегия, ответственным редактором утвержден И.А. Флеров[879]. Но слаженной работы заинтересованных организаций по-прежнему не получалось. «Дело издания антирелигиозной детской книги в значительной степени тормозится отсутствием четкого размежевания между издательствами «Молодая гвардия», «Учпедгиз» и издательством «Безбожник», – констатировалось 14 мая 1931 г. в постановлении бригады по школьной антирелигиозной книге и плакату Учебно-методического сектора Наркомпроса РСФСР[880].

Помимо чтения художественной литературы и участия в антирелигиозных кампаниях юные безбожники, как и все школьники, участвовали в других общественных кампаниях. Например, школьники из антирелигиозного кружка 22-й школы Ленинграда шефствовали над деревней и 2-м

автомотобатальоном. Юные безбожники Замоскворечья в летних лагерях «наломали 100 тыс. веников для кормления кроликов» и т. п.[881]

Детскому безбожному движению не удалось укрепиться надолго. Даже в годы его наибольшей активности (1929–1932 гг.) движение испытывало различные трудности. Школьно-пионерские сектора функционировали лишь в некоторых местных советах СВБ. Такие сектора работали в Московской, Ленинградской, Киевской, Западной областях, в Горьковском крае и еще в нескольких городах СССР[882]. В основном школьные ячейки СВБ и группы ЮВБ существовали в городских школах. Число их на селе было незначительно, в национальных районах детское безбожное движение почти отсутствовало. Особенно слабо в него были вовлечены девочки[883]. К тому же часто деятельность юных безбожников вызывала нарекания партийных, комсомольских, пионерских организаций.

По численности юные безбожники вполне могли соревноваться с Всесоюзной пионерской организацией. В документах СВБ говорилось о том, что Союз в 1932 г. насчитывал 5,5 млн. человек[884]. В это число включали и школьников – членов школьных ячеек СВБ в возрасте 14 лет и старше. По данным СВБ, на 1932 г. около 2 млн. школьников в возрасте от 8 до 14 лет находились в группах ЮВБ[885]. В этом году пионерская организация СССР включала в себя 6 млн. человек[886].

Процент школьников, вовлеченных в детское безбожное движение, в зависимости от области и района мог различаться. 40 % учащихся города Иванова в 1930 г. охвачены этим движением[887]. В среднем на те же 40 %, по данным на 1932 г., школьники Средневолжского края вовлечены в безбожные организации[888]. Но, по данным И.А. Флерова, в том же 1932 г. детское безбожное движение охватывало только 10 % всех школьников[889]. Причем в школе в 1930/31 учебном году обучалось 17,6 млн. человек[890].

СВБ с уверенностью можно назвать молодежной организацией. Процент школьных ячеек в общем количестве ячеек СВБ был достаточно высоким: в Сталинграде к середине 1932 г. насчитывалось 300 городских ячеек с 22 600 членами, из которых 30 % составляли школьные ячейки[891]. По данным на тот же год, 45 % членов Союза составляли молодые люди в возрасте от 14 до 22 лет. Еще 45 % составляли лица в возрасте от 23 до 45 лет. И только 10 % участников СВБ были старше 46 лет[892]. Если к этому добавить 2 млн. школьников в возрасте от 8 до 14 лет, которые состояли в группах ЮВБ, то Союз вполне можно назвать детско-подростковой организацией.

ЦС СВБ в 1932 г. запланировал в течение второй пятилетки достигнуть численности в 22 млн. человек и 5 млн. человек участников групп ЮВБ[893]. Однако даже в этот период планируемые показатели представлялись неосуществимыми. Позднее, выступая на IV расширенном пленуме ЦС СВБ (1–4 февраля 1938 г.) Ф.Н. Олещук вынужден признать, что «в 1931–1932 гг. СВБ искусственно раздувал свой рост и, достигнув численности в 5,5 млн. человек, не сумел закрепить ее и растерял»[894].

Сложно назвать реальную численность СВБ к 1932 г., тем более что значительная часть его членов находилась в составе формально. За первый квартал 1932 г. СВБ собрал лишь 31,5 % членских взносов[895]. Соответственно реальная численность Союза (если судить по полученным взносам и исходить из численности в 5,5 млн. членов в возрасте 14 лет и старше) составляла на тот год меньше 2 млн. человек. Причем представители местных организаций СВБ, когда их попросили мобилизоваться в сборе членских взносов, заявляли, что «в действительности у них гораздо меньше членов союза» и что «их цифры являются дутыми»[896]. Деятели СВБ признавали, что если провести новый переучет, то из объявленных 5 млн. останется не более 2,5 млн. человек[897]. Например, на 1 января 1932 г. в Московской области числилось 641,3 тыс. членов СВБ[898]. После проведенной в 1932 г. перерегистрации оказалось, что в действительности в Москве 10 тысяч членов Союза, в Московской области – 20 тысяч, «остальные рассыпались»[899].

Еще в 1930 г. Е.М. Ярославский в узком кругу безбожников заявил, что «точных цифр численности СВБ нет» и что «цифры, которыми мы оперируем, документально не подтверждены, а между тем они были оглашены на 16 съезде [ВКП(б)]»[900]. Могло получиться и так, что местные советы безбожников учитывали не все группы ЮВБ. По словам делегата II Всесоюзной конференции педагогов-безбожников, проходившей в августе 1931 г., Бычатина из Ленинграда, у них, по сведениям райсовета СВБ, существовала только одна группа воинствующих безбожников, на самом же деле их было 35[901].

Форсированный рост СВБ осуществлялся во время проведения больших антирелигиозных кампаний. «У нас масса рождается к Рождеству, умирает к Пасхе, к первому маю воскресает», – шутили безбожники[902]. Диаграммы показывали: скачок вверх к Рождеству, потом глубокий спад вниз, затем еще выше скачок – к 1 мая, после чего снова быстрый скачок вниз[903]. Стихийному увеличению численности Союза способствовала шумно проведенная антирождественская кампания 1929/30 г., во

время которой проводилась массовая запись в организацию. В Московском округе к концу декабря 1929 г. членами СВБ значились 6 тыс. человек, а уже по данным на 16 января 1930 г. численность Московской окружной организации составила примерно 20 тыс. человек и 7 835 тыс. юных безбожников[904]. Меньше чем за месяц количество членов возросло более чем в три раза. Подобное наблюдалось и в других районах. Если на 1 декабря 1929 г. в Бежецком окружном совете Союза зарегистрировано 3 тыс. членов, то на 1 января 1930 г. их стало, по неполным данным, 6200 тыс.[905] Весной 1929 г. СБ насчитывал у себя 450 тыс. человек[906], а уже на следующий год объявил о 2 млн. участниках Союза[907].

И в последующие годы СВБ пополнял свою численность в основном во время проведения антирелигиозных кампаний. Весной 1930 г. прозвучал призыв записываться в школьные кружки безбожников, тем самым противостоя «крестовому походу» против СССР, якобы объявленному Папой Римским[908]. За антирождественскую кампанию 1930 г. в 29 школах ФЗС Петроградского района города Ленинграда количество членов СВБ – педагогов и административного персонала – выросло с 727 до 871 при общем числе 1100 человек. Число учащихся, охваченных детским безбожным движением увеличилось с 6261 до 9855 при общем числе 24 917. Причем старшие классы дали 2149, ЮВБ – 7706; т. е. группы ЮВБ удвоились, а в старших классах количество членов СВБ возросло в полтора раза[909].

Несмотря на то, что руководители детского безбожного движения требовали не допускать такого положения, когда ячейки СВБ и группы ЮВБ превращаются в самостоятельные, ничем не связанные с пионерфорпостом и комсомольской ячейкой, организации[910], отношения СВБ с комсомольскими и пионерскими организациями носили оттенок конкуренции. Нередко, когда в школе действовали пионерский форпост и группа ЮВБ, председатель последней не хотел «принимать политического руководства со стороны пионерского форпоста»[911]. В этом смысле характерен конфликт между комсомолом и безбожниками Украины, где к 1931 г. насчитывалось около 300 тыс. юных безбожников[912], которые при создании требуемых ячеек и групп стали бы параллельной структурой и в некотором роде конкурентами. Возможно, этим следует объяснить попытку комсомола Украины ликвидировать школьные ячейки СВБ. Пионерское бюро Украины в 1931 г. вынесло постановление о том, что детская безбожная организация Украины «не ведет никакой положительной работы и занимается только сбором членских взносов»[913]. Однако ЦК ВЛКСМ

постановил сохранить детские организации в добровольных обществах[914], и детское безбожное движение на Украине еще некоторое время развивалось.

Переломным и для детского безбожного движения стал 1932 год. В постановлении ЦК ВКП(б) от 21 апреля 1932 г. «О работе пионерской организации», приуроченном к ее десятилетию, говорилось, что «все кружки “юных друзей” должны быть организованы при пионеротрядах и работать под их непосредственным руководством»[915]. Партия взяла курс на укрепление пионерской организации, на создание условий превращения ее в организацию всех советских детей определенного возраста. Декабрьский пленум 1932 г. ЦБ ЮП постановил: «В целях ликвидации параллелизма установить, как правило, что кружки организуются при отрядах совместно со школой и руководятся пионерорганизацией»[916]. Параллельные структуры наподобие детских организаций СВБ стали не нужны, а, если и были допущены, то только с целью укрепления пионерской организации. Группы ЮВБ сводились на уровень кружков по интересам, работающих под руководством пионерского отряда.

Но и в 1933 г. перестройки в работе ЮВБ еще не произошло. «В этом виновата пионерорганизация, но виноваты и организации СВБ, которые разрешением этого вопроса совершенно не озабочены», – сожалел И.А. Флеров в 1933 г.[917]. Тогда же Флеров признал, что «те позиции, которые школа завоевала в 1930/31 году (систематичность антирелигиозной работы, антирелигиозное воспитание на уроках и др.), в последующие годы были сданы»[918]. Однако движение юных безбожников сходило на нет. В январе 1933 г. вышел последний номер журнала «Юные безбожники». 1 февраля 1933 г. на заседании фракции ВКП(б) ЦС СВБ обсуждался вопрос о ликвидации школьно-педагогического отдела (последнее название отдела). Отдел все же решили сохранить[919].

В резолюции Всесоюзного совещания педагогов по антирелигиозному воспитанию в школе, прошедшего 11–14 августа 1934 г., отмечалось отсутствие руководства кружками СВБ со стороны пионерской организации: «ЦБ ДКО до сих пор не дало положения о кружках и не разрешило вопроса о членских билетах для ЮВБ»[920]. О том, что центром антирелигиозной работы педагоги-безбожники должны сделать пионерские отряды, заявил на этом совещании 14 августа Е.М. Ярославский. «Пионерская организация должна быть той основной организацией, через которую мы проводим наше антирелигиозное влияние», – отметил председатель СВБ. Он подчеркнул, что вести такую

работу в отрыве от создания детской пионерской организации – невозможно и «даже вредно», т. к., по его словам, «антирелигиозная пропаганда не является целью, а является средством». Ярославский сказал, что пионерская организация «может выделить и организовать кружки юных безбожников», но «даже если она этих кружков не выделит, там, где пионерские отряды маленькие, слабые, необходимо, чтобы антирелигиозная работа сосредоточивалась именно в пионерских отрядах»[921]. Таким образом, создание таких кружков уже не рассматривалось руководством СВБ как обязательное условие проведения антирелигиозной работы среди пионеров и школьников.

Но ЦК ВЛКСМ не проявлял активности в антирелигиозной работе. Комсомол не прислал представителя на совещание педагогов-безбожников 1934 г. Этому вопросу газеты «Комсомольская правда» и «Пионерская правда» уделяли в те годы мало внимания[922].

Всесоюзное совещание по антирелигиозной пропаганде (9–11 июня 1935 г.) в специальной резолюции отметило основные недостатки антирелигиозной работы среди детей: отсутствие в большинстве советов СВБ сотрудников по работе среди детей; слабость связи советов СВБ с комсомолом, пионерской организацией и органами народного образования; отсутствие антирелигиозного воспитания в планах работы пионерских организаций; отсутствие кружков ЮВБ и антирелигиозных кружков в большинстве школ[923].

Весной 1936 г. была упразднена организационная структура групп ЮВБ[924]. В целом и СВБ в 1933–1936 гг. пережил тяжелый кризис: из 5,5 млн. членов к 1935 г. осталось едва 350 тыс.[925]

После возрождения СВБ в 1938 г. (Союз достиг к 1940 г. численности в 3 млн. человек)[926] в школе по-прежнему работали ячейки СВБ и антирелигиозные кружки. Группы ЮВБ, как правило, не воссоздавались. Но в некоторых школах они, видимо, существовали. Преподаватель восьмой тамбовской школы В. Марков в 1939 г. писал в журнал «Антирелигиозник», что на 1 января 1939 г. «в школьной ячейке СВБ 251 член» и, «кроме того, в рядах юных безбожников 429 человек»[927]. Но масштаб деятельности и значение, которое имело детское безбожное движение в период 1929–1932 гг., больше достигнуты не были.

Во время Великой Отечественной войны СВБ не работал. В 1947 г. он был ликвидирован. Материальные средства Союза, а также его функции атеистической пропаганды передавались Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний среди населения (ныне общество «Знание»)[928].

Детское безбожное движение представляется сомнительным и

в количественном, и в качественном отношении. Школьные ячейки СВБ и группы ЮВБ оживлялись в основном в дни специальных антирелигиозных кампаний. Значительная часть юных безбожников числилась лишь на бумаге, не принимая участия в повседневной антирелигиозной работе.

Деятельность юных безбожников провоцировала конфликты в их семьях, обостряла противоречия между религиозной семьей и советской школой. Такое положение приводило к нравственной драме, которая иногда заканчивалась трагически или не находила разрешения на протяжении жизни взрослого человека.

Глава VI. Изменение содержания учебных программ и учебников в 1929–1932 гг.

Изменение содержания учебных программ и учебников в 1929 г.

Основным средством функционирования школьного образовательного процесса являются школьные программы и школьные учебники. От того, как они составлены, каково в них содержание учебного материала, зависит качественный уровень школьного образования. Программы и учебники одновременно выполняют и обучающую, и воспитательную функции. Но если одна из функций преобладает над другой, происходит перекос в образовательном процессе, который неминуемо приведет к негативным последствиям в формировании общественного сознания обучаемого поколения, в жизни общества в целом.

Поскольку антирелигиозное воспитание предполагало, прежде всего, воспитание «нового человека» с атеистическим мировоззрением, постольку оно определило в 1929–1932 гг. наряду с прочими воспитательными задачами (интернациональное, военное воспитание и др.) содержание школьных программ и учебников, форму подачи учебного материала. Все изменения происходили в ходе реформирования школьной системы для реализации главного большевистского идеологического посыла в образовании: политехнизации школы. На первый план выдвигалась задача не столько овладения объективными научными знаниями, сколько формирования производственно-хозяйственных навыков учащихся. Этим объяснялась длительная работа в первой половине 1920-х годов научно-педагогической секции ГУСа, Главсоцвоса, да и всего Наркомпроса РСФСР, над программами, попытки соединить содержание учебных программ и учебников с новыми педагогическими технологиями и методами преподавания. Так называемые стабильные программы ГУСа появились к 1927 г.

В настоящей главе рассматривается содержание школьных программ и учебников 1929–1932 гг. в контексте политической цели заменить безрелигиозное воспитание антирелигиозным. Выявленные и впервые вводимые в научный оборот документы позволяют выделить два этапа изменения содержания главных, нормативных инструментов учебного процесса. В первом параграфе анализируется первый этап изменения содержания учебного материала стабильных, но «безрелигиозных» программ и учебников, приведение их в соответствие с задачами, сформулированными в партийных решениях 1929 г. Во втором параграфе показан второй этап изменений программ и учебников,

произведенных в 1930–1932 гг.

В условиях антирелигиозного наступления программы ГУСа 1927 г. уже не соответствовали политической линии, требовавшей усиления соответствующего материала. Еще до выхода циркуляра ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы» руководители Наркомпроса и другие просвещенцы в выступлениях и статьях указывали на необходимость редактирования программ в требуемом направлении. Речь все же не шла о коренной переработке программ, а лишь о внесении в них дополнительных тем. За основу брались все те же программы 1927 г., которыми в Наркомпросе очень дорожили.

Еще 20 июня 1928 г., выступая на методическом совещании школьных работников I ступени, заместитель председателя Главсоцвоса, управления, ответственного за учебно-методическую работу школы, М.М. Пистрак опасался перегрузки программ антирелигиозным материалом. Под давлением политического курса он склонялся к тому, что «…по крайней мере, наша задача… заключается в том, чтобы исходя из программы выделить тот стержень, на который вы нанизываете антирелигиозную пропаганду»[929]. Как видим, М.М. Пистрак не предполагал существенной переработки программ 1927 г.

«Участие школы… должно быть отражено не через введение в программу добавочного, непосильного для ребят материала, а в умении, исходя из существующей программы, в которой отражены… все направления нашего строительства, сделать работу школы настолько гибкой, чтобы все очередные важнейшие задачи… стали… непосредственными задачами школы», – подчеркивали в Главсоцвосе[930].

Председатель Главсоцвоса М.С. Эпштейн в публичных выступлениях в начале 1928/29 учебного года также остановился на внесении в программы антирелигиозного материала. «Теперь ставится задача оттенить в программах те моменты, которые помогут провести в школьной практике интернациональное, антирелигиозное и коллективистское воспитание, – говорил Эпштейн на пленуме ЦКпроса (18–22 сентября 1928 г.). – Эти моменты должны быть отражены не только в программе по обществоведению, но и по всем программам»[931]. Однако такая позиция уже не устраивала партийных активистов.

13 декабря 1928 г. состоялось совещание работников школы I ступени. Состав его участников был особый. На нем присутствовали только члены ВКП(б) и ВЛКСМ. В прениях по докладу М.С. Эпштейна «Начальная школа как она есть» они обращали внимание на то, что без насыщения программ

антирелигиозным материалом учителю практически трудно проводить антирелигиозное воспитание[932]. В предложениях комиссии АППО МК ВКП(б) говорилось о необходимости исправить содержание программ ГУСа, касающееся классового, интернационального и антирелигиозного воспитания[933].

На страницах центральной партийной и профсоюзной периодики начала настойчиво продвигаться установка: изменить школьные программы и учебники.

Директор Института методов школьной работы Наркомпроса РСФСР В.Н. Шульгин в статье «О школьных программах» 11 января 1929 г. предлагал выпускать не только методические записки, но большее внимание направить и на расширение обществоведческого материала программ. «Нет этого, – писал он, – и трудно вести воспитательную работу, и спрашивают учителя, как и с чем увязать,… как пронизать все антирелигиозными моментами»[934]. Другой известный педагог, член ГУСа М.В. Крупенина, сравнивая первый (1924 г.) и второй (1927 г.) варианты программ, призывала к тому, чтобы «мировоззренческий стержень программ» был «не только восстановлен, но и усилен». Она считала, что «частичный пересмотр программ необходим, ибо иначе воспитательные задачи школы стоят под ударом»[935]. В этом же номере журнала С. Гривун отмечал, что «все учителя, с которыми обсуждался» вопрос, «объяснили отсутствие антирелигиозной работы в школе тем, что ни в учебнике, ни в программе нет ни звука об этом, если не считать освещения в учебниках и программах вопроса о религиозных праздниках». «Нужно, чтобы Наркомпрос и все методические органы восполнили пробел в программах и учебниках… – требовал С. Гривун. – Нужно добиться, чтобы эта работа носила систематический характер на протяжении всего учебного года»[936].

Уральский просвещенец В. Золотавин также возмущался: «приходится только удивляться тому безразличию, с каким относятся программы к этому важному вопросу… На практике получается следующее: или работник занимается “творчеством”, приводящим зачастую к совершенно нежелательным выводам, или вовсе не включает антирелигиозного вопроса в свою работу»[937].

В резолюции, принятой по докладу Н.Ф. Преображенского «Антирелигиозное воспитание в связи с преподаванием естествознания» на проходившей 22–27 января 1929 г. Всероссийской конференции преподавателей естествознания школ повышенного типа, отмечалась необходимость при переиздании программ ГУСа отразить, как в самих программах,

так и в объяснительных записках, «элементы антирелигиозной работы школы»[938].

Поскольку методического письма для школ I ступени не было, потребовалось редактирование программы для школ I ступени (1–4 группы).

В начале 1929 г. Наркомпрос взялся за редактирование программ. Таким образом, Наркомпрос начал реагировать на указания циркулярного письма ЦК ВКП(б), разосланного в феврале этого года. Однако анализ хода работы над редактированием выявляет его нежелание вносить требуемые изменения. Так, 7 марта 1929 г. А.В. Луначарский в заключительном слове на VII съезде Союза работников просвещения информировал делегатов, что 6 марта 1929 г. на особом совещании в Наркомпросе решили пересмотреть программы. Программы планировалось опубликовать для обсуждения в конце марта 1929 г. и издать в новой редакции к началу нового учебного года[939]. «Но это не будет, в сущности, пересмотр программы. Никаких радикальных изменений не будет», – отстаивал он имеющиеся программы. «Будут некоторые изменения текста и некоторые детальные изменения, которые придадут более выраженный характер программе, и больше будут находиться в соответствии с теми указаниями, которые мы даем в циркулярном письме по этому поводу»[940]. «Наши программы, которые заряжены достаточным количеством антирелигиозного духа, будут в этом отношении несколько перередактированы для того, чтобы сгруппировать и выпуклее установить в них точное и непосредственное направление на борьбу с религией», – уточнял А.В. Луначарский суть изменений, которые будут произведены, и в статье «Антирелигиозная борьба в школе», опубликованной в «Известиях» 26 марта 1929 г.[941]

Однако, выступая 3 апреля 1929 г. в Академии коммунистического воспитания, А.В. Луначарский уже несколько по-иному объяснял ход работы по изменению программ: «Борьба против религии должна органически войти во все преподаваемые в школе предметы, и это должно отразиться как на методической литературе для учителя, так и на учебниках для детей»[942].

4 апреля 1929 г. коллегия Наркомпроса РСФСР, заслушав вопрос о редактировании программ для школ I ступени, постановила: «Не считая целесообразным коренной пересмотр программ школ I ступени… предложить Главсоцвосу при выпуске нового издания программ внести в них следующие изменения… уточнить задачи культурной революции и классовой борьбы (… борьба с религиозными верованиями, суевериями и предрассудками, воспитание нового человека – коллективиста,

интернационалиста, материалиста и т. п.)»[943].

Однако XIV Всероссийский съезд Советов в мае 1929 г., заслушав доклад А.В. Луначарского «О текущих задачах культурного строительства», постановил «в школьных программах усилить моменты классового, интернационального и антирелигиозного воспитания»[944]. Как видим, давление на Наркомпрос оказывалось уже формальным органом власти высшей юрисдикции – съездом Советов. В его постановлении высказано неудовлетворение и тем, что Наркомпрос ограничил работу только программами для I ступени.

Тем не менее к концу учебного 1928/29 года выход новой редакции программ не состоялся. Просвещенцам приходилось, иногда при поддержке местных отделов народного образования, в течение учебного года увязывать антирелигиозный материал с программными темами самостоятельно. В научно-методических журналах, правда, давались примеры таких увязок. Например, «Методический путеводитель для фабрично-заводской и городской школы» опубликовал материал «Религия и церковь на службе у собственников» для проработки в четвертой группе I ступени[945]. Журнал «Естествознание в трудовой школе» поместил статью М. Мельникова «Из практики антирелигиозной пропаганды в связи с курсом естествознания на 8-м и 9-м годах обучения». Однако редакция оговорила, что статья не может служить инструкцией; «слабым местом» ее «является случайный характер увязки между естествоведческими антирелигиозными положениями и социально-классовой подкладкой религиозного объяснения природных явлений»[946].

Местные отделы народного образования, школы продолжали самостоятельно увязывать программы 1927 г. с антирелигиозным материалом. Такая программа была разработана Тверским губоно[947]. В Зиновьевском округе к работе инспектуры отдела народного образования подключился местный агитпропотдел ОК ВКП(б). Совместно они выработали дополнения к программе ГУСа по антирелигиозному воспитанию[948]. Антирелигиозная секция конференции преподавателей обществоведения в школах II ступени Нижнего Новгорода перед началом 1928/29 учебного года докладывала, что она сумела увязать обществоведческий материал программы с антирелигиозными вопросами. Например, в тему «Основы экономической политики советской власти» (8-й и 9-й годы обучения) в параграфе 5 после слов «Возможность экономической смычки между буржуазией города и деревни и отрыва бедняцко-середняцких слоев от союза с пролетариатом» внесен текст: «Сектанты и попы в борьбе за кулака и частника»[949]. Большинство увязок заимствовано из разработок

МОНО[950].

Отдельные школы также вели эту работу. В 181-й школе Ленинграда осенью 1928 г. провели собрания по классам, обсуждая, как лучше ее провести[951]. Тогда же 3-й школой I ступени города Луги составлен план увязки антирелигиозных вопросов с комплексными программными темами[952].

Большую активность проявляли местные органы СБ. Некоторые из них, не считаясь с учебным планом, настаивали на введении особого курса антирелигиозной пропаганды. Иваново-Вознесенский губернский совет СБ представил в губоно такую программу для школ II ступени[953]. Губоно ответил, что не имеет права без согласования с ГУСом и его разрешения изменять имеющиеся в школе программы, а тем более вводить новые: «отдельного курса безбожия в школах быть не должно»[954]. Но запрос губоно в Главсоцвос все же направил и получил ответ, что программа пригодна только для кружков и отдельных лекций[955].

Новые программы были опубликованы только в июле 1929 г. Но и они были представлены лишь как «проект редакционных изменений комплексных программ первых трех лет и новой редакции программ четвертого года школ I ступени, разработанный Главсоцвосом РСФСР, МОНО и ЛООНО»[956].

В записке Главсоцвоса «О предстоящей работе над программами» оговаривалось, что программу не стали полностью перерабатывать, «чтобы не выводить из употребления ни одной уже вышедшей в жизнь рабочей книги». Но здесь же пояснялось, что «учет требования заострения классовых моментов в программах школы I ступени, учет требования усиления антирелигиозного… воспитания… уже вынудили… к более значительной перестройке четвертого года обучения»[957]. Проект программ способствовал, как указывалось в предисловии к ним, воспитанию «нового человека-коллективиста, интернационалиста, антирелигиозника, материалиста». Он призван содействовать вовлечению детей «в борьбу и строительство»[958]. «Когда же перед школой будут поставлены в более широком масштабе вопросы политехнического образования… перестройка программы I ступени потребует нарушения и основного комплексного стержня ее»[959]. Как видим, Наркомпрос увязывал необходимость переработки программ с общей реформой школы. Основные направления ее планировалось обсудить на готовящемся партийном совещании, планируемом к проведению в 1929 г., однако тогда не состоявшемся.

Рассмотрим все же то, что было сделано. И в городском, и в сельском вариантах проекта программ, начиная с первого года

обучения, присутствовал антирелигиозный компонент. Уже на первом году обучения он содержался в темах: «Охрана здоровья» (сельский вариант) – рекомендовалось рассказать о «ярких случаях смерти при лечении молитвой и святой водой»[960]; «Приготовление к зиме. Жизнь и труд зимой» (городской и сельский варианты) – говорилось о привлечении детей к участию в антирождественской кампании[961]; «Наступление весны и весенние работы» (городской и сельский варианты) – говорилось о привлечении детей к участию в антипасхальной кампании[962].

На втором году обучения в теме «Жизнь и труд детей летом и начало работы школы» (городской и сельский варианты) – предлагалось подчеркнуть «бессмысленность молебнов от засухи, борьбы с пожарами», так как «не бог и не молитвы спасают от бедствий»[963]. В теме «Осенние работы в деревне» (сельский вариант) при объяснении причин урожая рекомендовалось отметить, что урожай зависит не от Бога[964]. В теме «Охрана здоровья» следовало подчеркнуть «вред религиозных обрядов» для здоровья[965]. В темах «Жизнь и труд в городе зимой», «Жизнь и труд в деревне зимой», «Весна и весенняя работа» (городской), «Начало весны и подготовка к весенним работам» снова говорилось о необходимости привлечь школьников к участию в антирождественской и антипасхальной кампаниях. В пояснении к темам давались практические советы[966]. В теме «Весенние работы в деревне» (сельский) предлагалось поразмыслить о запретах выезжать, копать, сеять раньше определенного срока, работать в церковные праздники[967].

На третьем году обучения в теме «Наш город» (городской), «Деревня» (сельский) религию начинали связывать с классовой борьбой. Сформулирована и конкретная установка учителю: «Нужно вызвать у детей враждебное отношение к религии, как к огромному социальному злу, познакомить детей с классовой сущностью религии, с тем, что служители религиозных культов сеют тьму и невежество, отвлекают внимание трудящихся от борьбы за лучшую жизнь на земле, объединяясь с врагами трудящихся»[968]. В теме «Деревня и город» (сельский) предлагалось заострить внимание учеников на том, как религия препятствует «культурному развитию трудящихся»[969]. В теме «Как живут и работают в деревне» (городской) – подчеркнуть религиозность крестьян и то, какой «вред» она приносит «правильному ведению сельского хозяйства»[970].

На четвертом году обучения в теме «От чего зависит урожай и как его поднять?» (сельский вариант) предлагалось сопоставить результаты урожаев тех земледельцев, которые надеются на Бога и плохо ведут свое хозяйство, и тех земледельцев, которые ведут

свое хозяйство хорошо, получают хорошие урожаи, но приписывают эти урожаи Божьей воле[971]. В теме «Борьба трудящихся в царской России и Октябрьская революция» (городской и сельский варианты) рекомендовалось познакомить школьников с тем, «какую роль играла в закабалении трудящихся религия всех направлений и почему, в частности, церковь защищала и защищает интересы помещиков и капиталистов»[972]. В теме «Человек и земля» (городской и сельский) противопоставлялись религиозный и научный взгляды на мироздание. Прохождение этой темы связывалось с проведением антипасхальной кампании[973].

В «Итогах работы группы за 4 года» предлагалось, среди прочего, подвести итоги тому, как группа боролась с религией[974].

Отсутствие новой редакции программ для школ II ступени отчасти компенсировалось разосланным фабрично-заводским семилеткам (ФЗС) сборником материалов к программам[975].

Главсоцвос предлагал обсудить указанный проект на курсах и конференциях учителей и с начала 1929/30 учебного года обучать по новой редакции программ[976]. Инспектор школьного отдела Главсоцвоса И.Л. Смирнов рекомендовал каждому учителю или коллективу учителей «взять на себя работу по детализации и конкретизации отдельных элементов программы». При этом «изучение программ и дальнейшее их совершенствование должно идти, – по словам Смирнова, – по линии еще большего усиления в них элементов классового коммунистического воспитания, воспитания антирелигиозного»[977].

Проект программ обсуждался в печати и на учительских конференциях. Однако, как показывает ход обсуждения, он вызвал неоднозначную оценку. Осенняя производственная конференция учителей в Свердловском округе высказалась за немедленное применение проекта на практике[978]. С.П. Егоров в «Методическом путеводителе для сельской школы» отмечал, что «в комплексных темах всех возрастных групп нашли определенное выражение вопросы антирелигиозной пропаганды и антирелигиозного воспитания»[979].

Но преобладала неудовлетворенность представленным Наркомпросом проектом. В. Сироткин из МОНО предлагал критически проработать программу Наркомпроса в каждой школе, затем собранные материалы рассмотреть в окружном отделе народного образования и окончательно доработать в облоно. Критерием критической оценки являлся материал по антирелигиозному воспитанию в программах[980]. И.И. Руфин в

«Учительской газете» назвал программы недоработанными: «Программы выдвигают тот или иной вопрос, но решать его не помогают… Указаний для практического проведения атеистического воспитания по всем разделам школьной работы в наркомпросовских программах нет»[981].

В.Н. Шульгин поместил в октябрьском (1929 г.) номере журнала «Работник просвещения» передовую статью «Правый уклон в педагогике», в которой обвинил руководство Главсоцвоса в отставании от темпов социалистического строительства. Одним из главных доказательств тому, по его мнению, являлись программы 1929 г. Шульгин особенно выделил в названии программ словосочетание «проект редакционных изменений». «Это же шедевр! – восклицает он. – И это в октябре 1929 года!»[982]. «Правда, – отмечал В.Н. Шульгин, – выполнены все указания. Расширен обществоведческий материал. Усилен антирелигиозный момент. Уже не молчат об идущей в городе и деревне классовой борьбе программы… Но все это в той мере, чтобы снять упрек. Заплаты налатали на программы»[983].

В следующем номере журнала редакции пришлось оправдываться тем, что ошибочно не указан дискуссионный характер статьи В.Н. Шульгина[984]. В том же номере выступили руководители Главсоцвоса М.С. Эпштейн и М.М. Пистрак. Эпштейн вопрошал: «Где был тов. Шульгин, когда Главсоцвосом было созвано широкое совещание с участием представителей педагогической общественности, ряда государственных организаций, местных органов народного образования по вопросу о новом варианте программ I ступени? Почему такие организации, как Наркомздрав, Союз безбожников и т. д., могли прислать в ответ на призыв Главсоцвоса свои заключения по новому варианту программ, дать ряд совершенно конкретных и деловых замечаний, учтенных впоследствии Главсоцвосом? Где тогда был бодрствующий тов. Шульгин?»[985]. Пистрак упрекал Шульгина в том, что тот не понимает разницы между «статичностью» и «стабильностью». Да, программы 1929 г. стабильны, но они не статичны, а динамичны[986]. Представители Главсоцвоса разъясняли, что, несмотря на то, что программы созданы как проект, это не означает продолжения работы по программам 1927 г., так как они (программы 1927 г.) отстали от жизни[987].

Объяснение тому, почему в самом Наркомпросе по-разному оценивали эту продукцию, находится в сложнейших отношениях между структурными частями самого Наркомпроса, его руководителей между собой, с входящими в структуру Наркомпроса научными педагогическими институтами. Приведем

пример из писем В.Н. Шульгина к Н.К. Крупской, приоткрывающий эту сторону проблемы, безусловно, влияющей и на ход работы по изменению методических программ в целом. Сохранился черновик письма 1929 г. Шульгина Крупской о том, что работа, концентрируясь на политически актуальных темах, не продумывается с педагогической стороны. Шульгин цитирует Крупскую: «“Мне думается, что в 5, 6, 7 группах деревенских ребят слово колхоз есть реальность и коллектив в колхозе то же самое”… Неудачно выражено. Можно это понять так, что в первой ступени о колхозе и толковать не стоит. Так это непосильно ребятам. Но это неверно и в программах, которые Вы мне показывали, о колхозах речь идет в первой группе I ступени. Как же это согласовать “колхоз есть реальность в 5, 6, 7 группе”, следовательно, в I группе он не есть реальность. Очень неудачно как-то сказано. “А сельсовет не смотрит, что мальчишки сеют, а мужики сыпят”, приводите Вы письмо мальчонки. Прекрасное письмо. Но сколько ему лет, этому мальчугану? Ведь так могут сказать порою и из третьей группы ребята. И когда ребята говорят “мама, Бога нет”, это больше, чем механическое повторение “мама, не надо именин”. Нет, здесь звучат нотки приобщенности к новым настроениям, переживаниям, установкам, чем есть это дома. Это очень хорошо. Да Вы все время на этом настаивали, говоря об общественной работе, программах ГУСа и т. д., о комплексе, и о сути программ. Различна степень приближения к истине, различны степени понимания у ребят и взрослых. Это верно, это надо учитывать. А этого очень многие не учитывают. В этом ведь Ваша мысль… Надо же влезть в шкуру ребенка и посмотреть с его точки зрения на некоторые вещи… Его “т.з.” – желание играть. Но он не играет, так как привита ему вредная идеология, созданы вредные, не наши установки. Вы правы, когда Вы подчеркиваете, что надо считаться с свобод[нрзб] ребенка. Это верно. Но иллюстрация не удачна. Она говорит о другом. Она говорит именно о том, как даже порою в наших семьях у ребят в силу ряда причин вызревает чуждая нам идеология»[988].

О том, какие споры велись среди педагогов, свидетельствует письмо С.Т. Шацкого Н.К. Крупской 1929 г.: «Очевидно, мы имеем дело с теми трудностями строительства, которые труднее прямой борьбы с врагом, ибо здесь нет резких линий, а мелочи, очень важные, повседневности. Обдумываю свою работу. Никогда я не тратил нигде так много сил… и отдал силы Наркомпросу, работе центральной, направляющей, работал с инспекторами, методистами, ездил по курсам и строил центральные планы. И у меня, как и у Вас, после оглядки год вышел пустой. Я… пошел на компромисс между жалкой действительностью и тем, что хочется.

Не кажется ли Вам, что наступает реальный перелом, и что его надо было бы давно учуять и подготовиться… Не надо соваться туда, где не можешь быть на месте. И вот теперь что делать в эпоху перелома? Школа… станет качаться влево… Если невмоготу, то и тянуть тоже невозможно. Хотя я все же думаю, что во всем есть печать злейшего недоразумения. В этом мы с Вами не сходимся»[989].

Но многие регионы вообще не получили проект программ к началу учебного года даже не из-за разногласий в Наркомпросе и в среде педагогов-теоретиков. Северокавказский краевой методсовет получил проект только в середине сентября, когда занятия в школе уже начались. К тому же местные учебники, созданные по программе 1927 г., не совпадали с новой редакцией программы, особенно для четвертого года обучения, что создавало трудности в работе рядового учителя. Северокавказскому крайоно пришлось перестраивать учебный процесс. В специальном постановлении крайметодсовета указывалось: «Считать необходимым переход 1–3-й групп всех школ и групп I ступени края на работу по проекту, особенно в части проработки ревпраздников и вопросов классовой борьбы и коллективизации, а также антирелигиозной работы. Проект программы четвертого года обучения должен быть использован учительством в качестве руководства для четкого проведения классовой линии в учебно-воспитательной работе»[990].

Наркомпросы союзных и автономных республик за редким исключением не успели завершить к новому учебному году работу по редактированию своих программ. В Белорусской ССР к началу нового 1929/30 учебного года внесли антирелигиозный материал в программы. Но школы республики медленно переходили на новые программы[991]. В Абхазской ССР вообще занимались по переработанным программам 1926/27 гг. В замечаниях 1929 г. к 3-му, переработанному изданию программы 1926 г. для школ I ступени ССР Абхазии утверждалось, что «в комплексных программах заключается достаточно материала для антирелигиозной пропаганды», и, по мнению авторов, «надо только уметь пользоваться им»[992]. И после выхода программ 1929 г., как свидетельствуют документы, в Главсоцвосе продолжали рецензировать национальные программы на основе программ ГУСа 1927 г., например программу для татарских школ I ступени[993].

Однако имеются свидетельства, правда, немногочисленные, о том, что еще до публикации новой редакции программ для школ I ступени некоторые национальные программы на базе 1926/27 гг. начали перерабатывать, усиливая антирелигиозный материал.

Например, весной 1929 г. подверглись подобной переработке программы для туземных школ северной зоны РСФСР[994]. Такая же работа проведена с программами для ингушской сельской школы I ступени. В них антирелигиозный материал усилили, ориентируясь на новые программы[995]. Как видим, это относится к малочисленным народам – северянам-язычникам и ингушам-мусульманам.

В некоторых локальных программах, подготовленных на основе проекта программ 1929 г., достаточно широко представлен антирелигиозный материал, например, в программах школ I ступени Ирбитского окружного отдела народного образования (Урал). В комплексной теме четвертого года обучения «Человек и Земля» примером последних успехов антирелигиозной работы являлось «взятие церквей под дома культуры». Предлагалось рассказать также о дальнейших задачах «безбожной работы» в местных условиях и определить участие в ней школы[996]. По сравнению с наркомпросовским оригиналом он был даже расширен и конкретизирован[997].

Однако повсеместно работу по усилению антирелигиозного материала в школьных программах организовать не удалось. Более того, возник разнобой в структуре и содержании основного нормативного документа школы.

Еще большие трудности поджидали в работе над учебниками. Опытная станция Наркомпроса разработала примерный проспект рабочих книг для 3-го и 4-го годов обучения в сельской школе. Антирелигиозные сюжеты имелись: в разделе «Погода и урожай» – «Как вести среди крестьян работу по борьбе с религиозными предрассудками» и «Ячейка безбожников и ее работа»; в разделе «Борьба трудящихся в царской России и Октябрьская революция» – «Религия на службе помещиков и капиталистов – обследование роли местной церкви»; в разделе «Новый быт в колхозе» – «Как нам провести антирелигиозную кампанию»; в разделе «Общественные организации в колхозе» – «Союз активных безбожников»; в разделе «Быт колхоза и участие детей в оздоровлении быта» – «Религии нет места в колхозе. Какие религиозные предрассудки, обычаи, обряды и суеверия, знахарство, бабки живут еще и как с ними бороться – обследование и общественная работа»; в разделе «Наши почвы, их обработка и удобрение» – «Как школе провести антипасхальную кампанию в деревне»[998].

Подверглась изменениям и организация работы. К рецензированию проспектов учебников и самих учебников начали привлекать, помимо ответственных сотрудников Главсоцвоса, ГУСа, опытных педагогов, и активистов СВБ. В одном из

заключений на проспект рабочих книг для 3-го и 4-го годов обучения сотрудник ЦС СВБ рекомендовал авторам интенсивнее отражать антирелигиозные моменты. Например, в раздел «Первое мая» вставить «Пасха и Первое мая»; дополнить задания на лето пунктом «Борьба с летними религиозными праздниками»; в раздел «Борьба трудящихся в царской России и Октябрьская революция» внести «Роль церкви и сектантов в Октябрьскую революцию и в гражданскую войну» и т. д.[999]

Ситуация осложнялась еще и тем, что многие школьные учебники, выпущенные в 1928–1929 гг., создавались авторами, писавшими еще до революции. Они с трудом адаптировались к новым требованиям, предъявляемым ГУСом и Главсоцвосом к рабочим книгам. Сложно было отказаться от устоявшейся структуры, стилистики, содержательной основы учебника, который с некоторыми дополнениями и изменениями уже неоднократно переиздавался. В Главсоцвосе приняли решение не допускать к переизданию некоторые «старые» учебники, а другие – переработать с учетом новых требований.

Ряд учебников, выпущенных ранее, Главсоцвос в 1929 г. изъял из рекомендательного списка[1000]. В частности, среди них не повезло автору букварей и первых книг для чтения Л.П. Богоявленскому. Возможно, в данном случае сыграла роль фамилия, ассоциировавшаяся с религией. В отношении рабочей книги Л.П. Богоявленского «В полях» для первой группы деревенской школы, например, Комиссия по учебникам 25 октября 1929 г. приняла решение «не включать» ее «в рекомендательный список». В книге, подчеркивалось, «нет… ни одной статьи, которая бы имела прямое отношение к задачам антирелигиозного воспитания»[1001]. Богоявленский не согласился с решением комиссии. Он, ссылаясь на доводы комиссии, что книга не соответствует новым программам 1929 г., указывал, что книга и не могла в принципе им соответствовать. Она допущена к изданию и внесена в рекомендательный список в начале 1929 г. «Само собой понятно, – писал Богоявленский, – что книга, внесенная в рекомендательный список, сданный в печать в мае 1929 г., не могла давать материала, удовлетворяющего новой программе. Такого материала нет ни в одной книге из внесенных в тот же рекомендательный список (см. издания 1929 г. до ноября месяца)»[1002].

Те книги, которые все-таки остались в рекомендательном списке Главсоцвоса, атаковались бдительными рецензентами. Например, о книгах для чтения и работы в первой и во второй группах городской школы «В новой школе», созданных коллективом авторов, в том числе и Л.П. Богоявленским,

рецензент писал следующее: «Для обеих книг характерен описательно-созерцательный подход к природе и деятельности человека. В очень звучных порой стихах, каковы, например, стихи Есенина, Бунина, воспеваются томная грусть «золотой осени», «деревья помертвелые», «такое мертвое молчание», подавляющая тишина и т. п. Моменты, характерные для представителей классов, уходящих со сцены, но несвойственные школьникам нашего динамического времени, когда активность класса победителя у нас напряжена в высшей степени. И это обстоятельство дает тон всей нашей жизни»[1003]. В книгах для первого и второго годов обучения «Ясное утро» О.В. Флерова рецензент выявил следующий парадокс: «С одной стороны, борются с суевериями, а с другой, остается очень скользкий, хотя и весьма авторами учебников почитаемый рассказ про печеных жаворонков»[1004]. В другой рабочей книге для второго года обучения «Мир» (П.О. Афанасьев и др., под редакцией А.П. Пинкевича) рецензенту также не понравились «жаворонки». «Спорен рассказ “Жаворонки улетели” (так или иначе этот образ связан с религией)», – подчеркивалось в рецензии[1005]. «Дает ли она ему [ребенку] должную антирелигиозную установку?» – задавался вопросом рецензент, анализируя книгу для второго года обучения «Мы учимся жить» А.А. Дерновой-Ярмоленко и Е.П. Норкиной. Вместо этого, «по книге, – возмущался он, – действуют и учат добродетельные мамы и послушные дети… Такое морализаторство особенно не должно быть свойственно советской школе»[1006].

Другой рецензент рабочей книги для четвертого года обучения «К новой жизни» требовал большей доходчивости и яркости в подаче материала: «… “Крест” – непонятно, “Духовенство и февральские дни” – трудно, “Во имя Отца” из “Безбожника”, по моему мнению, очень слабая вещь…, “Против Рождества и елки” – очень бледно»[1007]. И. Сперанская в рецензии от 29 февраля 1930 г. на книгу для второго года обучения «К новой жизни», составленную коллективом авторов МОНО, отмечала: «Слабым местом следует считать главу “Мы – безбожники”. Вопрос освещен очень односторонне, только затронут вопрос о елке, а вопрос солнцеворота, сущность Рождества, совершенно не затронут»[1008]. Авторы в объяснительной записке оправдывались, что замеченные недочеты устранены: «в раздел “Мы – безбожники” добавлен новый рассказ и даны дополнительные задания»[1009]. И все же не понятно, как «солнцеворот» связан с праздником Рождества Христова.

В некоторых рабочих книгах рецензенты находили не

антирелигиозный, а религиозный материал. В книге для чтения и работы третьего года обучения в городских и фабрично-заводских школах (Н. Беляков, С. Дзюбинский и другие) рецензент усмотрел статью «Как церковь велела воспитывать детей», содержащую православную молитву на церковнославянском языке[1010].

Но были положительные и даже восторженные отзывы рецензентов, в большинстве на краевые рабочие книги. «В таком виде книга стала лучшей из имеющихся», – восклицал рецензент первой книги после букваря «Маленьким волгарям», созданной саратовскими авторами[1011]. «Антирелигиозный элемент пронизывает книгу как ни одну из ранее изданных», – отмечалось в рецензии на рабочую книгу для четвертого года обучения «За новую жизнь», созданную также саратовскими авторами[1012].

Комиссия Главсоцвоса по нацменкниге требовала, чтобы рецензенты обращали особое внимание на наличие или отсутствие в рукописях учебников учебных пособий вопросов антирелигиозного воспитания[1013]. В свою очередь авторам национальных учебников рецензентами и методическими комиссиями давались указания усилить антирелигиозные моменты. Авторы рабочей книги для 3-го года обучения в татарских городских и фабрично-заводских школах после рекомендации рецензента и постановления методической комиссии дополнили ее антирелигиозными статьями «Ураза-байрам» и «Курбан-Гайд». В статью о непрерывке внесен антирелигиозный аспект[1014]. Автор рабочей книги для второго года обучения на удмуртском языке А.З. Ларионов обвинял рецензента в несправедливой критике, но все же выполнил его рекомендации. «Рецензент, – писал Ларионов в объяснительной записке в комиссию по нацменкниге, – мог бы написать, что вопросы слабо или неумело проработаны, но написать, что они совершенно не проработаны, едва ли можно было, т. к. в первом еще варианте материал был, хотя немного на эту тему. В новом варианте пришлось значительно добавить этого материала»[1015]. Удовлетворенный рецензент в новой рецензии отмечал, что «больше стало материала из действительной, близкой для детей жизни, причем с ударением на антирелигиозное воспитание»[1016]. Рецензент Н.М. Цветков, анализируя стихотворение «Праздник Октября», помещенное в рабочей книге для 3-го года обучения на горном наречии марийского языка «Мары сола» («Марийская деревня»), упрекнул авторов учебника в том, что в нем содержится как бы сожаление, что священник не в рядах празднующих Октябрьскую революцию. По адресу священника «необходимо подобрать фразу, ненавидящую и проклинающую его как врага рабочего и трудящегося

крестьянства», – указывалось в рецензии[1017]. Авторы учли пожелания: в стихотворении «Праздник Октября» к кулаку и священнику «подобрана соответствующая фраза, ненавидящая их и выставляющая их как врагов трудящихся». Изменилось и название учебника. Прежде он назывался «Мары сола» («Марийская деревня»). Теперь он вполне отражал дух новых требований: «У ылымаш» («Новая жизнь»)[1018].

Проблема с организацией выпуска новых учебников заставляла использовать старые учебники, но в переизданных учебниках антирелигиозный материал, как правило, дополнялся. Но иногда рабочая книга выходила стереотипно (без существенных изменений) несколькими изданиями в течение ряда лет. Например, книга для чтения по обществоведению в школе I ступени «Наша стройка» А. Крассова, в которой присутствовали антирелигиозные рассказы, вышла первым изданием в 1929 г. (предисловие написано 28 ноября 1928 г.). Второе, стереотипное издание этого учебника вышло в 1930 г. [1019]

Во втором издании книги для работы и чтения на четвертом году обучения «Ясное утро» О.В. Флерова (М.-Л., 1928) присутствовали антирелигиозные стихотворения «Бог ли послал урожай», «Урожай», «Прошение на имя бога в засуху не помога» и рассказ «Сила человека»[1020]. Но и четвертое, переработанное его издание в 1930 г. дополнено статьями «Крестовый поход» (о «послании» Папы Римского), «Надо бороться с религиозными праздниками», стихотворением «А все-таки она вертится» и лозунгами «Религия – помеха урожаю», «Боритесь с религией! Вступайте в “Союз воинствующих безбожников”»[1021].

«Математика для детей» Д.Л. Волковского на начало 1930 г. являлась единственным учебником для городской школы I ступени, получившим широкое распространение[1022]. В 11-м ее издании в 1930 г. антирелигиозный материал не присутствовал[1023]. Но зато над 12-м изданием, вышедшим в том же году, специально поработали Ю.И. Зволинская и Е.В. Рубанова. После переработки ими учебника Д.Л. Волковского в нем появились комплексные темы «Новое и старое в деревне» и «Жизнь и труд в городе зимой» согласно проекту программ 1929 г. В этих комплексных темах появились семь задач на антирелигиозные сюжеты. Например, такого рода: «В престольный праздник в крестьянской семье пропили 30 руб., да посуды побили на 7 руб. Сколько денег истратили зря, не считая рабочего времени?»; «После дней Рождества подсчитайте, сколько ребят из группы еще ходило в церковь и сколько не ходило? Составьте об этом диаграмму»; «Из группы в 48 человек шестая

часть участвует в кружке безбожников. Сколько в группе безбожников?» и т. д.[1024]. Благодаря такой редакторской работе безрелигиозный учебник Д.Л. Волковского приобрел антирелигиозный характер.

Для составителей букварей возникал вопрос, как подать антирелигиозный материал для самых маленьких школьников. Л.П. Богоявленский на последней странице составленного им букваря «Школа и город» поместил заметку «О елке», в которой цитировалось письмо детей из «одного детского сада» в журнал «Искорка»: «Мы не хотим, чтобы рубили маленькие елки. Они маленькие, а ведь большой лес вырастет из них. Мы сказали родителям: “Не надо нам елок. Мы – друзья леса”. А весной нам не надо пасок и куличей и яиц крашенных. Мы устроим свой весенний праздник. Наш праздник назовем “День леса”…». Заметка заканчивалась вопросом: «Не сделаете ли вы как эти дети?»[1025]. В рассказе «Елка», помещенном в букваре для сельской школы «Грамота», обыгрывался следующий сюжет: мальчик Миша видит в лесу сына кулака Семку, рубящего елку к Рождеству на продажу (как думает Миша), и сообщает об этом в сельсовет[1026].

Локальные учебники 1929 г. могли быть насыщены антирелигиозным материалом значительно больше, чем республиканские. Подготовленному к выпуску в мае 1929 г. второму изданию рабочей книги по естествознанию 5-го года обучения для школ Северокавказского края авторы (А.П. Балаш, В.Я. Загорская, С.А. Казинцева и др.) придали антирелигиозную направленность. Она, прежде всего, увязывалась с сельскохозяйственными темами: молебнами о дожде, борьбой с саранчой и т. п.[1027]. Автор краеведческого пособия «Наш город» для 3-го года обучения для городских школ I ступени Тулы и Тульского округа Т.Н. Нечаев использовал в целях антирелигиозной пропаганды материал из местной жизни: стихотворение М. Смирнова «Чудо колокольное» о явлении в Казанском соборе города Тулы иконы, заметку «Школьный поход на бога» об участии в антипасхальной кампании 1929 г. школьников города Тулы[1028].

Еще сложнее обстояло дело с учебниками для повышенной школы (5–9 группы) при формировании их содержания. Требовались новые учебники, содержащие адекватный программам материал. Подкомиссия по математике, физике и химии Комиссии по учебникам (входила в Комиссию по книге) Главсоцвоса в июне 1929 г., обсудила три доклада (соответственно по математике, физике, химии) на тему «Какой должна быть рабочая книга». Сформулированы основные

требования к учебникам, среди них был и «антирелигиозный уклон»[1029]. Комиссия по книге Главсоцвоса утвердила требования и постановила дополнить содержательную часть выпускаемых рабочих книг. Так тогда назывались учебники. В разосланном рецензентам письме от 28 ноября 1929 г. Комиссия по учебникам рекомендовала: «при анализе и оценке рецензируемых рукописей (учебников и учебных пособий) необходимо обращать внимание на наличие в них материала… по антирелигиозному воспитанию»[1030].

Авторам рабочей книги по естествознанию для школ Северокавказского края (А.П. Балаш, С.А. Казинцева и др.; 6-й год обучения) пришлось изрядно поработать по внесению в учебник антирелигиозного материала, прежде чем Комиссия по книге Главсоцвоса и Северокавказский крайметодсовет допустили его к изданию. После первой критической рецензии сотрудника крайметодсовета авторы расширили материал: написали о выведении человеком пород домашних кур из дикой курицы, как оговаривалось в их заявлении, «без всякого вмешательства бога». Затронут вопрос о святых – покровителях домашнего скота; рассказано о выведении человеком некоторых животных «без участия бога»; упомянуты молебны о дожде[1031].

Но и после переработки рукопись не удовлетворила рецензента. «Необходимо всему содержанию рукописи дать антирелигиозную направленность, – указывал он, – с раскрытием классовой сущности религии»[1032]. 1 июля 1929 г. Комиссия по книге Северокавказского крайметодсовета постановила: «Допустить к изданию при условии тщательного отредактирования рукописи, усиления антирелигиозного материала и органической увязки его с остальным материалом книги. Направить рукопись на заключение в Комиссию по книге Главсоцвоса»[1033].

В Комиссии по книге Главсоцвоса рецензирующий книгу естествовед А.А. Яхонтов присоединился к заключению крайметодсовета. Он считал, что авторы учебника занимаются не антирелигиозной пропагандой, а «самым робким деизмом». Ничего не говорится о том, что не Бог создал человека и животных, а только указывается на выведенные человеком породы из уже существующих диких пород животных[1034]. Авторы в заявлении в Комиссию по книге Главсоцвоса 7 февраля 1930 г. оправдывались: «Вопрос насыщения программного материала антирелигиозным является новым и еще недостаточно освещен в литературе». Их работа, отмечали они, «является первой попыткой в этом направлении. Даже в рабочей книге московских авторов для 6-го года обучения этот вопрос совершенно не

затронут»[1035].

Рабочая книга, допущенная Комиссией по книге Главсоцвоса и крайметодсоветом Северокавказского края для школ II ступени, вышла в 1930 г. В предисловии авторы оговаривали: «Характер материала 6-го года обучения… дает возможность сделать лишь некоторые антирелигиозные выводы по частным вопросам и накоплять фактический материал для более широких эволюционных обобщений и антирелигиозных выводов в дальнейшем (на 7-м, 8-м и 9-м годах обучения). Поэтому антирелигиозный материал дан там, где он непосредственно связан с прорабатываемым биологическим материалом и логически из него вытекает (происхождение пород домашних кур, овец, рогатого скота и прочее)»[1036]. Как видим, несмотря на то, что авторам пришлось пройти жесткое давление всех инстанций, вплоть до высших, они не вышли за рамки содержания учебного курса.

Рабочие книги даже с включенным антирелигиозным материалом получали нарекания рецензентов по совершенно разным основаниям. Рецензента С. Ситникову возмутило, что автор «Географии СССР» Г.И. Иванов смягчил антирелигиозные сюжеты, в частности о молебнах крестьян во время засухи. «Цитата бледна, – отмечала рецензент, – не заостряется на религии как “дурмане”…»[1037].

Иногда рецензенты старались «спасти» «безрелигиозные» учебники, представив их «антирелигиозными». К.П. Ягодовский в рецензии на рабочую книгу по естествознанию для 7-го года обучения (авторы М.М. Беляев, И.И. Лакида, В.В. Левченко под редакцией Б.В. Всесвятского и Б.В. Игнатьева. М., 1929) выражал мнение, что «все главы, посвященные проработке “человека”», а также раздел «Основы эволюционного учения», «неизбежно подводят учащихся к подлинному материалистическому пониманию…». «Авторы без искусственного “подтягивания” и без громких фраз, – утверждал Ягодовский, – ставят учащегося в такое положение, что он, выполняя то или иное задание, самостоятельно и неизбежно делает вывод, разрушающий или уничтожающий всякую возможность идеалистического или религиозного толкования явления»[1038].

Непросто было включить антирелигиозный материал в уже с большим трудом выстроенные и продуманные темы. «Пятилетки, знакомства с военной обороной, антирелигиозного уклона, мы ничего не находим. Вероятно, потому, что книга писалась до разработки пятилетки и до введения в школу остальных перечисленных принципов», – отмечалось в рецензии на рабочую книгу по физике для 5-х, 6-х, 7-х годов обучения Ф.Н. Красикова и

М.Ю. Пиотровского[1039]. «Антирелигиозный, диалектико-материалистический и производственный принципы школьного естествознания ни в какой мере не являются руководящими принципами школьного естествознания рассматриваемой книги», – писал Ф.Ф. Дучинский о рабочей книге для 9-го года обучения «Эволюционное учение» В.Ф. Натали. «Автор, – заключал рецензент, – продолжает оставаться на арелигиозной точке зрения»[1040]. «Элементы антирелигиозности в книге отсутствуют – она «безрелигиозна», – заключал рецензент Д.А. Кашинцев о рабочей книге для 7-го года обучения «География» Л.Д. Синицкого[1041].

Отсутствие в учебниках по географии антирелигиозного материала отмечалось на заседаниях подкомиссии по географии Комиссии учебников 31 октября и 21 ноября 1929 г.[1042] «Авторы имеют в виду задачу образовательную и оставляют совсем в тени воспитательные задачи», – говорилось в отзыве на рукопись рабочей книги по истории А.А. Введенского и А.В. Предтеченского[1043]. Последнее замечание можно отнести к большей части школьных учебников до 1929 г.

Проект программ начальной школы 1929 г. являлся первым опытом создания школьной программы, призванной служить антирелигиозному воспитанию учащихся за годы советской власти. По сравнению с программами 1927 г., говорившими только о «вреде» религиозных обрядов для здоровья, программы 1929 г. явно были ориентированы на воспитание в детях и подростках чувства классовой вражды по отношению к религии и Церкви.

Сложнее дело обстояло с содержанием учебного материала в учебниках. С одной стороны, невозможно было переделать «старые» учебники, да еще переделать их качественно. С другой стороны, невозможно было сразу найти новых профессиональных авторов для того, чтобы они написали новые учебники, отвечающие взятой политической линии. Требовалось время и новый подход к школьному учебнику, совершенно иной взгляд на него, не только как на обучающую книгу, но, прежде всего, на книгу, воспитывающую «нового человека», который будет способен построить коммунизм и будет непримиримым борцом с «классовыми врагами», в том числе с Церковью.

Изменение содержания учебных программ и учебников в 1930–1932 гг.

В 1930 г. понимаемые как более актуальные проблемы индустриализации промышленности, коллективизации сельского хозяйства, реализация школьной реформы в целом отодвинули задачи антирелигиозного воспитания в школе на второй план. Это отразилось и на работе над школьными программами и учебниками.

В июле 1930 г. Учебно-методический сектор (УМС) Наркомпроса подготовил к изданию новые школьные программы в окончательной редакции. Отличительной особенностью этого периода стало то, что программы вышли не как «проект редакционных изменений программ 1927 г.», а как совершенно новые программы, сохранившие, однако, комплексность в расположении учебного материала. Программы издавались отдельными сборниками для начальной школы (городской и сельский варианты), для фабрично-заводской семилетки (ФЗС), для школ колхозной (крестьянской) молодежи[1044] (ШКМ, в которой первый год обучения соответствовал пятому году обучения в городской семилетке).

Программы начальной школы составлялись группой по начальному образованию УМС Наркомпроса под руководством известного педагога С.Т. Шацкого[1045]. Программы ФЗС (для 5–7 группы) готовились под руководством М.М. Пистрака и Р.Б. Харитоновой[1046] (программы по обществоведению создавались при участии А.И. Стражева, по литературе – И.И. Векслера, по математике – Е.С. Березанской, по физике – А.В. Перышкина и Е.Н. Горячкина, по химии – Д.Н. Кирюшкина), программы ШКМ – под руководством П. Руднева[1047].

Другой отличительной особенностью стало то, что, как показывает анализ документов, антирелигиозный материал в программах начальной школы 1930 г. по сравнению с проектом программ 1929 г., с одной стороны, несколько сокращен. Вместе с тем, с другой стороны, этот материал перенесен из хозяйственно-бытовых тем («Охрана здоровья», «От чего зависит урожай и как его поднять» в программах 1929 г.) в темы социально-политические. В теме «Ленинские дни» первого года обучения предлагалось показать роль Церкви в легитимации самодержавной власти, связать этот вопрос с Первой русской революцией 1905 года, в частности, с событиями 9 января и деятельностью священника Гапона[1048]. В одноименной теме

второго года обучения указывалось, что В.И. Ленин в Бога и священников не верил. Здесь же предлагалось рассказать, что «не все верят в бога по одинаковому [так в документе. – В.Ш.]». «Надо, – отмечалось в заключении к этой теме, – чтобы ребята поняли, что религия выдумана людьми»[1049].

В теме «День Октября» второго года обучения рекомендовалась беседа со школьниками, почему Церковь не празднует Октябрь (не упоминает его на службах) и не молится о революционерах[1050]. Тема «День 8 марта» второго года обучения касалась положения женщин до революции и церковного брака. «В церкви венчали: невесте говорили: “Жена да боится своего мужа”»[1051].

В теме «1 мая – пролетарии всех стран, соединяйтесь» третьего года обучения говорилось «о бешеной кампании заграничных попов и ожесточенном преследовании коммунистов во всех странах»[1052]. Если в теме «Город и деревня» третьего года обучения в городском варианте программ присутствовала антипасхальная кампания[1053], то в той же теме сельского варианта она не значилась[1054]. Антирелигиозные кампании очень скромно представлены в программе 1930 г.

В программах для ФЗС антирелигиозный материал был еще менее заметен, чем в программах для начальной школы. Но по сравнению с программами для повышенной школы 1927 г. в программах ФЗС 1930 г. он выделен как социально значимый и направлен на воспитание у школьников классовой ненависти к религии. Программа по обществоведению включала два раздела: «Современность» и «История классовой борьбы». В разделе «Современность» по трем годам обучения антирелигиозный материал представлен следующим образом. В теме «Борьба за культурную революцию» на пятом году обучения имелся пункт: «Борьба с религией; Союз безбожников, его задачи и работа». В теме «Коллективизация и индустриализация сельского хозяйства» на шестом году обучения – «Борьба с религией, являющейся орудием классовых врагов пролетариата и помехой соцстроительства»[1055]. В разделе «История классовой борьбы» на пятом году обучения предлагалось рассмотреть «развитие религиозных воззрений в первобытном и родовом обществе» и изучить феодальную организацию Русской церкви XIII–XV веков, подчеркнув, как требовалось, ее «угнетательскую роль»[1056].

В программе по литературе антирелигиозный материал сосредоточен в основном на пятом году обучения. Басни Демьяна Бедного («Свеча», «Христос Воскресе»), рассказы А.С. Неверова и А. Яковлева («Смерть Николина камня», или «Конец старой

сказки») призваны были помочь антирелигиозной работе школы: подбор текстов из басен Д. Бедного к антирелигиозным плакатам, пропаганда в семье и т. д.[1057]

Программа по естествознанию пятого года обучения в теме «Весенне-летние сельскохозяйственные работы» объявляла религию помехой «в борьбе с сорняками и вредителями сельскохозяйственных растений»[1058]. Программа для седьмого года обучения задавалась вопросами: «Есть ли у человека душа?» и «Будет ли загробная жизнь?»[1059]. В теме «Питание и труд» предлагалось разъяснить «классовую сущность религиозных постов»[1060]. В теме «Происхождение человека» вопрос о сотворении человека Богом рассматривался в сопоставлении с данными науки. А «столкновение науки с религией по вопросу о происхождении жизни на Земле» разбиралось в теме «Происхождение жизни на Земле»[1061].

В программе по астрономии для пятого класса предлагалось рассказать о преследовании католической церковью теории Коперника[1062]. Программа по математике рекомендовала использовать показатели падения религиозности при объяснении понятия об измерении явлений показателями[1063]. Во введении к программе по музыке отмечалась роль музыки в художественной агитации против религии[1064]. Но, как ни парадоксально, «Курс слушания музыки» включал отрывки из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже»[1065]. В программе английского языка в качестве одного из сюжетов предлагалась «борьба с религиозными предрассудками»[1066].

В программах ФЗС и ШКМ помимо некоторой увязки с курсом обществоведения, естествознания и литературы антирелигиозный аспект оговаривался в объяснительных записках к предметам.

Так, в объяснительной записке по обществоведению особо подчеркивалось, что «задача преподавателя обществоведения состоит не в том, чтобы дать как можно больше “антирелигиозного и интернационального материала” при всяком удобном или неудобном случае, а в том, чтобы дать его в наиболее яркой и убедительной форме, и там, где он будет открывать учащимся новые и новые стороны изучаемых явлений»[1067]. В объяснительной записке по астрономии антирелигиозные моменты разъяснялись применительно к программным темам. Тема «Небо и Земля» увязывалась со следующими сюжетами: история учения о вращении Земли, гонения на Коперниковскую систему, «произвольность и неопределенность христианской начальной эры», чудо Иисуса Навина. Тема «Солнце и планеты» увязывалась с историей создания научных гипотез о происхождении мира и

религиозными преданиями о том же. Тема «Мир звезд» увязывалась с сопоставлением религиозного и научного представлений о Вселенной[1068].

Объяснительная записка по химии разъясняла отсутствие непосредственно в программе антирелигиозного материала. «В программе не указаны отделы или темы, с которыми должно быть связано антирелигиозное воспитание, – отмечалось в записке. – Сделано это не потому, что этим вопросам нельзя найти места в химии. Наоборот, трудно найти место, где бы нельзя было противопоставить химию религии… Не следует только чрезмерно вульгаризировать эту работу, увлекаться фокусами – “чудесами”. Не следует в борьбе с религией сходить с научных позиций. В противном случае эта работа может лишь дать обратный эффект…»[1069].

Программы ШКМ 1930 г. помимо традиционных комплексных тем содержали темы-проекты. Метод проектов – это система обучения, при которой предполагалось приобретение учащимися знаний в процессе планирования и выполнения постоянно усложняющихся практических заданий-проектов[1070]. Руководителям Наркомпроса казалось, что этот метод сможет обеспечить развитие творческой инициативы и самостоятельности учащихся, способствовать осуществлению непосредственной связи между приобретением учащимися знаний и применением их при решении практических задач. При этом мыслилось, что в советских условиях содержанием этих практических задач будут общественно-полезные дела, привлечение учащихся к строительству социализма. На деле этот метод превратился в способ «подгона теории к общественно-полезным делам»[1071]. Тем самым, как нововведения, темы-проекты казалось, позволят интенсивнее использовать антирелигиозный материал. На практике он вел к ликвидации традиционных учебных предметов, к снижению уровня образовательной подготовки.

Не удивительно, что темы-проекты больше походили на лозунги агитпропа. Другое дело, что даже в программах естествознания и обществоведения антирелигиозный материал был представлен недостаточно широко. В теме-проекте «Сохраним и улучшим свое здоровье» программы по естествознанию для первого года обучения рекомендовалось разъяснить «вред постов и религиозных обрядов»[1072]. Противопоставить научные и религиозные представления о происхождении животных и растений предлагалось в теме «Основы эволюционного учения»[1073]. «Заключение» по курсу естествознания не обходило вниманием социальную роль

религии и Церкви и призывало быть воинствующими безбожниками[1074].

К борьбе за антирелигиозное воспитание подключался большой художественный материал. Он концентрировался в программе по литературе. Классовую роль религии призваны были раскрыть произведения Д. Бедного («Свеча», «Христос Воскресе», «Убедил»), «В народной гуще» С.П. Подъячева, «Мужики» А.П. Чехова, «Рассказ о кандалах» Н.Н. Ляшко из его еще не изданной повести «Сладкая каторга» (1934 г.). Значение религии в деревенском быту показывали рассказ А. Зорича «Во тьме» и поэма Н.А. Некрасова «Мороз Красный нос». «Прощеное воскресенье» С.П. Подъячева и «Клятва Зайнет» Д. Бедного давали образы людей, порывающих с религией[1075].

Локальные программы 1930 г., особенно для начальной школы, антирелигиозные требования наркомпросовских программ дополняли местными особенностями. Например, в программах начальной школы Северной Осетии упоминались языческие верования осетин в «дзуаров» – покровительствующих или карающих духов[1076].

Если в программы 1930 г. в разной степени, в зависимости от учебного предмета, антирелигиозный материал внесли, то учебники в этом отношении требовали длительной и детальной переработки.

В рекомендательном списке учебников на 1930/31 гг., опубликованном 22 ноября 1929 г. в «Еженедельнике Наркомпроса», все еще содержались учебники, не отвечающие задачам «великого перелома». В ноябре 1929 г. Наркомпрос РСФСР еще допускал печатание учебников для первых трех годов обучения с матриц. Но в связи со сменой руководства Наркомпроса РСФСР (замены А.В. Луначарского А.С. Бубновым, пришедшим из ЦК ВКП(б)) уже в январе 1930 г. ставилась задача частичного обновления учебников материалом, «вытекающим из требований современной обстановки»[1077]. Изменилась позиция и Главсоцвоса. В его тезисах (январь 1930 г.) отмечалось, что учебники не удовлетворяют школу материалом по актуальнейшим вопросам современности. Среди прочих называлось антирелигиозное воспитание[1078].

30 января 1930 г. «Учительская газета» опубликовала письмо Главсоцвоса и Государственного издательства (ГИЗ), в котором объявлялся отказ от стабилизации учебников в «условиях бурного социалистического строительства». Учебники должны отвечать требованиям времени и содействовать в том числе антирелигиозному воспитанию[1079].

На смену позиции Наркомпроса отреагировал и ЦКпрос.

Постановление президиума ЦКпроса 3 марта 1930 г. назвало публикацию Главсоцвосом рекомендательного списка учебников на три года «грубейшей политической ошибкой». Предлагалось признать решение о стандартизации учебников 1928/29 г. на три года неправильным, пересмотреть рекомендательный список учебников, выделить ударные бригады просвещенцев для просмотра и отбора их к 1930/31 учебному году[1080].

Коллегия Наркомпроса РСФСР в постановлении «Об учебниках» от 28 марта 1930 г., подчеркнув несправедливые нападки ЦКпроса на Главсоцвос, тем не менее, отказалась от стабилизации учебников. В постановлении констатировалось, что учебники недостаточно способствуют антирелигиозному воспитанию; предлагалось приступить к созданию новых учебников[1081].

В связи с тем, что сразу переработать все учебники не представлялось возможным, Наркомпросом запланировано издание журнала-учебника для 3-й и 4-й групп школ I ступени. Журнал предполагали выпускать ежемесячно, с тем чтобы он помогал школьнику ориентироваться в вопросах современности[1082].

В марте 1930 г. вышел первый номер журнала-учебника «Юные ударники». Второй номер посвящался двум основным темам: Первому мая и антипасхальной пропаганде[1083]. Журнал-учебник «был похож на бюллетени, испещренные цифрами. Ни одного хорошо написанного очерка, ни одной научно-популярной статьи»[1084]. Издание этого проекта спустя некоторое время прекратилось.

II Всероссийская конференция по учебной книге, прошедшая в мае 1930 г., поддержала решения коллегии Наркомпроса, Главсоцвоса, ЦКпроса о переработке учебников. Выступая на конференции, Н.К. Крупская предложила увязывать антирелигиозный материал со всеми мировоззренческими установками учебника, формирующими материалистическое миропонимание[1085]. В резолюции по докладам Н.К. Крупской и Р.И. Млиника (Комиссия по книге Главсоцвоса) говорилось, что «учебник из просто учебной книги должен превратиться в боевое оружие коммунистического воспитания»[1086]. «В учебнике должны получить отражение вопросы борьбы… со всякого рода поповщиной…»[1087].

О необходимости бороться с «”приспособленчеством”, с искусственным притягиванием антирелигиозного… воспитательного материала, вместо серьезной и продуманной группировки всего материала в учебной литературе в воспитательных целях», говорилось в резолюции по докладам о

рабочих книгах и учебных пособиях для школ повышенного типа[1088]. В резолюции конференции «О характере и анализе учебников для нацмен» отмечалось, что в национальных учебниках «рядом с антирелигиозными статьями, взятыми из природоведческих и обществоведческих книг, помещаются стихи, пословицы, сюжет и символика которых заимствованы из сферы культа, обрядов и т. д.»[1089].

Этот вопрос рассматривался и на секциях конференции. В секции по I ступени прорабатывались, в частности, требования к букварю. Среди них названо и антирелигиозное воспитание[1090]. В секции повышенной школы также заявлено о добавлении в новые учебники по обществоведению антирелигиозного материала[1091]. Отмечалось отсутствие в учебниках по географии антирелигиозного материала: «Ни в одном учебнике, который мы имеем по этому предмету, эта проблема не разрешена»[1092].

После постановлений ЦКпроса, Наркомпроса и решений Всероссийской конференции по учебной книге в Главсоцвосе ужесточили требования к выпускаемым рабочим книгам. В рецензии от 28 мая 1930 г. на первую книгу после букваря «Юным уральцам» под редакцией Я.А. Истомина отмечалось, что в учебнике отсутствует материал по антирелигиозному воспитанию (дается только одна статья «Червяки»), «нет материала для антирождественской и антипасхальной пропаганды». Рабочей книге вынесен вердикт: «Если год тому назад ее можно было допустить до печати, произведя лишь некоторые исправления, то в этом можно лишь сказать определенно – она несовременна, она устарела»[1093].

Даже учебники, насыщенные антирелигиозным материалом, получали разную оценку рецензентов. В рецензии И. Шарова от 9 мая 1930 г. на рабочую книгу второго года обучения в сельских школах «Малым ребятам» (А. Гарского, А. Прохоровой, В. Смолина) отмечалось, что антирелигиозное воспитание проводится «на протяжении всей книги, а не кампанейски»[1094]. Однако другой рецензент, Б.П. Есипов, 26 мая 1930 г. указал, что «не годится такая постановка вопросов: “Что за праздник Рождества?”, “Что делает в праздник Рождества молодежь?”». Б.П. Есипов рекомендовал дать и лучшее объяснение происхождения Пасхи[1095]. Действительно, в этом учебнике присутствовал текст «Как проводит праздник верующая молодежь?»: «Молодежь водку пьет, молодежь в карты играет, молодежь дерется, молодежь хулиганит, бранится, молодежь озорничает». В рассказе «Откуда пошли куличи, пасхи и крашеные яйца» давалось следующее объяснение: «Когда наступала весна с теплом и светом, человек радовался и устраивал праздник в честь весны»[1096]. Какое

отношение все это имеет к христианской Пасхе, авторы так и не смогли объяснить.

Для того чтобы оценить качество и особенности антирелигиозного материала, предлагаемого школьникам, проанализируем его содержание в учебниках. В первой книге для чтения после букваря для городских школ «Гудки» М. Баршевой и И. Бобыниной давались: заметка «Кому нужны праздники», рассказ «Церковь пригодилась», школьная викторина предлагала ответить на вопрос: «Кому нужен праздник Рождества?». В учебнике также помещены лозунги вроде: «Дети! Ни одного прогула в эти дни! Не поддерживайте поповских сказок о боге!»[1097]. Рабочая книга для второго года обучения в городской и фабрично-заводской школе I ступени «К новой жизни» А.Н. Барсукова, М.А Шлепина, Р.И. Млиника содержала рассказы и заметки «Престольный праздник (старое и новое)», «Леший», «Жизнь елки», «Не дадим рубить зря елки», «Новый праздник», «Рождественское чудо», «Поповские доходы (рассказ деревенского пионера)». Последние пять рассказов давались в разделе «Мы – безбожники». Предлагалось также составить рассказ по картинкам «Как погубили Маню» и ответить на вопрос: «Какой вред приносит целование икон и крестов, причащение, посты и другие религиозные обряды?». В заключение раздела «Мы – безбожники» помещена рекомендация организовать в группе уголок безбожника[1098]. В четвертой книге для чтения и работы в городской школе «Игра и труд» К.Н. Соколова содержались рассказы и заметки «Новый крестовый поход», «Небо на земле», «О Пасхе», «Вместо Пасхи». В учебнике также помещен наказ ЦС СВБ пионерам и содержался призыв: «Организуйте группы юных безбожников и развертывайте уголки безбожников всегда и везде»[1099].

Рабочая книга по математике для первого года обучения в городской школе «Число и труд» И.Н. Кавун и Н.С. Поповой давала антирелигиозные задачи в подтеме «Старый быт» (две задачи). Например: «На приготовление пасхального стола мать потратила 4 дня. За день она может сшить 4 рубашки. Сколько рубашек она могла бы сшить, если бы не делала пасхального стола?»[1100]. В рабочей книге по математике для сельской школы второго года обучения «Жизнь и знание в числах» С.В. Зенченко и В.Л. Эменова антирелигиозные задачи присутствовали в нескольких подтемах («Против кулаков и попов» – две, «Вред религии и польза науки» – две и т. д.). Например: «Подсчитайте, сколько выпито водки в вашей семье в престольный праздник, и сообразите, что бы можно было купить на истраченные деньги?»[1101]. Рабочая книга по математике для сельской школы

третьего года обучения под тем же названием тех же авторов представляла антирелигиозные задачи в подтеме «Труд и быт рабочих» (одна) и в теме «Быт деревни» (две). Например: «За 1928 год было закрыто 542 церкви, молельни, синагоги и т. п. Здания были использованы так: в 95 открыли школы, в 22 – избы-читальни, в 19 – больницы, в 114 – клубы, в 16 – ясли, в 48 – дома крестьянина, культуры и т. п. Остальные здания были заняты под кооперативные учреждения. Сколько церковных зданий было занято под кооперативы?»[1102]. В рабочей книге по математике четвертого года обучения в сельской школе антирелигиозные задачи представлены в теме «Антипасхальная кампания» на сюжет «Происхождение Земли и человека» и в подтеме «Вред религии для сельского хозяйства» темы «За поднятие урожайности»[1103].

В связи с тем, что учебники по иностранным языкам невозможно переделать настолько быстро, как учебники по математике, их приходилось переиздавать практически без изменений. Последнее обстоятельство вызывало раздражение у рецензентов. Например, Е. Медынский опубликовал в центральной профсоюзной газете просвещенцев «За коммунистическое просвещение» отзыв на начальную рабочую книгу по немецкому языку А. Голохвостова и С. Тизенгольт, утвержденную сразу и для I, и для II ступений. Отзыв назывался «Немецкий язык с пасхальными куличами». Собственно, смутил Медынского «громадный рисунок» на странице 38, на котором изображены дети, облепившие витрину кондитерской и с вожделением рассматривающие пасхальные куличи, торты и другие кондитерские изделия[1104].

Локальные учебники для школ I ступени содержали оригинальный, отличный от учебников, издаваемых в Москве, материал. Саратовская книга для чтения и работы В.Л. Гинтера, П.С. Федосеева, А.А. Щипакина на четвертом году обучения «За социалистическую стройку» представляла рассказы и заметки «Ангел – все дело испортил», «Помешали», «Галилей», «Джордано Бруно», «Папа “протестует”» и другие, стихотворение «Прошение на имя бога в засуху не помога», «От пророка мало проку». Также предлагался план проведения антирождественской кампании «Что надо делать»[1105]. Украинская рабочая книга для чтения второго года обучения в городских и сельских школах предлагала рассказы и заметки «Из Колиного дневника» (о том, как на площади жгли иконы), «Снимают колокол». Ко Дню леса в ней предлагалось составить рассказ по картинкам на тему «Верующие вырубают, а безбожники сажают». Давались две картинки – «Троицын день» и «День леса»[1106]. Украинская рабочая книга по

математике для первого и второго годов обучения содержала 19 задач на антирелигиозную тематику – о закрытии церквей, снятии колоколов. Причем задачи располагались в сюжетной логической последовательности. 13 задач помещены в специальном разделе «Антирелигиозная работа». Например: «Ученики нашей и сельской школы собирали в селе подписку за закрытие церкви. Село было разделено на 6 районов, и в каждом районе собрано было по 105 подписей. Сколько всего подписей собрали за закрытие церкви?»[1107]

Таким образом, отсутствие методического письма по антирелигиозному воспитанию в школе I ступени компенсировалось содержанием учебников для начальных классов.

Учебники для II ступени выглядели на фоне учебников для I ступени менее антирелигиозными, что объясняется, прежде всего, наличием в них научно выверенного материала, который не всегда можно увязать с антирелигиозной пропагандой в рамках метода проектов. В рабочей книге по обществоведению для ШКМ первого года обучения выделялся специальный параграф «Борьба с суевериями и предрассудками». В нем разбирались вопросы: «Что порождает религию?», «Религия – дурман народа», «Почему религия нужна эксплуататорам?», «Церковь – злейший враг трудящихся», «Вред суеверий для крестьянского хозяйства», «Вред суеверий для нашего здоровья», «Наука против религии»[1108]. В рабочей книге по обществоведению для 8-го и 9-го годов обучения в теме «Идеология феодальной эпохи» освещался религиозный характер средневековой идеологии. В другом параграфе Церковь определялась как «наиболее широкая организация господствующего класса». Приложение содержало высказывания немецкого гуманиста XVI века У. фон Гуттена о Римской Церкви и отрывок из книги Ф. Меринга «История Германии с конца Средних веков» с характеристикой Римской Церкви[1109].

Рабочая книга по литературе для пятого года обучения В.В. Голубкова, следуя программе 1930 г., давала в первом отделе «Новый и старый быт в литературе» антирелигиозные басни Д. Бедного, рассказ А. Яковлева «Смерть Николина камня», рассказ А.С. Неверова «По-новому». Примечательно, что во втором отделе «Новое и старое в устной поэзии» приводилась русская народная сказка «Морозко», в которой падчерица в лесу «тихонько молитву творит» и говорит Морозу: «Добро пожаловать, Мороз; знать бог тебя принес по мою душу грешную». В задании к сказке «Морозко» учащихся просили выяснить мировоззрение, лежащее в основе сказки и обратить внимание на выражение «знать бог тебя

принес по мою душу грешную». Задавались наводящие вопросы: «Когда и в какой среде такое мировоззрение господствовало?», «Так ли думаем мы в настоящее время? Что бы стала делать теперь девушка, если бы ее семейная жизнь была похожа на жизнь падчерицы?»[1110].

В рабочей книге для седьмого года обучения «Родной язык» П.О. Афанасьева, Н.Л. Бродского, Н.П. Сидорова приводилось стихотворение А. Жарова 1930 г. «Преображение», где «церковный звон стихает» и уступает место другому – индустриальному преображению. Учебник содержал отрывок из письма В.Г. Белинского Н.В. Гоголю 1847 г. В письме Белинский критиковал Гоголя за мистицизм[1111]. Рабочая книга по литературе для 8-го и 9-го годов обучения В.А. Мамонова, Г.Ю. Феддерса, В.П. Цветаева помещала статью Е.М. Ярославского «Л.Н. Толстой и большевики». «Против такой философии, против такой проповеди мы, большевики, вели и будем вести неустанную борьбу, – писал в ней Ярославский об идеях Л.Н. Толстого. – Ибо такая философия ничем не отличается от самой откровенной поповщины»[1112]. При разборе романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» учащимся предлагалось ответить на следующие вопросы: «Как мы должны отнестись к проповеди Достоевского о необходимости принять до конца религию с ее верой в бессмертие души, как единственное спасение для нравственно погибающей личности? В чем заключается реакционная сущность этого учения? Чему в действительности служит религия, и какие цели преследуются поповщиной всех стран и народов? Как борются советская власть и общественность с религиозными предрассудками и дурманом?»[1113]. В задании к пьесе М. Горького «На дне» спрашивалось: «Почему люди, подобные Луке, были особенно вредны в период широко развертывавшейся в России классовой борьбы перед революцией 1905 г.?»[1114]. А к поэме А.А. Блока «Двенадцать» задавались следующие вопросы: «Чем объясняются индивидуализм, религиозность и мистика в творчестве Блока? Проследите эти элементы в поэме. Почему мы должны отвергнуть такое мировоззрение?»[1115]. Помимо антирелигиозных частушек Д. Бедного[1116] в учебнике как контраст давалось стихотворение С.А. Есенина «Гой ты, Русь моя родная». Учащимся предлагалось проанализировать творчество Есенина следующим образом: «Выявите элементы религиозного мировоззрения в лирике Есенина. В чем заключается вредное воздействие этой религиозности на общественно-политический кругозор поэта? В каком стихотворении и в чем именно проявились результаты религиозного и антиобщественного миросозерцания поэта?»

Предлагалось изучить также стихотворения «Я последний поэт деревни», «Письмо к матери», «Русь уходящая»[1117].

В рабочей книге по естествознанию для ШКМ второго года обучения (равнялся шестому году обучения в городской школе-семилетке) Е.А. Валерьяновой и других в главе «Осенние явления в природе» говорилось, что «во всех этих явлениях нет ничего чудесного, что для объяснения их не нужно никакой “божьей премудрости”», так как «все объясняется точными законами природы»[1118]. Во введении к отделу «Биологические особенности сельскохозяйственных растений и круговорот веществ в природе» утверждалось, что «неустойчивость мелких крестьянских хозяйств, неопределенность урожая, зависимость его от природы часто толкают крестьянина на путь искания помощи от религии и разных суеверий». Здесь же делался вывод, что «религия и связанные с ней предрассудки до сих пор являются одним из серьезнейших тормозов для правильного построения хозяйства»[1119]. В рабочей книге по естествознанию для третьего года обучения в ШКМ (равнялся седьмому году обучения в городской школе-семилетке) В.В. Левченко, Ф.Ф. Дучинского и других среди условий, ухудшающих питание населения, называлось религиозное влияние[1120]. В разделе «Эволюционное учение» и в заключении религиозные взгляды на мир противопоставлялись научным. «Правда, в кембрийских слоях мы не нашли остатков самых древних, первых организмов на Земле, – отмечали авторы учебника, – но это не дает нам права предполагать, что первоначальный органический мир был создан»[1121].

Учебники по физике крайне скудно представляли антирелигиозный материал. Например, в рабочей книге по физике для 5-го, 6-го, 7-го годов обучения Ф.Н. Красикова и М.Ю. Пиотровского, помимо рассказа о Галилее и Копернике[1122], в теме «Электричество» развенчивалось сверхъестественное происхождение грозы. «Великим успехом науки, – утверждалось в учебнике, – было разоблачение грозы»[1123]. Г.И. Фалеев в рабочей книге по физике для пятого года обучения, констатировав в главе «Первое знакомство в тепловыми явлениями и их применением в технике», что огонь со временем «перестал быть для человека чем-то сверхъестественным, знамением небесных сил», утверждал, что «вера в таинственные силы возникает только тогда, когда человек не знает причины явления и не умеет управлять данным явлением»[1124]. О явлении грозы, возбуждавшей «прежде представление о таинственных небесных силах», писал А. Цингер в рабочей книге по физике для шестого года обучения[1125]. В некоторых учебниках по физике

антирелигиозного материала вовсе не было. «В книге нет специфического заострения по вопросам антирелигиозного воспитания, – говорилось в рецензии на рабочую книгу по физике для городских школ пятого года обучения Е.Н. Горячкина (М., 1930), – но по этим вопросам едва ли что может дать курс физики пятых групп»[1126].

Вместе с тем в удобное средство антирелигиозной пропаганды ряд авторов сумел превратить учебники по математике для повышенной школы. Антирелигиозный материал представлен в задачах и упражнениях. В сборнике задач и упражнений по математике для пятого года обучения в городской школе И.Ф. Слудского присутствовало несколько задач и упражнений на антирелигиозную тематику. Например: «Из призванных в Красную армию было верующих 50 %, по окончании военной службы верующих осталось 20 %. Составить две круговые диаграммы»[1127]. Сборник задач и упражнений по математике для шестого года обучения того же автора содержал главу «Задачи по темам», среди которых выделялась отдельная тема «Борьба с религией». Антирелигиозные задачи давались и в других главах сборника[1128]. Однако, по мнению рецензента, некоторые задачи сформулированы плохо и неверно отнесены к теме «Борьба с религией»: «Нельзя же потому, что граждане пьянствуют в пасхальные дни, называть раздел “Борьба с религией”», – замечал рецензент и продолжал критику: «Авторы, видимо, предполагали доказать, что в религиозные праздники число обращений в больницу им. Склифосовского больше, чем в революционные праздники. Этого они почти не доказали. Да и главного не сказали, что в революционные празднества обращения в больницы меньше всего или совсем не бывает по причине пьянства»[1129].

Вместе с тем, констатировалось, что, во-первых, программы Наркомпроса 1930 г. минимизировали антирелигиозный материал, во-вторых, с новыми учебниками органы народного образования запаздывали. Такое положение вызывало критику просвещенцев и, тем более, воинствующих безбожников. В резолюции собрания Ассоциации естественников при Московском ДРП на тему «Программа ФЗС в свете политехнизации школ» указывалось, что антирелигиозный материал дан в программе «в узко ограниченном толковании, а в большинстве случаев совершенно отсутствует»[1130]. Критике подверглись программы для школ ФЗС по физике и химии за отсутствие в них антирелигиозных моментов. Это дало повод критикам заподозрить Наркомпрос в стремлении возвратиться к старой теории безрелигиозного воспитания[1131].

М. Шеин в статье «Отступление на фронте Наркомпроса» обвинял наркомат в том, что «делается это, конечно, без шума, без всяких деклараций, а самым тихим образом – изгоняется антирелигиозный материал из школьных программ, учебников… Новые программы (1930 г.) Наркомпроса для начальной школы составлены таким образом, что сводят на нет все завоеванное в области антирелигиозного воспитания»[1132]. Ошибкой считали «выключение» из программы по литературе поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри», которую можно было использовать для антирелигиозной пропаганды[1133].

Продолжались обвинения в адрес Наркомпроса. Выступая на II Всесоюзном пленуме ЦС СВБ 22 марта 1930 г., В.Н. Шульгин, казалось, был удовлетворен тем, что весной в программы внесли антирелигиозный материал, хотя и отметил, что программы требуют, конечно, «еще большего внедрения в них антирелигиозных моментов»[1134].

Сплоченным фронтом выступили представители профсоюза и СВБ. Представитель ЦКпроса О.А. Волжина раскритиковала В.Н. Шульгина: «В ваших программах I и II ступени по всем предметам недостаточно отражены» политические установки, «в учебниках нет никакого отражения вопросов антирелигиозного воспитания, в особенности в таких учебниках, как обществоведение»[1135].

В резолюции пленума СВБ по докладу В.Н. Шульгина Наркомпросу предъявлялись следующие претензии: недостаточная пропитка программ антирелигиозным материалом, задержка инструктивно-методического письма по школе I ступени, отсутствие антирелигиозного материала в учебниках[1136]. Н.К. Амосов обвинил Наркомпрос в откровенном оппортунизме: «Пленум должен со всей отчетливостью сказать, что это не что иное, как самое яркое проявление оппортунизма на практике»[1137].

Атеистическая печать регулярно критиковала Наркомпрос за неповоротливость в организации издания учебников. И.А. Флеров в статье «Пройдемся по фронту Наркомпроса» возмущался тем, что «учебники переиздаются, перерабатываются, но антирелигиозного материала и в переработанных все еще нет»[1138].

Участники Первой конференции педагогов-безбожников, проходившей 15–21 августа 1930 г., также высказали ряд критических замечаний в адрес Наркомпроса: «…Нет пособий, нет книг, нет учебников. Новые программы Наркомпроса для начальной школы выбросили весь антирелигиозный материал»[1139]. В резолюции конференция вновь возвращалась к так и не вышедшему методическому письму для I ступени. Не

принималось во внимание то, что Наркомпрос выпустил новые программы для этой школы. Их содержание не удовлетворяло участников конференции: «Считая недопустимым снижение антирелигиозных моментов в новых программах 1930 г., предложить Наркомпросу в качестве корректива озаботиться скорейшим выпуском специального методического письма по антирелигиозному воспитанию в начальной школе»[1140].

На заседании рабочего президиума ЦС СВБ 18 июля 1930 г. инструктору школьно-пионерского сектора И.А. Флерову поручили «добиться внесения антирелигиозных элементов во все учебные пособия и программы, с тем чтобы охватить антирелигиозной работой всех занимающихся в школе»[1141].

4 сентября 1930 г. И.А. Флеров представил на заседании рабочего президиума ЦС СВБ докладную записку «Об отношении к Наркомпросу». В записке отмечалось, что программы Наркомпроса 1930 г. сводят на нет то немногое, что имелось в прошлых программах. Это наряду с отсутствием методического письма для начальной школы могло быть истолковано как возврат к позиции безрелигиозного воспитания[1142].

Заслушав сообщение И.А. Флерова, рабочий президиум 4 сентября 1930 г. постановил обследовать учебники с точки зрения насыщения их антирелигиозным материалом[1143]. Но уже спустя месяц Флеров в статье «Укрепить и развить» писал, что «самый вопрос о пропитывании антирелигиозным материалом всей программы начальной школы, ФЗС или ШКМ нас сейчас не интересует, потому что он в основном решен»[1144]. Вероятно, в Наркомпросе РСФСР Флерову дали понять, что в скором времени выйдут новые школьные программы, где антирелигиозные вопросы будут отражены в достаточной степени.

Новые программы, разработанные УМС Наркомпроса, обсуждались в апреле 1931 г. пленумом научно-педагогической секции ГУСа (программы для начальной сельской школы)[1145], после чего они как проект программ обсуждались на учительских конференциях. Многие выступавшие на апрельском пленуме научно-педагогической секции ГУСа предлагали еще раз внимательно просмотреть проект с тем, чтобы более полно и последовательно насытить их антирелигиозным материалом[1146].

Учительская конференция Василеостровского района Ленинграда, изучив проект программ, в частности, высказала замечания, что «антирелигиозные моменты слабо отражены во всей программе и взяты только с точки зрения охраны здоровья, а не классовой»[1147]. Ленинградское объединение обществоведов, проанализировав программу по обществоведению пятого года обучения, например, отмечало, что «подтема “Религия – опиум

народа" нужна, но как подтема она дает только выводы, между тем антирелигиозный материал нужно несколько заострить в самом тексте других тем и углубить тему»[1148]. В резолюции комиссии обществоведов учительской конференции Пролетарского района по проекту программ ФЗС отмечалось: «Неправильно вопросы религии ставить в конце курса – необходимо распределить антирелигиозный материал по всему курсу, учитывая проводимые антирелигиозные кампании»[1149].

Критика со всех сторон возымела действие. Программы в окончательной редакции подготовлены к изданию в конце июля 1931 г. Они были составлены по методу проектов. Как показывает анализ их содержания, программы для начальной школы 1931 г. в наибольшей степени из всех ранее (да и после) выходивших программ были насыщены антирелигиозным материалом. Практически он содержался во всех темах. На первом году обучения он присутствовал в темах: «Первые дни в школе» – обращалось внимание на посещаемость ребятами школы в религиозные праздники; «Борьба за здоровье» – предлагалось поговорить о «вреде религиозных обрядов (прикладывание к иконам, руке, кресту)»; «Дружная работа» – рекомендовалось поговорить о том, как церковные праздники (летние и осенние) «мешали» сельскохозяйственной работе; «Октябрьская революция» – рассказывалось о том, как православные священники, мусульманские муллы, еврейские раввины, католические ксендзы и другие «защищали богатеев и учили рабочих и крестьян подчиняться им»; «Зимние работы и жизнь в колхозе» – предлагалось показать, «как церковь в союзе с кулаками борется против колхозов»; «О народах Советского Союза» – говорилось, что священник, мулла, ксендз – враги всех трудящихся; «Красная Армия» – отмечалось, что священники в Красную Армию не допускаются; «Весна» – указывалось, чтобы работа шла без прогулов во время весенних церковных праздников; «Первое мая» – снова подчеркивалось, что священники «помогают капиталистам держать в кабале трудящихся»; в план летней работы на июль и август входил пункт о необходимости бороться против религиозных праздников[1150].

На втором году обучения: «Начало работы» – предлагалось записать в дневниках и сделать по этим записям сообщение на тему «Как кулаки и попы мешали работе колхоза», «Работать надо вместе для общего дела» – обыгрывался тот же сюжет; «За общественную охрану здоровья трудящихся» – говорилось, что «вместо работы по охране здоровья, вместо науки, медицины – религия предлагает надежду на бога, лечит святой водичкой…»;

«Октябрьская революция» – отмечалось, что священники помогают капиталистам в подготовке войны; «Власть советов. Наш район. Город» – подчеркивалось, что священники молились за царя и богатых и грозили вечными мучениями революционерам; «Красная Армия – защитница рабочих и крестьян» – отмечалось, что многие священники помогали Белой армии; «Восьмое марта» – утверждалось, что «церковь – за превращение женщины не в свободную работницу, а в домашнюю рабыню». В тему «Подготовка к весеннему севу» – входила подтема «На борьбу с кулаком и религией». В ней школьники призывались дать «отпор кулакам и попам, пытающимся помешать проведению большевистского сева и коллективизации», а также предлагалось добиться 100 % посещаемости школы в религиозные праздники и принять участие в проведении антипасхальной кампании. В плане летних работ на июль и август снова значилась борьба с церковными праздниками[1151].

На третьем году обучения в темах: «Из прошлого нашей страны» – отмечалась «эксплуатация крестьян церковью» при крепостном праве; «Лес – наше богатство» – предлагалось подчеркнуть «вред» праздника Троицы для леса; «Борьба за хлеб и технические культуры» – отмечался «вред» религиозных поверий, связанных с протравливанием и сортированием семян; «Первое мая» – предлагалось осветить роль церкви в подготовке нападения на СССР и рассказать о «крестовом походе» Папы Римского против СССР. В план летней работы на июль и август снова входила борьба с религиозными праздниками[1152].

На четвертом году обучения в темах: «Организация осенней работы школы (введение)» – предлагалось вовлечь новых членов в ячейку воинствующих безбожников; «Строим совхозы, МТС, колхозы» – говорилось об антирелигиозной пропаганде в колхозе; «Важнейшие государства капиталистического мира» – противопоставлялась культурная революция в СССР и, как говорилось в программе, «одурманивание рабочих и крестьян религиозными предрассудками и суевериями»; «Земля в мировом пространстве» – противопоставлялись религия и наука; «Как произошли растения и животные» – предлагалось понаблюдать развитие насекомых и прийти к заключению, что все совершается по законам природы и ничего нет таинственного, нет никаких чудес, нет… Бога, Который бы мог нарушить законы природы; «Происхождение человека» – помимо предыдущего сюжета, который повторялся, говорилось о союзе буржуазии и религии и о необходимости его «разоблачения», а также о том, что делают Союз воинствующих безбожников и кружки юных безбожников. Здесь же предлагалось проверить работу школьного кружка юных

безбожников, а по окончании школы вступить в Союз безбожников и привлечь в него колхозников[1153].

Помимо комплексных тем-проектов в программе давался план общественной работы школы. Отдельно выделялась антирелигиозная пропаганда. Учащиеся второй группы обязывались заниматься следующими делами: рисовать антирелигиозные лозунги для избы-читальни, читать дома антирелигиозные статьи, организовать в доме уголок безбожника, вести агитацию против религиозных праздников. Учащиеся третьей и четвертой групп должны собирать факты о классовой роли Церкви, помещая статьи об этом в стенгазете; распространять и читать вслух антирелигиозную литературу; организовывать антирелигиозные вечера; агитировать против прогулов в церковные праздники; вербовать взрослых в ячейку Союза безбожников[1154].

В программе для начальной школы 1931 г. отдельно от комплексных тем давались программы по русскому языку и математике. Программы по математике предусматривали расчеты, показывающие «ущерб» хозяйству от религиозных праздников[1155].

Приспособленные к местным условиям программы не теряли своей активной антирелигиозной составляющей. Программы для городских школ I ступени Северного Кавказа призывали вести антирелигиозную пропаганду, в том числе против мусульманского духовенства. В теме «Первые дни в школе» первого года обучения отмечалось, что «школа есть частица большого коллектива, где не вообще учатся, а учатся дружно, вместе со всеми рабочими, колхозницами, бедняками и середняками строить социализм, вести борьбу с классовым врагом – кулаками и его помощниками – муллами»[1156]. В теме «Поможем взрослым строить социализм» предлагалось объяснить, кто и почему держится за старое (попы, муллы, кулаки), а также указать на «вред» уразы[1157]. В теме «О других народах Советского Союза» утверждалось, что «поп, мулла, ксендз – тоже общие враги всех трудящихся, потому что они за кулаков, за буржуев, против колхозников и рабочих»[1158]. На пятом году обучения (рассчитывалось на пятилетние начальные школы) выделялась специальная тема «Будем юными безбожниками». В ней обобщался естествоведческий курс знаний, еще раз говорилось о «классовой сущности религии»[1159].

Однако проект программы ФЗС 1931 г. контрастировал с содержанием программ для начальной школы 1931 г. и по объему антирелигиозного материала, и по его распределению по темам. В программе обществоведения в разделе «Современность» на

пятом году он присутствовал в теме «Буржуазное государство – орудие угнетения трудящихся масс». В нем предлагалось показать «роль религии в подготовке новых войн». Пятый год обучения заканчивался подтемой «Религия – опиум народа», в ней раскрывалась «классовая роль религий». В теме «Поворот крестьянства в сторону социализма» говорилось о религии как «помощнике классовых врагов». В разделе «История» в теме «Борьба советов с контрреволюцией (гражданская война)» предлагалось рассказать о «церковной контрреволюции»[1160].

Программа по литературе давала басни Д. Бедного и рассказ А.П. Чехова «Мужики». В список литературы для дополнительного чтения входил рассказ А.С. Серафимовича «Чудо». Примечательно, что в списке присутствовал роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», в котором очевидны христианские мотивы[1161]. В программе по русскому языку предлагалось разобрать простое предложение, такое, как: религия – опиум для народа[1162].

Более полно антирелигиозный материал был представлен в программе по естествознанию. На пятом году в темах: «Борьба за здоровье трудящихся» – говорилось о «вредном» влиянии религии на здоровье; «Выполним задание пионерслета по птицеводству. Строение и жизнь птицы» – предлагалось разоблачить «религиозные предрассудки», связанные с животноводством и птицеводством; «Борьба за рабочие кооперативные огороды. Строение и жизнь растений» – отмечалась несостоятельность религиозных представлений и обрядов[1163].

На шестом году обучения религия объявлялась пособницей господствующих классов в вопросах питания (забота о душе, а не о теле, посты как средство отвлечения «внимания пролетариата и крестьянской бедноты от вопросов классовой борьбы»). В теме «За крупное социалистическое животноводство. Животный организм как целое» – религия называлась «тормозом» социалистической реконструкции животноводства[1164]. На седьмом году обучения в теме «За рационализацию и охрану труда. Понятие о человеческом организме как целом» – предлагалось рассказать о «несостоятельности учения религии о существовании души, ее божественном происхождении и загробной жизни»[1165]. В теме «Основы эволюционного учения» сталкивались взгляды науки и религии на происхождение жизни на Земле. «Учения религии о творце, божественном акте творения и чудесах целиком и полностью опровергаются данными науки, которая дает материалистическое объяснение как происхождению жизни на Земле, так и разным явлениям природы», – отмечалось в программе[1166]. В этой же теме затрагивался вопрос «борьбы

религии против эволюционного учения» и в качестве примера приводился «обезьяний» процесс в Америке[1167].

Программа по астрономии 1931 г. в антирелигиозном отношении копировала программу 1930 г.[1168] В программе по математике рекомендовалось отразить данные по распространению антирелигиозной литературы и рост числа членов СВБ. В качестве материала для задач предлагалось использовать статистические данные о росте численного состава и деятельности СВБ[1169]. В программах по физике и химии прямо не говорилось о борьбе с религией. Программа по химии, в частности, указывала, что «раскрытие законов строения вещества позволяет в лаборатории искусственным путем создать те вещества, которые естественным путем образуются лишь в живом организме (синтез мочевины, белка)»[1170].

Общественная антирелигиозная работа ФЗС по программе 1931 г. включала серию мероприятий: 1) организацию кружка воинствующих безбожников, 2) помощь в налаживании работы кружка воинствующих безбожников на предприятии, 3) необходимость борьбы с прогулами в дни религиозных праздников, 4) распространение антирелигиозной литературы, 5) организацию на заводе силами учащихся антирелигиозных вечеров с постановкой химических опытов[1171].

Составленные по методу проектов программы 1931 г. в целом представляли собой свалку идеологических лозунгов[1172].

В 1931 г. особое внимание уделено учебникам. Предложения сотрудницы Наркомпроса Р.Б. Харитоновой применительно к рабочей книге для 4-й группы ФЗС сводились к тому, что «религии должен быть дан яркий классовый отпор в рабочей книге»[1173].

Летом 1931 г. проходил смотр учебных книг. Ставилась задача выявить идеологически неприемлемые учебники, в том числе и по вопросу, насколько учебник отражает борьбу с религией[1174]. ЦС СВБ разослал местным организациям директивное письмо. В нем местным ячейкам предлагалось включиться в смотр, выделить представителей в штабы смотра, создать общественные бригады из педагогов, руководителей кружков и других заинтересованных лиц[1175].

Смотр показал, что помимо антирождественских и антипасхальных рассказов и статей учебники 1931 г. для начальных классов, особенно локальные, представляли оригинальный антирелигиозный материал. По сравнению с прежними годами он стал еще более жестким и наступательным[1176]. В рабочей книге для третьего года обучения в школе I ступени Северокавказского края «Юные

строители» А.М. Александрова и М.Ю. Конопина выделялся специальный раздел «В поход против религии». Раздел содержал рассказы «С крестом и винтовкой», «Джордано Бруно», «Часовня», «Не сдались», стихотворения «Марш юных безбожников», «Не нужны», «Враги в рясах», задания по организации школьной и внешкольной антирелигиозной работы, рекомендации по устройству уголка безбожника и список атеистической литературы[1177].

В рабочей книге третьего и четвертого годов обучения в школах I ступени Татарской АССР «Юные колхозники» (С.Б. Абельсон, Я.С. Богданович, А.В. Разумовский, Б.А. Романовский) предлагалось, в частности, следующее задание по картинкам: «Перед вами 9 врагов трудящихся: попы, раввины, сектанты, ксендзы, монахи, бонзы и т. п. Вычеркнем эту “святую братию”, нахлебников трудящихся, из нашего быта. Надо вычеркнуть так, чтобы линия была беспрерывной, имела не больше 3-х углов и прошла через носы всех попов»[1178]. Некоторые учебники уделяли особое внимание борьбе с религиозной семьей. В рабочей книге третьего года обучения в сельских школах Татарской республики «Юные колхозники» (А.В. Разумовский, С.Б. Абельсон, Я.С. Богданович, В.Н. Миловидов) давалась история в картинках со следующим текстом: «Ребята тянут паренька из рук попа и кулака. “Родня” отсталая не прочь попу и кулаку помочь. Поп и кулак захватили в руки мальчика. Товарищи стараются его освободить. Им удалось его освободить [а также отвоевать “отсталую родню”]». Рассказ «Дуня победила» заканчивался следующим пассажем: «Не все могли добиться своего так хорошо, как Дуня. Очень многих избили даже дома и не пустили в школу на Рождество»[1179]. Саратовская рабочая книга по русскому языку для первого года обучения в школе I ступени «Будь готов» Н.В. Мясоедовой и Н.С. Рогова содержала немало антирелигиозных заданий и упражнений. Предлагалось прочитать плакаты вроде «Отец и мать, в день Рождества идите работать»; разгадать ребус «Долой попов и кулаков из сельсовета»; составить устный рассказ по картинкам: «Колхозники позвали агронома. Дед Тихон позвал попа»; выписать из рассказа «Конференция юных безбожников», что делали школьники: «уговорили родителей снять иконы, не ходить в церковь, не принимать попов, не печь куличи и делать пасху, идти на работу в церковные праздники»; написать плакаты вроде «Ни одного прогульщика в дни Пасхи» и повесить их в уголке безбожника в школе и дома; давалось упражнение с заданием дописать неоконченные предложения вроде: «Петина мама хотела на Пасху печь куличи. Петя уговорил мать…»[1180].

Тем не менее давление возрастало. Авторам учебников доставалось от бдительных рецензентов за все еще недостаточное и неадекватное присутствие антирелигиозного материала. Например, С. Бибиков и Л. Демичев в статье «Проверим качество краевых учебников», помещенной 18 февраля 1932 г. в газете «За коммунистическое просвещение» (прежнее название «Учительской газеты»), раскритиковали рабочую книгу для четвертого года обучения в городских и колхозных школах Средней Волги «Стройка» В. Потапова и И. Прокина. Рецензентам не понравилось то, что авторы ограничились стихотворением «Урожай» и к тому же поместили его после статей о преимуществе колхозов и совхозов. «Завершать таким стихотворением статьи о совхозах и колхозах – ошибка», – отмечали рецензенты и заключали статью выводом о непригодности учебника для школы[1181].

Учебники для II ступени в зависимости от предмета и от года обучения содержали антирелигиозный материал в разной пропорции. Много такого материала содержалось в рабочей книге по литературе для пятого года обучения ФЗС «На новых путях» А.Д. Гречишниковой, П.И. Колосова, Л.С. Мирского и других. Среди них – рассказы «Тайна старой церкви» М. Андриевской, «За новый быт» П. Капырина, «Пасха» П. Дорохова; стихи Д. Бедного, «Про Тита и Ваньку» В.В. Маяковского, «Песня» Черкаша, «Антирелигиозные частушки»; статьи «Крестовый поход против СССР», «Как организовать уголок безбожника»[1182]. Немало материала было в учебниках по русскому языку. Например, в рабочей книге пятого года обучения в ФЗС П.А. Дуделя, П.И. Колосова и Н.В. Поповой, в частности, в подтеме «Существительное и его роль в подлежащем» разбиралось предложение «Религиозные праздники теряют свое значение». В учебнике выделялась тема «Предложение типа: “Религия – опиум для народа”»[1183].

Авторы рабочей книги по естествознанию шестого года обучения в городской школе Б.В. Всесвятский, В.Н. Вучетич, С.И. Исаев, А.А. Яхонтов и другие в главе «Яйцо и птица как продукты яично-птичной промышленности», в частности, писали: «Религиозные люди думают, что куры были специально созданы богом для удовлетворения нужд человека. Этот взгляд, конечно, очень наивен. На самом деле все разнообразные породы кур были выведены человеком из одомашненных им диких… кур». В другом параграфе «Инкубация» рассказывалось о преследовании католической церковью изобретателя инкубатора Порта и говорилось, что церковь ведет «яростные кампании против всякой смелой научной мысли». Вот почему, заключали авторы учебника,

борьба с религией есть часть классовой борьбы, вот почему церковники всех стран ведут такую яростную кампанию против СССР – страны строящегося социализма[1184].

В рабочей книге по естествознанию первого года обучения в ШКМ Северокавказского края А. Балаш, А. Гусева, В. Загорской и других, составленной по методу проектов, в главе «Сохраним и улучшим свое здоровье» присутствовала тема «Религия и медицина», включавшая следующие аспекты: «Как религиозные обряды служат источником заразных болезней», «Как происходят “чудесные” исцеления», «Что такое “мощи”?», «Что такое посты?», «Как суеверия и предрассудки вредят здоровью трудящихся»[1185].

Учебники по географии критиковались за отсутствие или крайнюю недостаточность в них антирелигиозности. Авторы рабочей книги по географии для пятого года «Общая география» Г.И. Иванов, Б.Г. Иванов, И.Г. Иванов подверглись критике за то, что, отметив в теме «Погода и климат» несостоятельность церковного учения о погоде, посылаемой Богом как наказание или награду за человеческие дела, ничего не сказали о «сущности борьбы» Церкви против научного мировоззрения[1186]. Учебники по физике, как и в предыдущие годы, практически не содержали антирелигиозный материал. Например, А. Цингер в рабочей книге по физике для пятого года обучения в двух местах лишь отметил, что физика отрицает существование сверхъестественных сил[1187].

В учебниках астрономии антирелигиозному воспитанию уделялось больше внимания. М.Е. Набоков в рабочей книге для седьмого года обучения, в параграфе «Краткая история взглядов на происхождение планет», рассказав о воззрениях халдеев и древних евреев на происхождение мира, делал следующее заключение: «Библейское сказание не имеет никаких признаков достоверности, и его ложность совершенно очевидна, точно так же, как и основное предположение о “создании” мира из “ничего”. Закоснелость и неподвижность мысли сохранили еще это сказание как “священное”, но современная наука не признает его, ни в какой мере»[1188].

Школа, увлекшись кампаниями и производственным трудом, продолжая экспериментирование с новыми педагогическими технологиями, уделяла недостаточно внимания собственно преподаванию учебных дисциплин. В программах 1930 г. и, особенно, 1931 г. теоретические знания подменялись ориентированными на производственно-хозяйственные нужды темами-проектами. Как показывает анализ, работа велась хаотично, содержание учебных программ находилось в отрыве от содержания учебников, которые своевременно не удавалось

перерабатывать. И те и другие подвергались резкой критике. Использованный в программах 1931 г. метод проектов, не прошедший практической апробации, лишь усугубил проблему, вызвав дополнительное раздражение учителей, которые всю критику сосредоточили как раз на антирелигиозных сюжетах, их зачастую нарочито и неорганично включали в содержание учебного материала. Упоминаемый выше Шульгин писал Крупской:

«Прочитал я еще раз стенограмму о методе проектов, Н.К. Начало очень хорошо. Путаются учителя в вопросах о методе. Путают их в этом и методисты. У Вас вопрос о взаимоотношении метода проектов с другими методами решен ясно, четко. Хорошо это вышло. Но есть в стенограмме очень нечеткие формулировки. И могут они вызвать совсем ненужные толкования». Однако метод проектов был не единственным, который вводился в школу. Шульгин далее цитирует Крупскую «“Мы сейчас увлекаемся также методом соревнования. Тот метод, который относится к взрослым, к сознательному человеку, мы часто применяем к ребятам…”. Это может быть понято в том смысле, что метод соцсоревнования не годится для ребят, так как “относится к взрослым”. Но мысль Ваша не та. Суть ее в том, что неумело, неверно понимают. Суть соцсорев[нования] учителя механически переносят, то, что делается среди взрослых, на ребят. Ведь так? Если так, то неудачно выражена мысль»[1189].

В постановлении ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г. констатировалось, что «обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний». Наркомпросам союзных республик предлагалось переработать программы, «обеспечив в них точно очерченный круг систематизированных знаний… с расчетом, чтобы к 1 января 1932 г. начать преподавание по пересмотренным программам»[1190]. Критике подвергся метод проектов, который, как говорилось в постановлении, вел «фактически к разрушению школы»[1191].

Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. потребовало большей систематизации и теоретизации учебных программ[1192].

Новые программы строились по строго предметному принципу. Они уже не представляли комплексные темы-проекты. Уже в программах 1932 г. (до постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г.) и построенных на их основе программах 1933 г. антирелигиозный материал был сокращен[1193]. Программы 1933 г. сделали стабильными на несколько лет (до 1937 г.). Каждый предмет в программах давался отдельно.

Антирелигиозный материал был рассредоточен по учебным предметам. Однако, несмотря на уход от экспериментирования, жесткое построение учебного плана по учебным предметам, с содержательной стороны дела и в программах, и в учебниках использовались наработки предыдущих лет.

В программе для начальной школы по естествознанию они присутствовали в следующих темах: «Электрические явления в природе» – предлагалось подчеркнуть «нелепость религиозных предрассудков, связанных с молнией и громом»; «Строение и работа человеческого тела» – противопоставлялись научный и религиозный взгляды на происхождение человека; «Охрана здоровья» – говорилось о «вреде» религиозных обрядов для здоровья[1194]. В программе по географии в теме «Земной шар и изображение его на глобусе и карте полушарий» предписывалось «знать о Копернике, Галилее, Бруно» и о том, как отнеслась церковь к учению о вращении Земли[1195].

По литературе на третьем году обучения изучался рассказ А.С. Серафимовича «Две Божьи матери», на четвертом году обучения – народная сказка «Поп и мужик» и «Сказка о попе и работнике его Балде» А.С. Пушкина. В список по литературе для внеклассного чтения четвертого года обучения входили рассказ А.С. Серафимовича «Чудо» и «Приключения доисторического мальчика» Д'Эрвильи[1196]. В программе по русскому языку в качестве примера слов, изменивших свое социальное значение после Октябрьской революции, приводилось слово «безбожник»[1197].

Программы ФЗС 1932 г. давали антирелигиозный материал в основном в курсах обществоведения, биологии и астрономии (они этим не отличались от программ второй ступени 1930 и 1931 гг.). По обществоведению в теме «Национальная политика партии» отмечалась роль религии «на службе у буржуазии в колониальном угнетении»[1198]. Тема «Культурная революция» включала подтему «Борьба против религии – борьба за социализм», в которой рассматривались «классовая сущность религии», взгляды В.И. Ленина на религию, методы борьбы с религией – поднятие общего культурного уровня трудящихся, «вскрытие социальных корней религии», вовлечение трудящихся в Союз воинствующих безбожников. Также в этой подтеме предлагалось рассказать о задачах школы в борьбе с религией[1199].

Программа по биологии представляла антирелигиозный материал в следующих темах: «Значение погоды и климата в сельском хозяйстве» – говорилось о несостоятельности религиозных представлений о ходе изменений погоды; вводная

беседа к разделу «Человек» – утверждалось, что «труд – основа человеческой жизни, а не проклятие за “грехопадение”»; «Задачи науки о развитии органического мира в социалистическом строительстве» – отмечалось, что практика выведения человеком новых растений и животных отвергает учение религии, объясняющее многообразие форм как результат Божественного творения; «Научные основы выведения многообразных пород сельскохозяйственных животных и растений» – подчеркивалось противоречие между «практикой искусственного отбора и религиозным учением о неизменности и совершенстве растительных и животных форм»; «Происхождение человека» – предлагалось рассказать «о борьбе буржуазии и ее орудия – церкви против научно-материалистического объяснения происхождения человека» и в качестве примера привести «обезьяний процесс» в Америке; «Сущность и происхождение жизни» – указывалось на «попытки буржуазной науки истолковать опыты Пастера как доказательство принципиальной невозможности получения живого из неживого», а также отмечалась «контрреволюционная сущность виталистических теорий о вечности жизни» и подчеркивалась связь витализма и религии[1200]. В методической записке к программе по биологии более подробно разъяснялось, как преподносить программный материал. Например, при прохождении темы «Естественный отбор» предлагалось рассказать о том, что 18-е столетие и первая половина 19-го столетия характеризуются утверждением в биологии религиозного взгляда на мир как абсолютно не изменяющийся, созданный Богом[1201]. В заключительной беседе по всему курсу биологии особо выделялся вопрос «о роли религии в классовой борьбе»[1202].

В программе по астрономии антирелигиозный материал был представлен в темах: «Земля как планета» – указывалось выявить «значение учения о шарообразности и вращении Земли для ниспровержения учения церкви о “земле” и “небе” как противоположностях»; «Развитие взглядов на солнечную систему» – «средневековая» теологическая, метафизическая точка зрения на мир противопоставлялась взглядам Коперника, Галилея, Бруно и других ученых[1203].

Программа по химии 1932 г. отличалась от предшествующих программ 1930 и 1931 гг. присутствием в содержательной части антирелигиозного материала. На пятом году обучения во введении к курсу химии отмечалось значение знаний о химическом веществе и его изменениях для борьбы с религией[1204]. В заключении к теме «Введение и знакомство с органическими веществами» давалась следующая установка:

«Своей практикой человек доказывает правильность своих знаний, вздорность и вред религиозных выдумок и отсутствие границ для познания и овладения природой»[1205]. В теме «Родство химических элементов и строение вещества» предлагалось показать «классовый смысл и неверность учения о “силах”, стоящих вне и над материей»[1206]. Таким образом, программы ФЗС 1932 г. содержали больше антирелигиозных моментов, чем программы ФЗС 1930 и 1931 гг. и чем программы начальной школы 1932 г., в которых антирелигиозный материал был сокращен.

Вместе с тем намечалась тенденция постепенного вытеснения антирелигиозности из школьных программ в связи с их все большей теоретизацией и систематизацией. Программы «разгружались» от непосильного и излишнего материала и тем самым отчасти теряли свой лозунговый и поверхностный характер. Это сравнение становится очевидным при анализе текста программы по биологии 1932 г. до постановления ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г., приводимой выше, и программ по биологии 1932–1936 гг., вышедших после этого постановления[1207].

Учебники для начальной школы 1932 г. строились уже, как правило, не в виде комплексных книг, включающих элементы обществоведения, естествознания, географии, а представляли тот или иной предмет. Авторы рабочей книги для второго года обучения в сельской школе, изданной в Нижнем Новгороде, разделили ее на два отдела: «Обществоведение» и «Естествознание». В разделе «Обществоведение» помещены в целях антирелигиозного воспитания следующие статьи и рассказы: «Церковь и попы – опора помещиков и капиталистов», «Попы благословляют бойню», «Как вели себя попы в гражданскую войну»; в разделе «Естествознание»: «Разговелся», «Религия – враг здоровья», «Формалин или “святая вода”»[1208].

Но разделение по предметам совсем не исключало наличия в рабочих книгах антирелигиозного материала сомнительного содержания. Например, в рабочей книге по естествознанию для четвертого года обучения в сельской школе, изданной в Хабаровске, имелся следующий текст: «Наилучший вывод цыплят будет все-таки из весенних яиц, поэтому будем бороться с варварским обычаем – портить их раскраской и кормить ими попов. Яйцо – это будущая курица, мясо, перо и яйца для трудящихся и их детей»[1209].

Учебники по русскому языку содержали не менее острый материал. Рабочая книга для первого года обучения в школах I ступени Северокавказского края давала, в частности, статью

«Прогульщица», в которой рассказывалось о том, как девочка Аня не пришла в школу в церковный праздник, не сделала домашних работ, а «потом целый день прогуляла»[1210]. А в рабочей книге для первого года обучения, изданной в Воронеже, приводилась примерная таблица с фамилиями и именами пришедших и не пришедших в школу 7 января. Таблица была помещена под текстом «Есть ли у вас прогульщики? Вот как мы ведем учет, кто не пришел в школу 7 января»[1211].

В учебниках по математике 1932 г. сюжетом для нескольких задач послужила деятельность школьных ячеек СВБ и групп юных воинствующих безбожников. В учебнике для первого года обучения в ФЗС Н.С. Поповой, в частности, давалась следующая задача: «На оборудование уголка ЮВБ дети собрали 13 рублей. На 5 рублей купили плакатов. Сколько денег осталось?»[1212]. Рабочая книга для второго года обучения в сельских школах Средневолжского края предлагала задачу о количестве членов школьных ячеек СВБ в трех школах: «В одной школе было 118 человек членов СВБ, в другой школе на 19 членов больше, в третьей школе было 116 членов. Сколько всего членов СВБ было в этих школах?»[1213].

Учебники для школы II ступени 1932 г. по отдельным предметам содержали больше антирелигиозного материала, чем в предшествующие годы. В учебнике по обществоведению для 6-го года ФЗС и для 2-го года ШКМ А.Я. Жукова и других выделялась глава «Борьба против религии – борьба за социализм», в которой присутствовали следующие темы: «Учение В.И. Ленина о религии», «Религия на службе самодержавия», «Контрреволюционная роль церкви», «Сектантство на службе контрреволюции», «Религия – тормоз социалистического строительства», «Задачи и методы антирелигиозной пропаганды», «Задачи школы в борьбе с религией»[1214]. С.М. Моносов в «Сборнике по истории» для 7-го года ФЗС и 3-го года ШКМ в главе «Буржуазная революция во Франции в конце XVIII века» писал об «эксплуататорской роли» и «роскошной жизни» духовенства Франции накануне революции[1215]. Но по-прежнему антирелигиозный материал часто был научно не выдержан, за что авторы учебников подвергались критике. Бригада Института истории Академии наук Белорусской ССР поместила 18 декабря 1932 г. в газете «За коммунистическое просвещение» статью «Как не нужно писать учебник истории». Авторы статьи раскритиковали изданный в Минске учебник истории для 5-го года ФЗС и 1-го года ШКМ Г. Кохановского, И. Либовского и других. Этот учебник, по мнению рецензентов, не давал ясного представления о происхождении религии и многие вопросы

освещал «неправильно». «Неверно, – отмечали рецензенты, – приводятся в учебнике данные о существовании племен, которые “не дошли до той степени развития, на которой возникает религия”»[1216].

В учебнике по литературе для пятого года ФЗС и первого года ШКМ Н.П. Андреева, В.З. Голубева, А.Н. Писаревской давались автобиография М. Горького «Как я учился», биографии Д. Бедного, А.С. Серафимовича, А.С. Неверова, в которых особенно заострялся вопрос веры и неверия в Бога[1217].

Несмотря на внесение антирелигиозного материала, учебники по географии 1932 г. по-прежнему критиковались за недостаточность и неправильную его подачу. В статье В. Кровлева авторы учебника по географии для пятого года обучения ФЗС и первого года обучения ШКМ М.К. Малаев, Л.Д. Синицкий и Н.Ф. Тессман критиковались за неудачное использование темы «Земля в мировом пространстве» для антирелигиозной пропаганды. «То, что дается в учебнике под названием “Борьба за научное мировоззрение” представляет собой лишь хронологическую справку, да и то небрежно составленную, – отмечал В. Кровлев. – Учащиеся так-таки не узнают, почему церковь начала преследовать всех сторонников Коперника»[1218]. В учебнике по географии капиталистических стран для седьмого и восьмого годов обучения ФЗС и третьего года ШКМ С.Л. Варжанского и Л.Д. Синицкого антирелигиозные тексты, как правило, давались мелким шрифтом. Вероятно, это было связано с тем, что они вносились в учебник на последнем этапе подготовки к изданию. Текст о влиянии религиозных организаций в Североамериканских Соединенных Штатах внесен в соответствующую главу между рассказом об американских городах и рассказом о политическом строе этой страны. Глава «Италия» дополнялась рассказом «Ватиканский город». В ней утверждалось, что Папа Римский «неустанно возносит моления о том, чтобы “Бог покарал” большевиков, ругает пятилетний план социалистического строительства и втихомолку принимает участие в подготовке военного нападения на СССР капиталистических, особенно католических стран (Франции и Польши)»[1219].

Антирелигиозный материал в учебниках биологии был представлен неравномерно, в зависимости от года обучения. В учебнике по ботанике для пятого года обучения в ФЗС Б.В. Всесвятского, В.Н. Вучетича, С.И. Исаева и других, созданном на основе программы 1932 г., этому вопросу уделялось внимание в параграфе «Погода и религия», а также при рассмотрении борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений и при рассмотрении процесса развития растений[1220]. В учебнике

биологии для седьмого года ФЗС, согласно программе 1932 г., главное внимание уделялось эволюционной теории Ч. Дарвина и происхождению человека. Рассматривались вопросы: «был ли Дарвин религиозным человеком?», «религия нужна буржуазии», «происхождение человека по религиозным сказаниям и Библии»[1221]. Особое место отводилось критике «буржуазных» ученых, подвергавших сомнению дарвиновскую теорию.

С религиозным мировоззрением «буржуазных» ученых связывалось отрицание некоторыми из них существования атомов. Этот вопрос рассматривался в учебной книге по химии для шестого года ФЗС Б.П. Малахова и других, в которой объяснялось, почему «буржуазным» ученым выгодно такое отрицание. «Признание материи, – утверждалось в учебнике, – означает отрицание какого-то высшего существа (бога), по воле которого будто бы все существует и которым все существующее создано. Рушатся религиозные представления, которые в течение многих веков служили интересам господствующих классов, помогая им утвердить свое господство над трудящимися. И вот для того, чтобы поддержать падающее здание религии, буржуазные ученые создают выгодные для буржуазии теории»[1222].

Учебники 1932 г., создававшиеся по программам 1932 г., а то и 1931 г., содержали достаточно много антирелигиозного материала. Но в связи с указаниями ЦК ВКП(б) систематизировать курс преподаваемых знаний, освободив их от излишнего и трудного для восприятия материала, в учебниках, как и в программах, наметилась тенденция к сокращению материала лозунгового, агитационного характера.

Ленинградский педагог Н. Поль в статье 1932 г. писал, что, «откидывая пресловутое “насыщение” программного материала антирелигиозными элементами как явно противоречащие указанию ЦК о необходимости строить учебную работу на основе строго определенных программ, школа в значительной степени снимает антирелигиозную работу в связи с учебой, катится назад к безрелигиозному воспитанию»[1223]. 12 февраля 1933 г. очередным постановлением ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы» требовалось создать стабильные, отвечающие требованиям науки учебники по всем предметам. Была осуждена прежняя линия Наркомпроса на создание «динамичного» учебника в виде «рассыпного», «журнала-учебника», «краевых книг», где содержание учебного материала было в меньшей степени контролируемым из центра[1224]. В докладной записке ЦС СВБ в ЦК ВКП(б), составленной предположительно в конце 1934 г., отмечалось: «По линии

наркомпросов мы имеем сейчас явную тенденцию к полному свертыванию антирелигиозной работы. Из новых программ совершенно удалены даже и те крохи, которые раньше должны были служить делу антирелигиозного воспитания»[1225].

Использовать школьные программы и учебники для антирелигиозного воспитания в школе вновь решили в 1937 г. В программы снова вносился антирелигиозный компонент[1226], так же, как и в учебники[1227].

Программы и учебники 1929–1932 гг. помимо того, что существенно снижали качественный уровень школьного образования, воспитывали в учащихся нетерпимость к вере в Бога, тем самым, провоцируя конфликт школы с религиозной семьей, родителями школьников.

Антирелигиозный материал, внесенный в программы и учебники, был низкого качества, несмотря на то, что претендовал на «научность», и мог быть легко оспорен верующими. Причем локальные программы и в особенности учебники могли даже превосходить по объему и по напору преподносимого антирелигиозного материала программы и учебники, выпущенные в центре. Но для детского сознания (особенно это касалось учащихся младших групп) этот материал мог показаться убедительным, тем более если учащийся слышал его из уст уважаемого педагога. И, следовательно, цель отвести школьников от веры в Бога (а через них и часть взрослого населения), пусть даже поверхностно и на время, достигалась.

Заключение

В СССР в 1927–1932 гг. осуществлена беспрецедентная в отечественной истории антирелигиозная кампания. Безрелигиозное воспитание заменено воспитанием антирелигиозным. Поставив с приходом к власти в 1917 г. задачу воспитать «нового человека», коммунистические идеологи предполагали вытеснить религиозное сознание. Оно понималось лишь как реакционное и мифологическое. В программных документах РКП(б) и первых документах советской власти о реформе школы ставилась задача формирования атеистического общественного сознания. В 1918 г. декретом Совнаркома РСФСР Церковь была отделена от государства и от школы.

Для формирования материалистического мировоззрения наилучшим образом подходила школа – важнейший социальный институт, который оперирует комплексом воспитательных и образовательных средств. Задача формирования материалистического мировоззрения решалась в первой половине 1920-х годов советскими реформаторами на основе безрелигиозного воспитания. Школа была наиболее эффективным средством для проведения нужного политического курса. Идеологи ВКП(б) понимали, что у детей в основном еще не сложилось личное мировоззрение.

Автором установлено, что процесс введения в школе антирелигиозного воспитания можно разделить на ряд этапов:

– в 1927–1928 гг. проведена дискуссия о необходимости замены безрелигиозного воспитания антирелигиозным;

– в 1929 г. выстраивался механизм взаимодействия государственных и общественных структур для реализации нового курса;

– в 1930–1932 гг. происходило совершенствование различных аспектов работы этого механизма.

Дискуссия 1927–1928 гг. о замене безрелигиозного воспитания в школе антирелигиозным по сути являлась ее имитацией. Возможность высказаться получили в основном сторонники антирелигиозного воспитания. Изначально инициаторами дискуссии общество подготавливалось к неизбежности его введения в школе. Прощупывались настроения рядового учительства, преодолевалась осторожность и медлительность части руководства Наркомпроса РСФСР.

Исследование показывает, что А.В. Луначарский и Н.К. Крупская в начале кампании еще пытались сопротивляться резкой замене безрелигиозного воспитания антирелигиозным, отстаивая

педагогические средства решения. Они считали, что замена религиозного мировоззрения материалистическим произойдет под влиянием содержания образования, в котором доминировали объективные знания.

Инициатором и самым активным движителем кампании по замене безрелигиозного воспитания антирелигиозным стал Союз безбожников СССР, с 1929 г. переименованный в Союз воинствующих безбожников СССР, руководимый крупным партийным деятелем, членом Президиума ЦКК ВКП(б) Е.М. Ярославским. Огромную поддержку оказал этой общественной организации Центральный комитет союза работников просвещения (ЦКрабпрос).

Школу сотрясали бесконечные эксперименты, следовали требования вводить новые педагогические технологии и методики, отсутствовали при этом качественные учебники, учебные программы. В этой обстановке учительство, и в силу малого профессионализма, и реальных материальных условий, не могло встать на сторону Наркомпроса, весьма непоследовательно отстаивавшего безрелигиозное воспитание как более осторожный способ формирования материалистического мировоззрения. В полной мере это доказывают содержание, ход, состав участников дискуссии 1927–1928 гг. о необходимости такой замены и решения множества учительских конференций, собраний и т. п., в которых учителя предпочли встать в большинстве на сторону инициативы власти. Незначительное лишь число учителей открыто высказывало в ходе дискуссии о замене безрелигиозного воспитания возражения против введения антирелигиозного воспитания или крайне осторожную критику кампании. Но можно предположить, что гораздо большая часть рядового учительства, боясь публично высказываться, все же не приветствовала антирелигиозное воспитание. Многие из них оставались верующими воцерковленными людьми.

Практическое введение антирелигиозного воспитания в школе в 1929–1932 гг. являлось составной частью нового политического курса. Он известен как «великий перелом» в строительстве социалистического общественного строя в СССР. «Великий перелом» стал знаковым явлением и свидетельствовал о решительном намерении ЦК ВКП(б) строить новое общество, согласно марксистско-ленинскому учению, не совместимое с религиозным мировоззрением. Совершавшаяся в те же годы индустриализация, коллективизация сопровождались идеологической обработкой общественного сознания. Одним из способов являлось антирелигиозное воспитание школьников, посредством которого власть рассчитывала изменить сознание не

только детей, но и взрослого населения.

В реализацию нового политического курса включен весь партийно-государственный механизм, общественные организации всех уровней. Они располагали мощными мобилизационными средствами, среди которых важная роль отводилась, во-первых, многочисленной периодической печати (как партийно-профсоюзной, так и ведомственной), а во-вторых, работе по изменению содержания образования, насыщению всех учебных дисциплин материалом по антирелигиозному воспитанию.

Печать систематически освещала ход работы, контролировала и информировала вышестоящие органы.

Несмотря на то, что в проведении антирелигиозного воспитания в школе задействован мощный государственный и общественный аппарат, систематической работы соответствующих структур в этом направлении не получилось. На практике преобладала кампанейщина. Участники школьных ячеек СВБ и групп ЮВБ активизировались в дни специальных кампаний.

Особую роль в реализации курса на замену безрелигиозного воспитания антирелигиозным сыграли новые учебные программы, учебники. К работе по составлению новых, переработке имеющихся учебников были привлечены авторские коллективы, многочисленные методисты и рецензенты на всех уровнях прохождения рукописи.

Программы и учебники 1929–1932 гг. помимо того, что воспитывали в учащихся нетерпимость к вере в Бога, тем самым провоцируя конфликт школы с религиозной семьей, а значит и негативную реакцию населения на школьное образование, существенно снижали качественный уровень школьного образования. Постановления ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. и «Об учебниках для начальной и средней школы» от 12 февраля 1933 г. потребовали от Наркомпроса создать стабильные программы и учебники, которые бы отвечали требованиям науки и смогли обеспечить учащихся необходимыми знаниями. Антирелигиозный материал постепенно вытеснялся из новых программ и учебников. Но некоторые элементы антирелигиозности, привнесенные в школьные программы и учебники в 1929–1931 гг., сохранялись в них по инерции на протяжении десятилетий.

Замена безрелигиозного воспитания антирелигиозным стала органической частью «повсеместного всеобщего обязательного начального обучения детей» в возрасте 8–10 лет, вводимого постановлением ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 г., с последующим распространением обязательности обучения на детей 11 лет в

1931/32 учебном году[1228]. Если в 1929/30 учебном году в школе обучалось 13,5 млн. детей, то в 1930/31 учебном году их было уже 17,6 млн.[1229] Обязательность обучения практически всего нового поколения создавала необходимые условия для воздействия на сознание каждого учащегося.

Инициировав и организовав введение антирелигиозного воспитания, ЦК ВКП(б) выступил не только как разрушитель системы образования 1920-х годов, но и системы обеспечения и национальных, и гражданских интересов, даже больше – самих представлений и о тех и о других.

Сложный вопрос, насколько эффективной оказалась проведенная в 1927–1932 гг. кампания для формирования атеистического мировоззрения. В монографии приводятся данные о том, что атеистическую убежденность формировали не лозунги многочисленных кампаний, а естественно-научные знания по биологии, физике, химии, усваиваемые учащимися в ходе учебного процесса. Именно они оказывали решающее влияние на тип сознания учащегося. В этом направлении начиная с 1932 г., по мнению партийно-государственных деятелей, требовалось совершенствовать работу над содержанием образования, планомерностью выпуска учебников, более качественной подготовкой учителей.

Результатом же антирелигиозных кампаний, сбора и сожжения икон и т. п. стали раздвоенность сознания многих школьников (когда учащийся не знал, кому верить: школе или верующим родителям), конфликт между советской системой образования и религиозной семьей. Такое положение приводило к нравственной драме, которая иногда оканчивалась трагически или не находила своего разрешения на протяжении жизни взрослого человека, формировала в нем склонность к неискренности, лицемерию, закрытости. Происходившая драма вносила раскол между поколениями. «Старики» со своим «ретроградским» мировоззрением оставались на обочине новой жизни, их детей призывали стать «новыми людьми», не отягощенными грехами «проклятого прошлого» и его ценностями: почитания родителей, уважения и соблюдения традиций, верности вере отцов. Проблема духовного разрыва поколений остается животрепещущей и в наши дни.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

Постановления ЦК ВКП(б)

1. Постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении от 14 марта 1930 г. / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1896–1986). – М., 1984. – Т. 5. 1929–1932. – С. 101–104.

2. Постановление ЦК ВКП(б) о всеобщем обязательном начальном обучении от 25 июля 1930 г. / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1896–1986). – М., 1984. – Т. 5. 1929–1932. – С. 184–189.

3. Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 25 августа 1931 г. / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1896–1986). – М., 1984. – Т. 5. 1929–1932. – С. 353–361.

4. Постановление ЦК ВКП(б) о работе пионерской организации от 21 апреля 1932 г. / Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. – М., 1970. С. 28–29.

5. Постановление ЦК ВКП(б) об учебных программах и режиме в начальной и средней школе от 25 августа 1932 г. / Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. – М., 1974 – С. 161–164.

6. Из постановления ЦК ВКП(б) об учебниках для начальной и средней школы от 12 февраля 1933 г. / Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. – М., 1974 – С. 164–165.

Законодательные и нормативные акты органов высшей законодательной и исполнительной власти СССР, РСФСР, РФ

7. Постановление СНК РСФСР о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению от 11 декабря 1917 г. / Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. – М., 1974 – С. 12.

8. Декрет СНК РСФСР об отделении Церкви от государства и

школы от Церкви (принят 20 января 1918 г.) / Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1918. – № 18. – Ст. 263. – С. 272–273.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). – М., 1997. – 63 с.

10. Федеральный закон о свободе совести и о религиозных объединениях от 29 сентября 1997 г. / Собрание законодательства РФ. – М., 1997. – № 39. – Ст. 4465. – С. 7666–7678.

Материалы РКП(б) – ВКП(б)

11. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. В 3 т. – М., 2000. – Т. 1. 1919–1929. – 829 с.

12. Резолюция XII съезда РКП(б) о постановке антирелигиозной агитации и пропаганды (17–25 апреля 1923 г.) / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1896–1986). – М., 1984. – Т. 3. 1922–1925. – С. 114–116.

13. Резолюция XIII съезда РКП(б) о работе в деревне (23 – 31 мая 1924 г.) / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1896–1986). – М., 1984. – Т. 3. 1922–1925. – С. 240–250.

14. Сталин И.В., Косиор С.В. Отчет ЦК XV съезду ВКП(б). – М.-Л., 1928. – 224 с.

15. Задачи агитации, пропаганды и культурного строительства. Материалы Агитпропсовещания при ЦК ВКП(б). 30 мая – 3 июня 1928 г. – М.-Л., 1928. – 340 с.

16. Стенографический отчет XVI съезда ВКП(б). 26 июня – 13 июля 1930 г. – М., 1930. – 782 с.

Материалы Наркомпроса РСФСР, наркомпросов союзных и автономных республик, отделов народного образования

А) Уставы

17. Проект устава единой трудовой школы. – М., 1928. – 28 с.

Б) Методические и инструктивные материалы

18. Антирелигиозное воспитание в школах повышенного типа. Письмо пятнадцатое / Серия инструктивных и методических писем Главсоцвоса. – М.-Л., 1929. – 64 с.

19. Антирелигиозное воспитание в школах соцвоса. Методическое письмо / Методический совет Нижегородского губернского отдела народного образования. – Нижний Новгород,

1929. – 32 с.

20. Антирелигиозное воспитание в школе. Инструктивное письмо / Научно-методический совет Ленинградского областного отдела народного образования. – Л., 1929. – 59 с.

21. Антирелигиозное воспитание в школе I ступени. Методическое письмо / Уральский областной отдел народного образования. – Свердловск, 1929. – 43 с.

22. Антирелигиозное воспитание в школе I ступени / Ульяновский окружной отдел народного образования. – Ульяновск. 1929. – 26 с.

23. Антирелигиозная работа в школах колхозной молодежи. Письмо с методразработками для школ колхозной молодежи / Средневолжский краевой отдел народного образования. М. – Самара, 1930. – 57 с.

24. Безземский А.И. Антирелигиозное воспитание в школе I ступени / Россошанский окружной отдел народного образования. – Россошь, 1929. – 29 с.

25. Егоров С.П. Антирелигиозное воспитание в начальной школе. – М.-Л., 1929. – 53 с.

26. Егоров С.П. Антирелигиозное воспитание в начальной школе. – 2 изд., перераб. – М. – Л., 1930. – 68 с.

27. Ибрагимов Г. Как вести антирелигиозное воспитание в советской национальной школе. Инструктивное письмо. – М., 1930. – 36 с.

28. Инструктивное методическое письмо по подготовке и проведению антирождественской кампании в учреждениях соцвоса / Московский отдел народного образования. – М., 1930. – 16 с.

29. Инструктивно-методическое письмо о проведении антирождественской кампании в начальных школах, ФЗС и ШКМ / Нижневолжский краевой отдел народного образования. – Саратов, 1930. – 11 с.

30. Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени / Методические письма научно-педагогической секции ГУСа и Главсоцвоса. – 2 изд. – М., 1925. – 20 с.

31. Методическое письмо об антирелигиозном воспитании в школе / Брянский губернский отдел народного образования. – Брянск, 1928. – 15 с.

32. Методическое письмо об антирелигиозном воспитании в школе / Кадниковский уездный отдел народного образования. – Кадников, 1928. – 11 с.

33. Методическое письмо о постановке антирелигиозного воспитания в школах соцвоса / Метбюро Вологодского губернского отдела народного образования. – Вологда, 1929. – 35

с.

34. Методическое письмо об антирелигиозном воспитании в начальной, неполной средней и средней школе / Воронежский областной отдел народного образования и Воронежский областной совет СВБ. – Воронеж, 1937. – 18 с.

35. Об антирелигиозном воспитании / Барабинский окружной отдел народного образования. – Каинск, 1930. – 10 с.

36. Пути антирелигиозного воспитания. Письмо первое / Коломенский педагогический техникум. – Коломна, 1929. – 12 с.

37. Сунгуров М.П. Антирелигиозная работа в школе I ступени. – Самара, 1929. – 58 с.

38. Художественное оформление антирождественской кампании в школе / Школьный сектор Наркомпроса РСФСР. – М.-Л., 1931. – 35 с.

В) Учебные программы для общеобразовательной школы

39. Комплексные программы для трудовой школы I ступени Автономной Калмыцкой области / Научно-методическое бюро при Калмыцком областном отделе народного образования. – Астрахань, 1928. – 172 с.

40. Программы для школ Вотской Автономной области / Сост. Б.П. Есипов. – Ижевск, 1929. – 120 с.

41. Программы единой трудовой школы I ступени ССР Абхазии / Наркомпрос ССР Абхазии. – 3 изд., перераб. – Сухум,1929. – 69 с.

42. Программы для городских школ I ступени. Ростов-на-Дону. 1931. – 79 с.

43. Программы и методические записки единой трудовой школы / Научно-педагогическая секция ГУСа – Главсоцвос. – М.-Л., 1927. – Вып. 1. Городские и сельские школы I ступени. Программы. – 302 с.

44. Программы и методические записки единой трудовой школы / Научно-педагогическая секция ГУСа – Главсоцвос. – М.-Л., 1927. – Вып. 2. Городские и сельские школы I ступени. Методические записки к программам. – 264 с.

45. Программы и методические записки единой трудовой школы / Научно-педагогическая секция ГУСа – Главсоцвос. – М.-Л., 1927. – Вып. 3. 1-й концентр городской школы II ступени. – 440 с.

46. Программы и методические записки единой трудовой школы / Научно-педагогическая секция ГУСа – Главсоцвос. – М.-Л., 1927. – Вып. 5. 2-й концентр школы II ступени. Программы общеобразовательных предметов. – 151 с.

47. Программы и методические записки школ колхозной

молодежи / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М., 1930. – Вып. 1. Программные материалы. – 232 с.

48. Программы начальной школы. Городской вариант / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М., 1930. – 88 с.

49. Программы начальной школы (городской и сельской) / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М., 1932. – 160 с.

50. Программы начальной школы. Сельский вариант (Проработки в условиях национальной области Северокавказского края – Северная Осетия) / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – Владикавказ, 1930. – 176 с.

51. Программы начальной школы. Сельский вариант / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М., 1930. – 80 с.

52. Программы сельской начальной школы / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М.-Л., 1931. – 144 с.

53. Программы средней школы. Биология. Химия. / Управление начальной и средней школы Наркомпроса РСФСР. – М.-Л., 1936. – 48 с.

54. Программы средней школы. Биология. Химия. – М.-Л., 1937. – 48 с.

55. Программы средней школы (городской и сельской) 5 – 8 годов обучения / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М.-Л., 1932. – Вып. 2. Биология. Химия. – 40 с.

56. Программы фабрично-заводской семилетки / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М.-Л., 1932. – Вып. 2. Физика. Химия. Астрономия. – 96 с.

57. Программы фабрично-заводской семилетки / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М.-Л., 1932. – Вып. 5 а. Обществоведение (современность). – 30 с.

58. Программы фабрично-заводской семилетки / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М.-Л., 1932. – Вып. 6. Биология. – 76 с.

59. Программы фабрично-заводской семилетки / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М.-Л., 1930. – 359 с.

60. Программы школ I ступени / Ирбитский окружной отдел народного образования. – Ирбит, 1930. – 128 с.

61. Проект новых программ фабрично-заводской семилетки / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М.-Л., 1931. – Вып. 2. – 112 с.

62. Проект новых программ фабрично-заводской семилетки / Учебно-методический сектор Наркомпроса РСФСР. – М.-Л.,

1931. – Вып. 3. – 71 с.

63. Учебные программы для туземных школ Северной зоны РСФСР. – 2 изд., доп. – М.-Л., 1929. – 94 с.

Г) Учебники для общеобразовательной школы

64. Абельсон С.Б., Богданович Я.С., Разумовский А.В., Романовский Б.А. Юные колхозники. Рабочая книга для третьего и четвертого годов обучения в школах I ступени Татарской республики. – Казань, 1931. – 124 с.

65. Александров А.М., Конопин М.Ю. Юные строители. Книга для 3-го года обучения в школе I ступени. – Ростов-на-Дону. 1931. – Вып. 2. – 144 с.

66. Андреев Н.П., Голубев В.З., Писаревская А.Н. Учебная книга по литературе для пятого гола ФЗС и первого года ШКМ. – М.-Л., 1932. – 190 с.

67. Афанасьев П.О., Бродский Н.Л., Сидоров Н.П. Родной язык. Рабочая книга для 7-го года обучения. – М.-Л., 1930. – 312 с.

68. Балаш А., Гусев А., Загорская В. и др. Рабочая книга по естествознанию для первого года обучения ШКМ. – Ростов-н/ Дону. 1931. – Вып. 1. – 196 с.

69. Балаш А.П., Загорская В.Я., Казинцева С.А. и др. Рабочая книга по естествознанию для 5-го года обучения школ Северокавказского края. – Ростов-на-Дону. 1930. – 188 с.

70. Балаш А.П., Казинцева С.А. и др. Рабочая книга по естествознанию для 6-го года обучения. – Ростов-на-Дону. 1930. – 196 с.

71. Барсуков А.Н., Шлепин М.А., Млиник Р.И. К новой жизни. Рабочая книга для 2 года обучения в городской и фабрично-заводской школе I ступени. – М., 1930. – Ч. 1. – 296 с.

72. Баршева М., Бобынина И. Гудки. Первая книга для чтения после букваря для городских школ. – 4 изд., доп. – М.-Л., 1930. – 260 с.

73. Богоявленский Л.П. Школа и город. Букварь. – 3-е изд. – М.-Л., 1930. – 64 с.

74. Валерьянова Е.А., Казанский А.В. Рабочая книга по естествознанию для ШКМ. 2-ой год обучения / Под общей редакцией Б.В. Игнатьева. – М.-Л., 1930. – 319 с.

75. Варжанский С.Л., Синицкий Л.Д. География капиталистических стран для 7-го и 8-го годов обучения ФЗС и 3-го года обучения ШКМ. – М., 1932. – 286 с.

76. Волковский Д.Л. Математика для детей. 2-й год обучения. – 12 изд., перераб. – М.-Л., 1930. – 96 с.

77. Волковский Д.Л. Математика для детей. 2-й год обучения. – 11 изд. – М.-Л., 1930. – 128 с.

78. Всесвятский Б.В., Вучетич В.Н., Исаев С.И. и др. Учебник по биологии. Ботаника для 5-го года ФЗС. – М., 1932. – 196 с.

79. Всесвятский Б.В., Вучетич В.Н., Исаев С.И., Яхонтов А.А. и др. Рабочая книга по естествознанию в городской школе. 6-й год обучения / Под общей редакцией Б.В. Всесвятского и Б.В. Игнатьева. М.-Л., 1931. – 240 с.

80. Гарской А., Прохорова А., Смолин В. Малым ребятам. Книга для чтения в колхозной школе. 2-й год обучения. – М., 1930. – 262 с.

81. Гинтер В.Л., Федосеева П.С., Щипакин А.А. За социалистическую стройку. Книга для чтения и работы на 4-м году обучения. – Саратов, 1930. – Ч. 1. – 200 с.

82. Гинтер В.Л., Мясоедова Н.В., Петш Е.И. Маленьким колхозникам. Книга для работы и чтения в первой группе сельской школы. – Саратов, 1931. – 208 с.

83. Говядинов Н.И. и др. Рабочая книга для 2-го года обучения в сельской школе. – Нижний Новгород. 1932. – 196 с.

84. Голубков В.В. Рабочая книга по литературе. 5-й год обучения. – 10 изд. – М.-Л., 1931. – 230 с.

85. Гречишникова А.Д., Колосов П.И., Мирский Л.С., Попова Н.В., Соколова А.М. На новых путях. Рабочая книга по литературе для 5-го года ФЗС. – М.-Л., 1931. – 222 с.

86. Донецкая А.Т. и др. Рабочая книга по русскому языку для первого года обучения в I ступени. – Ростов-на-Дону, 1932. – 64 с.

87. Дорошенко О.М. и др. Рабочая книга для 2-го года обучения в городских и сельских школах. – Харьков-Одесса, 1930. – 223 с.

88. Дудель П.А., Колосов П.И., Попова Н.В. Рабочая книга по русскому языку пятого года обучения для ФЗС. – М.-Л., 1931. – 135 с.

89. Жуков А.Я. и др. Обществоведение. Учебник для 6 года ФЗС и 2 года ШКМ. – М.-Л., 1932. – 188 с.

90. Зенченко С.В., Эменов В.Л. Жизнь и знание в числах. Рабочая книга по математике для сельской школы. 2-ой год обучения. – М.-Л., 1930. – 112 с.

91. Зенченко С.В., Эменов В.Л. Жизнь и знание в числах. Рабочая книга по математике для сельской школы. 3-й год обучения. – М.-Л., 1930. – 80 с.

92. Зенченко С.В., Эменов В.Л. Жизнь и знание в числах. Рабочая книга по математике для сельской школы. 4-й год обучения. – М.-Л., 1930. – 96 с.

93. Кавун И.Н., Попова Н.С. Число и труд. Первый год обучения математике в городской школе. – М.-Л., 1930. – 79 с.

94. Красиков Ф.Н., Пиотровский М.Ю. Рабочая книга по

физике для 5,6,7 годов обучения. – 3 изд., испр. и доп. – М.-Л., 1930. – 336 с.

95. Крассов А. Наша стройка. Книга для чтения. Книга для чтения по обществоведению в школе первой ступени. – М., 1929. – 159 с.

96. Крассов А. Наша стройка. Книга для чтения. Книга для чтения по обществоведению в школе первой ступени. – 2-е изд. – М., 1929. – 206 с.

97. Кузнецов А. и др. Рабочая книга по естествознанию для 4-го года обучения в сельской школе. – Хабаровск, 1932. – 136 с.

98. Левченко В.В., Дучинский Ф.Ф., Милькович Н.З. Рабочая книга по естествознанию для 3-го года обучения в ШКМ / Под редакцией Б.В. Игнатьева. – М.-Л., 1930. – 352 с.

99. Малаев М.К., Синицкий Л.Д., Тессман Н.Ф. География для 5-го года обучения в ФЗС и 1-го года в ШКМ. – М.-Л., 1932. – 247 с.

100. Малахов Б.П., Травин А., Рабинович М. Учебная книга по химии для 6-го года ФЗС. – М.-Л., 1932. – 120 с.

101. Мамонов В.А., Феддерс Г.Ю., Цветаев В.П. Рабочая книга по литературе и языку для 8 и 9 годов обучения. – М.-Л., 1930. – 336 с.

102. Моносов С.М. Сборник по истории для 7-го года ФЗС и 3-го года ШКМ. – М., 1932. – Вып. 1. – 72 с.

103. Мясоедова Н.В., Рогов Н.С. Будь готов. Рабочая книга по русскому языку для первого года обучения в школе I ступени. – Саратов, 1931. – 72 с.

104. Набоков М.Е. Рабочая книга по астрономии для 7-го года обучения. – М., 1931. – Ч. 3. – 128 с.

105. Нечаев Т.Н. Наш город. Краеведческое пособие для 3-го года обучения в городских школах I ступени города Тулы и Тульского округа. – М., 1929. – 79 с.

106. Попова Н.С., Артеменко Н.А., Богданова А.В. Математика в школе. Первый год в ФЗС. – М.-Л., 1932. – 95 с.

107. Поршнева М.К. Грамота. Букварь для сельской школы. – 13 изд., перераб. – М.-Л., 1930. – 64 с.

108. Преображенский В.А., Попова З.Ф. Рабочая книга по русскому языку. Первый год обучения в школах I ступени. – Воронеж, 1932. – 64 с.

109. Рабочая книга по обществоведению для ШКМ. Первый год обучения. Современность. – 3-е изд., испр. – М.-Л., 1930. – 192 с.

110. Рабочая книга по обществоведению. История Запада и России. Для 8–9 годов обучения. – 2-е изд. – М.-Л., 1930. – 492 с.

111. Разумовский А.В., Абельсон С.Б., Богданович Я.С.,

Миловидов В.Н. Юные колхозники. Рабочая книга для 3-го года обучения в сельской школе Татарской республики. – Казань, 1931. – 300 с.

112. Слудский И.Ф. и др. Сборник задач и упражнений по математике для 5-го года обучения в городской школе. – М., 1930. – 184 с.

113. Соколов И.Ф. Игра и труд. Четвертая книга для чтения и работы в городской школе. – 3-е изд. – М.-Л., 1930. – 336 с.

114. Тиманский В., Меглинская Н. Юный колхозник. Рабочая книга по математике для второго года обучения в сельских школах Средневолжского края. – М.-Самара, 1932. – 194 с.

115. Учебник биологии для 7-го года ФЗС / Под общей редакцией Н.Л. Гербильского и Б.Г. Поташниковой. – М.-Л., 1932. – 252 с.

116. Фалеев Г.И. Рабочая книга по физике. Первый семестр пятого года обучения. – М., 1930. – 79 с.

117. Флеров О.В. Ясное утро. Книга для работы и чтения на 4-ом году обучения. – 2-е изд. – М.-Л., 1928. – 496 с.

118. Флеров О.В. Ясное утро. Книга для 4-го года обучения в сельской школе. – 4-е изд., перераб. – М.-Л., 1930. – 448 с.

119. Фортунатова Е.Я., Шлегер Л.К. Будь готов. Рабочая книга для 1 года обучения в деревенской школе / Под редакцией С.Т. Шацкого. – М.-Л., 1931. – Вып. 2. – 96 с.

120. Цингер А. Рабочая книга по физике для 5-го года обучения. М., 1931. – 202 с.

121. Цингер А. Рабочая книга по физике для 6-го года обучения. М.-Л., 1930. – 272 с.

122. Чепига, Кулик, Моисеева. Рабочая книга по математике для 1-го и 2-го годов обучения. – Харьков, 1930. – 206 с.

Д) Сборники документов

123. Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника / Под редакцией В.Н. Шульгина. – М., 1928. – 191 с.

124. Как перестраивается учебная книга. Материалы Главсоцвоса и ГУСа. – М., 1930. – 31 с.

125. Массовая антирелигиозная работа школы / Под редакцией А.М. Покровского. – М.-Л., 1930. – 128 с.

126. Народное просвещение в ЦЧО к 1 мая 1929 г. / Под редакцией Д.А. Авксентьевского. – Воронеж, 1929. – 50 с.

127. Общественно-политическое воспитание умственно отсталых и физически дефективных детей. – М.-Л., 1930. – 144 с.

Документы ЦК и местных отделений профессионального

союза работников просвещения СССР

128. На новых путях / Библиотека II пленума ЦКпроса. – М., 1929. – 210 с.

129. Просвещенец на антирелигиозном фронте. Сб. статей / Под редакцией А.А. Коростелева, А.В. Луначарского, И.А. Флерова. – М.-Л., 1929. – 116 с.

130. Решения VII Всесоюзного съезда профессионального союза работников просвещения СССР. – М., 1929. – 124 с.

131. Сборник решений 1-й краевой конференции и 3-го пленума Союза работников просвещения Нижневолжского края. – Саратов, 1929. – 28 с.

Документы ВЛКСМ и ДКО ЮП

132. Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. Сб. статей и материалов / Составил А. Волков. – М., 1925. – 240 с.

133. Дети – строители новой школы. Материалы 1 Всероссийской экскурсии-конференции работников учкомов городских школ / Под редакцией Г.В. Эмдина. – М., 1930. – 112 с.

134. Московский комитет ВЛКСМ. XV губсъезд. Проект постановлений. – М., 1928. – 65 с.

135. Наказы I Всекарельского слета юных пионеров. – Петрозаводск, 1929. – 19 с.

136. Отчет ЦК ВЛКСМ IX Всесоюзному съезду ВЛКСМ. – М., 1931. – 134 с.

137. Пионерское движение в новой полосе. Материалы пленума ЦБ ЮП (сентябрь 1928 г.). – М.-Л., 1929. – 156 с.

138. Пионеры новой школы / Библиотека пионерского слета. – М.-Л., 1929. – 96 с.

139. XV съезд ВКП(б) и задачи комсомола (Резолюция пленума ЦК ВЛКСМ 29 октября 1927 г.). – М., 1928. – 23 с.

140. Резолюции IX Всесоюзного съезда комсомола. – М., 1931. – 63 с.

141. Резолюции и постановления VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ. – 2-е изд. – М., 1929. – 128 с.

142. Смена идет. I Всесоюзная конференция юных пионеров 20–22 августа 1929 г. – 2-е изд. – М.-Л., 1930. – 112 с.

143. Спутник делегата I краевого Сибирского слета юных пионеров (7–11 августа 1929 г.). – Новосибирск. 1929. – 34 с.

144. Стенографический отчет VIII Всесоюзного съезда ВЛКСМ (5–16 мая 1928 г.). – М., 1928. – 602 с.

145. Стенографический отчет VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ (17–24 июня 1929 г.). – М., 1929. – 468 с.

146. Стенографический отчет VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ (1–8 июля 1932 г.). – М., 1933. – 264 с.

Документы СВБ СССР

147. Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917 – 1932 гг. Сб. статей. М., 1932. – 527 с.: ил.

148. Как работать группе юных воинствующих безбожников. М., 1932. – 8 с.

149. Как работать школьной ячейке СВБ. – М., 1932. – 15 с.

150. Резолюции II Всесоюзного съезда воинствующих безбожников. – М., 1929. – 103 с.

151. Резолюции II пленума ЦС СВБ СССР (март 1930 г.). – М., 1930. – 30 с.

152. Резолюции I Ленинградского областного съезда СВБ СССР (1–3 декабря 1929 г.). – Л., 1930. – 45 с.

153. Стенографический отчет II Всесоюзного съезда СВБ (10–15 июня 1929 г.). – М., 1930. – 448 с.

154. Устав Союза безбожников СССР. – М., 1925. – 8 с.

155. IV расширенный пленум ЦС СВБ СССР (1–4 февраля 1938 г.). – М., 1938. – 56 с.

156. Четыре года работы. Отчет II Всесоюзному съезду безбожников. – М., 1929. – 118 с.: ил.

Труды государственных и общественных деятелей

157. Бойков И. Учитель и антирелигиозная пропаганда. – Новосибирск, 1928. – 17 с.

158. Бубнов А.С. Главные проблемы перестройки школы. Доклад и заключительное слово на VIII Всесоюзном съезде работников просвещения 5 апреля 1932 г. – М., 1932. – 64 с.

159. Глан М.Я., Кононов А.Т. Антирелигиозная пропаганда в школе. – М., 1926. – 163 с.

160. Зырянов Ив. Антирелигиозная пропаганда. Методология, задачи и содержание. – Харьков, 1926. – 146 с.

161. Крупская Н.К. Вопросы атеистического воспитания. Сб. статей и выступлений / Составители Л.С. Фрид и Э.М. Цимхес. – 2 изд., доп. – М., 1964. – 215 с.

162. Крупская Н.К. Из атеистического наследия / Составитель Г.С. Цовьянов, отв. ред. М.М. Персиц. – М., 1964. – 307 с.

163. Крупская Н.К. Какой нам нужен учебник. – М., 1930. – 46 с.

164. Луначарский А.В. Почему нельзя верить в Бога? Избранные атеистические произведения / Составители Л.Р.

Дунаевский, В.Д. Зельдович; под ред. Ф.Н. Олещука. – М., 1965. – 444 с.

165. Луначарский А.В., Скрыпник Н.А. Народное образование в СССР в связи с реконструкцией народного хозяйства. Доклады на VII съезде работников просвещения 1–9 марта 1929 г. – М., 1929. – 158 с.

166. Ножницкий Г. Безрелигиозное или антирелигиозное воспитание в советской школе. – М., 1929. – 93 с.

167. Олещук Ф.Н. Школа и воспитание активных атеистов. – 2-е изд., доп. – М.-Л., 1929. – 223 с.

168. Пинкевич А.П. Основы советской педагогики. Рабочая книга для педагогических техникумов. – М.-Л., 1929. – 350 с.

169. Реконструктивный период и перестройка школы. Материалы к докладу наркома просвещения УССР Н.А. Скрыпника на VII Всесоюзном съезде работников просвещения. – Харьков, 1932. – 36 с.

170. Ривес С.М. Религиозность и антирелигиозность в детской среде. – М., 1930. – 120 с.

171. Северьянова А.А. Два мира – две системы воспитания. Доклад на IX съезде ВЛКСМ «О работе среди детей». – М.-Л. 1931. – 63 с.

172. Степанов И.И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.-Л., 1925. – 73 с.

173. Шацкий С.Т. Педагогические сочинения. – М., 1964. – Т. 3. – 492 с.

174. Шацкий С.Т. Педагогические сочинения. – М., 1969. – Т. 4. – 328 с.

175. Шульгин В.Н. О воспитании коммунистической морали. – М., 1928. – 46 с.

176. Флеров И.А. Религия, семья и дети. – М., 1931. – 24 с.

177. Юров Д.Г. Антирелигиозная работа школы с родителями и населением. – 2-е изд., перераб. – М.-Л., 1930. – 64 с.

178. Ярославский Е.М. Против религии и Церкви. М., 1935. – Т. 3. Пролетарская революция в борьбе с религией. – 563 с.

179. Ярославский Е.М. Против религии и Церкви. М., 1935. – Т. 4. Борьба за преодоление религии. – 419 с.

180. Ярославский Е.М. Широко развернем антирелигиозную пропаганду. Доклад на областном совещании при МК ВКП(б) по вопросам антирелигиозной пропаганды 3 августа 1937 г. – М., 1937. – 24 с.

Периодическая печать

181. Антирелигиозник, научно-методический журнал ЦС СВБ СССР. – 1926–1933, 1939.

182. Безбожник, газета ЦС СВБ СССР. – 1927–1930.

183. Безбожник, журнал ЦС СВБ СССР. – 1930.

184. Безбожник, школьное издание газеты, орган ЦС СВБ СССР. – 1931.

185. Бюллетень Ленинградского областного отдела народного образования. – 1929–1930.

186. Бюллетень Наркомпроса РСФСР. – 1930–1931.

187. Вестник просвещения, общественно-политический журнал Московского отдела народного образования. – 1928–1929.

188. Вожатый, журнал по теории и практике детского коммунистического движения, орган ЦБ ЮП при ЦК ВЛКСМ и московского бюро ЮП при МК ВЛКСМ. – 1929.

189. Вопросы просвещения на Северном Кавказе, общественно-педагогический журнал Северокавказского краевого отдела народного образования. – 1928, 1929.

190. В помощь социалистическому соревнованию. Методический путеводитель для сельской школы. – 1930, 1931.

191. В помощь социалистическому соревнованию. Методический путеводитель для ФЗС и городской школы. – 1930.

192. Ежемесячник Северо-Двинского губернского отдела народного образования. – 1928, 1929.

193. Еженедельник Московского отдела народного образования. – 1928.

194. Еженедельник Наркомпроса РСФСР. – 1927–1929.

195. Естествознание в трудовой школе, методический журнал Главсоцвоса и Института методов школьной работы РСФСР. – 1928–1931.

196. За коммунистическое воспитание, массовый общественно-педагогический журнал Московского отдела народного образования. – 1931.

197. За коммунистическое просвещение, газета ЦК союза работников просвещения СССР. – 1930–1932.

198. За коммунистическую культуру, журнал Северокавказского краевого отдела народного образования. – 1930.

199. Известия ЦИК СССР и ВЦИК, газета. – 1929.

200. Коммунистическая революция, журнал АППО ЦК ВКП(б). – 1928, 1929.

201. Комсомольская правда, газета ЦК и МК ВЛКСМ. – 1928–1929.

202. Методический путеводитель, приложение к «Учительской газете». – 1928.

203. Методический путеводитель для работников массовых школ, журнал учебно-методического сектора Средневолжского краевого отдела народного образования. – 1930, 1931.

204. Методический путеводитель для сельской школы, приложение к «Учительской газете». – 1929.

205. Методический путеводитель для ФЗС и городской школы, приложение к «Учительской газете». – 1929.

206. На путях к новой школе, журнал научно-педагогической секции ГУСа. – 1929–1931.

207. Народное просвещение, журнал Наркомпроса РСФСР. – 1927–1929.

208. Народный учитель, журнал ЦК союза работников просвещения. – 1927–1930.

209. Нижегородский просвещенец, журнал Нижегородского краевого отдела народного образования и крайпроса. – 1929.

210. Нижегородский просвещенец, журнал Нижегородского краевого отдела народного образования. – 1929.

211. Наше хозяйство, журнал Владимирского губернского исполкома. – 1929.

212. Обществоведение в советской школе, журнал Наркомпроса РСФСР. – 1931.

213. Обществоведение в трудовой школе, журнал Главсоцвоса и Института методов школьной работы. – 1928, 1929.

214. Пионерская правда, газета ЦК и МК ВЛКСМ. – 1929–1930.

215. Правда, газета ЦК ВКП(б). – 1928–1930.

216. Просвещение, журнал Ленинградского областного отдела народного образования. – 1928–1932.

217. Просвещение Ивановской области, журнал областного отдела народного образования Ивановской промышленной области. – 1929–1931.

218. Просвещение на транспорте, журнал Центрального управления по просвещению на транспорте. – 1924, 1928.

219. Просвещение на Урале, журнал Уральского отдела народного образования. – 1928–1931.

220. Просвещение Сибири, журнал Сибирского краевого отдела народного образования. – 1928–1930.

221. Просвещение Среднего Поволжья, журнал Средневолжского областного отдела народного образования. – 1929.

222. Работник просвещения, журнал ЦКпроса и Московского губернского союза работников просвещения СССР. – 1928, 1929.

223. Революция и культура, издание газеты «Правда». – 1928–1929.

224. Русский язык в советской школе, журнал Наркомпроса РСФСР. – 1930.

225. Социалистическое соревнование фабрично-заводской семилетки. – 1931.

226. Учительская газета, орган ЦК союза работников просвещения СССР. – 1927–1929.

227. Школа и жизнь, журнал Нижегородского губернского отдела народного образования и Нижегородского губернского отдела союза работников просвещения СССР. – 1929.

228. Юные безбожники, журнал ЦК ВЛКСМ, Наркомпроса РСФСР и ЦС СВБ СССР. – 1931, 1932.

229. Юный коммунист, журнал ЦК ВЛКСМ. – 1927, 1928.

Художественные произведения

230. Солоухин В.А. Смех за левым плечом. Автобиографическая повесть // Роман-газета. – 1991. – № 10. – С. 1–46.

Неопубликованные архивные источники

231. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. А – 259. Совет Народных Комиссаров РСФСР. Оп. 13.

Ф. А – 1575. Главное управление социального воспитания и политехнического образования Наркомпроса РСФСР. Оп. 10.

Ф. А – 2306. Народный комиссариат по просвещению РСФСР.

Оп. 4. Административно-организационное управление.

Оп. 69. Секретариат

Ф. А – 7279. Секретариат Н.К. Крупской.

Ф. Р – 5263. Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК.

Оп. 2.

Ф. Р–5407. Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР и редакция газеты «Безбожник».

Оп. 1. ЦС СВБ.

Оп. 2. Редакция газеты «Безбожник».

232. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 17. Центральный комитет КПСС.

Оп. 85. Секретный отдел.

Оп. 87.

Оп. 113. Оргбюро и Секретариат ЦК.

Ф. 12. Н.К. Крупская.

Оп. 1.

Ф. 89. Е.М. Ярославский
Оп. 1; Оп. 4.
Ф. 142. А.В. Луначарский.
Оп. 1.

II. Литература

233. Алексеев В.А. Была ли в СССР «безбожная пятилетка» // Диспут. – 1992. – № 2. – С. 12–23.

234. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.

235. Андреева М.С. Коммунистическая партия – организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917 – 1933). – М.: Высшая школа, 1963. – 99 с.

236. Атеизм в СССР: становление и развитие. – М.: Мысль, 1986. – 235 с.

237. Богуславский М.В. Развитие общего среднего образования: проблемы и решения. Из истории отечественной педагогики 20-х гг. XX в. / Под редакцией З.И. Равкина. М.: Росс. акад. образ., 1994. – 182 с.

238. Власова О.Е. Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по атеистическому воспитанию трудящихся (1928 – 1937 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1984. – 16 с.

239. Воронцов Г.М. Осуществление Коммунистической партией Ленинской программы атеистического воспитания масс (1917–1937 гг.): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Л., 1970. – 763 с.

240. Готовский Л.А. Деятельность Коммунистической партии Украины по атеистическому воспитанию трудящихся (1928–1932 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Одесса, 1975. – 33 с.

241. Грабарь Т.Ф., Плотникова Е.Ф. Ленинский план культурной революции и его осуществление в СССР (1917–1927). – М.: Московский энерг. ин-т, 1967. – 48 с.

242. Давыдовская И.Г. Развитие теории и практики пролетарского атеизма в СССР (1917–1930 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 1958. – 20 с.

243. Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20–30-е гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1997. – 248 с.

244. Желнакова Н.Ю. Государственная политика по отношению к Русской Православной Церкви в 1920–30-е гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1995. – 180 с.

245. Зак Л.М. История изучения советской культуры. – М., Высшая школа, 1981. – 176 с.

246. Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. – Тверь: ООО Издательский дом «Булат», 1999. – Кн. 3. – 623 с.

247. История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина. – М., 1978. – 352 с.

248. История советской школы и педагогики / Под редакцией Н.А. Константинова, Е.Н. Медынского, М.Ф. Шабаевой. – М., 1954. – 265 с.

249. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. – М., Ин-т росс. истории РАН, 2001. – 215 с.

250. Киселева Н.В. Добровольные общества в Советской России (1917 – конец 1920-х гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Ростов-на-Дону. 1999. – 54 с.

251. Клемантович С.П. Эволюция государственной политики в области народного образования в 1920–1930-е гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2000. – 231 с.

252. Кольцов А.В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928–1932). М.: Издательство Академии наук, 1960. – 208 с.

253. Коновалов Б.Н. Проблемы теории и практики атеизма в СССР в 1920–1930-е гг.: (на материалах Союза воинствующих безбожников): Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 1968. – 287 с.

254. Константинов Н.А., Зиневич Н.А. Н.К. Крупская об атеистическом воспитании детей // Советская педагогика. – 1955. № 7. – С. 62–67.

255. Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. – М., 1961. – 508 с.

256. Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). – Волгоград: Перемена, 1997. – 367 с.

257. Крапивин М.Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой

степени доктора исторических наук. – СПб., 1999. – 40 с.

258. Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917 – 1920 год. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2002. – 416 с.

259. Крашенинников В.А. Деятельность партийных организаций Урала по атеистическому воспитанию трудящихся (1926–1932 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Свердловск, 1980. – 19 с.

260. Кузнецов П.А. Н.К. Крупская об атеистическом воспитании учащихся // Биология в школе. – 1959. – № 2. – С. 11–15.

261. Кузнецов М.С. Деятельность дальневосточной краевой партийной организации по осуществлению задач культурной революции (1928– 1937): Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Томск, 1973. – 39 с.

262. Куценко И.Я. Революция и культура (Очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918–1932 гг.). – Краснодар: Кн. изд-во, 1973. – 245 с.

263. Лившиц Г.М. Очерки по истории атеизма в СССР: 20–30-е гг. – Минск. 1985. – 215 с.

264. Майорова Н.С. Государство, Церковь, школа и их взаимоотношения в 1917–1929 гг. (На материалах Верхнего Поволжья): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Кострома, 2000. – 318 с.

265. Музафарова Н.И. Политика советского государства в религиозном вопросе в 1917–1937 гг. (на материалах Урала): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Екатеринбург. 1992. – 474 с.

266. Набиев Р.А. Политика советского государства по отношению к религии и Церкви в 20 – 30-е гг. (на материалах национальных республик Поволжья и Приуралья): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Казань, 1992. – 445 с.

267. Проскурина А.В. Политика советской власти в отношении религии и Церкви в деревне Северо-запада России в конце 1920-х – 1930-х гг.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Псков. 2002. – 21 с.

268. Разумов Д.С. Антицерковная политика советской власти. 1921–1929 гг. (по материалам Верхнего Поволжья): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ярославль, 1997. – 251 с.

269. Ревякин Е.С. Политика государственных, партийных и

общественных организаций в отношении религии и Церкви в 1929–1936 гг. (по материалам Ивановской промышленной области): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Иваново, 1995. – 292 с.

270. Салова Ю.Г. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е гг. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2001. – 198 с.

271. Советская культура в реконструктивный период. 1928 – 1941. М.: Наука, 1988. – 603 с.

272. Чуковенкова М.П. Н.К. Крупская как теоретик и практик атеистического воспитания подрастающего поколения: Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Л., 1964. – 350 с.

273. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937). – Свердловск: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1970. – 378 с.

274. Шимон И.Я. …Плюс атеизация всей страны (Государственно-церковные отношения в 1920-е – 1930-е гг.). – Дубна: Международный ун-т природы, об-ва и человека «Дубна», 2002. – 159 с.

275. Юдин В.Д. Деятельность партийной организации ЦЧО по атеистическому воспитанию населения (1928 – 1934 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Воронеж, 1970. – 21 с.

notes

Сноски

1

Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2006. С. 72.

Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465. С. 7669.

Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465. С. 7669.

Костюковский А., Шавлохова М. Маша разбудила Дарвина // Газета. 2006. № 230. 14 декабря. С. 5.

5

Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф. История советской школы и педагогики. М.,1954. С. 11. Глава «Советская школа и педагогика в период социалистической индустриализации (1926–1929 гг.)».

Константинов Н.А., Зиневич Н.А. Н.К. Крупская об атеистическом воспитании детей // Советская педагогика. 1955. № 7. С. 62–68.

Кузнецов П.А. Н.К. Крупская об атеистическом воспитании учащихся // Биология в школе. 1959. № 2. С. 11–15.

См.: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961.

Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917–1920. М., 1958.

Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961. С. 283–296.

11

Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М.,1961. С. 295–296.

12

См.: Чуковенкова М.П. Н.К. Крупская как теоретик и практик атеистического воспитания подрастающего поколения. Дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук. М., 1964. С. 88–215.

13

См.: Зак Л.М. Строительство советской культуры. М., 1981; См., также: Кольцов А.В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928–1932). М., 1960; Андреева М.С. Коммунистическая партия – организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917–1933). М., 1963; Грабарь Т.Ф., Плотникова Е.Ф. Ленинский план культурной революции и его осуществление в СССР (1917–1927). М., 1967; Чуфаров В.Г. Деятельность партийной организации Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937). Свердловск, 1970; Кузнецов М.С. Деятельность дальневосточной краевой партийной организации по осуществлению задач культурной революции (1928–1937). Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Томск. 1973; Куценко И.Я. Революция и культура (Очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918–1932 гг.). Краснодар. 1973 и др.

14

См.: Давыдовская И.Г. Развитие теории и практики пролетарского атеизма в СССР (1917–1930). Автореф. канд. дисс. философ. наук. М., 1958.

Коновалов Б.Н. Проблемы теории и практики атеизма в СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Союза воинствующих безбожников). Дисс. на соискание ученой степени канд. философ. наук. М., 1968. С. 174–181.

Воронцов Г.М. Осуществление Коммунистической партией ленинской программы атеистического воспитания масс (1917–1937). Дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Л., 1970. С. 523.

17

См., например: Юдин В.Д. Деятельность партийной организации ЦЧО по атеистическому воспитанию населения (1929–1934). Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Воронеж, 1970; Готовский Л.А. Деятельность Коммунистической партии Украины по атеистическому воспитанию трудящихся (1928–1932 гг.). Одесса, 1975; Крашенинников В.А. Деятельность партийных организаций Урала по атеистическому воспитанию трудящихся (1926–1932 гг.). Свердловск. 1980; Эйнгорн И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937). Томск, 1982; Власова О.Е. Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по атеистическому воспитанию трудящихся (1928–1934 гг.). М., 1984; Лившиц Г.М. Очерки по истории атеизма в СССР: 20–30-е гг. Минск, 1985.

18

Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941. М., 1988. С. 117.

19

Богуславский М.В. Развитие общего среднего образования: проблемы и решения. Из истории отечественной педагогики 20-х годов XX века. М., 1994. С. 59–62, 82, 160, 170–172.

20

См.: Клемантович С.П. Эволюция государственной политики в области народного образования в 1920 – 1930-е годы. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2000. С. 105–109; Майорова Н.С. Государство, Церковь, школа и их взаимоотношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Кострома, 2000. С. 239–240; Салова Ю.Г. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы. Ярославль, 2001.

21

Музафарова Н.И. Политика советского государства в религиозном вопросе в 1917–1937 гг. (На материалах Урала). Дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 336; Набиев Р.А. Политика советского государства по отношению к Церкви в 20–30-е гг. (На материалах Поволжья и Приуралья). Дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Казань, 1992. С. 306; Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991; он же. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? // Диспут. 1992. № 2. С. 12–23.

R. Stites. Revolutionary dreams. N-Y. 1988.

23

См., например: Желнакова Н.Ю. Государственная политика по отношению к Русской Православной Церкви в 20–30-е годы. М., 1995; Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20–30-е гг. М., 1997; Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). Волгоград, 1997; Он же. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917 – конец 1920-х гг.). СПб., 1999; Разумов Д.С. Антицерковная политика советской власти 1921–1929 г. (по материалам Верхнего Поволжья). Ярославль, 1997; Киселева Н.В. Добровольные общества в Советской России (1917 – конец 1920-х гг.). Ростов-на-Дону, 1999; Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е гг. М., 2001; Шимон И.Я. …Плюс атеизация всей страны (Государственно-церковные отношения в 1920–1930-е гг.). Дубна, 2002; Luukkanen Arto. The religions policy of the Stalinist state. Helsinki. 1997; Peric Daniel. Storming the heavens: The Soviet League of militant Godless. Ithaca, 1998 и др.

Ревякин Е.С. Политика государственных, партийных и общественных организаций в отношении религии и Церкви в 1929–1936 гг. (По материалам Ивановской промышленной области). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Иваново, 1995. С. 235–249; Проскурина А.В. Политика советской власти в отношении религии и Церкви в деревне Северо-запада России в конце 1920-х – 1930-х гг. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Псков, 2002. С. 14–15.

25

Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 годы. М., 2002. С. 27.

26

Народное образование в СССР. Сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 18 (далее: Народное образование в СССР).

Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1993. С. 15.

Народное образование в СССР. С. 12.

29

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 18. Ст. 263. С. 273.

Народное образование в СССР. С. 132.

31

Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. Сб. статей и материалов. / Сост. А. Волков. М., 1925. С. 26 (далее: Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах).

32

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 133. Л. 3.

33

Там же. Лл. 3–4.

Крупская Н.К. Из атеистического наследия. М., 1964. С. 184.

35

Цит. по: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961. С. 283–284 (далее: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Указ. соч.).

Шульгин В.Н. О программах // Революция и культура. 1929. № 9–10. С. 33.

37

Учительская газета. 1927. № 44. С. 2.

38

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 156. Л. 31.

Лазаревич-Игнатьев Е.П. Практика антирелигиозного воспитания // Просвещение на транспорте. 1924. № 8. С. 49.

40

Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. С. 210–211.

Крупская Н.К. Антирелигиозное воспитание в школе при советской власти // На путях к новой школе. 1929. № 1. С. 15.

Она же. Об антирелигиозном воспитании в школе // Революция и культура. 1928. № 15. С. 26.

43

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

Там же. Л. 2.

45

Там же.

Луначарский А.В. Почему нельзя верить в Бога? Избранные атеистические произведения. М., 1965. С. 290.

Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 3.

Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 8.

49

Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 8.

Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 8.

51

Катанская А.Л. О безрелигиозном воспитании в школе I ступени. М., 1925. С. 10–11.

52

Крупская Н.К. Указ. соч. // Революция и культура. 1928. № 15. С. 22.

53

Эпштейн М.С. Теоретические упражнения тов. Шульгина // Работник просвещения. 1929. № 20. С. 4.

Шульгин В.Н. О программах // Революция и культура. 1929. № 9–10. С. 32.

Крупенина М.В. Указ. соч. // Коммунистическая революция. 1929. № 1. С. 33.

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 11.

57

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1928. Вып. 2. С. 63.

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 62.

59

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 40, 102.

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 41.

61

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 91.

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 1. С. 121.

63

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 3. С. 39.

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 3. С. 73.

Программы и методические записки единой трудовой школы. М.-Л., 1927. Вып. 3. С. 80.

Программы и методические записки… Вып. 5. С. 91.

Программы и методические записки… Вып. 5. С. 95.

См., например: Комплексные программы для трудовой школы I ступени Автономной Калмыцкой области. Астрахань, 1928. С. 104, 134, 136, 137–138.

Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. С. 55.

Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. С. 55.

Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. С. 59.

Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. С. 60.

Степанов И.И. Задачи и методология антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.-Л., 1925. СС. 62.

Зырянов Ив. Антирелигиозная пропаганда. Методология, задачи и содержание. Харьков. 1926. С. 57 (далее: Зырянов Ив. Указ. соч.).

Глан Я.М., Кононов А.Т. Антирелигиозная пропаганда в школе. М., 1926. С. 67.

Глан Я.М., Кононов А.Т. Антирелигиозная пропаганда в школе. М., 1926. С. 67–68.

Олещук Ф.Н. Об антирелигиозной пропаганде среди пионеров / Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. М., 1925. С. 35.

Олещук Ф.Н. Об антирелигиозной пропаганде среди пионеров / Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. М., 1925. С. 42.

Блинников А. О безрелигиозном воспитании // Народный учитель. 1927. № 7–8. С. 38.

Блинников А. О безрелигиозном воспитании // Народный учитель. 1927. № 7–8. С. 37.

81

Темкин А. Что думает крестьянство и казачество Донокруга о школе // Народное просвещение. 1927. № 8–9. С. 177.

82

Ежемесячник Северодвинского губоно. 1928. № 6–8. С. 8.

83

ГАРФ. Ф. А-1575. Оп. 10. Д. 555. Л. 117.

84

ГАРФ. Ф. А-1575. Оп. 10. Д. 555. Л. 117.

Антирелигиозник. 1928. № 3. С. 57–62.

Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1928. С. 12.

Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1928. С. 145.

Бендриков К. Религиозные, национальные и политические представления детей-школьников // Народное просвещение. 1928. № 12. С. 30.

89

Бендриков К. Указ. соч. С. 40. См. также: ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 428. Л. 89.

Там же. С. 43; там же. Л. 90.

Вожатый. 1929. № 1. С. 42.

Просвещение на Урале. 1928. № 7–8. С. 98.

93

Учительская газета. 1928. № 15. С.4; см. также: ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 12. Лл. 59–60.

Марголина С. Дети-безбожники в современной семье // Революция и культура. 1929. № 14. С. 43–44. Ссылается на: Пионерская правда. 1926. № 10; 1927. № 23; 1928. № 68.

Ингулов С.Б. Указ. соч. // Учительская газета. 1928. № 20. С. 3.

Перель И.А. Руководящие линии // Просвещение на Урале. 1928. № 7–8. С. 8.

Просвещение Среднего Поволжья. 1929. № 7–8. С. 98.

ГАРФ. Ф. А – 5407. Оп. 1. Д. 14. Л. 125.

Просвещение Среднего Поволжья. 1929. № 7–8. С. 98.

100

Просвещение Среднего Поволжья. 1929. № 7–8. С. 98.

101

Народное просвещение в ЦЧО к маю 1929 года. Воронеж, 1929. С. 22.

Народное просвещение. 1928. № 5. С. 32.

103

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 69. Д. 815. Л. 105.

Цит. по: Зырянов Ив. Указ. соч. С. 135.

105

Ярославский Е.М. Против религии и церкви. Собр. соч. М., 1935. Т. 3. С. 230 (далее: Ярославский Е.М. Указ. соч.).

Учительская газета. 1928. № 40. С. 7.

107

Антирелигиозник. 1927. № 4. С. 34–35.

Коростелев А.А. Просвещение и безбожие // Антирелигиозник. 1927. № 7. С. 5.

109

Амосов Н.К. Воинствующий атеизм // Учительская газета. 1927. № 44. С. 2.

Он же. На школьном антирелигиозном фронте // Антирелигиозник. 1927. № 11. С. 9.

111

Там же.

112

Там же.

113

Антирелигиозник. 1927. № 11. С. 11.

Там же. 1928. № 1. С. 114.

115

Учительская газета. 1927. № 44. С. 2.

Ярославский Е.М. Указ. соч. С. 316.

117

Коростелев А.А. Антирелигиозная пропаганда и учительство // Антирелигиозник. 1927. № 11. С. 7.

118

Учительская газета. 1927. № 44. С. 2.

119

Амосов Н.К. На школьном антирелигиозном фронте // Антирелигиозник. 1927. № 11. С. 8.

120

Васильев В. О конкретных делах // Просвещение. 1928. № 12. С. 64.

121

Антирелигиозник. 1927. № 7. С. 8.

122

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 6.

123

Учительская газета. 1927. № 41. С. 2.

124

Там же.

125

Учительская газета. 1928. № 6. С. 2.

Амосов Н.К. За воинствующий атеизм // Там же.

Амосов Н.К. За воинствующий атеизм // Там же.

Амосов Н.К. Слово за Наркомпросом // Антирелигиозник. 1928. № 3. С. 52.

129

См.: Учительская газета. 1928. № 20. С. 4.

Ножницкий Г. Безрелигиозное или антирелигиозное воспитание в советской школе. М.: 1929. С. 9 (далее: Ножницкий Г. Указ. соч.).

131

Цит. по: Ножницкий Г. Указ. соч. С. 47–49.

Там же. С. 50.

133

Учительская газета. 1928. № 20. С. 4.

Ножницкий Г. Указ. соч. С. 52–54.

135

Там же. С. 54.

Там же. С. 55.

137

Учительская газета. 1928. № 20. С. 4.

Ножницкий Г. Указ. соч. С. 50–61.

139

Учительская газета. 1928. № 20. С. 4.

Ножницкий Г. Указ. соч. С. 64.

141

Там же. С. 73.

Там же. С. 74.

Ножницкий Г. Указ. соч. С. 75.

Учительская газета. 1928. № 20. С. 4.

145

Чефранов А. Довольно играть в прятки // Учительская газета. 1928. № 20. С. 4.

Волошин С. Непротивление злу // Там же.

П.А. В наступление! // Там же.

Ножницкий Г. Указ. соч. С. 87.

149

Там же.

150

Амосов Н.К. Правы ли «безрелигиозники» // Учительская газета. 1928. № 20. С. 4.

151

См: Учительская газета. 1927. № 49. С. 5.

152

Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание в школе. Стенограмма диспута // Антирелигиозник. 1928. № 1. С. 112–113.

153

Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание в школе. С. 116.

Там же. С. 115–116.

155

Там же. С. 117.

Там же. С. 116.

157

Там же. С. 126.

Там же. С. 125.

159

Антирелигиозное или безрелигиозное воспитание в школе. Стенограмма диспута // Антирелигиозник. 1928. С. 126.

Там же. С. 119.

161

Там же. С. 128.

162

Учительская газета. 1928. № 25. С. 2.

163

Там же.

Кузнецов М. Итоги антирелигиозного воспитания в школах // Антирелигиозник. 1929. № 9. С. 85.

165

Работник просвещения. 1928. № 18. С. 25.

166

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 625. Лл. 3–4 об.

Там же. 1928. № 17. С. 18; № 23. С. 16.

Антирелигиозник. 1928. № 5. С. 51.

169

Флеров И.А. Что нами сделано // Антирелигиозник. 1928. № 3. С. 55.

170

Там же.

171

Флеров И.А. Что нами сделано. С. 55.

172

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 23. Л. 27.

173

Там же. Лл. 3–3 об.

174

Цит. по: Вакурова А. Вспомним свою историю // Юные безбожники. 1932. № 10. С. 10–11.

175

Там же.

176

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 21. Л. 24.

177

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 22. Л. 39.

Костеловская М.М. Указ. соч. // Вестник просвещения. 1928. № 3. С. 22–23.

179

Там же. С. 22.

Там же. 1928. № 9. С. 37–41.

181

К.О.С. Просвещенцы об антирелигиозном воспитании в школе // Антирелигиозник. 1928. № 5. С. 50.

182

Цит. по: Обществоведение в трудовой школе. 1928. № 3–4. С. 176.

183

Терентьев А. Борьба школы с религией // Просвещение на транспорте. 1928. № 7–8. С. 13.

184

Там же.

185

Методический путеводитель. 1928. № 4. С. 59.

Ушатский Л. Антирелигиозная пропаганда в школе // Просвещение Сибири. 1927. № 12. С. 27.

Он же. Комплексирование антирелигиозного материала // Просвещение на Урале. 1928. № 6. С. 57.

И.Щ. За антирелигиозное воспитание в школе // Там же. 1928. № 6. С. 28.

189

Обществоведение в трудовой школе. 1928. № 3–4. С. 150.

190

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 539. Л. 89.

191

Там же. Л. 113.

Там же. Л. 128.

193

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 539. Лл. 128–129.

Там же. Л. 128.

195

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 539. Лл. 113–114.

Там же. Лл. 159–160, 163–165; Обществоведение в трудовой школе. 1928. № 3–4. С. 174.

197

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 539. Л. 114.

198

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 540. Л. 223.

199

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 540. Л. 228; Естествознание в трудовой школе. 1928. № 2. С. 70.

Там же. Л. 266; там же. С. 94.

201

Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1928. № 6. С. 55–56.

202

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 415. Л. 65.

203

Учительская газета. 1928. № 52. С. 4.

Учительская газета. 1929. № 7. С. 2.

205

Там же. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 670. Л. 109.

Шацкий С.Т. Педагогические сочинения. М., 1964. Т. 3. С. 195.

207

Пинкевич А.П. Основы советской педагогики. М.-Л., 1929. С. 277.

Пинкевич А.П. Основы советской педагогики. М.-Л., 1929. С. 282–283.

209

Там же. С. 285–286.

Там же. С. 286.

211

Шульгин В.Н. Указ. соч. // Коммунистическая революция. 1928. № 19. С. 91.

Шульгин В.Н. Указ. соч. С. 91.

213

Там же. С. 18.

Крупская Н.К. Указ. соч. // Антирелигиозник. 1927. № 10. С. 22.

215

Задачи агитации, пропаганды и культурного строительства. М.-Л., 1928. С. 85.

216

Цит. по: Олещук Ф.Н. За антирелигиозное воспитание в школе // Революция и культура. 1928. № 10. С. 25 (далее: Олещук Ф.Н. Указ. соч.).

См.: Антирелигиозник. 1928. № 1. С. 127.

Олещук Ф.Н. Указ. соч. С. 25.

219

Там же. С. 23.

Крупская Н.К. Указ. соч. // Революция и культура. 1928. № 15. С. 22.; На путях к новой школе. 1928. № 7–8. С. 6–12.

221

Там же.

Там же. С. 23.

Там же. С. 26.

224

Там же.

225

См., например: Амосов Н.К. Слово за Наркомпросом // Антирелигиозник. 1928. № 3. С. 52.

Народное просвещение. 1928. № 5. С. 7.

Там же. С. 19.

228

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 178. Л. 2–3; см. также: Луначарский А.В. Почему нельзя верить в Бога. М., 1965. С. 310.

229

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 65.

Ярославский Е.М. Не ослабляйте борьбы с влиянием религии // Антирелигиозник. 1927. № 12. С. 5.

231

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

232

Сталин И.В. Отчет ЦК пятнадцатому съезду ВКП (б). М.-Л., 1928. С. 68.

233

Правда. 1928. № 90. С. 3.

Задачи агитации, пропаганды и культурного строительства. М.-Л., 1928. С. 47.

Там же. С. 243–244.

236

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 552. Л. 98.

Учительская газета. 1928. № 21. С. 5.

238

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 428. Л. 459; Д. 552. Л. 87.

239

Там же.

240

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 539. Л. 137.

241

Там же. Л. 138.; см. также: Обществоведение в трудовой школе. 1928. № 3–4. С. 167.

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 35. С. 9.

243

Учительская газета. 1928. № 42. С. 4.

Работник просвещения. 1928. № 20. С. 20.

245

Учительская газета. 1928. № 20. С. 4.

246

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 552. Л. 82.

247

Там же. Л. 79.

Там же. Л. 15.

249

Там же. Л. 34а.

250

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 552. Л. 40.

251

Там же. Л. 44–51.

Там же. Л. 62.

253

Там же. Л. 75–76.

См.: Антирелигиозное воспитание в школах повышенного типа. Письмо пятнадцатое. Серия методических писем Главсоцвоса. М.-Л., 1929. С. 55.

255

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 157.

Там же. Л. 158.

257

Там же. Л. 159.

Там же.

259

Там же. Д. 552. Л. 89.

260

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 168 об.

261

Там же. Л. 139.

Еженедельник МОНО. 1928. № 4. С. 3.

263

Вестник просвещения. 1928. № 3. С. 25.

Бойков И. Учитель и антирелигиозная пропаганда. Новосибирск, 1928. С. 16.

265

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 552. Л. 82.

Там же. Д. 434. Л. 77.

267

Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1928. № 17–18. С. 59.

268

Методическое письмо об антирелигиозном воспитании в школе. Кадников, 1928. С. 10–11.

269

Об антирелигиозной работе в культурно-просветительных учреждениях. Орел, 1928. С. 2–4.

270

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 14. Л. 124.

271

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 137.

Там же. Л. 136.

273

Методическое письмо об антирелигиозном воспитании в школе. Брянск, 1928. С. 3.

Олещук Ф.Н. Указ. соч. // Учительская газета. 1929. № 2. С.2.

275

Методическое письмо об антирелигиозном воспитании в школе. Брянск, 1928. С. 9.

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 122.

Там же. Л. 124.

278

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 21.

Работник просвещения. 1928. № 7. С. 14.

280

Ежемесячник Северодвинского губоно. 1928. № 6–8. С. 5.

281

ГАРФ. Ф. А – 5407. Оп. 2. Д. 23. Л. 21.

282

Учительская газета. 1928. № 48. С. 6.

283

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 16.

Там же. Л. 14 об.

285

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Лл. 14 об. – 15.

286

Московский комитет ВЛКСМ пятнадцатому губсъезду. Проект постановлений. М., 1928. С. 32.

287

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1927. № 14. Ст. 319. С. 15.

288

Восьмой Всесоюзный съезд ВЛКСМ (5–16 мая 1928 года). Стенографический отчет. М., 1928. С. 519.

289

Там же. С. 589.

Пионерское движение в новой полосе. Материалы пленума ЦБ ЮП. М.-Л., 1929. С. 73–74.

Там же. С. 109–110.

Там же. С. 141.

293

Колосова С. Совещание пионер-педагогов по вопросам антирелигиозной работы в школе // Антирелигиозник. 1928. № 10. С. 69.

Там же. С. 70.

295

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 14. Л. 7–9.

296

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 14. Л. 7–8.

297

Там же. Л. 6–7.

Там же. Л. 3.

299

Там же.

300

Там же.

301

Правда. 1928. № 284. С. 5.

302

Олещук Ф.Н. Может ли Союз безбожников творить чудеса? // Правда. 1928. № 284. С. 5.

303

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 516. Л. 26.

Там же. Л. 24.

Там же. Л. 21.

306

ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 1634. Л. 41; Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 132.

307

Просвещение на транспорте. 1929. № 3–4. С. 158.

308

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 11–11 об.

309

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 11–11 об.

Там же. Л. 115 об.

311

Там же. Л. 116.

312

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 131. Лл. 5–6.

Там же. Л. 8.

314

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. М.: 2000. Т. 1. С. 613.

315

Там же. С. 615.

316

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. Д.6. Л. 94.

317

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. М., 2000. Т. 1. С. 697.

318

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 16.

319

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 688. Л. 66.

Просвещение на транспорте. 1928. № 7–8. С. 118.

321

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 688. Л. 54.

322

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 40.

323

Там же. Д. 683. Л. 62; Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 8.

324

Учительская газета. 1928. № 40. С. 7.

325

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 3.

326

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 6; Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 30.

327

Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 38.

328

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 39.

329

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 47–48.

Там же. Л. 50.

331

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 43.

Там же. Л. 58.

Там же. Л. 61.

334

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 62; Ф. 89. Оп. 4. Д. 26. Л. 8.

Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 65.

336

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 683. Л. 65.

Там же. Д. 871. Л. 24 об.

Правда. 1928. № 299. С.1.

339

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 25.

Там же. Д. 691. Л. 2.

341

Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 503. Л. 2–2 об.

Правда. 1929. № 47. С. 3.

343

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. М., 2000. Т. 1. С. 664.

344

ГАРФ. Ф. Р – 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–2.

345

Там же. Л. 1.

Там же. Л. 1 об.

347

Там же.

348

ГАРФ. Ф. Р – 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 2.

349

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 688. Л. 72.

350

Учительская газета. 1928. № 18. С. 4.

351

Просвещение на транспорте. 1928. № 7–8. С. 119.

352

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 23. Л. 35.

353

Там же. Д. 32. Л. 82.

354

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 23. Л. 20.

Там же. Д. 14. Л. 74.

356

См., например: РГУ ЦДОАП КЧР. Ф. П – 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 58.

Там же. Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 396.

358

ХДНИ НАРА. Ф. – 1. Оп. 1. Д. 238. Лл. 207–208.

359

Четыре года работы. Отчет II Всесоюзному съезду безбожников. М., 1929. С. 45.

360

Антирелигиозное воспитание в школах повышенного типа. М.-Л., 1929. С. 5.

Там же. С. 6.

362

Антирелигиозное воспитание в школах повышенного типа. С. 7.

Там же. С. 9–56.

Там же. С. 57–59.

365

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 104.

Там же. Л. 104.

367

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 105.

Общественно-политическое воспитание умственно отсталых и физически дефективных детей. М.-Л., 1930. С. 3.

369

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 48. Л. 65.

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 516. Л. 52.

371

Там же.

Там же. Л. 58.

Егоров С.П. Указ. соч. М.-Л., 1929. 53 с.

Он же. Указ. соч… М.-Л., 1930. 68 с.

375

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 134.

376

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 713. Л. 46.

Там же. Л. 45.

378

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 713. Л. 41.

Там же. Л. 43.

См.: Ибрагимов Гали. Как вести антирелигиозное воспитание в советской национальной школе (Инструктивное письмо). М., 1930. 36 с. (Далее: Ибрагимов Гали. Указ. соч.).

381

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 752. Л. 21.

Ибрагимов Гали. Указ. соч. С. 10.

Там же. С. 23.

Ибрагимов Гали. Указ. соч. С. 23.

385

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 752. Л. 108.

Там же. Д. 713. Л. 57.

387

Кобецкий М.С. Антирелигиозное воспитание в советской школе национальных районов // Коммунистическая революция. 1929. № 6. С. 60.

Кобецкий М.С. Антирелигиозное воспитание… С. 58.

389

Там же. С. 61.

390

Там же.

391

Антирелигиозное воспитание в школе. Инструктивное письмо. Л., 1929. 59 с.

392

Антирелигиозное воспитание в школах соцвоса. Методическое письмо. Нижний Новгород, 1929. 32 с.

393

Методическое письмо о постановке антирелигиозного воспитания в школах соцвоса. Вологда, 1929. С. 3.

394

См.: Антирелигиозное воспитание в школе I ступени. Методическое письмо. Свердловск, 1929. 43 с.; Безземский А.И. Антирелигиозное воспитание в школе I ступени. Россошь. 1929. 29 с.; Антирелигиозное воспитание в школах I ступени. Ульяновск, 1929. 26 с.

395

См.: Сунгуров М.П. Антирелигиозная работа в школе I ступени. Самара. 1929. 58 с.; Антирелигиозная работа в школах колхозной молодежи. М.-Самара, 1930. 57 с.

См., например: Об антирелигиозном воспитании / Барабинский окроно. Каинск, 1930. 10 с.; Пути антирелигиозного воспитания. Письмо первое / Коломенский педагогический техникум. Коломна, 1929. 12 с.

Луначарский А.В., Скрыпник Н.А. Народное образование в СССР в связи с реконструкцией народного хозяйства. М., 1929. С. 102 (далее: Луначарский А.В., Скрыпник Н.А. Указ соч.).

398

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 713. Л. 45.

399

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 626. Лл. 19–19 об.

400

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 509. Лл. 73–73 об.

401

Там же. Л. 74.

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 16–17. С. 34–35.

403

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 339. Л. 3.

Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 535. Лл. 37–38.

405

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 69. Д. 1878. Л. 1.

Там же. Д. 1876. Л. 24.

407

Луначарский А.В., Скрыпник Н.А. Указ. соч. М.: 1929. С.102; Правда. 1929. № 47. С. 3.

408

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 473. Лл. 5 – 5 об.; ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Лл. 96–96 об.

409

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 69. Д. 1878. Л. 1.

410

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Лл. 94–94 об.

411

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 473. Л. 3; ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 106.

412

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 473. Л. 13.

413

Там же. Л. 7.

414

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 473. Л. 8–12.

415

См.: Крупская Н.К. Вопросы атеистического воспитания. Сб. статей и выступлений. М., 1964. С. 73.

416

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 178. Л. 7.

Народное просвещение. 1929. № 6. С. 28; см. также: Алексеев В.А. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? // Диспут. 1992. № 2. С. 15.

Стенографический отчет Второго съезда СВБ. М., 1930. С. 26.

419

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 691. Л. 2.

Там же. Д. 695. Л. 125.

421

Там же. Л. 2.

422

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 435. Л. 7.

423

ГАРФ. Ф. А – 259. Оп. 13. Д. 109. Л. 8.

424

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 20–21. С. 19.

425

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 178. Л. 32; см. также: Стенографический отчет Второго съезда СВБ. М., 1930. С. 168–169.

426

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 50. С. 28.

427

Там же.

Там же.

429

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 50. С. 28.

430

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 48. Л. 117.

Там же. Л. 137.

Бюллетень Ленинградского облоно. 1930. № 3. С. 10.

433

Бондарев А. Букет комиссий // Учительская газета. 1929. № 132. С. 3.

Проект устава единой трудовой школы. М.: 1928. С. 9.

435

Кучинский Д. От робких начинаний к организованному наступлению (Антирелигиозная работа Союза) // Работник просвещения. 1929. № 2. С. 6.

Решения VII Всесоюзного съезда профсоюза работников просвещения СССР. М., 1929. С. 11.

Решения VII Всесоюзного съезда… С. 98.

На новых путях / Библиотека второго пленума ЦК работников просвещения. М., 1929. С. 196.

439

См., например: Сб. решений I краевой конференции и III пленума Союза работников просвещения Нижневолжского края. Саратов. 1929. С. 5–7; Нижегородский просвещенец. 1929. № 1–2. С. 110; Лепорская В. Итоги III пленума крайпроса // Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1929. № 17. С. 60.

440

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 104 об.

441

На новых путях / Библиотека второго пленума ЦК работников просвещения. М., 1929. С. 196.

442

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 48. Л. 52.

Там же. Л. 122.

444

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 48. Л. 122.

445

Решения VII Всесоюзного съезда профсоюза работников просвещения СССР. М., 1929. С. 98–99.

446

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 18. С. 25.

Там же. С. 25–26.

Там же. С. 25.

Там же. С. 27–29.

450

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 465. Л. 46.

451

Учительская газета. 1929. № 28. С. 2.

452

Решения VII Всесоюзного съезда профсоюза работников просвещения СССР. М., 1929. С. 98.

453

Учительская газета. 1929. № 51. С. 5.

Указ. издание. М.-Л., 1929. С. 7.

455

Учительская газета. 1929. № 86. С. 4.

456

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 115 об.

457

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 115 об; см. также: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Указ. соч. С. 288.

Там же. Л. 116; см. также: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Указ. соч. С. 288.

459

Народное просвещение. 1929. № 3–4. С. 32.

460

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 465. Л. 73 об.

Луначарский А.В., Скрыпник Н.А. Указ соч. С. 104.

Луначарский А.В., Скрыпник Н.А. Указ. соч. С. 126–127.

463

Там же. С. 104.

Цит. по: Луначарский А.В. Почему нельзя верить в Бога? Избранные атеистические произведения. М.,1965. С. 305.

Луначарский А.В., Скрыпник Н.А. Указ. соч. С. 125–127.

466

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 517. Лл. 94–94 об.

467

Верующему просвещенцу не место в школе // Учительская газета. 1928. № 43. С. 5.

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 547. Л. 130.

469

Там же.

Учительская газета. 1928. № 40. С. 4.

471

Там же. № 42. С. 4.

472

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 517. Л. 98.

473

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 502. Л. 61.

Там же. Л. 55.

475

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 625. Л. 26 об.

Учительская газета. 1929. № 86. С. 4.

Там же. № 98. С. 3.

Матвеев И. Лозунг самоочищения на практике // Работник просвещения. 1929. № 21–22. С. 17.

479

Учительская газета. 1929. № 36. С. 3.

Просвещение Среднего Поволжья. 1929. № 9–10. С. 37.

481

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 124. Л. 27.

482

Ярославский Е.М. Антирелигиозная пропаганда в системе партстроительства // Коммунистическая революция. 1929. № 13. С. 36.

483

Там же. С. 37.

Резолюции II Всесоюзного съезда воинствующих безбожников. М., 1929. С. 12.

485

Резолюции II Всесоюзного съезда воинствующих безбожников. М., 1929. С. 49.

Там же. С. 89.

Там же. С. 99.

Ревякин Е.С. Политика государственных, партийных и общественных организаций в отношении религии и Церкви в 1929–1936 гг. (по материалам Ивановской области). Иваново, 1995. С. 236.

489

Ревякин Е.С. Политика государственных… С. 237; см. также: Просвещение Ивановской области. 1929. № 4. С. 23.

Резолюции I Ленинградского областного съезда СВБ. Л., 1930. С. 35.

491

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. М., 2000. Т. 1. С. 697.

Там же. С. 710; см. также: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 122. Л. 5.

493

Там же. С. 713; см. также: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 122. Л. 7.

494

ГАРФ. Ф. Р – 5263. Оп. 2. Д. 7. Лл. 4; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 122. Л. 9, 11.

Там же. Л. 7; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 122. Л. 14.

496

ГАРФ. Ф. Р – 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 17.

Там же. Л. 5.

Там же. Л. 17.

499

ГАРФ. Ф. Р – 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 17.

500

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. М., 2000. Т. 1. С. 715, 717, 719.

501

Просвещение Среднего Поволжья. 1929. № 3. С. 2.

502

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 60. Л. 53.

503

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 25. Л. 60.

Резолюции и постановления VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ. М., 1929. С. 35–36.

505

Стенографический отчет VI Всесоюзной конференции ВЛКСМ. М., 1929. С. 154.

506

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 391. Л. 221.

507

Там же. Л. 257.

Там же. Л. 288–289.

509

Наказы I Всекарельского слета юных пионеров. Петрозаводск, 1929. С. 8.

510

Спутник делегата I краевого Сибирского слета юных пионеров. Новосибирск, 1929. С. 17.

511

Смена идет. I Всесоюзная конференция юных пионеров 20–22 августа 1929 г. М.-Л., 1930. С. 8.

См.: Пионеры новой школы. М.-Л., 1929. 96 с.

513

Безбожник (газета). 1929. № 35. С. 2.

514

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 28. Л. 94 об.

515

Естествознание в трудовой школе. 1930. № 4. С. 89.

516

Дети – строители новой школы. М., 1930. С. 87.

517

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 4. Д. 745 а. Лл. 62, 89.

Там же. Л. 29.

519

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 4. Д. 745 а. Л. 110.

520

ГАРФ. Ф-А-2306. Оп. 4. Д. 745 г. Л. 12 об.

521

Учительская газета. 1929. № 22. С. 5.

522

Учительская газета. 1929. № 49. С. 3.

523

Адамович Е. Методические приемы антирелигиозного воспитания // Народный учитель. 1929. № 7–8. С. 90.

Народное просвещение. 1929. № 3–4. С. 23.

525

Кузнецов М. Антирелигиозная работа в школах Балашовского округа // На культурном фронте. 1930. № 7–8 (апрель). С. 42.

526

Учительская газета. 1929. № 145. С. 4.

527

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 4. Д. 745 а. Л. 62.

528

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 119. Л. 4.

529

Олещук Ф.Н. Воз на месте // Учительская газета. 1929. № 121. С. 3.

530

Учительская газета. 1928. № 51. С. 4.

531

Учительская газета. 1928. № 52. С. 5.

Там же.

533

Там же.

Там же.

535

Там же. 1929. № 1. С. 2.

Там же. № 2. С. 4.

537

Бордюгов Геннадий, Козлов Владимир. «Революция сверху» и трагедия «чрезвычайщины» // Литературная газета. 1988. № 41. С. 11.

538

Учительская газета. 1929. № 33. С. 4.

539

Бюллетень ЛООНО. 1929. № 11. С. 8; Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 26. С. 23.

540

Бюллетень ЛООНО. 1929. № 11. С. 8.

541

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 18. С. 64.

542

Учительская газета. 1929. № 50. С. 3.

543

Еженедельник Наркомпроса. 1929. № 18. С. 64.

Учительская газета. 1929. № 42. С. 2.

Там же. № 51. С. 6.

Там же. № 50. С. 3.

Там же. № 53. С. 6.

Учительская газета. 1929. № 54. С. 3.

549

Скоморохов Н.Я. Покой или борьба (Из дневника учителя-антирелигиозника) // Там же. № 62. С. 2 (далее: Скоморохов Н.Я. Указ. соч.).

Просвещение. 1929. № 5–6. С. 127.

551

См.: Просвешение Ивановской области. 1929. № 4. С. 36–37 (о том, как возникла эта идея).

552

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 1.

553

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 801. Л. 103.

554

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 28. Лл. 4–5.

555

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 801. Л. 103.

556

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Лл. 4–5.

557

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 801. Л. 3.

558

Учительская газета. 1929. № 149. С. 4.

Безбожник (журнал). 1930. № 2. С. 14.

560

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 33. Л. 26 об.

561

Там же. Л. 26 об.

Там же. Л. 26.

563

Учительская газета. 1929. № 151. С. 3.

Там же. 1929. № 66. С. 3.

565

Кротов П. Школа в социалистическом соревновании на антирелигиозном фронте // Антирелигиозник. 1929. № 8. С. 88.

566

Бюллетень ЛООНО. 1930. № 7. С. 16.

567

Просвещение на Урале. 1930. № 1–2. С. 88.

Школа и жизнь. 1929. № 1. С. 84.

569

Скоморохов Н.Я. Указ. соч. С. 2.

Учительская газета. 1929. № 49. С. 3.

571

ГАРФ. Ф.Р – 5407. Оп. 2. Д. 22. Л. 30.

Там же. № 2. С. 2.

Там же. № 33. С. 3.

Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1929. № 17. С. 33.

575

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 120. Л. 8.

Пионерская правда. 1929. № 17. С. 1.

Там же. № 53. С. 4.

Учительская газета. 1929. № 49. С. 3.

579

Василевский М. Школа и население // Народный учитель. 1930. № 2. С. 45–46.

580

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 4. Д. 745 а. Л. 98.

581

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 4. Д. 745 а. Л. 29.

582

Учительская газета. 1929. № 15. С.3.

583

Там же. № 66. С. 3.

584

ГАРФ. Ф.А – 7279. Оп. 7. Д. 28. Л. 236.

585

ГАРФ. Ф.Р – 5407. Оп. 2. Д. 121. Л. 56.

Учительская газета. 1929. № 94. С. 2.

587

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 625. Л. 12.

Там же. Л. 19.

589

Солоухин В.А. Смех за левым плечом // Роман-газета. 1991. № 10. С. 32, 46.

590

Он же. Собрание сочинений в пяти томах. М., 2006. Т. 3. Черные доски. С. 116.

591

Луначарский А.В. Почему нельзя верить в Бога… С. 104, 106.

592

Скоморохов Н.Я. Указ. соч. // Учительская газета. 1929. № 62. С. 2.

593

Блонский П.П. Религиозность и нерелигиозность наших школьников // На путях к новой школе. 1929. № 4–5. С. 69.

Блонский П.П. Религиозность и нерелигиозность… С. 69.

595

Нижегородский просвещенец. 1929. № 1–2. С. 69.

Там же.

597

ГАРФ. Ф.Р – 5407. Оп.2. Д. 121. Л. 28.

Нижегородский просвещенец. 1929. № 3. С. 44.

599

Там же.

600

Коноплев Н. На школьном участке безбожного фронта // На путях к новой школе. 1929. № 11. С. 42.

601

Там же.

602

Коноплев Н. На школьном участке безбожного фронта. С. 42.

603

Просвещение. 1930. № 11–12. С. 22–23.

604

Оберландер Я. Антирелигиозная работа в немецкой школе II ступени // За социалистическую культуру. 1930. № 7. С. 32.

Коноплев Н. Указ. соч. С. 41.

Там же. С. 41.

607

Ривес С.М. Религиозность и антирелигиозность в детской среде. М., 1930. С. 63.

Ривес С.М. Религиозность и антирелигиозность… С. 6.

609

Просвещение Сибири. 1930. № 3. С. 39.

610

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 625. Л. 26 об.

611

Луначарский А.В. Почему нельзя верить в Бога. Избранные атеистические произведения. М., 1965. С. 306.

612

Крупская Н.К. О пионердвижении на данном этапе // За коммунистическое просвещение. 1930. № 158. С. 3.

613

Северьянова А.А. Два мира – две системы воспитания. М.-Л., 1931. С. 27.

614

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 94 об.

615

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 42. С. 22.

616

Учительская газета. 1928. № 25. С. 2.

617

Там же. С. 2.

Там же. 1929. № 121. С. 3; Вожатый. 1929. № 21. С. 43.

619

Там же. С. 3.

620

Учительская газета. 1929. № 41. С. 4.

621

Там же. № 66. С. 3.

Там же. № 94. С. 2.

623

Просвещение на Урале. 1929. № 10. С. 67.

624

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 50. С. 14.

625

Учительская газета. 1929. № 110. С. 4.

626

Вестник просвещения. 1929. № 12. С. 49.

627

Методический путеводитель для фабрично-заводской и городской школы. 1929. № 11. С. 2.

628

См. циркуляр ЦК ВКП(б) о порядке закрытия церквей от 5 июня 1929 г. в ГАРФ. Ф. Р – 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 9.

629

Стенографический отчет II Всесоюзного съезда СВБ. М., 1930. С. 189.

630

ГАРФ. Ф. Р – 5263. Оп. 2. Д. 7. Л. 9.

631

ГАРФ. Ф. А – 7279. Оп. 7. Д. 48. Л. 137.

632

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 31. Л. 82.

633

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С.104.

634

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 70. Л. 39.

635

Там же. Л. 46.

Там же. Д. 31. Л. 42 об.

637

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 70. Л. 41–42.

638

Там же. Л. 53а.

639

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 490. Л. 3.

640

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 849. Л. 47.

641

См.: ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 48. Л. 50–64.

Там же. Д. 71. Л. 22.

643

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 48. Л. 22.

Там же. Л. 21.

645

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 27. Л. 71; Д. 55. Л. 230; Безбожник (газета). 1930. № 51. С. 2.

646

Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1931. № 7. С. 8; см. также: ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 69. Д. 2112. Лл. 66– 66 об.; Д. 2120. Лл. 202–203.

Просвещение. 1931. № 5–6. С. 31.

ХДНИ НАРА. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 5. Лл. 99–100.

649

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 87. Л. 53.

650

Методический путеводитель для работников массовых школ. 1931. № 19. С. 2–3.

651

Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1931. № 13. С. 14.

652

Сунгуров М. Антирелигиозное воспитание на основе новых программ // Антирелигиозник. 1932. № 11–12. С. 45.

653

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 375. Л. 28.

Там же. Оп. 1. Д. 94 б. Л. 71 об.

655

Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 73.

Там же. С. 74.

657

Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 57; ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 76. Л. 114 об.

658

Поль Н. Ленинградская школа за 15 лет на безбожном фронте // Антирелигиозник. 1932. № 19–20. С. 47.

659

Просвещение Сибири. 1929. № 10. С. 60.

660

Перфилов Н. Проблемы коммунистического воспитания в Хакасии // Просвещение Сибири. 1930. № 2. С. 67.

661

См.: Инструктивное методическое письмо по подготовке и проведению антирождественской кампании в учреждениях соцвоса / МОНО. М., 1930. 16 с.; Инструктивно-методическое письмо о проведении антирождественской кампании в начальных школах, ФЗС и ШКМ / Нижневолжский краевой ОНО. Саратов, 1930. 11 с.

662

См.: Художественное оформление антирождественской кампании в школе. М.-Л., 1931. 35 с.

663

Антирелигиозник. 1932. № 11–12. С. 45.

Там же. С. 48.

См., например: Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 78.

666

В помощь социалистическому соревнованию. Методический путеводитель для ФЗС и городской школы. 1930. № 6. С. 13.

См., например: Правда. 1930. № 49. С. 1.

Безбожник (газета) 1930. № 26. С. 5.

669

Естествознание в трудовой школе. 1931. № 2. С. 83.

ХДНИ НАРА. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 5. Л. 99–100.

Антирелигиозник. 1931. № 9. С. 72.

Там же.

За коммунистическое просвещение. 1931. № 221. С. 2.

Безбожник (газета). 1930. № 26. С. 5.

675

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 375. Л. 25.

За коммунистическое просвещение. 1931. № 32. С. 3.

677

Свенцицкий А.Б. Они были последними? // Трибуна русской мысли. 2008. № 9. С. 59.

За коммунистическое просвещение. 1931. № 10 С. 3.

Безбожник (газета). 1930. № 9. С. 5.

Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1930. № 28. С. 40.

681

Там же. С. 40.

682

Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 57; ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 76. Л. 115 об.

683

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 221. Л. 181.

Там же. Л. 144–145.

Свенцицкий А.Б. Указ. соч. С. 58–59.

Лемберг Р. К пересмотру программ первой ступени // Просвещение. 1930. № 4–5. С. 61.

687

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 355–356.

КПСС в резолюциях и решениях съездов… С. 357.

689

Просвещение Ивановской области. 1931. № 11–12. С. 6.

690

Реконструктивный период и перестройка школы. Материалы к докладу Н.А. Скрыпника на Восьмом всесоюзном съезде работников просвещения. Харьков, 1932. С. 13; Бубнов А.С. Главные проблемы перестройки школы. Доклад и заключительное слово на Восьмом всесоюзном съезде работников просвещения. М., 1932. С. 46.

691

Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1932. № 12. С. 5–6. Постановление коллегии Наркомпроса от 9 февраля 1932 г.

Там же. № 65. С. 2.

693

За коммунистическое просвещение. 1932. № 300. С. 2.

694

Крылов А., Соколова Е. Религиозные настроения среди школьников-второступенцев города Нижнего Новгорода // Нижегородский просвещенец. 1929. № 1–2. С. 67.

695

Там же.

696

Балакирев В. Антирелигиозное воспитание в школах первой ступени // Антирелигиозник. 1931. № 8. С. 60.

697

Шарыгин В. Итоги анкетного обследования религиозных воззрений учащихся в семилетке // Просвещение Ивановской области. 1930. № 6. С. 43.

698

Гринкевич В. Религиозное состояние учащихся и принципы антирелигиозной работы в школе // Просвещение. 1929. № 5–6. С. 102.

699

Там же. С. 103.

700

Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 76.

701

Коноплев Н. На школьном участке безбожного фронта // На путях к новой школе. 1929. № 11. С. 44.

702

Серебренников А., Патронов В. Исследование религиозных воззрений учащихся второй ступени // Просвещение. 1929. № 9. С. 92.

703

За коммунистическое просвещение. 1931. № 84. С. 3.

704

Травианский, Лызлов. Антирелигиозная работа в школе (Мытищинский район Московской области) // Безбожник (газета). 1930. № 9 (367). С. 5.

705

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 122. Л. 40.

706

Вакурова А. Как работать юным безбожникам // За коммунистическое просвещение. 1931. № 298. С. 3.

Пионерская правда. 1930. № 3. С. 1; см. также: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Указ. соч. С. 295.

708

Методический путеводитель для работников массовых школ. 1931. № 11. С. 19.

709

Крупская Н.К. Классовая борьба в просветительных учреждениях // На путях к новой школе. 1929. № 6. С. 7–9.

710

ГАРФ. Ф. А – 7279. Оп. 7. Д. 42. Лл. 124–124об.

711

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 534. Лл. 26–27.

712

Пионерская правда. 1930. № 41. С. 4.

713

Скоморохов Н. Указ. соч. // Учительская газета. 1929. № 62. С. 2.

714

Солоухин В.А. Собрание сочинений в пяти томах. М., 2006. Т. 3. Черные доски. С. 115.

715

История ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. М., 1978. С. 179.

716

За коммунистическое просвещение. 1931. № 164. С. 3.

717

Народное просвещение. 1929. № 3–4. С. 20.

718

Ривес С.М. Религиозность и антирелигиозность в детской среде. М., 1930. С. 102.

719

Там же. С. 92.

Там же. С. 99.

Там же. С. 100.

Там же. С. 101.

723

Флеров И.А. К вопросу о месте и формах антирелигиозной работы в школе // Антирелигиозник. 1928. № 4. С. 56.

Флеров И.А. Религия, семья и дети. М, 1931. С. 22.

725

Флеров И.А. Что нами сделано // Антирелигиозник. 1928. № 3. С. 54.

726

Безбожник. Школьное издание газеты. 1931. № 9 (439). С. 3.

727

Травианский, Лызлов. Антирелигиозная работа в школе (Мытищинский район Московской области) // Безбожник (газета). 1930. № 9 (367). С. 5.

За коммунистическое просвещение. 1931. № 10. С. 3.

Ривес С.М. Указ. соч. С. 104.

Антирелигиозник. 1930. № 6. С. 105.

731

Олещук Ф.Н. Что такое Союз безбожников // Безбожник (журнал), 1926, № 23–24. С 5.

732

Олещук Ф.Н. Что такое Союз безбожников. С. 5.

733

Поль. Н. Ленинградская школа за 15 лет на безбожном фронте // Антирелигиозник. 1932. № 19–20. С. 43. (Далее Поль Н. Указ. соч.).

Антирелигиозник. 1931. № 9. С. 84.

735

Олещук Ф.Н. Что такое Союз безбожников // Безбожник (журнал). 1926. № 23–24. С. 6.

736

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 9. Лл. 6–7.

737

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 69. Д. 815. Л. 105.

738

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 14. Л. 124.

Там же. Л. 65.

740

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 14. Лл. 65–66.

Там же. Л. 19.

Там же. Л. 14.

743

Вакурова А. Вспомним свою историю // Юные безбожники. 1932. № 10. С. 11; см. также: Амосов Н.К. О детском антирелигиозном движении // Антирелигиозник. 1928. № 12. С. 56.

744

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 32. Л. 41.

Стенографический отчет 2-го съезда СВБ. М., 1930. С. 178.

Пионерская правда. 1929. № 21. С. 5.

Устав СБ СССР. М., акц. изд-ское об-во «Безбожник», 1925. С. 3.

См.: Стенографический отчет 2-го съезда СВБ. М., 1930. С. 328–330.

749

Там же. С. 330.

750

Там же. С. 329.

751

Флеров. И.А. Как должны работать безбожники в школе // Антирелигиозник. 1929. № 11. С. 92.

752

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 26. Л. 20.

Там же. Д. 53. Л. 44.

Там же. Д. 17. Л. 179–179 об.; Д. 82. Л. 26–26 об.

Поль Н. Указ. соч. С. 45.

756

Флеров И.А. Как должны работать безбожники в школе // Вожатый. 1929. № 23. С. 42.

757

Амосов. Н.К. Антирелигиозная работа пионерских организаций // Антирелигиозник. 1929. № 7. С. 94.

758

Флеров. И.А. Как работать пионеротряду // Антирелигиозник. 1930. № 12. С. 78.

759

Амосов. Н.К. Антирелигиозная работа пионерских организаций… С. 95.

Амосов. Н.К. На детском антирелигиозном фронте. М., 1930. С. 46.

761

Флеров И.А. Как работать пионеротряду… С. 78.

762

Деменев Ф. Задачи безбожного движения в пионеротряде // Просвещение на Урале. 1931. № 11–12. С. 62.

763

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 78. Л. 21.

764

Амосов Н.К. Лицо юных безбожников (Итоги I Замоскворецкой районной конференции юных безбожников) // Антирелигиозник. 1929. № 10. С. 96–97.

765

На детском антирелигиозном фронте (Всесоюзная конференция-экскурсия юных безбожников) // Антирелигиозник. 1930. № 6. С. 104.

Там же. С. 102.

767

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 78. Л. 18.

768

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 78. Л. 20.

769

Юные безбожники. 1931. № 9. С. 16

Флеров И.А. Как работать пионеротряду… С. 80.

771

Пионерская правда. 1929. № 65. С. 1.

Там же. № 67. С. 1.

773

Амосов Н.К. Антирелигиозная работа пионерских организаций… С. 93.

Он же. Лицо юных безбожников (Итоги I Замоскворецкой районной конференции юных безбожников)… С. 99.

775

Флеров И.А. Очередные задачи и вопросы антирелигиозного воспитания (доклад на II Всесоюзной конференции педагогов – безбожников) // Антирелигиозник. 1931. № 9. С.78.

776

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 76. Л. 121.

777

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 375. Л. 5.

Капырина С. Фрунзенцы на безбожном фронте // Антирелигиозник. 1931. № 7. С. 57.

779

Флеров И.А. Укрепить и развить // Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 55.

780

Пономарев А. Школьно-пионерская работа в Донбассе // Антирелигиозник. 1931. № 4. С. 85.

Там же. 1931. № 11. С. 74.

Поль Н. Указ. соч. С. 46.

783

Востоков Е. Работа антирелигиозного кружка 22-й трудовой школы // Антирелигиозник. 1930. № 11. С. 88. (Далее: Востоков Е. Указ. соч.).

См., например Просвещение Ивановской области. 1930. № 9–10. С. 52–55.

785

Флеров И.А. Воинствующие безбожники в школе. М.-Л., 1930. С. 27.

786

Юров Д.Г. Антирелигиозная работа школы с родителями и населением. 2-е изд., перераб. М-Л., 1930. С. 73.

787

Попов М. Уголок «Безбожника» в школе и школьной стенгазете // Просвещение Ивановской области. 1930. № 11–12. С. 29, 32.

Тобре. Опыт работы школ ФЗС Петроградского района // Антирелигиозник. 1932. № 11–12. С. 50.

789

Стенограммы II Всесоюзной конференции педагогов-безбожников // Антирелигиозник. 1931. № 11. С. 75, 76.

790

О школьных группах ЮВБ // Методический путеводитель для работников массовых школ. 1931. № 1.С. 37.

791

Там же. С. 74.

792

Флеров И.А. Очередные задачи и вопросы антирелигиозного воспитания. Доклад на II Всесоюзной конференции педагогов-безбожников…С. 80.

793

ГАРФ. Ф. Р–5407. Оп. 2. Д. 375. Л. 49; Флеров И.А. Очередные задачи и вопросы антирелигиозного воспитания. Доклад на II Всесоюзной конференции педагогов-безбожников… С.80.

Поль Н. Указ. соч. С. 44.

795

ГАРФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 78. Л. 27.

Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 56.

Как работать школьной ячейке СВБ. М., Гос. антирелигиозное издательство, 1932. С. 3; Как работать группе юных воинствующих безбожников. М., Гос. антирелигиозное издательство, 1932. С. 3.

798

Учительская газета. 1929. № 121. С. 3.

799

На детском антирелигиозном фронте // Антирелигиозник. 1930. № 6. С. 105.

800

См. Вакурова А. Итоги II Всесоюзной конференции ЮВБ // Антирелигиозник. 1931. № 7. С. 54–57.

801

Юфа Р. Слет юных безбожников // Безбожник (газета). 1930. № 47. С. 6.

802

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп.1. Д. 69. Л. 225.

803

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 375. Л. 55.

804

Щербаков С. Летняя работа школьников и пионеров // Антирелигиозник. 1931. № 5. С. 80.

805

Михайлов С. Организация и работа школьных групп юных безбожников. (Статья дискуссионная) // Просвещение. 1930. № 7–8. С. 32.

806

Жердина Е. Как работала 20-я школа СОНО // Юные безбожники. 1932. № 5–6. С. 28.

Там же. С. 32.

808

Недельский В. Несколько замечаний о работе СВБ в школе (письмо первое) // Антирелигиозник. 1931. № 5. С. 86.

809

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 375. Л. 22.

Там же. Оп. 1. Д. 87. Л. 101–102.

811

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 375. Л. 36.

812

ГАРФ. Ф. А – 7279. Оп. 10. Д. 11. Л. 89об.

813

Там же. Оп. 9. Д. 12. Л. 9.

814

Сорокин-Золотов В. Антирелигиозное воспитание в школе // Просвещение Среднего Поволжья. 1930. № 6–7. С. 50.

815

Учтем уроки антирождественской кампании // Юные безбожники.1932. № 3. С. 19.

816

См., например: Войцеховский П. Работа бригад ЮВБ (181-я школа г. Ленинграда) // Антирелигиозник. 1931. № 4. С. 80–94;

Поль Н. Указ. соч. С. 45.

818

Гай М. Как работает 12-я школа ФОНО им. Ярославского // Юные безбожники. 1932. № 11–12. С. 36.

819

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 2. Д. 375. Л. 1.

820

Покровский А. Антирелигиозное воспитание в политехнической школе // Просвещение. 1931. № 2–3. С. 51.

821

Капырина С. Фрунзенцы на безбожном фронте // Антирелигиозник. 1931. № 7. С. 59.

822

Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1932. № 4. С. 15.

823

ГАРФ. Ф.Р – 5407. Оп. 1. Д. 95. Л. 52.

824

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 33. Л. 28.

825

Там же. Л. 26 об.

826

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 17. Л. 165; Е.М. Ярославский. Против религии и церкви. М., 1935. Т. 4. С. 404.

827

Щепкина А. Больше внимания антирелигиозной работе // Естествознание в трудовой школе. 1931. № 6. С.81.

828

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 69. Л. 192.

829

Вакурова А. Как работать юным безбожникам // За коммунистическое просвещение. 1931. № 298. С. 3.

830

Бурцева М. Новые методы антирелигиозной работы в школе // Антирелигиозник. 1931. № 5. С. 83–85.

Востоков Е. Указ. соч. С. 88.

832

Антирелигиозник. 1931. № 9. С. 88.

833

Тобре. Опыт работы школ ФЗС Петроградского района // Антирелигиозник. 1932. № 11–12. С. 50.

834

Капырина С. Выставка-конкурс стенгазет // Юные безбожники. 1932. № 3. С. 31.

Там же. С. 32.

836

Бурцева М. Указ. соч. С. 84.; ГАРФ. Ф.Р – 5407. Оп. 2. Д. 381. Л. 8–11.

837

Флеров И.А. Укрепить и развить // Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 63.

838

Ширман К. Проверим выполнение наказов юных безбожников //Антирелигиозник. 1929. № 10. С. 87.

839

О школьных группах ЮВБ // Методический путеводитель для работников массовых школ. 1931. № 1. С. 38.

Ярославский Е.М. Против религии и церкви. М., 1935. Т. 4. С. 270.

841

Стенографический отчет Второго съезда СВБ. М., 1930. С. 30.

842

Стенограммы II Всесоюзной конференции педагогов-безбожников // Антирелигиозник. 1931. № 11. С. 76.

843

Флеров И.А. Очередные задачи и вопросы антирелигиозного воспитания… С. 81.

844

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 78. Л. 13.

845

Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 75.

846

Гольдберг Женя. Как я стал безбожником // Юные безбожники. 1932. № 11–12. С. 34.

847

ГАРФ. Ф. А – 7279. Оп. 7. Д. 43. Л. 300 об.

848

См.: Юров Д.Г. Антирелигиозная работа школы с родителями и населением. 2-е изд. М.-Л., Государственное издательство, 1930. С. 4–5.

849

Оберландер Я. Антирелигиозная работа в немецкой школе II ступени // За социалистическую культуру. 1930. № 7. С. 32.

850

Кузнецов М. Антирелигиозная работа в школах Балашовского округа // На культфронте. 1930. № 7–8. С. 43.

851

Заключительное слово И.А. Флерова на 2-ой всесоюзной конференции педагогов-безбожников // Антирелигиозник. 1931. № 11. С. 76.

852

Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 74.

853

Пономарев А. Школьно-пионерская работа в Донбассе // Антирелигиозник. 1931. № 4. С. 87.

854

Мызников А. Классовость в школе // Просвещение Среднего Поволжья. 1930. № 6–7. С. 10.

855

Амосов Н.К. На детском антирелигиозном фронте. М., 1930. С. 45.

856

ГАРФ. Ф.Р – 5407. Оп.1. Д. 76. Л. 121 об.

857

Флеров И.А. Религия, семья и дети. М.: акц. из-ское об-во «Безбожник», 1931. С. 21.

858

Юные безбожники. 1932. № 2. С. 31.

859

Бинкевич Е. Как работать в семье // Юные безбожники. 1932. № 2. С. 25.

860

Вакурова А. Юные безбожники в семье // Безбожник. Школьное издание. 1932.№ 14 (444). С. 3.

861

Антирелигиозник. 1930. № 11. С. 20.

862

Мурашов Н. Надо бороться // Юные безбожники. 1932. № 2. С. 27–31.

863

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 172. Лл. 3-3об.

864

Флеров И.А. Очередные задачи и вопросы антирелигиозного воспитания… С. 83.

865

См. Юные безбожники. 1931. № 1. С. 15–17; № 3–4. С. 10–11.

866

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 431. Л. 30.

867

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 10. Д. 71. Л. 26–27.

868

За коммунистическое просвещение. 1932. № 64. С.3.

869

Флеров И.А. Очередные задачи и вопросы антирелигиозного воспитания… С. 83.

За коммунистическое просвещение. 1931. № 84. С. 3.

871

Там же.

872

ГАРФ. Ф.А – 1575. Оп. 10. Д. 695. Л. 399.

873

Там же. Д.705. Л. 132.

874

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 701. Л. 54.

875

Там же. Д. 695. Л. 205.

876

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 695. Л. 199–200.

877

ГАРФ. Ф.Р – 5407. Оп. 1. Д. 48. Л. 67.

878

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 53. Л. 91.

879

Там же. Д. 55. Лл. 280об-281.

880

ГАРФ. Ф. А – 298. Оп. 1. Д. 132. Л. 82.

881

Востоков Е. Работа антирелигиозного кружка 22-й трудовой школы // Антирелигиозник. 1930. № 11. С. 80, 90; Юные безбожники. 1932. № 9. С. 20.

882

Флеров И.А. Больше заботы детям Октября // Антирелигиозник. 1933. № 4. С. 30.

883

Он же. Как работать пионеротряду… С. 80.

884

Калинин В. Динамика роста и социального состава СВБ / Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932 гг. Сб. под редакцией М. Енишерлова. М.: Гос. антирелигиозное издательство, 1932. С. 345 (Далее: Калинин В. Указ. соч.).

885

Амосов. Н.К. Антирелигиозное воспитание в действии / Там же. С. 363.

886

Стенографический отчет VII Всесоюзной конференции ВЛКСМ (1–8 июля 1932 г.). М., Молодая гвардия, 1933. С. 7.

887

Антирелигиозник. 1930. № 6. С. 105.

Там же. 1932. № 11–12. С. 46.

889

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 95. Л. 54.

890

История советской школы и педагогики / Под ред. Н.А. Константинова, Е.Н. Медынского, М.Ф. Шабаевой. М., 1954. С. 7.

891

Калинин В. Указ соч. С. 349.

892

Там же. С. 350.

893

Там же. С. 352.

894

IV расширенный пленум ЦС СВБ (1–4 февраля 1938 г.). М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1938. С. 27–28.

895

ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 95. Л. 5.

896

ГАРФ. Ф. Р–5407. Оп. 1. Д. 95. Л. 5.

897

Там же. Л. 59.

898

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 140. Л. 12.

899

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 95. Л. 59.

Там же. Д. 70. Л. 3.

901

Стенограммы II Всесоюзной конференции педагогов-безбожников // Антирелигиозник. 1931. № 11. С. 71.

902

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1.Д. 95. Л. 59.

903

Там же.

904

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 33. Л. 24об

905

Там же. Л. 23об.

906

Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви в 20–30-е гг.: Диссертация… канд. ист. наук. М., 1997. С. 170.

907

Калинин В. Указ. соч. С. 345.

908

Величинская Е. Ребята о крестовом походе // В помощь социалистическому соревнованию. Методический путеводитель для ФЗС и городской школы. 1930. № 6. С. 14.

909

Тобрэ. Опыт подведения итогов антирождественской кампании // Антирелигиозник. 1931. № 3. С.70.

910

Антирелигиозник. 1930. № 8-9. С. 107.

911

Амосов Н.К. На детском антирелигиозном фронте. М., 1930. С. 55.

912

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 78. Л. 6.

913

Флеров И.А. Очередные задачи и вопросы антирелигиозного воспитания… С.78.

914

Антирелигиозник. 1932. № 2. С. 56.

915

РГАСПИ. Ф. 17. Оп.114. Д.285.Л.83; там же Д.295. Л.8, 24–29.

916

Лицом к пионеру и школьнику. (Постановления Пленума ЦБ ЮП при ЦК ВЛКСМ). Сталинград. 1933. С. 18.

917

Флеров. И.А. Больше заботы детям Октября… С. 30.

Там же. С. 28.

919

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 96. Л. 13–14.

920

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 104. Л. 13.

921

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 47. Л. 2, 3, 5.

922

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 47. Л. 6.

923

Антирелигиозник. 1935. № 4. С. 46; Ревякин Е.С. Политика государственных, партийных и общественных организаций в отношении религии и Церкви в 1929–1936 гг. (По материалам Ивановской промышленной области). Иваново, 1995. С. 248–249.

924

Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930 г.). Волгоград: Перемена, 1997. С. 235.

925

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной церкви XX столетия. Тверь: ООО Издательский дом «Булат», 1999. Кн. 3. С. 19.

926

Коновалов Б.Н. Союзу воинствующих безбожников – 60 лет // Наука и религия. 1985. № 12. С. 20.

927

Марков В. Опыт антирелигиозной работы в школе // Антирелигиозник. 1939. № 3. С. 54.

928

Коновалов Б.Н. Драгоценный опыт ветеранов // Наука и религия. 1975. № 4. С. 36.

929

ГАРФ. Ф. А –1575. Оп. 10. Д. 539. Л. 41.

930

Там же. Д. 428. Л. 25.

931

Работник просвещения. 1928. № 20. С. 20.

932

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 428. Лл. 269, 284.

933

Там же. Л. 151.

934

Шульгин В.Н. Указ. соч. // Учительская газета. 1929. № 5. С. 2.

935

Крупенина М.В. Программы ГУСа в свете воспитательных задач школы // Коммунистическая революция. 1929. № 1. С. 35.

936

Гривун С. Заметки из местного опыта к совещанию по народному образованию // Коммунистическая революция. 1929. № 1. С. 41–42.

937

Золотавин В. О программах ГУСа // Просвещение на Урале. 1929. № 4. С. 68.

938

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп.69. Д. 1875. Л. 57.

939

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 104.

Луначарский А.В., Скрыпник Н.А. Народное образование в СССР в связи с реконструкцией народного хозяйства. М., 1929. С. 140 (далее: Луначарский А.В., Скрыпник Н.А. Указ соч.).

941

Цит. по: Луначарский А.В. Почему нельзя верить в Бога? М., 1965. С. 306.

942

Там же. С. 314.

943

ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп. 69. Д. 1878. Лл. 1–2.

944

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 217. Л. 198.

945

Методический путеводитель для фабрично-заводской и городской школы. 1929. № 2. С. 30–34.

946

Естествознание в трудовой школе. 1929. № 7. С. 40–47.

947

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Лл. 50–67 об.

Коммунистическая революция. 1929. № 1. С. 42.

949

Малиновкин С. Развертываем работу по антирелигиозному воспитанию в школе // Антирелигиозник. 1928. № 11. С. 83.

Там же.

951

Юров Д. Антирелигиозная работа по I ступени в связи с учебным материалом // Просвещение. 1929. № 7–8. С. 87.

952

Семенов П. Наш опыт антирелигиозной работы // Методический путеводитель для фабрично-заводской и городской школы. 1929. № 11. С. 26–32.

953

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 434. Лл. 130–131 об.

954

Там же. Лл. 129–129 об.

Там же. Л. 127.

956

Народное просвещение. 1929. № 7. С. 38.

Там же С. 28–29.

Там же. С. 38–39.

959

Народное просвещение. 1929. № 7. С. 28–29.

960

Программы единой трудовой школы первой ступени // Народное просвещение. 1929. № 7. С. 43.

961

Там же. С. 45–46; 94–95.

Там же. С. 46, 96–97.

Там же. С. 49, 99–100.

Там же. С. 51.

965

Программы единой трудовой школы первой ступени // Народное просвещение. 1929. № 7. С. 52, 103.

Там же. С. 53–55, 104–106, 108–109.

Там же. С. 56–57.

Там же. С. 61, 114.

969

Там же. С. 65.

Там же. С. 119.

971

Программы единой трудовой школы первой ступени // Народное просвещение. 1929. № 7. С. 76.

Там же. С. 79.

Там же. С. 88–89.

Там же. С. 124.

975

См.: Харитонова Р.Б. О программах для ФЗС // Методический путеводитель для фабрично-заводской и городской школы. 1929. № 12. С. 23.

Программы единой трудовой школы… С. 39.

977

Учительская газета. 1929. № 103. С. 2.

978

Золотавин В. Массовое учительство о новом проекте программ ГУСа // Просвещение на Урале. 1929. № 10. С. 48.

979

Методический путеводитель для сельской школы. 1929. № 10. С. 43.

980

Сироткин В. Как работать над программами школ I ступени // Вестник просвещения. 1929. № 12. С. 65.

981

Руфин И.И. Недоработанные программы // Учительская газета. 1929. № 152. С. 4.

982

Шульгин В.Н. Указ. соч. // Работник просвещения. 1929. № 19. С. 2.

983

Там же. С. 1–2.

Там же. № 20. С. 1.

985

Эпштейн М.С. Теоретические упражнения тов. Шульгина // Там же. С. 5 – 6.

986

Пистрак М.М. По поводу выступления тов. Шульгина // Там же. С. 10.

987

Учительская газета. 1929. № 103. С. 2.

988

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 784. Лл. 59–61 об.

989

РГАСПИ. Там же. Лл. 7–9 об.

990

Вопросы просвещения на Северном Кавказе. 1929. № 15. С. 64.

991

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 43. Л. 132.

992

Программы единой трудовой школы I ступени ССР Абхазии. Сухум, 1929. С. 6.

993

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 754. Лл. 6–37.

Там же. Д. 713. Л. 120.

995

Там же. Д. 756. Л. 335.

996

Программы школ первой ступени / Ирбитский окружной отдел народного образования. 1930. С. 123.

997

Программы школ первой ступени. С. 37, 43, 58, 122–123.

998

ГАРФ.Ф. А – 1575. Оп.10. Д. 765. Л. 62–78.

999

ГАРФ.Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 765. Л. 60.

1000

См.: Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1929. № 47. С. 4–15.

1001

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 706. Л. 136.

1002

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп.10. Д.706. Л. 130.

1003

Там же. Д. 757. Л. 69–70.

1004

Там же. Л. 71.

1005

ГАРФ. Ф. А – 1575. Д. 757. Л. 67.

1006

Там же. Д. 710. Л. 134 об.

1007

Там же. Д. 714. Л. 137.

1008

Там же. Л. 144 об.

1009

Там же. Л. 155.

1010

ГАРФ. Ф. А – 1575. Д. 707. Л. 391–391 об.

1011

Там же. Д. 768. Л. 90.

1012

Там же. Д. 709. Л. 131.

1013

Там же. Д. 752. Л. 108.

1014

Там же Д. 754. Л. 267.

1015

ГАРФ. Ф. А – 1575. Д. 713. Л. 104 об.

1016

Там же. Л. 106.

1017

Там же. Оп. 10. Д. 756. Л. 13.

1018

Там же. Л. 102 об.

1019

См.: Крассов А. Наша стройка. Книга для чтения по обществоведению в школе первой ступени. М., 1929. 159 с.; Он же. То же. 2-е изд. М., 1930. 206 с.

1020

Флеров О.В. Ясное утро. Книга для работы и чтения на 4 году обучения. 2-ое изд. М. – Л., 1928. С. 36–37, 103–104, 425.

1021

Он же. То же. 4-е изд., перераб. М.-Л., 1930. С. 8–9, 28, 339–340, 369–371.

1022

Волковский Д.Л. Математика для детей. 2-й год обучения. 12-е изд. М.-Л., 1930. С. 95.

См.: Он же. То же. 11-е изд. М.-Л., 1930. 128 с.

1024

Волковский Д.Л. Математика для детей. 2-й год обучения. 12-е изд. М.-Л., 1930. С. 10, 45.

1025

Богоявленский Л.П. Школа и город. Букварь. 3-е изд. М.-Л., 1930. С. 64.

1026

Поршнева М.К. Грамота. Букварь для сельской школы. 13-е изд., перераб. М.-Л., 1930. С. 33.

1027

Балаш А.П, Загорская В.Я., Казинцева С.А. и другие. Рабочая книга по естествознанию для 5 года обучения школ Северокавказского края. Ростов-на-Дону, 1930. С. 82, 140–141, 183.

1028

Нечаев Т.Н. Наш город. Краеведческое пособие для третьего года обучения городских школ первой ступени города Тулы и Тульского округа. М., 1929. С. 40–42, 51–52.

1029

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 767. Л. 101.

1030

Там же. Д. 715. Л. 440.

1031

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 707. Л. 58.

1032

Там же. Лл. 60–62.

1033

Там же. Л. 57.

1034

ГАРФ. Ф А- 1575. Оп.10. Д. 752. Лл. 49–50.

1035

Там же. Л. 53.

1036

Балаш А., Казинцева С. и другие. Рабочая книга по естествознанию для 6-го года обучения. Ростов-на-Дону, 1930. С. 3.

1037

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 712. Л. 5 об.

1038

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 707. Л. 354.

1039

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 757. Л. 49.

1040

Там же. Д. 717. Л. 58.

1041

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 767. Л. 33.

1042

Там же. Лл. 24, 32.

1043

Там же. Д. 734. Л. 85.

1044

См.: Программы фабрично-заводской семилетки. М.-Л., 1930. 359 с.; Программы и методические записки школ колхозной молодежи. М.-Л., 1930.Вып.1. 232 с.; Программы начальной школы. Сельский вариант. М., 1930. С. 79.

1045

Программы начальной школы. Сельский вариант. М., 1930. С. 79.

1046

См.: Программы фабрично-заводской семилетки. М.-Л., 1930. С. 39.

1047

См.: Программы и методические записки школ колхозной молодежи. М.-Л., 1930. С. 4.

1048

Программы начальной школы. Городской вариант. М., 1930. С. 20; Программы начальной школы. Сельский вариант. М., 1930. С. 19.

Там же. С. 37; там же. С. 35–36.

Там же. С. 31; там же. С. 30.

1051

Там же. С. 39; там же. С. 38.

1052

Городской вариант. С. 66. Сельский вариант. С. 58.

1053

Программы начальной школы. Городской вариант. М., 1930. С. 65.

1054

Программы начальной школы. Сельский вариант. М., 1930. С. 57.

1055

Программы фабрично-заводской семилетки. М.-Л., 1930. С. 42, 45.

Там же. С. 47–48.

1057

Программы фабрично-заводской семилетки. С. 91.

1058

Там же. С. 105.

1059

Там же. С. 114, 118.

Там же. С. 116.

1061

Там же. С. 120.

1062

Там же. С. 148.

1063

Там же. С. 186.

1064

Там же. С. 231.

1065

Программы фабрично-заводской семилетки. С. 235.

1066

Там же. С. 250.

1067

Там же. С. 56.

1068

Там же. С. 159.

1069

Программы фабрично-заводской семилетки. С. 168–169.

Педагогическая энциклопедия. М., 1965. Т. 2. С. 805.

1071

Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 10. М., 1962. С. 379.

1072

Программы и методические записки школ колхозной молодежи. М.-Л., 1930. Вып. 1. С. 83.

1073

Там же. С. 93.

Там же. С. 93–94.

1075

Там же. С. 169.

1076

Программы начальной школы. Сельский вариант. Владикавказ, 1930. С. 106.

1077

Как перестраивается учебная книга. Материалы Главсоцвоса и ГУСа. М., 1930. С. 28–29.

1078

Там же. С. 5.

1079

Там же. С. 26–27.

1080

Народный учитель. 1930. № 4–5. С. 46–48.

1081

Бюллетень Наркомпроса РСФСР. 1930. № 12. С. 7–8.

1082

Там же. С. 7.

1083

В помощь социалистическому соревнованию. Методический путеводитель для сельской школы. 1930. № 6. С. 61.

1084

Цит. по: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961. С. 110 (далее: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Указ. соч.).

1085

Крупская Н.К. Какой нам нужен учебник. М., 1930. С. 19.

1086

Просвещение. 1930. № 7. С. 23; ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 766. Л. 80.

1087

Там же. С. 20; там же. Л. 80.

1088

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 766. Л. 116.

1089

Там же. Л. 153.

1090

Там же. Л. 170.

1091

Там же. Л. 25.

1092

Там же. Л. 6.

1093

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 766. Л. 12.

1094

Там же. Д. 709. Л. 65.

1095

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 766. Л. 63.

1096

Гарской А., Прохорова А., Смолин В. Малым ребятам. Книга для чтения в колхозной школе для второго года обучения. М., 1930. С. 108, 194–195.

1097

Баршева М., Бобынина И. Гудки. Первая книга для чтения после букваря для городских школ.4-е изд., доп. М.-Л., 1930. С. 48–50, 73, 246–247.

1098

Барсуков А.Н., Шлепин М.А., Млиник Р.И. К новой жизни. Рабочая книга для 2-го года обучения в городской и фабрично-заводской школе I ступени. М., 1930. Ч. 1. С. 15–17, 204–205, 226–234.

1099

Соколов К.Н. Игра и труд. Четвертая книга для чтения и работы в городской школе. 3-е изд. М.-Л., 1930. С. 227, 253, 286–289, 309–310, 320–321.

1100

Кавун И.Н., Попова Н.С. Число и труд. Первый год обучения математике в городской школе. М.-Л., 1930. С. 65.

1101

Зенченко С.В., Эменов В.Л. Жизнь и знания в числах. Рабочая книга по математике для сельской школы второго года обучения. М.-Л., 1930. С. 43.

1102

Зенченко С.В., Эменов В.Л. Жизнь и знания в числах. Рабочая книга по математике для сельской школы третьего года обучения. С. 43.

1103

Зенченко С.В., Эменов В.Л. Жизнь и знания в числах. С. 75, 78, 85.

1104

Медынский Е. Немецкий язык с пасхальными куличами // За коммунистическое просвещение. 1931. № 40. С. 3.

1105

Гинтер В.Л., Федосеев П.С., Щипакин А.А. За социалистическую стройку. Книга для чтения и работы на четвертом году обучения. Саратов. 1930. Ч. 1. С. 10, 25–26, 161, 166–170, 177–180, 191.

1106

Дорошенко О.М. и другие. Рабочая книга для второго года обучения в городских и сельских школах. Харьков – Одесса, 1930. С. 68, 76, 132–133, 190, 209.

1107

Чепига, Кулик, Моисеева. Рабочая книга по математике первого и второго годов обучения. Харьков, 1930. С. 30–31, 54, 144–146.

1108

Рабочая книга по обществоведению для ШКМ. Первый год. Современность. М.-Л., 1930. С. 174–178.

1109

Рабочая книга по обществоведению. История Запада и России. Для 8–9 годов обучения. М.-Л., 1930. С. 21–22, 25, 35, 121.

1110

Голубков В.В. Рабочая книга по литературе для 5 года обучения. 10-е изд. М.-Л., 1931. С. 11, 53–54, 56–68, 74–79, 147–148.

1111

Афанасьев П.О., Бродский Н.Л., Сидоров Н.П. Родной язык. Рабочая книга для 7-го года обучения. М.-Л., 1930. С. 131, 298.

1112

Мамонов В.А., Феддерс Г.Ю., Цветаев В.П. Рабочая книга по литературе и языку для 8 и 9 годов обучения. М.-Л., 1930. С. 53.

1113

Там же. С. 78.

1114

Мамонов В.А., Феддерс Г.Ю., Цветаев В.П. Рабочая книга… С. 115.

1115

Там же. С. 135.

1116

Там же. С. 235.

1117

Там же. С. 196–199.

1118

Валерьянова Е.А. и другие. Рабочая книга по естествознанию для ШКМ второго года обучения. М.-Л., 1930. С. 11.

1119

Там же. С. 208–209.

1120

Левченко В.В., Дучинский Ф.Ф., Милькович Н.З. Рабочая книга по естествознанию для третьего года обучения в ШКМ. М.-Л., 1930. С. 101.

1121

Там же. С. 219, 349–351.

1122

Красиков Ф.Н., Пиотровский М.Ю. Рабочая книга по физике для 5, 6, 7 годов обучения. 3-е изд., испр. и доп. М.-Л., 1930. С. 260.

1123

Там же. С. 227–228.

1124

Фалеев Г.И. Рабочая книга по физике. Первый семестр пятого года обучения. М.-Л., 1930. С. 26–27.

1125

Цингер А. Рабочая книга по физике для шестого года обучения. М.-Л., 1930. С. 182.

1126

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 709. Л. 223.

1127

Слудский И.Ф. и другие. Сборник задач и упражнений по математике для пятого года обучения в городской школе. М., 1930. С. 138.

1128

ГАРФ. Ф. А – 1575. Оп. 10. Д. 722. Л. 344.

1129

Слудский И.Ф. и другие. Сборник задач и упражнений… С. 348.

1130

Естествознание в трудовой школе. 1930. № 8. С. 11.

1131

См., например: Рындич А.Ф. Новые программы Наркомпроса в связи с очередными проблемами марксистской педагогики // Обществоведение в советской школе. 1931. № 1. С. 42–43.

1132

Шеин М. Указ. соч. // Безбожник (газета). 1930. № 51. С. 2.

1133

Лебедев С. О проекте программ по литературе для ШКМ // Русский язык в советской школе. 1930. № 5. С. 158.

1134

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 48. Л. 51.

1135

Там же. Л. 122.

Резолюции II пленума ЦС СВБ СССР. М., 1930. С. 19.

1137

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 48. Л. 91.

1138

Флеров И.А. Указ. соч. // Безбожник (газета). 1930. № 15. С. 7.

1139

Наркомпрос скатывается к позиции безрелигиозного воспитания // Там же. № 51. С. 2

1140

Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 80.

1141

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 55. Л. 253.

1142

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 71. Л. 21.

1143

Там же. Д. 27. Л. 71; Д. 55. Л. 230; Безбожник (газета). 1930. № 51. С. 2.

1144

Флеров И.А. Указ. соч. // Антирелигиозник. 1930. № 10. С. 60.

1145

См.: обсуждение программ: РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 190. Лл. 16–37; На путях к новой школе. 1931. № 5. С. 39–42.

1146

На путях к новой школе. 1931. № 5. С. 41.

1147

Просвещение. 1931. № 7–8. С. 71.

1148

Обществоведение в советской школе. 1931. № 3–4. С. 22.

1149

Там же. № 5. С. 68.

1150

Программы сельской начальной школы. М.-Л., 1931. С. 19–21, 23, 25–29, 33.

1151

Программы сельской начальной школы. С. 34, 36, 38, 41–42, 46–47, 49, 54.

Там же. С. 60, 65, 67–68, 73.

1153

Программы начальной сельской школы. М.-Л., 1931. С. 75, 84, 86, 88–91.

Там же. С. 102–103.

1155

Там же. С. 129, 131.

1156

Программы для городских школ первой ступени. Ростов-на-Дону, 1931. С. 10.

1157

Там же. С. 16.

1158

Там же. С. 18.

1159

Там же. С. 75.

1160

Проект новых программ ФЗС. М., 1931. Вып. 3. С. 7, 11, 16, 30.

1161

Проект новых программ ФЗС. С. 50–51, 55–56.

1162

Там же. С. 58.

1163

Там же. Вып. 2. С. 38, 43–44, 46.

Там же. С. 50–52.

1165

Там же. С. 61.

1166

Проект новых программ ФЗС. М., 1931. Вып. 2. С. 63.

1167

Там же. С. 64.

1168

Там же. С. 19, 21–23.

1169

Там же. С. 71, 75.

1170

Там же. С. 36.

1171

Там же. Вып. 3. С. 68.

1172

См. об этом: Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Указ соч. С. 100–101.

1173

Социалистическое соревнование ФЗС. 1931. № 6–7. С. 36.

1174

Методический путеводитель для работников массовых школ. 1931. № 9. С. 2.

1175

ГАРФ. Ф. Р – 5407. Оп. 1. Д. 66. Л. 41.

1176

См., например: Фортунатова Е.Я., Шлегер Л.К. Будь готов. Рабочая книга для 1 года обучения в деревенской школе. М.-Л., 1931. Вып.2. С. 40–41; Гинтер В.Л., Мясоедова Н.В., Петш Е.И. Маленьким колхозникам. Книга для работы и чтения в 1 группе сельской школы. Саратов, 1931. С. 130–132.

1177

Александров А.М., Конопин М.Ю. Юные строители. Книга для 3-го года обучения в школе первой ступени. Ростов-на-Дону, 1931. Вып. 2. С. 51–58.

1178

Абельсон С.Б., Богданович Я.С., Разумовский А.В., Романовский Б.А. Юные колхозники. Рабочая книга для третьего и четвертого годов обучения в школах I ступени Татарской республики. Казань, 1931. С. 39, 114.

1179

Разумовский А.В., Абельсон С.Б., Богданович Я.С., Миловидов В.Н. Юные колхозники. Рабочая книга для третьего года обучения в сельской школе Татарской республики. Казань, 1931. С. 250, 253.

1180

Мясоедова Н.В., Рогов Н.С. Будь готов. Рабочая книга по русскому языку для первого года обучения в школе I ступени. Саратов. 1931. С. 16–17, 27, 45, 58–59.

1181

Бибиков С., Демичев Л. Проверим качество краевых учебников // За коммунистическое просвещение. 1932. № 41. С. 3.

1182

Гречишникова А.Д., Колосов П.И., Мирский Л.С., Попова Н.В., Соколова А.Н. На новых путях. Рабочая книга по литературе для пятого года ФЗС. М.-Л., 1931. С. 73–86, 111–112, 118–121.

1183

Дудель П.А., Колосов П.И., Попова Н.В. Рабочая книга по русскому языку пятого года обучения для ФЗС. М.-Л., 1931. С. 75, 94–97.

1184

Всесвятский Б.В., Вучетич В.Н., Исаев С.И., Яхонтов А.А. и другие. Рабочая книга по естествознанию шестого года обучения в городской школе. М.-Л., 1931. С. 159, 172 – 173.

1185

Балаш А., Гусев А., Загорская В. и другие. Рабочая книга по естествознанию для первого года обучения ШКМ. Ростов-на-Дону, 1931. Вып. 1. С. 161–169.

1186

Красавин В. Буржуазный географизм в советском учебнике // За коммунистическое просвещение. 1932. № 63. С. 3.

1187

Цингер А. Рабочая книга по физике для пятого года обучения. М., 1931. С. 6, 16.

1188

Набоков М.Е. Рабочая книга по астрономии для седьмого года обучения. М., 1931. Ч. 3. С. 70–72.

1189

РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 784. Л. 59–61 об.

1190

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 355–356.

1191

Там же. С. 356.

1192

См.: Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917–1973. М., 1974. С. 161–164.

1193

См., например: Программы начальной школы (городской и сельской). М., 1932. 160 с.

Там же. С. 40, 42–44.

1195

Программы начальной школы (городской и сельской). М., 1932. С. 48.

1196

Программы начальной школы С. 56, 59.

1197

Там же. С. 26.

1198

Программы ФЗС. М.-Л., 1932. Вып. 5а. С. 23.

1199

Там же. С. 22.

1200

Программы ФЗС. Биология. М.-Л., 1932. Вып. 6. С. 11, 19, 23–25, 30–31.

1201

Там же. С. 63.

1202

Там же. С. 76.

1203

Программы ФЗС. М.-Л., 1932. Вып. 2. С. 92–93.

1204

Там же. С. 80.

1205

Там же. С. 89.

1206

Там же. С. 89–90.

1207

См., например: Программы средней школы (городской и сельской) 5–8 годов обучения. М.-Л., 1932. Вып.2.. Биология. Химия. 40 с.; Программы средней школы. Биология. Химия. М., 1936. 48 с.

1208

Говядинов Н.И. и др. Рабочая книга для второго года обучения в сельской школе. Нижний Новгород. 1932. С. 9, 23, 30–31, 77–78, 144.

1209

Кузнецов А. и др. Рабочая книга по естествознанию для четвертого года обучения в сельской школе. Хабаровск, 1932. С. 98.

1210

Донецкая А.Т. и др. Рабочая книга по русскому языку для первого года обучения в I ступени. Ростов-на-Дону, 1932. С. 14.

1211

Преображенский В.А., Попова З.Ф. Рабочая книга по русскому языку. Первый год обучения. Воронеж, 1932. С. 20.

1212

Попова Н.С. и др. Математика в школе для первого года ФЗС. М.-Л., 1932. С. 48.

1213

Тиминский В., Меглинская Н. Юный колхозник. Рабочая книга по математике для второго года обучения в сельских школах Средневолжского края. М. – Самара, 1932. С. 71–72.

1214

Жуков А.Я. и другие. Обществоведение. Учебник для 6 года ФЗС и 2 года ШКМ. М.-Л., 1932. С. 65–75.

1215

Моносов С.М. Сборник по истории для 7 года ФЗС и 3 года ШКМ. Вып.1. М., 1932. С. 30.

1216

Как не нужно писать учебник по истории // За коммунистическое просвещение. 1932. № 292. С. 3.

1217

Андреев Н.П., Голубев В.З., Писаревская А.Н. Учебная книга по литературе для пятого гола ФЗС и первого года ШКМ. М.-Л., 1932. С. 27, 29, 42–43, 60–61.

1218

Кровлев В. Неудачная попытка дать новый учебник по географии // За коммунистическое просвещение. 1932. № 218. С. 3; см. также: Малаев М.К., Синицкий Л.Д., Тессман Н.Ф. География пятого года обучения ФЗС и первого года ШКМ. М.-Л., 1932. С. 48.

1219

Варжанский С.Л., Синицкий Л.Д. География капиталистических стран для седьмого и восьмого годов обучения ФЗС и третьего года обучения ШКМ. М., 1932. С. 13, 127.

1220

Всесвятский Б.В., Вучетич В.Н., Исаев С.И. и другие. Учебник по биологии. Ботаника для пятого года ФЗС. М., 1932. С. 21–23, 86, 165.

1221

Учебник биологии для седьмого года ФЗС / Под общей редакцией Н.Л. Гербильского и Б.Г. Поташниковой. М.-Л., 1932. С. 82, 223–224.

1222

Малахов Б.П., Травин А., Рабинович М. Учебная книга по химии для шестого года ФЗС. М.-Л., 1932. С. 14–15.

1223

Поль Н. Ленинградская школа за 15 лет на безбожном фронте // Антирелигиозник. 1932. № 19–20. С. 47.

1224

История советской школы и педагогики. М., 1954. С 16.

1225

ГАРФ. Ф. Р – 5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 111.

1226

См., например: Программы средней школы. Биология. Химия. М., 1937. 48 с.

1227

Ярославский Е.М. Широко развернем антирелигиозную пропаганду. М., 1937. С.14.

1228

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 184.

1229

История советской школа и педагогики. М., 1954. С. 7.